

Юрий Дойков

**Питирим Сорокин.
Человек вне сезона.**

Биография.

**Том 1.
(1889–1922)**

**Архангельск
2008**

Дойков, Юрий

**Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1.
(1889–1922). Архангельск, 2008. — 432 с. Рукопись.**

Фото на обложке: Питирим Сорокин. Депутат
Всероссийского Учредительного Собрания. 1917 г.

© Юрий Дойков, 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьба Питирима Сорокина фантастична. Вероятно, ни один из великих социологов не сидел шесть раз в тюрьме, не приговаривался к смертной казни, как он.

Карл Маркс (о теориях которого Сорокин был невысокого мнения) всего на всего за свою революционную деятельность был выслан из Парижа... в Брюссель. К несчастью для России и к счастью для США и другого некоммунистического мира, Сорокин был выслан большевиками из отечества... В свободном мире он стал гражданином США и величайшим мыслителем XX века.

Он умер в феврале 1968 г., а в августе советские танки вошли в Чехословакию...

Сорокин был предшественником А. Д. Сахарова и А. И. Солженицына в отрицании тоталитаризма. Знаменитые «Размышления...» Сахарова были опубликованы в «Нью-Йорк Таймс» в июле 1968 г. Их главная идея — конвергенция — берет начало в работах П. А. Сорокина.

В 1978 г. В Гарвардском университете, с которым имя Сорокина связано неразрывно Солженицын произнес свою знаменитую «Гарвардскую речь». Как отмечал один из учеников Сорокина: по накалу отрицания материализма, гедонизма и тоталитаризма эта речь Солженицына ярко напоминала тон и содержание речей Сорокина...*

В некрологе на смерть Сорокина, русский философ, такой же как и Сорокин, изгнанник, профессор В.Н. Ильин, живший в Париже, писал:

«Ученый и интеллектуальный мир понес тяжчайшую утрату. 12 февраля скончался на 79 году жизни в Винчестере знаменитый на весь мир профессор Гарвардского университета Питирим Александрович Сорокин, создатель гигантской антитезы марксизму, все более и более начинающему встречать решительное сопротивление не только людей мысли и науки, но и просто рядовых грамотных и порядочных людей. Этим последним покойный профессор П.А. Сорокин предоставляет настоящий арсенал мощного и великолепно сконструированного оружия против монс-

* Tiryakian, Edward. Sorokin Pitirim A. (1889–1968)//The Social Science. Encyclopedia. Edited by Adam Kuper and Jessica Kuper Routledge. London and New York. 1989. P. 813.

трусозной доктрины, разверзшейся как темный провал у ног новейшего человечества и его культуры»*.

Подобно Сахарову и Солженицыну Сорокин оказал влияние на многих: от членов антикоммунистической эмигрантской организации «Народно-трудовой Союз» (об этом прямо говорится в программном документе Союза** и об этом много раз писал лидер НТС В. Д. Поремский***) до лидеров польской «Солидарности», Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева**** и убитого в 1990 г. году под Москвой протоирея Александра Меня*****.

Известно, что «Система социологии» Сорокина была в библиотеке крупнейшей в послесталинский период подпольной антисоветской организации «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа»***** (раскрытой КГБ в Ленинграде в 1967 году). Студенты вузов ставили себе целью устранения советского тоталитаризма и, конечно, не могли пройти мимо работ знаменитого оппонента Ленина...

При Горбачеве имя Сорокина перестало быть «опасным». Вновь «открыли» и социологию. В 1989 г. в Московском и Ленинградском университетах по постановлению ЦК КПСС даже создали факультеты социологии... (Впрочем, после всех коррупционных скандалов, связанных с РФ и сам **«Гарвардский университет сейчас настолько левый, что напоминает «отдел» МГУ»*******).

Какого качества их «социология» — известно. Кто только с тех пор о Сорокине не высказывался: дипломат Андрей Громыко, шпион Александр Феклистов (Фомин), митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн (Сычев) масоновед О.А. Платонов, социолог Г.В. Осипов...

За рубежом о Сорокине писали эмигранты первой волны. Г. Гурвич, Вл. Ильин, П. Е. Ковалевский, М. Лазерсон, Н. Тимашев, А. И. Шпаковский, второй волны — украинец Алекс Симеенко, третий — Н.В. Новиков... В СССР в «самиздате». Рой Медведев проводил прямые аналогии взглядов Сорокина и

* Ильин Владимир. Кончина Профессора Питирима Сорокина//Возрождение. Париж. 1968 г. № 195.

** НТС. Мысль и дело. 1930. Москва «Посев», 2000. С. 7.

*** Поремский В. Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции. Избранные статьи. 1934–1997. М., Посев. 1998. С. 176, 231 и др.

**** См. Гаррисон, Эрик («Лос-Анжелес Таймс») Горбачев призывает к созданию «всемирного правительства»//Известия. 1992. 9 мая.

***** Мень, Александр. Протоирей. Культура и духовное возрождение. М., Искусство. 1992. С. 143, 365 и др.

***** Danlop John B. The New Russian Revolutionaries. Belmont, Massachusetts. 1976. P. 30.

***** Soviet Analyst (London) 2002 June. Vol. 28. N1.

Сахарова... * Солженицын в «Красном колесе» цитировал публицистику Сорокина 1917 года... В работе нескольких поколений западных историков: Р. Пайпса, Г. Каткова, М. Ферро, Орlando Фиггесса, Брайана Мойнхема и других мы видим ссылки на мемуарные свидетельства Сорокина «Leaves From a Russian Diary» (1924). «Дневник» Сорокина неоднократно переиздавался на английском языке, издан на других языках мира, но на русском до сих пор нет...

О начальном «классическом» (прерванном революцией 1917 г.) периоде развития русской социологии до сих пор остается лучшей работой книга американского социолога из русских немцев Юлиуса Геккера «The Russian Sociology» (первое издание — 1915 г.). Петербургский немец он еще до революции уехал в США. В 1921 г. вернулся уже в Советскую Россию. Работал внештатным сотрудником Института философии. Расстрелян за «шпионаж» в 1938-ом году. Его судьба отдельная тема. Вероятно Сорокин и Беккер были знакомы лично.

В 1992 году в Сыктывкаре прошла первая в России Международная научная конференция, посвященная Сорокину, в которой автор принимал участие**.

В 1999 году, в связи со 110-ой годовщиной со дня рождения Сорокина, в Москве и Петербурге прошли посвященные ему научные симпозиумы, на которых присутствовал приехавший из США сын П. А. Сорокина — С. П. Сорокин***.

За минувшие годы в Москве, Санкт-Петербурге и Сыктывкаре издано около десятка работ Сорокина российского и послероссийского периодов его жизни. Однако его полная научная биография так и не появилась. В зарубежной литературе существует огромное количество статей и несколько книг о Сорокине, но все они опираются в основном на мемуарную книгу самого Сорокина «A Long Journey», изданную в США в 1963 г. Написана она в модном жанре «романсированной» автобиографии.

Известно, что человеческая память несовершенна. Писать биографию любого человека, тем более с такой бурной жизнью,

* О Питириме Сорокине и некоторых его сочинениях. // Политический дневник 1964–1970. Амстердам. Фонд имени Герцена. 1973. С. 548–554.

** См. Социологические идеи П. А. Сорокина и современное общество. Международная научная конференция. 8–10 сентября. 1992 г. Тезисы докладов. Сыктывкар. 1992 г.

*** Питирим Сорокин. Социокультурные тенденции нашего времени. Материалы к международному научному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения Питирима Александровича Сорокина. М-СПб. 4–6 февраля. 1999 г. М-СПб. 1999 г. Возвращение Питирима Сорокина. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина. Москва-Санкт-Петербург-Сыктывкар. 4–9 февраля, 1999. М., 2000.

как у Сорокина, без архивных материалов, периодики — бессмысленно. Особенно это касается русского периода жизни ученого.

Автор «интеллектуальной биографии» Сорокина — американский социолог Барри Джонстон — уделил русскому периоду жизни ученого всего двадцать страниц, а его жизни в Праге — несколько строк...

Тем не менее, в том что касается описания жизни Сорокина в США книга Джонстона, значительный шаг вперед по сравнению с предыдущими исследователями. Джонстон впервые ввел в научный оборот целый ряд материалов, документально уточнил некоторые важные моменты жизни и деятельности Сорокина. Вместе с тем, к сожалению за скрупулезным перечислением «откликов» на публикации Сорокина и кафедральных интриг в Гарварде в книге Джонстона как-то теряется облик великого мыслителя, который, словно комета, ворвался в круг американских социологов и страстно отдавался всему, что делал и говорил, и о котором сам Джонстон написал:

«Никто из его учеников, даже отдаленно, не напоминал его. Для тех, кто знал Сорокина, невозможность этого очевидна»*.

Конечно, Сорокин, не был обычным «профессором социологии», и масштабы его личности далеко выходят за рамки этой академической профессии.

Один из его американских учеников писал об «уроках» Сорокина:

«Из того, что он предлагал нам и что символизировал, мы выучили слишком мало»**.

Неудивительно, что в американском научном сообществе Сорокин остался «одиноким волком».

Образ и стиль поведения Сорокина символизировали собой в первую очередь — independence (независимость), святое для американцев качество, но и для них в русском ученом «независимости» было чересчур...

* Johnston, Barry V. Pitirim Sorokin. An Intellectual Biography. University Press of Kansas 1995. P. 275.

** Davis, Arthur K. Lessons From Sorokin/Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change. Essays In Honor Of Pitirim A. Sorokin. Edited By Edward A. Tiryakian. The Free Press Of Glencoe. Collier-Macmillan Ltd., London. 1963. P. 6.

После разгрома нацистской Германии американского профессора Сорокина, приглашали в эту страну для оказания помощи в деле ее духовного возрождения.

Патриарх германской социологии Леопольд Фон Визе относительно монументальной работы Сорокина «Социальная и культурная динамика» (ее последний, четвертый том вышел в 1941 г.) заметил, что по сравнению с «великой работой» Сорокина работы Конта, Спенсера, Парето и Шпенглера кажутся любительскими...

...В Гарварде (1930–1959 гг.) Сорокин учил несколько поколений американской элиты (дети Ф. Рузвельта, будущий президент США Джон Кеннеди). В университете Миннесоты его учеником был местный уроженец Гаррисон Солсбери, будущий знаменитый журналист и эксперт по СССР, опубликовавший 22 июля 1968 г. в «Нью-Йорк Таймс» «Размышления» Андрея Сахарова...

Еще предстоит изучить то значительное влияние, которое оказал Сорокин на американскую политику в отношении СССР. В книге Джонстона этот момент совершенно отсутствует. Необходимо раскрыть также влияние личности, идей и деятельности Сорокина на интеллектуальную, моральную и политическую ситуацию в Европе, Азии, Латинской Америке...

Сорокин был гигантом мировой сцене XX столетия, и сводить его деятельность к социологии, игнорируя его вмешательство в политику и общественную жизнь, значит обеднять Сорокина, мир и нас, в нем живущих.

Кроме того, Сорокин, что очень существенно, был одним из представителей небольшой группы ученых русского происхождения в области общественных наук, достигших высоких результатов в США.

Нобелевский лауреат, экономист Василий Леонтьев, лингвист, и литературовед Роман Якобсон, коллеги Сорокина по Гарварду относятся к этому небольшому списку ученых.

В связи с этим автор ставил также себе задачу раскрыть и описать факты и материалы, имеющие важность для понимания Питирима Сорокина, как активиста культурно-политической деятельности русской эмиграции в Европе и в США. Хотя в письме к автору книги сын Питирима Сорокина, Сергей Питиримович Сорокин отметил, что:

«после того как мои родители поселились в Соединенных Штатах, русские составляли только небольшую часть их друзей и знакомых»*,

— для биографа Сорокина из России будет естественно уделить большее внимание при написании его биографии именно русским корням и связям ученого. Это важно еще и потому, что, как писал американский историк Гарри Уолш:

«Неопровержим факт, что П. Сорокин существует лично и профессионально в различных отделах нашего интеллектуального сознания. Невольно мы воспринимаем рукописи П. Сорокина в американский период как что-то изолированное от опытов и традиций, которые помогли оформить его перспективы позднее»**.

Поэтому существенно важным является синтез вариаций жизни и деятельности П. Сорокина: его происхождение и детские годы, педагогические влияния, сформировавшие его интеллектуальные способности, а также проявление его раннего политического активизма и эволюция убеждений в пражском изгнании и, наконец, в многолетней деятельности в США, где различные ипостаси Сорокина слились воедино...

Отметим, что в российском научном сознании существует та же проблема: «русский» и «американский» Сорокин находятся в разных отделах сознания. Причем, в период после 1989 года о Сорокине пишут в основном как о русском социологе, хотя сам Сорокин после изгнания из России предпочитал смотреть вперед, а не назад и не предаваться ненужным lamentациям по поводу прошлого. В 1930 году он стал гражданином США и, хотя редко выезжал из страны, по сути был «гражданином мира». Отсюда его теория конвергенции, а о создании всемирного правительства «русский американец» (как называли Сорокина друзья) писал еще в России в 1917 году...

Чем лучше мы знаем подлинную жизнь человека, а не только, что он сам сказал или написал о себе, тем лучше мы поймем его творчество.

Работа как всегда построена на архивных материалах.

* Письмо С. П. Сорокина — Юрию Дойкову от 9 мая 1995 г.

** Письмо Гарри Уолша — Юрию Дойкову от 1 августа 1995 г.

Биография ученого и политического деятеля, а Сорокин, по словам его американского коллеги Джозефа Форда, был **«ученым среди политиков и политиком среди ученых»***, тем более должна быть хорошо документирована. В случае с Сорокиным трудно сказать, что более привлекательно: его идеи или личность? Для автора этой книги — личность. Идеи, как и вера, без человека и его дел мертвы...

В некрологе на смерть Сорокина другой его коллега У. Мур написал о нем: **«Был страстен в своих верованиях и поисках правды»****.

Это типично русская черта — правдоискательство, как видим, сохранилась у Сорокина (в стране, где на первом месте поклонение успеху) до смерти. Сохранилась у Сорокина и исчезла в самой России.

В книге прослеживается также эволюция Сорокина от стойкого антикоммуниста к проповеди сотрудничества между США и СССР. Несмотря на это, русская политическая эмиграция никогда не ставила под сомнение личную честность ученого. Как объяснить такую эволюцию? Сподвижник Сорокина по партии социалистов-революционеров, Учредительному Собранию, антибольшевистской борьбе в России Марк Вишняк, который в 1950-х консультировал «Тайм» по русским делам, писал в своих мемуарах:

«...что сказать о русских антибольшевиках, в той или иной форме политически капитулировавших перед большевиками? И не только тридцать лет тому назад, а и в сравнительно недавнем прошлом? Перелеты таких лиц, как Ключников и Путилов, Алексей Толстой и Святополк-Мирский, Слащев и Сухомлин, можно объяснить их личными свойствами. Но как объяснить перемену позиций или временные срывы таких людей, как Кускова, Пешехонов, Милюков, Маклаков, Бердяев, Питирим Сорокин — называю только известные и лично безупречные имена —

* См. Sorokin and Civilization. Edited by: Joseph B. Ford, Michel P. Richard and Palmer C. Tallbutt. New Brunswick, NJ.: Transaction Books. 1996.

** Moore, Wilbert. In Memoriam Pitirim A. Sorokin//American Sociologist. 1968. №2. May.

нашедших, каждый на свой лад, основания к отказу от былой непримиримости к большевизму?»*

В другой, более поздней книге, Вишняк писал:

«В опубликованном им «Дневнике» Сорокин вытравил многие следы своей прошлой политической деятельности, как члена партии социалистов-революционеров и своего сотрудничества с нею. По данным биографических справочников «Кто есть кто в Америке» («Who is Who in America») на протяжении разных лет можно легко проследить, как менялось отношение Сорокина к своему политическому прошлому**.

Мое первое знакомство с «Дневником» (Leaves from a Russian Diary. N. Y. E. P. Dutton and Co. 1924) Сорокина и его воспоминаниями (A Long Journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin. New Haven, Connecticut: College and University Press, 1963) относится к январю-февралю 1988 года, когда в маленькой комнате № 84 спецхрана Ленинградской Публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки) я прочитал эти, а летом 1991 года все другие имеющиеся там работы Сорокина, как на русском, так и английском языках.

К осени 1991 года в российских архивах Москвы, Петербурга, Архангельска, Вологды, Сыктывкара, Иваново, Великого Устюга и других городов мне удалось отыскать многочисленные материалы, характеризующие различные аспекты личности Сорокина, его роль в общественной, политической, научной и культурной жизни дореволюционной и революционной России.

Были найдены никогда не публиковавшиеся рукописи Сорокина, его переписка со многими известными деятелями политики, культуры и науки. Был идентифицирован ряд политико-литературных псевдонимов Сорокина (Александров, Баратынский, В. В., Вадим Вьюгов, Н. Д. К., М. Радлов, Римус, Н. Чаадаев и т. д.), под которыми он выступал в печати. Составлены и опубликованы в 1992 г. на русском, в 1995 г. на английском полная библиография его статей, опубликованных в 1917 г. в

* Вишняк, Марк. День прошлому. Нью-Йорк. Издательство имени Чехова. 1954. С. 406. В наши дни Солженицын или такой «критик тоталитарной системы» как покойный А.А. Зиновьев (1922-2006).

** Вишняк Марк. Годы эмиграции. 1919—1969. Париж—Нью-Йорк. Воспоминания. Stanford. Hoover Institution Press. 1970. С. 151.

газете правых эсеров «Воля народа», которую редактировал сам Сорокин.*

Удалось установить, что авторство романа «Предтеча», напечатанного в 1917 году в Петрограде в народническом «Ежемесячном журнале» за подписью «Н. Чаадаев», принадлежит Сорокину, найти несколько десятков опубликованных в дореволюционной провинциальной печати (и неопубликованных в архивах) стихотворений Сорокина...

В архивах автор изучил фонды партии социалистов-революционеров, Временного правительства, многочисленных организаций, в которых Сорокин принимал участие и редакций газет и журналов, где он печатался. Были изучены многочисленные личные фонды людей с которыми Сорокин имел контакты по различным направлениям своей многогранной деятельности...

Изучена основная периодика: от архангельского «Северного утра» и «Вологодского листка» до суворинских «Биржевых новостей» и кадетской «Речи», а также научные журналы до момента высылки Сорокина из Советской России.

Летом 1993, 1995 годов я изучал архивы университета штата Иллинойс в Урбана-Шампейн (где Сорокин по приглашению профессора социологии этого университета Эдварда Хайеса прочитал свои первые лекции в Америке в 1924 году), а зиму 1994–95 годов провел в университете Миннесоты, главу о пребывании в котором Сорокин в своих воспоминаниях озаглавил «Шесть продуктивных лет в университете штата Миннесоты». Для меня это тоже было продуктивное время. В университетском архиве была найдена обширная переписка Сорокина с профессором Доном Мартиндейлом**, а профессор русского языка и литературы в отставке Василий Иванович Алексеев*** (эмигрант «второй волны» из России) много рассказывал о личных встречах с Сорокиным, Керенским, Мельгуновым, Шаховской, Николаевским и многими другими деятелями русской эмиграции, в том числе и о друге Сорокина профессоре

* Единственный в мире полный комплект этой газеты сохранился в газетном зале «Публички» на Фонтанке. Еще немного и он превратится в полную тухлю. В 1996 г. я указал на это обстоятельство тогдашнему декану социологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета А. О. Боронову. В 2000 году 121 статья из 131, опубликованных Сорокиным в «Воле народа» была издана (см. П. А. Сорокин. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб «Алетейя». 2000). В истории российской журналистики и общественной мысли эти статьи Сорокина стоят рядом с «Несвоевременными мыслями» М. Горького из «Новой жизни» в 1917–1918 гг. Тексты Сорокина спасены, а десять неопубликованных, наиболее антибольшевистских статей ждут своего публикатора...

** См. его работы: Don Martindale. The Romance of A Profession. A Case History in the Sociology of Sociology. St. Paul, MN. 1976 и посвященную Сорокину статью «Pitirim A. Sorokin: Soldier Of Fortune» в «Sorokin And Sociology». Ed. C. C. Hallen And Rajeatottar Prasad. Agra. India. 1972.

*** В.И. Алексеев умер 8 октября 2002 г.

истории Университете Миннесоты Джордже Андерсоне (Юрии Владимировиче Строганове).

Профессор Феофан Ставру, сменивший Андерсона в 1963 г. на посту преподавателя русской истории, гостеприимно принимал меня в своем доме, в том числе и на Рождество 1995 года...

...В темном и холодном Киеве поздней осени 97-го двери и сердца людей открывало мне имя Надежды Суровцовой, о которой А. И. Солженицын сказал в «Архипелаге ГУЛАГ»: «... **была схвачена в ГПУ и только через четверть столетия еле живая выкарабкалась на Колыме**». Солженицын ошибся. Между харьковскими, московскими, ярославскими тюрьмами и Колымой Н. В. Суровцова (1896–1985), первая украинка доктор философии (от Венского университета) была в Архангельской ссылке, работала научным сотрудником в местном краеведческом музее. В 1935-ом арестовали. Пройдя через колымские лагеря, вернулась на Украину. В 1960–70-х годах занималась правозащитной деятельностью. Стала живой легендой... Леся Падун-Лукьянова* подготовила к публикации воспоминания и письма Н. В. Суровцовой...** Всё взаимосвязано... Архангельск, Киев, Колыма, Сорокин, Суровцова, Миннесота...

В 1999–2003 годах я работал в архивах и библиотеках Вашингтона, Амстердама, Праги, Киева, Мюнхена, Франкфурта на Майне (продолжались поиски и в российских архивах), где также собрал значительный материал к биографии Сорокина.

Темы жизни и деятельности Сорокина постепенно расширялись. Был собран большой материал о кратком, но интенсивном и активном развитии русской социологии в начале XX века, пока большевистская революция с ним не покончила... В ведущих российских социологических журналах автор опубликовал первые после начала политики «гласности» М. С. Горбачева статьи о социологах-эмигрантах, друзьях Сорокина — Н. С. Тимашеве, Георгии Гурвиче (которого называют французским «Сорокиным»), М. Я. Лазерсоне, Н. Е. Шаповале «украинском» Сорокине... Составлен словник российских социологов-эмигрантов и оставшихся в России (судьбы большей части оставшихся были трагичны: расстрел, лагерь, ссылка, самоубийство...)

* Умерла 18 августа 2002 г. Она одна из немногих, кто ждал этой книги о Сорокине.
** Суровцова Надя. Спогади. Київ 1996 г.; Суровцова Надя. Листи. Київ. 2001.

Осенью 1997 г. в Киеве я нашел и идентифицировал русскоязычную рукопись Сорокина «Социологии революции», которая в архивном фонде Н. Е. Шаповала (рассекречен в 1990 г.) значилась как «рукопись неизвестного автора». Заключительную главу «Социологии революции» на русском опубликовал в Петербургском журнале «Звезда» 1998 г. № 11...*

Ныне покойный киевский академик Лукинов И. И., узнав о находке, оперативно издал выдержки из «Социологии революции» на украинском языке... (см. П. О. Сорокин. Соціологія революції зміна людської поведінки у революційні епохи. Опис перший. Київ — 1999).

В декабре 1997 года неожиданно получил крышу над головой в доме Владимира Тольца, я работал в Пражских архивах. Тольц ведущий радиопередач радио «Свобода», был упомянут Еленой Боннэр в «Постскриптуме» к «Воспоминаниям» Андрея Сахарова:

«Осень 1982 года. Уже отстучали колеса моих более чем ста поездов Горький-Москва, Москва-Горький, уже уехал Тольц, прошел обыск у Шихановича, арестован Алеша Смирнов, а еще раньше Ваня Ковалев...»**.

Тольц рассказывал, как его допрашивали в КГБ в Москве, и все это живо напоминало ситуацию Сорокина в Ленинской России. Мои же бесконечные рассуждения о Сорокине Владимир Соломонович воспринимал с трудом, и однажды, когда был особенно «допечен», пообещал запретить произносить на «Либерти» имя «даже прозаика Владимира Сорокина»...

Чуть позднее удалось узнать, что в 1956 году Сорокин был среди более чем сорока выдающихся американцев, западноевропейцев и русских эмигрантов, откликнувшихся на приглашение «Радио Свободы» выступить перед советской радиодиторией в связи с 75-ой годовщиной смерти Достоевского.

Среди откликнувшихся: А. Камю, Ж. Маритэн, Н. О. Лосский, Борис Зайцев, Игорь Гузенко, Федор Степун, близкий друг Сорокина — всемирно известный виолончелист Григорий Пятигорский, Михаил Карпович... Что самое удивительное — кассеты

* В 2005 году эта рукопись «Социологии революции» была издана в Москве с предисловиями «плеяды» академиков: Яковец, Курос, Лукинов...

** Андрей Сахаров. Воспоминания. В двух томах. Том второй. Издательство «Права человека». М., 1996. С. 25.

с записями программ сохранились и находятся в Праге*... Но... надвигалось Рождество уже 1998 года, надо было уезжать...

...1998-й первая половина 1999 года ушли на сбор материалов и подготовку книги об А. А. Евдокимове (1872–1941), видном деятеле рабочего движения ультра-«экономистского» толка, талантливом экономисте, философе, теоретике кооперации, погибшем в красноярской ссылке в годы сталинского террора**. Надо было вернуть это имя из небытия.

Ряд работ Евдокимова напрямую связан с социологией. А после гражданской войны он оказался в Архангельске, где возглавил краеведческое движение***.

Пути Сорокина и Евдокимова пересекались в дореволюционной России в «Ежемесячном журнале» В. Миролубова... В 1938 году Евдокимов был арестован в Архангельске, как руководитель архангельского филиала «Трудовой крестьянской партии». Во главе ТКП стояли Н. Кондратьев и А. Чаянов... Сорокин тоже был ее членом. Кондратьев лучший ученик Сорокина, а Чаянов считал Евдокимова своим учителем...

Осень 1999 г. я провел в Вашингтоне, собирая материалы в архивах американской столицы, а весны 2000, 2003 и 2005 годов в мюнхенских библиотеках и архивах.

...В 2004 г. в Москве вышла моя книга «Самые знаменитые историки России»... Максим Ковалевский, Кареев, Павел Виноградов, Иван Гревс, Сергей Федорович Платонов, Александр Лаппо-Данилевский, Ростовцев, Пушкарев, Михаил Михайлович Карпович — все они, так или иначе были связаны с Сорокиным...

Тот год завершился «Помаранчевой революцией» в Киеве. Закономерный итог дегенерации власти...

Вдогонку «году Майдана» в 2005 году в Архангельске вышли: «Надія Суровцова. На засланні в Архангельську. 1933–1937» и «Павел Платонович Чубинский. Библиографический указатель. 1861–1878».

Харизматический украинский лидер Чубинский отбывал в Архангельске царскую ссылку «за малороссийскую пропаганду». Написал «Ще не вмерла України і слава і воля» — главную

* Sosin, Gene. Sparks Of Liberty. An Insider's Memoir Of Radio Liberty. Penn State University Press. 1999. P. 265.

** См. Дойков, Юрий. А. А. Евдокимов. Судьба пророка в России. Спб., «Акрополь», 1999.

*** Дойков Юрий. А. А. Евдокимов. Судьба пророка... Глава. «Архангельск». Евдокимов закончил тем, чем начал Сорокин — изучением Севера.

песню Украинской борьбы за независимость... России бы такой Гимн...

2006-й год — это год Германа Ахминова. Ребенком он дал себе ученическое слово:

«Умереть не невинной сталинской жертвой, а в борьбе с его диктатурой».

Отца Германа расстреляли в Магадане. Герман выжил. О нем моя книга: «Немецкий социолог — Герман Ахминов» (Архангельск, 2006). Как и Питирим Сорокин Герман Ахминов много писал о большевистской революции и советской системе. Родился в Архангельске. Умер в Бонне.

2007 — это «Заветный Постников», «Колымские силуэты» Надии Суровцовой-Олицкой, «П.П. Чубинский. Предтеча украинской свободы. (1839–1884)»...

Май 2007-го – поездка в «Эстонский Гарвард» - Тарту. Здесь учитель Сорокина «Зырянский Фауст» К.Ф. Жаков писал статьи, проклинаящие Ленина и большевиков за уничтожение России...

Зима 2007–2008 годов работа над «Красным террором».

В феврале минуло 30 лет со дня смерти П.А. Сорокина.

Благодарю за поддержку в работе:

**Kennan Institute for Advanced Russian Studies.
Woodrow Wilson International Center for Scholars
Washington, D.C. (1999).**

**International Research and Exchanges Board (IREX)
Washington, D.C. (1994).**

Тем, кто мешал - тоже спасибо.

*Юрий Дойков
25 апреля 2008 г.
Архангельск.*

ГЛАВА 1. «ЕСЛИ НАЙДЕТСЯ ЖИВ ЧЕЛОВЕК»

Написанные и опубликованные в США на склоне лет романтизированные воспоминания «Дальняя дорога» (1963) Сорокин, как и Борис Пастернак свою духовную автобиографию «Доктор Живаго», начал с похорон матери...

Между тем, за 45 лет до публикации в США мемуаров Сорокина, в петроградском «Ежемесячном журнале» в 1917 году был опубликован роман Н. Чаадаева «Предтеча».

«Чаадаев» — один из многочисленных литературных псевдонимов Сорокина. В главном герое «Предтечи» масса биографических черт автора. Рукопись романа ныне хранится в Пушкинском доме в Петербурге, куда она вместе с другими материалами Сорокина попала после его высылки из России в 1922 году...

Питирим Александрович Сорокин родился 23 января 1889 года в селе Турья (ныне Княжпогостский район, республики Коми) на реке Вымь, недалеко от древнего русского города Яренска, (ныне административного центра Ленского района Архангельской области).

До наших дней в Турье полусохранилась церковь Михаила Архангела, в которой крестили Сорокина, сохранилась и метрическая книга Турьинской церкви за 1889 год. Крещен Сорокин был на следующий день после рождения — 24 января.

Восприемником был учитель Турьинского земского училища Иван Харьюзов. Фигурирует в метрической книге и псаломщик — Семен Попов. Мать Сорокина — крестьянка Пелагея Васильевна Минина (по другим данным Агафонова, Ячменева), родилась и жила до замужества в 1883 году с отцом Сорокина — Александром Прокопьевичем Сорокиным, уроженцем и мещанином Великого Устюга, в селе Жешарт.

В 1885 году в селе Гам у них родился первенец — Василий (расстрелян ЧК в годы гражданской войны), а в 1892 году в селе Коквицы — третий сын — Прокопий (погиб в 1920-е годы в советской тюрьме)*. Пелагея Васильевна умерла в возрасте 34 лет от рака в селе Коквицы.

* В ленинско-сталинские времена весь СССР был превращен в огромный концлагерь. Первый советский Дахау - Холмогорский концлагерь создан в 1920 году.

До 15 лет жизнь Сорокина была связана с европейским Севером России. Впоследствии он часто вспоминал свою работу по реставрации церковных куполов в далекой России.

Что же представлял собой этот край, в котором прошли первые годы жизни Сорокина? Какие «решающие борозды» могла провести в его сознании окружающая среда?

Вот что писал известный исследователь Севера И. А. Шергин:

«Въезжая в Зырянский край из глубины темной, невежественной России, каждый невольно испытывает то благоприятное впечатление, будто попали не в зырянскую глушь, а счастливую страну, пресыщенную благами культуры, где образование, источник знания, доступен каждому, примерно, как воздух»¹.

В одной из первых научных работ самого Питирима Сорокина читаем:

«Зыряне — народ даровитый, легко обучающийся грамоте, легко перенимающий то, что ему понравится, и с особой склонностью к практике, за что их прозвали «северными американцами»².

Оттуда же узнаем, что по грамотности зыряне среди многочисленных народов России стояли на третьем месте (после евреев и русских немцев), жилища их по удобству и чистоте не уступали русским поселениям, а по изяществу одежды и украшений они опережали русское крестьянство. В Яренском уезде в каждом крупном селе были бесплатные земские библиотеки-читальни с богатым выбором книг по русской классике, естествознанию и сельскому хозяйству. О нравственном здоровье народа говорит и тот факт, что замки у зырян почти не употреблялись. Такова была среда, в которой складывались ум, воля, нравственные принципы молодого Сорокина.

О своем детстве П. А. Сорокин писал в «Предтече»:

«Ясно помню пережитую картину. В избе уже два дня не топлено. Есть нечего. Вчера нашли завалившийся кусок хлеба и разделили его с братом. Сегодня и того

нет. Сидим с ним на печке, жмемся друг к другу, дуем на замерзшие пальцы. Стараемся согреться. <> Когда подросли — голод уже не так мучил нас. Если не было своей работы — нанимались к мужикам: молотили и боронили, косили, ездили за сеном, за дровами, пасли по ночам лошадей. Мне казалось тогда, что у меня два отца: один добрый и ласковый, другой — злой и пьяный. Когда один трезвый уходил, приходил другой на его место. И так чередовались они один за другим. Трезвого я любил, а пьяного боялся. От неудач он запивался и часто бил нас. (Однажды отец бросился на детей с молотком. — Ю. Д.). Эта сцена была последняя. Наше терпение иссякло, и мы с братом решили зажечь самостоятельно. Накупили жести, красок, забрали инструменты и пошли в люди по деревням и селам. Чеканили ризы, золотили, серебрили, малярили и были сыты»³.

От отца братья Питирим и Василий ушли в 1899 году. Известно, что в 1900 г. они получили подряд на реставрацию яренского Спасского собора. В один из дней разразившаяся буря чуть не сорвала Питирима с крыши. Сорокин зацепился руками за веревку и держался до тех пор, пока буря не кончилась. Второй раз он чуть не погиб, когда едва не скатился с церковной крыши в Покшеньге. Весной 1901 г. в селе Палевицы Сорокин окончил одногодичную церковно-приходскую школу.

16 лет спустя в «Предтече» он писал:

«Когда и где выучился читать, не помню... <> В свободные вечера в незанятую минуту вижу себя жадно читающим все, что попадет под руку и что удавалось достать в заброшенных селах и деревнях... Приехав на новое место, первым делом я старался найти новую книгу... <> Во время «самостоятельной жизни» пришли мы однажды в село Г. По его середине бросилось в глаза большое новое здание. Это новая второклассная школа и на днях будут приемные экзамены»⁴.

Село Г. — это Гам, находившееся в 10 верстах от Жешарта. Здание второклассной, созданной для подготовки учителей школы сохранилось и доныне. П. А. Сорокин окончил школу

в 1904 году и осенью того же года поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии. Это географически приблизило его к культурно-научным центрам Российской империи — Москве и Санкт-Петербургу. Окончание Хреновской школы впоследствии могло дать возможность поступить в гимназию и университет. «Русский американец» П. А. Сорокин знал, чего хотел, и держал свою судьбу в собственных руках с самого начала.

Рекомендацию для поступления в Хреновскую школу дал старший преподаватель Гамской школы — Александр Николаевич Образцов. Передовой человек своего времени он считал Сорокина одним из лучших своих учеников. В последующие годы Гамскую школу закончат персонажи этой книги Д. А. Батиев, Г. А. Старцев... (По некоторым данным Сорокин даже из эмиграции поддерживал переписку с А. Н. Образцовым и его женой — Елизаветой Николаевной Образцовой. После их смерти письма Сорокина были уничтожены).

Школа в селе Гам открылась 28 октября 1901 г. Ее заведующим был священник Иван Степанович Покровский, дальний родственник отца Питирима Сорокина. Дочь священника — Катя (первая любовь молодого Сорокина), будущая жена большевика И. М. Шумилова, сыгравшего не последнюю роль в спасении Сорокина от расстрела в Великом Устюге осенью 1918-го). Сыновья Павел и Степан, будущие видные большевики в Яренске, друзья детства Питирима Сорокина...

Годы полуголодной жизни и учебы в Гаме П. А. Сорокин выдержал при поддержке, родной сестры матери — Анисьи Римских и ее мужа Василия Ивановича Римских, живших в Римье и снабжавшей Сорокина сухарями. Они же взяла на воспитание его младшего брата Прокопия (А. П. Сорокин погиб через два года после ухода от него старших сыновей). Старший брат Василий после поступления П. А. Сорокина в Гамскую школу еще некоторое время занимался реставрацией церкви, а затем уехал в Петербург.

Архангелогородка З. С. Момотова вспоминала:

«Я родилась в деревне Межог в Коми 1919 г. В пяти километрах от нашей деревни С есть поселок Римья — там проживала бабушка Анисья. Своей семьи у нее не было. По словам ее и близких, она взяла на воспитание Питирима

Сорокина после смерти его матери. А мать его являлась родной сестрой Анисьи. Их было несколько сестер, а одна из них — была матерью моей мамы (Агниты). Бабушка Анисья часто приезжала к нам, особенно в зимнее время, так как она проживала, в ветхой избушке под вид баньки. Было в ней холодно. Часто вспоминала о Питириме Сорокине. Говорила, что он живет где-то в большом городе, посылает деньги в магазин, который находится в городе Яренске. Запомнился случай: зимой возчик остановился у нас, (проезжая мимо нашей деревни) покормить лошадь. Я видела полные розвальни (сани) — мешки с мукой и другими продуктами, что особенно запомнилось, был и ситец, из которого она потом сшила себе сарафан и подарила лоскут мне на платье — это было первое платье у меня. Ведь в то время мы носили только вещи из хлопка. Когда нас раскулачили, моего отца сослали на Север. Вскоре он умер. Маму тоже сослали, и мы остались с сестрой. Нам было по 8–12 лет. Затем и нас выслали их дома и пришлось нам скитаться. Бабушке уже было некуда идти. Ее взяла к себе Лена (фамилии я ее не помню) из деревни Жешарт.

Вскоре бабушка умерла [...]. В дальнейшем о Питириме я ни от кого ничего не слышала»⁵

Бывший эсер, уроженец Яренского уезда, окончивший в 1918 году Гамскую школу Георгий Старцев уже при Советской власти писал:

«В 1900-х годах в с. Гам была открыта второклассная церковно-приходская школа, где «пекли» псаломщиков и учителей школ грамоты и зырян. Однако, из окончивших немногие избирали себе место по заветам школы. Некоторые шли учиться дальше. Без гроша денег, оборванные, они попадали в далекое Хреново (Костромской губ.) в церковно-учительскую семинарию. (В гимназии окончивших церковно-приходскую школу не принимали). Из среды «второклассников» вышли профессор Сорокин, педагог Коновалов, музыкант Лапин. Многие из второклассников впоследствии служили в Яренске на разных должностях. Во время Октябрьской революции многие

из них стали передовыми борцами за Советскую власть, первыми большевиками-коммунистами».⁶

Что представляли собой церковные школы в царской России — известно. Детище обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева они впервые были введены в 1884 году. Их главный педагогический принцип: «делай, что велят». Как и многие гимназии они были синонимом гнета и неудивительно, что выпускники уходили «в революцию»... Бурса, гимназии описаны Помяловским, Чеховым...

Осенью 1904 г. Россия находилась накануне революции. В 1905 г. П. А. Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров.

История партии до сих пор не написана. Поскольку П. А. Сорокин был ее видным членом и в 1917 г. по ее спискам избирался во Всероссийское Учредительное собрание, — то кратко сообщим о ПСР следующее:

Создана на Учредительном съезде в 1905–1906 годах (ИМАТРА. Финляндия). Задача — защита интересов всех трудящихся (рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции). До 1917 г. трудно учесть положение партии в цифрах. Почти все время она находилась в подполье. Единственный раз ПСР смогла принять участие в выборах в Думу в 1906 г. и получила тогда около 40 мест. Партия внесла основной аграрный законопроект, требующий передачи всей земли крестьянам. Под законопроектом собрано 106 депутатских подписей. В дальнейшем партия считала нецелесообразным участвовать в выборах и сосредоточилась на непосредственной борьбе с самодержавием и работе в профсоюзах и кооперативах. При выборах в Учредительное собрание в 1917 г. из 703 мест получила 416. Из 36 миллионов избирателей в 59 избирательных округах 20 миллионов (57 %) голосовало за ПСР.

На выборах в городские думы и земства партия тоже имела большинство. Во всех крупных городах России в 1917 г. городскими головами были члены ПСР. Партия имела 1 миллион зарегистрированных членов, 60 ежедневных печатных органов. Особенно сильны позиции ПСР были в сельскохозяйственных кооперативах. К 1923 г. весь состав ЦК ПСР, избранный в 1917 г. и дополненный в 1919 г., сидел в большевистских тюрьмах в качестве заложников. Несколько составов Центрального Бюро

тоже сидело в тюрьме. Последний Всероссийский съезд партии состоялся в 1921 году. После него было несколько областных съездов: среднерусский, сибирский и т.д. Во главе работы ПСР стояло Центральное Бюро, при аресте пополняемое представителями от местных организаций.

В этот период кроме чисто политической работы, партия деятельно защищала кооперацию от советской власти и вела культурно-просветительную работу в ряде губерний. К 1923 г., когда П. А. Сорокин уже вышел из ПСР и был членом Трудовой крестьянской партии, партия эсеров была представлена за границей особой организацией, избранной и утвержденной центральными партийными учреждениями России. Ее состав: В. М. Чернов, Г. И. Шрейдер, Н. С. Русанов, С. П. Постников (Берлин), В. В. Сухомлин, М. Л. Слоним (Чехия), Е. А. Сталинский (Франция).

2

В годы первой русской революции крестьяне Костромской губернии, как и везде, громили усадьбы, захватывали у помещиков скот, муку. Самовольно производили порубку леса, отказывались платить деньги помещикам за аренду земли, захватывали помещичьи земли... От костромского периода сохранился дневник Сорокина. Начала нет. Многие листы вырваны. Все же можно установить, что дневник относится к 1905–1906 годам, когда Питирим Сорокин учился в Хреновской церковно-учительской школе. Первая сохранившаяся запись датирована 5 февраля, последняя — 23 августа. В своих опубликованных в США воспоминаниях П. А. Сорокин писал:

«Я был вполне счастлив в течение двух лет занятий в церковно-учительской школе. Мои отношения с учащимися и с преподавателями складывались отлично...».⁷

Однако уже на первой странице дневника мы наталкиваемся на фразу:

«Меня считают здесь за грубого циничного человека».
А в июне 1906 года он записал:

«...после долгого перерыва возобновляю свои впечатления. Много пережито, много перечувствовано. Весь период был очень длинным периодом борьбы за существование, борьбы за человеческую личность».⁸

Питирим Сорокин аккуратно записывал в дневник названия прочитанных им книг и авторов: 4 тома А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского — «Преступление и наказание», «Дневник писателя», «Бедные люди» и другие. Огромное впечатление произвел на него «Идиот». Дальше идут книги А.М. Горького, И. А. Гончарова, Г. Сенкевича, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, У. Шекспира, П. В. Засодимского. В.Гюго, А.М. Скабичевского, Г. И. Успенского, А. И. Писарева, выписки из древнегреческих философов: Демокрита, Гераклита, Пифагора, Анаксагора, Протагора, Сократа. Среди прочитанных книг — работы В.С. Соловьева, Гегеля, В.Чернова («Монистическая точка зрения в истории и психологии», «К вопросу о капитализме и крестьянстве»), М. И. Туган-Барановского («Теоретические основы марксизма»), В. И. Ленина («Проект аграрной программы» и др.) а также книги В. И. Засулич и «Прошлое Шлиссельбургской крепости» В. Панкратова, «Популярные очерки политической экономии» П. Кропоткина...

Из дневника видно, что в училище Питирим Сорокин достаточно глубоко познакомился с различными революционными теориями того времени и, в частности, анархистскими, к главным представителям которых в его записях отнесены: У. Годвин, П. Прудон, М. Штирнер, М. Бакунин, П. Кропоткин. И именно «костромской» период жизни П. А. Сорокина является периодом его политического и интеллектуального созревания.

В декабре 1906 г. 17-летний Сорокин был арестован в первый раз. Сохранилось постановление Кинешемского уездного исправника, датированное 5 января 1907 года:

Кинешемский уездный исправник, рассмотрев настоящее дело, нашел, что ученики Хреновской уездной церковно-учительской школы Питирим Александров Сорокин и Иван Сергеев Куликов неоднократно посещали крестьян деревни Быстри и Марфино и, как путем чтения запрещенных книг, так и словесно, возмущали население против правительства и предлагали избирать во вторую Государс-

твенную думу из партии социалистов-революционеров, так как только они могут добиться того, чтобы борцам за свободу была объявлена амнистия, а вместо думы было учредительное собрание, причем Сорокин с целью распространения среди населения имел при себе 14 нелегальных брошюр, а для сбора денег на революционные надобности — чековую книжку. Участие Куликова в этом деле также несомненно, так как они всегда были вместе, он сам этого не отвергает и имел при себе программу партии социал-революционеров. Это преступное деяние предусмотрено Зп. 129 ст. Угол. Улож. По изложенным основаниям уездный исправник постановил производство дознания по сему делу считать законченным и вместе с вещественными доказательствами отослать начальнику Костромского губернского жандармского управления на предмет привлечения Сорокина и Куликова к уголовной ответственности, а обвиняемых до особого распоряжения оставить под стражей в Кинешемской тюрьме, о чем им объявить, и копии постановления препроводить прокурору Костромского окружного суда, участковому товарищу прокурора и начальнику тюрьмы.

Уездный исправник (подпись)⁹.

Во время учебы в Хреновской школе П. А. Сорокин подружился на всю жизнь с будущим выдающимся экономистом Н. Д. Кондратьевым. На три года моложе своего старшего друга, уроженец деревни Галуевской Кинешемского уезда Костромской губернии, Н.Д. Кондратьев учился в Хреновской школе одновременно с П. А. Сорокиным, состоял в подпольном кружке, занимался, как и П. А. Сорокин, революционной пропагандой среди крестьян. Из Curriculum Vitae Н. Д. Кондратьева известно, что после окончания школы в 1905 году он поступил в Хреновскую церковно-учительскую семинарию. А в 1906 г. был исключен из нее за неблагонадежность. Подвергался арестам в Кинешме в 1905 и 1906 годах. Дважды пробыл в тюрьме. Всего — около восьми месяцев.

В 1907 г. Н. Д. Кондратьев уехал в Умань, поступил там в среднее земледельческое училище, но и оттуда в результате революционной деятельности ему пришлось уехать уже в 1907 г. Он приехал в Петербург и поступил на Черняевские курсы.

Михаил Осоргин, эсер, юрист, писатель, так же как и Сорокин был арестован и посажен в царскую тюрьму в 1906 г., а в 1922 г. большевики вышлют его из Советской России. Сорокин и Осоргин будут полемизировать в «Дне» о судьбах интеллигенции. Об этом во втором томе.

Здесь же только отзыв Осоргина о «тюрьме и школе» досоветской России:

«Поразительная страна! Ее тюрьмы были образцовыми школами, рассадниками не только сознательности, но и образования: ее средние школы — во всяком случае в провинции — были подлинными тюрьмами с восьмиклассной пенитенциарной системой»¹⁰

Опыт полученный Сорокиным в тюрьме сказался в выборе им впоследствии профессии и поступлении на юридический факультет университета. Не только за дипломом шел в университет Сорокин.

«Предназначение университета»,— считали многие студенты — **«Готовить революцию».**

Сорокин же после четырехмесячного пребывания в Кинешемской тюрьме в конце апреля 1907 года был освобожден под гласный надзор полиции и начал заниматься революционной пропагандой среди рабочих и крестьян в поволжских городах и селах. В «Предтече» он красочно описал эту свою работу, добавив в спутники своему прототипу Никуличеву — Колибина (Н.Д. Кондратьева). Возможно, П.А. Сорокин и Н.Д. Кондратьев действительно совместно вели революционную пропаганду в Поволжье, но документальных свидетельств пока об этом нет.

В «Предтече» П.А. Сорокин писал:

«Началось странствие из села в село, с фабрики на другую, с массовки на митинг. Питались — тем, чем покормят. Спали — где придется. Одевались — в то, что дадут. Мы были апостолами: не брали с собой ни сумы, ни денег, ни двух одежд. Ничего, кроме револьвера и патронов. Около года странствовали мы в пределах двух губерний. Имена «Головня» и «Никанор» — наши клички, приобрели почетную

известность среди фабрик и волновавшихся сел. Кружки росли, число «сознательных» быстро увеличивалось».¹¹

Вот так проходили такие митинги:

«Я взобрался на лоток, выкинул красный флаг и начал говорить.* Народ кучками стал собираться и слушать. Слушали издали. Близко не подходили... Не доверяли и боялись. Шел дальше и говорил, там слушателей становилось больше и больше. Чаще и чаще стали раздаваться сочувственные возгласы...»¹²

Август-сентябрь 1907 г. П.А Сорокин провел у тети Анисьи в Римье, а осенью уехал с мешком сухарей и тремя рублями в кармане в столицу, где остановился у земляка-рабочего. Вывесил на воротах объявление: «Даю уроки». Уже на следующий день повезло — получил уроки за обед и угол. Затем пошел к К.Ф. Жакову, и тот устроил ему бесплатную учебу на вечерних Черняевских курсах.

Основал курсы в 1902 году выходец из Вологодских крестьян Александр Сергеевич Черняев. Кроме Сорокина здесь учились и многие другие выходцы из зырянского края: Ф.П. Чукичев, В.А. Худяев, В.А. и М.А. Молодцовы, А.А. Чеусов. Из Архангельска — А.А. Иванов, из Белоруссии — И.Д. Луцевич (Янка Купала). Из Эстонии — Арнольд Сепп, из Латвии — Алвис Цеплис, Арнольд Янсон. Учился здесь и один из будущих организаторов Военно-воздушных сил СССР — П.И. Баранов и будущий советский генерал-майор и Герой Советского Союза Н.Р. Андреев... Состав преподавателей на Черняевских курсах был университетский. Профессора: К.Ф. Жаков, А.К. Бороздин, Н.И. Книпович, Б.И. Эпимах-Шипилло и др.

«Их лекции мало отличались от тех, что читают на первых двух курсах высших учебных заведений»,¹³ — вспоминает Сорокин в «Дальней дороге».

* Ситуация поразительно напоминает кадры из фильма Дамиано Дамиани о борьбе с сицилийской мафией «Признание комиссара полиции прокурору республики» (1971). Там правда, героя убивают...

3

Преподаватель логики Каллистрат Фалалеевич Жаков, либерал и земляк Сорокина, на всю жизнь остался другом Питирима Александровича. Жена Жакова — Глафира Никаноровна преподавала в Коммерческом училище Глаголева, в котором (в 1907 г.) среди ее учениц была будущая жена Сорокина — Елена Баратынская. Вскоре ее семья уехала в Севастополь. В Петербург Е.П. Баратынская вернулась только в 1912 г. и поступила на Бестужевские курсы.

Курсы А.С. Черняева состояли в ведомстве Министерства народного просвещения и имели целью дать слушателям законченное образование в объеме среднего учебного заведения для лиц обоего пола. Курс обучения был рассчитан на четыре года. Слушатели имели возможность изучать все общеобразовательные предметы классической гимназии и реального училища, а также курсы старых и новых языков. Прием слушателей проводился сообразно их знаниям в каждый из 4-х классов. Плата за один учебный год: 1-й класс — 30 рублей, 2-й класс — 54 рубля, 3-й класс — 63 рубля, 4-й класс — 72 рубля.

Чтобы учиться на курсах необходимо было иметь «Свидетельство» о «политической благонадежности». Сорокину, несмотря на его бурное прошлое удалось его получить...

М.В.Д
Вологодский губернатор
по канцелярии
2 стол
Декабрь, 1907 г.
г. Вологда

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие мещанину гор. Устюга Вологодской губернии Питириму Александровичу Сорокину вследствие его просьбы, на предмет представления в канцелярию Петербургских общеобразовательных курсов в том, что как оказалось по собранным сведениям он, Сорокин, поведения хорошего и ни в чем предосудительном как в нравственном, так и в

политическом отношении не замечался, что подписью и приложением казенной печати удостоверяю.

И.д. губернатора
Вице-губернатор Н. Маноматов
Правитель Канцелярии — Ивановский
Помощник Правителя (подпись не разборчива)¹⁴

К.Ф. Жаков, с помощью которого П.А. Сорокин поступил на Черняевские курсы, был колоритной личностью. В изданной в 1923 году в Вологде книге о вологжанах-краеведах о нем можно прочитать следующее:

«Сын крестьянина — долгим трудом (и упорным) получил высшее образование (в Киевском и Петербургском университетах) и создал себе имя в науке. Из научных трудов стоит отметить: «Теория переменного и предела в гносеологии и истории познания» (С.-Пб., 1904), «Логика» (С.-Пб., 1912), «Гипотеза и ее роль в науке и философии» (Пг., 1915), «Понятие предела в логике и математике» (С.-Пб., 1908). Долго состоял преподавателем Черняевских курсов. Позднее — профессор психоневрологического института. Имел много последователей в студенческой среде, симпатиями которой вообще пользовался в течение всей своей преподавательской деятельности. Приезжал в последние годы до революции в пределы Северного Края — выступал всюду с докладами и публичными лекциями, собиравшими, по преимуществу, молодежь. Этнограф, лингвист, философ, литератор в каждой области сказал что-нибудь свое, оригинальное».¹⁵

С 1902 г. у себя на квартире Жаков ежемесячно (последняя суббота каждого месяца) устраивал «литературный кружок»... Здесь бывали: Я. Гордин, Александр Грин, Е. Баратынская, К. Гемп, Я. Назаренко, И. Луцевич (Янка Купала), П. Розит, И. Садофьев, М. Семенко, П. Сорокин, А. Чапыгин, В. Шкловский...

Курсы находились на Петроградской стороне по адресу: Татарский переулок, 3 (угол Кронверского и Татарского).

С сентября 1908 г. П.А. Сорокин, Н.Д. Кондратьев и еще один зырянин по фамилии Кузьбожев (сын крупного усть-сысольского купца) сняли комнату на троих неподалеку от Черняевских курсов (Малая Пушкарская, дом 11, кв. 13). К.Ф. Жаков жил неподалеку (Большая Гребецкая, д. 47, кв. 29). В первый год столичной жизни именно К.Ф. Жаков и его супруга очень помогли Сорокину. Они же ввели его в круг философов, литераторов и людей искусства. Сам Питирим Сорокин о первых годах жизни в Петербурге впоследствии вспоминал в «Предтече»:

«Много пришлось пережить здесь. Голод, нужду, грязь, унижение и оскорбление. <...> жизнь в углах. <...> Грошовые уроки... случайная литературная работа. <...> Курсы... Экзамен зрелости... Университет... Начало профессорской карьеры. <...> И одинокая замкнутая жизнь — работа в течение 6–7 лет: вот краткое резюме петроградской жизни. Можно добавить к нему еще два ареста, иначе говоря, две командировки для практического изучения тюремоведения и мира преступников...»¹⁶

В начале 1909 года П.А. Сорокин уехал в Великий Устюг, где в доме сестры отца Анны Дранковской готовился к экзамену экстерном в местной гимназии.

Чтобы получить разрешение на сдачу экзаменов, понадобилось написать автобиографию. Это первая из известных нам биографий Сорокина.

«Родился я, как видно из метрической выписки, 23 января 1889 года. Отец мой был местный мещанин, по профессии рабочий, занимавшийся чеканкою ризь, золотыми, серебряными и т.п. работами. Мать была крестьянка-зырянка, Яренского уезда. Так как отец жил все время среди зырян, то и мои первые годы протекли также здесь. Ремесло отца неразрывно было связано со скитальческим образом жизни, а отсюда понятно, что в первое время моей жизни я принужден был кочевать из одного села в другое, что еще в молодости дало мне возможность близко познакомиться со всеми укладами жизни зырян.

На пятом году мать умерла и таким образом, я и еще два брата (один старше, другой моложе меня) остались с

отцом. Тут пришлось видеть и испытать все: голод, холод, пьянство и др. подобные явления, неизменно сопровождающие жизнь рабочего. Каким-то образом научился я читать и писать, а затем поступить в церковно-приходскую школу. Кочевая жизнь принудила переходить из одной школы в другую, но затем в одной из данных школ (Палевицкой) мне удалось кончить. По окончании указанной школы через год я поступил в Гамскую второклассную учительскую школу и, блестяще окончив ее, по совету учителей я отправился для поступления в Хреновскую учительск. школу в Костромской губернии, получив деньги на дорогу от учителей. Экзамены вступительные я выдержал и затем учился в этой школе около 3-х лет. По прошествии этих 3-х лет мне удалось познакомиться с профессором Психо-Неврологического Института Калистратом Фалалеевичем Жаковым. Благодаря отчасти его поддержки я поступил на Черняевские общеобразовательные курсы, ___ и слушал в продолжении почти 2-х лет лекции. Летом прошлого года, пользуясь тем, что еще с молодости я хорошо знал зырян, вместе с Калистратом Фалалеевичем я изучал быт, уклад и собирал материал, оставшийся еще теперь в виде пережитков, для изучения истории семьи и религии данного народа.

Кроме того, интересуясь антропологическим строением данного народа, я произвел около 100 антропологических измерений и вместе с экспедицией министерства земледелия занимался изучением экономического уклада жизни зырян. Из собранного материала зимой в пору экзаменов успел обработать только материалы характеризующие экономическое положение изучаемого народа; результаты обработки печатаются министерством в настоящее время.

Ограничиваюсь данными штрихами своей жизни и к сказанному могу добавить только то, что теперь готовлюсь к предстоящему экзамену, чтобы, выдержать его, получить возможность засесть за серьезное изучение некоторых, наиболее интересующих меня, отраслей человеческого знания.

Питирим Александрович Сорокин
3 марта 1909 г.¹⁷

Директором Велико-Устюгской мужской гимназии в 1908–1912 годах был 49-летний статский советник Николай Александрович Кусов. Выпускник Санкт-Петербургского университета он с 1882 по 1891 гг. был преподавателем Александровской гимназии в Ревеле, затем до 1907 г. в 7-ой Санкт-петербургской гимназии. После выхода на пенсию в 1908 г. стал директором гимназии в Великом Устюге.

Первый экзамен — письменное испытание зрелости по русскому языку проходил 24 апреля 1909 г. Надзор за экзаменующимися вела испытательная комиссия в полном составе: Директор — Кусов Н.А.; инспектор — Ефремов Н.Н.; преподаватели — Базилевский Николай Платонович, Польский В.М., Вячеславов В.А.

«По прочтении молитвы господином Директором был вскрыт конверт с темами. Затем господином Директором была объявлена экзаменующимся тема: «Русская жизнь в поэзии Пушкина и Гоголя».¹⁸

В 10 часов 45-минут приступили к исполнению работы. Окончил и подал комиссии свое сочинение Сорокин в 3 часа 21 минуту восемнадцатым по счету*. Сочинение писали 43 человека. Всего же, как явствует из материалов «Дела Велико-Устюгской мужской гимназии об испытании на аттестат зрелости в 1909 г.», экзаменовалась в ту весну 29 учеников гимназии и 9 человек посторонних.

Сохранилось несколько имен испытуемых вместе с Сорокиным:

Агафонов Владимир, Казанский Есель, Коварский Моисей, Рабинович Иосиф, Шик Яков (Янкель), Шаверин Мина...

По истории средних веков и нового времени Сорокин ответил на вопросы: 1) Феодализация. 2) Деятельность Филиппа II Испанского.

По законоведению: мировые судебные учреждения.

По закону Божьему: 1) История церкви: обращение Константина Великого. 2) Катехизис: Четвертая заповедь. 3) Бого-

* Возможно, что это сочинение Сорокина сохранилось в фонде попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, которому по существующим правилам отправлялись выпускные сочинения «для проверки не столько учеников, сколько учителей и справедливости их оценок».

служение: Преждеосвященная литургия. 4) Священная история Нового Завета: Молитва Иисуса Христа в саду Геосиманском. 5) Священная история Нового Завета: История образования Маккавеев.

По русскому языку: Державин. история князя Курбского. Василий Буслаев. Этимологический и синтаксический разбор греческо-славянского текста.

По географии: Кустарная промышленность. Привислинский край. Орошение. Климат. Франция. Занятия ее жителей. Поверхность. Орошение. Климат Африки. Вращение Земли...

И так далее..

Экзамены были сданы и Сорокин получил документ, дающий ему право на поступление в высшее учебное заведение:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие сыну мещанина Питириму Александру Сорокину православного вероисповедания, родившемуся в Яренском уезде Вологодской губернии 23.01.1889 года, обучавшемуся в Хреновской церковно-учительской школе Костромской губернии в том, что он в мае-июне сего 1909 года подвергался испытаниям зрелости в Велико-Устюгской мужской гимназии и показал на сем испытании нижеследующие познания.

В Законе Божиим отличные	5
Русском языке с Церковно-славянским	
и Словесности хорошие	4
Философской пропедевтике отличные	5
Латинском языке хорошие	4
Законоведении хорошие	4
Математике хорошие	4
Математической географии хорошие	4
Физике хорошие	4
Истории отличные	5
Географии с природоведением отличные	5
Обществоведении	
Французском языке отличные	5
Немецком языке	

На основании чего и выдано ему сие Свидетельство, предоставляющее ему права, обозначенные в пар. 130–

132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 г. Устава гимназий и прогимназий.

Великий Устюг. Вологодская губерния.

Июня 4-го дня 1909 г.

Директор*

Члены Педагогического Совета¹⁹

Для сравнения. Будущий палач русской интеллигенции, потомственный дворянин Феликс Дзержинский проучившись 8 лет (в первом классе два года) в Виленской гимназии получил «Свидетельство», в котором две двойки (русский и греческий языки), остальные тройки. Положительная оценка (4) одна – по «Закону Божию»...

20 июля 1909 г. П.А. Сорокин написал на имя Президента Психоневрологического института заявление с просьбой зачислить в число студентов.

Учебные курсы этого института были открыты в феврале 1908 года. Институт был частным и основан знаменитым психиатром и невропатологом В. М. Бехтеревым.** Учащиеся повалили в него валом, так как принимали туда независимо от пола и вероисповедания (отсутствовала процентная норма) и наличия или отсутствия справки о благонадежности из полиции. Это уникальное для России заведение предлагало широкое гуманитарное образование, в том числе впервые в России в нем была учреждена кафедра социологии, что стало одной из причин поступления П. А. Сорокина в Психоневрологический институт. Немаловажно было и то, что В. М. Бехтерев хлопотал перед властями об отсрочке своим студентам от воинской службы. Кафедру социологии в институте возглавляли известные ученые М. М. Ковалевский и Е. В. Де Роберти. У властей институт числился в черном списке. Многие преподаватели (М. В. Мякотин, М. П. Чубинский, С. Л. Франк, С. К. Гогель, Д. М. Овсяннико-Куликовский и др.), не говоря уже о студентах, значились в регистрационном отделе департамента полиции как неблагонадежные.

Наиболее «левыми» были К.Ф. Жаков и В.Н. Сперанский (товарищ по Виленской гимназии будущего председателя ВЧК Дзержинского).

* Директором Велико-Устюгской мужской гимназии был в то время действительный статский советник Николай Александрович Кузов.

** Настоящая история этого института до сих пор не написана.

Уже через год после открытия института (1 марта 1909 года) полиция произвела в нем обыск, завершившийся арестом 21 человека и конфискацией нелегальной литературы эсеровского содержания. В полицейских документах отмечалось, что число слушателей составляют 90 % членов крайних партий, нетерпимо относящихся даже к кадетам:

«Не получая никаких прав после окончания института, слушатели института относятся в высшей мере индифферентно к занятиям, имея массу свободного времени и расходуя на революционную деятельность»²⁰,

— отмечалось в одной из полицейских справок.*

П. А. Сорокин за год учебы в Психоневрологическом институте в поле зрения полиции не попал. Поэтому, когда для поступления в Университет ему потребовалось заручиться очередным свидетельством о «благонадежности», оно было получено:

МВД

Управление Санкт-Петербургского Градоначальника Канцелярия 3 делопроизводство 6 июля 1910

Секретно Ректору Императорского Санкт-Петербургского Университета

Вследствие ходатайства студента Психо-Неврологического института Питирима Александровича Сорокина о политической благонадежности на предмет поступления в Санкт-Петербургский Университет, канцелярия по приказанию Градоначальника уведомляет Ваше Превосходительство, что к поступлению Сорокина в названный Университет препятствий в политическом отношении не имеет.

И.о. Управляющего Канцелярии».²¹

Когда все необходимые документы были собраны, Сорокин пишет:

* В Психоневрологическом училище: Николай Аросев, Мария Иоффе, Семен Рошаль, Лариса Рейснер...

**Его Высокопревосходительству господину
Ректору Императорского Санкт-Петербургского
Университета**

ПРОШЕНИЕ

Честь имею просить Вас, Ваше Высокопревосходительство, принять меня в число студентов юридического факультета вверенного Вам учебного заведения.

При сем прилагаю: 1). Свидетельство об окончании Велико-Устюгской гимназии. 2). Метрическое свидетельство. 3). Свидетельство о приписке к призывному участку. 4). Удостоверение о принадлежности к мещанскому сословию г. Устюга, Вологодской губернии. 5). Три фотографические карточки. 6). По две копии каждого документа. 7). Квитанцию от Санкт-Петербургского градоначальника относительно политической благонадежности. 8). 25 рублей, присылаемых переводом.

Адрес. С. Баки, Варнавинского уезда
Костромской Губернии.²²

4 августа 1910 г. П. Сорокин был принят в студенты Университета. Будучи студентом, он жил по адресу: Большая Гребецкая. Д. 26–28, кв. 32. Дом стоял на углу Б. Гребецкой и Малого проспекта.

1900–1917 гг. были периодом расцвета Петербургского университета и особенно его крупнейшего факультета — юридического. Много лет спустя, в письмах Всеволоду Исаеву, занимавшемуся изучением работ Сорокина русского периода. Питирим Александрович писал:

«...трое русских ученых имели влияние на мои взгляды в ранний период. Это, во-первых, профессор Леон Петражицкий, которого я считал и считаю величайшим ученым права XX столетия <>. Во-вторых и в-третьих, профессоров М. Ковалевского и Евгения де Роберти. Эти ранние идеи, однако радикально трансформировались под влиянием первой мировой войны и особенно русской коммунисти-

ческой революции в течении первых пяти лет которой я жил в России до своей высылки из нее в 1922 году».²³

Профессор Макс Лазерсон, как и П.А. Сорокин, воспитанник юридического факультета Петербургского университета, писал в 1927 году в статье, посвященной Л.И. Петражицкому:

«Кто из студентов-юристов петербургского университета имел счастье пройти школу профессора Петражицкого, тот никогда не забудет, что значит подменная атмосфера научного горения, творчества и совместного углубления в проблемы общественной науки. Эта атмосфера царствовала на лекциях профессора, происходивших в наибольшей 9-й аудитории петербургского университета, где устанавливался некий эмоциональный контакт между лектором и его слушателями, несмотря на некоторое чисто ораторские недочеты творца психологической теории права. Но еще сильнее была эта стихия в так называемом кружке философии права Л.И. Петражицкого, основанном им в конце 90-х годов студентами петербургского университета. Здесь углублялся ум, подводились основы собственных взглядов и оттачивались полемистические стрелы против весьма многочисленных противников психологической теории права. Все студенты-юристы, не гонявшиеся только за дипломом, а имевшие хоть малую толику научного интереса, побывали тут. Отдельные рефераты и вопросы обсуждались здесь до поздней ночи»²⁴.

По студенческой книжке Сорокина можно установить всех его университетских учителей. В первом и втором семестрах он сдал экзамены по курсам: энциклопедия права — Л. И. Петражицкий, история римского права — И. А. Покровский, история русского права — М. А. Дьяконов, политическая экономия — М. И. Туган-Барановский, государственное право — И. А. Ивановский. Статистика — А. А. Кауфман. В третьем и четвертом семестрах: догма римского права — Д. Д. Grimm, история русского права — В. Н. Латкин, история философии права — Л. И. Петражицкий, русское государственное право — И. А. Ивановский, полицейское право — В. М. Гессен и В. Ф. Дерюжинский, право и нравственность — А. С. Яценко.

Во время пятого-восьмого семестров: гражданское право — П. И. Любищев, международное право — А. А. Пиленко, современная карательная система — П. И. Люблинский. Большинство предметов сдано с оценкой «весьма».

Не удивительно, что в то время, как общее число освобожденных от уплаты студентов не должно было превышать 15 % общего их числа, П. Сорокин в бытность свою студентом Университета был удостоен Императорской стипендии в размере 300 рублей.

Все русские учителя Питирима Сорокина научные звезды первой величины. И Сорокин помнил о них всегда. Почти полвека спустя в одном из писем к Всеволоду Исаеву. Сорокин писал:

«Судя по Вашей фамилии я предполагаю, что Вы русский. Не имеете ли Вы отношения к двум прославленным русским ученым: профессору Исаеву, знаменитому русскому экономисту, и другому профессору Исаеву, криминологу в Санкт-Петербургском университете во времена моих студенческих дней?»²⁵

В 1950-х Сорокин и Лазерсон приложили немало усилий, чтобы в издательстве Гарвардского университета была опубликована сокращенная версия главного труда Петражицкого «Теория права и государства в связи с теорией нравственности...»

Разумеется во время учебы в университете Сорокин изучил труды не только своих русских профессоров, но и был хорошо знаком с идеями выдающихся социологов Запада того времени: Э. Дюркгейма, В. Парето, М. Вебера, Ж. Де Местре, Бональда и др.

А среди университетских однокашников Сорокина были не только Н.Д. Кондратьев, М. Лазерсон, Георгий Гурвич, Ф.И. Седенко, Н.С. Тимашев, Антс Пийп, Отто Тийф, но и будущие крупные коммунистические чиновники (Лев Карахан, Юрий Пятаков), чекисты, прокуроры, коминтерновцы (Я.Я Анвельт, С.И. Кавтарадзе, В.Э. Кингисепп, А.С. Круссер, Н.В. Крыленко), другие будущие знаменитости: писатель М.М. Зощенко (учился в 1913 г. Исключен за «неуплату за обучение»), филолог М.Л. Лозинский (окончил в 1910), художник Г.С. Верейский

(окончил в 1912), пианист Б.Л. Жилинский (окончил в 1914), актер С.М. Михозлс (поступил в 1915), композиторы А.Г. Тер-Гевондян (окончил в 1915), Ю.А. Шапорин (окончил в 1912), режиссер А.Я. Таиров (окончил в 1913)...*

4

Все годы жизни в Петербурге П. Сорокин каждое лето стремился проводить на Севере не только потому, что там была его родина, но также и потому, что его научные интересы в первые столичные годы были связаны с Севером. По воспоминаниям почетного гражданина Архангельска Ксении Петровны Гемп, Сорокин в то время был очень увлечен коми-народностью (Сорокиным К. П. Гемп познакомил выдающийся знаток Севера А. Н. Попов на лекции профессора М.А. Рейснера. Тогда же он познакомил К.П. Гемп и с дочерью профессора — Ларисой).

Север в конце позапрошлого — начале прошлого века (как и века нынешнего) привлекал многих. Будущий знаменитый французский художник Василий Кандинский совершил поездку в родные места Сорокина с этнографическими целями как раз в 1889 г., когда родился Сорокин.

Еще учась на курсах А.С. Черняева и в Психоневрологическом институте, П. Сорокин вместе с К.Ф. Жаковым (в качестве статистиков) принимал участие летом 1908 и 1909 гг. в экспедициях по изучению Печорского края под руководством П.И. Соколова. Официальной целью экспедиций (первая была организована в 1907 г.) считалось исследование земель и природных богатств Вологодской губернии. На самом деле экспедиции занимались колонизационными вопросами. Предполагалось переселить бунтующих в Прибалтике латышей в Вологодскую губернию. Когда К. Ф. Жаков и Питирим Сорокин поняли это, между ними и П. И. Соколовым произошел конфликт, в результате которого оба оказались уволенными.

Самая первая известная нам работа П. А. Сорокина датирована осенью 1909 года и называется «Колонизационные вождения». В написанной с публицистическим запалом статье находим отголоски конфликта:

* Лучшее описание Университета той поры: Н.П. Анциферов. Из дум о былом. М., 1992. С. 155-214.

«Соколов категорически запрещал членам экспедиции говорить о колонизационной цели экспедиции населению.<> Точно также вместо того, чтобы заниматься контролем работ членов экспедиции, он предпочитал заниматься контролем их политических и прочих убеждений, вследствие чего некоторые члены и предполагали выйти из экспедиции»...²⁶

Позднее К.Ф. Жаков сам писал в автобиографическом романе, что начальник экспедиции «...потребовал, чтобы я исповедовался перед ним в моих политических убеждениях, не сепаратист ли я, чего доброго. Я отказался от этого, ибо никогда чиновником я не был, ни подчиненным чьим-либо. Тогда «уволили» меня из экспедиции, конечно, не заплатив денег»²⁷.

Вывод первой статьи двадцатилетнего Питирима Сорокина был следующим:

«Таким образом, усиленно раздуваемая теперь колонизационная политика при современной ее организации помимо нерационального расходования народных денег ведет к разорению переселяющихся семейств и к разорению населения колонизируемых мест, а потому Государственная Дума должна отказать во всякой ассигнации экспедициям, подобным «Печорской».²⁸

Статью Сорокин отправил в «профессорскую газету» «Речь», но там не напечатали...

К. Ф. Жаков со своей стороны обратился в Академию наук, которая согласилась с его доводами и направила в Думу свои соображения. В итоге сессия Государственной Думы отказалась утвердить законопроект об ассигновании 30 тысяч рублей для нужд Печорской экспедиции на лето 1910 года...

Сам же Питирим Сорокин это лето вновь провел в Риме у тети Анисьи. Совершая поездки в близлежащие села, он собирал материалы для своих первых научных статей: «Пережитки анимизма у зырян», «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян», «Современные зыряне» и других (опубликованных

в 1910–1911 годах в «Известиях» Архангельского общества изучения русского Севера).

Вместе со своим учителем Сорокин активно сотрудничал с созданным в 1908 г. Архангельским обществом изучения Русского Севера и возникшим по его образцу в 1909 г. Вологодским обществом изучения Северного края. Под влиянием Жакова и Сорокина несколько Усть-Сысольских краеведов объединились в Усть-Сысольское отделение АОИРС во главе с А. А. Цембером, а ряд яренских интеллигентов вступил в ВОИСК...

К 1910 г. относятся первые известные мне публикации Сорокина. Правда сам Сорокин (в Праге в одной из анкет, в 1922 г.) в графе «Когда и где начал литературную работу» указал: «В 1908 г. в «Вестнике знания». Я просмотрел. Не нашел... Только в 1911 г. в «Вестнике» появляется статья Сорокина «Главнейшие теории прогресса в современной социологии» (№ 9). И всё (Георгий Федотов в 1929 г. писал:

«Вестник знания» самый распространенный журнал в России, о котором настоящая интеллигенция понятия не имеет» (см. «Революция идет//«Современные записки». 1929. №39).

В малореспектабельном «Вестнике знания», Сорокин не задержался... С 1913-го начались его публикации в солидном, еще с карамзинских времен «Вестнике Европы»...

В 1910 г. в «Архангельских губернских ведомостях» появился этнографический этюд Сорокина «Рыт-пукалом» (Вечерние посиделки), а в «Вятской речи» статья «Застывшая музыка (скульптура Ин.Н. Жукова)»...

В «Вятской Речи» (прогрессивная оппозиционная газета в отличии от официальных «Архангельских губернских ведомостей») Сорокин мог более свободно высказывать свои мысли:

«Русская жизнь напоминает мне иногда большой и дикий пустырь, в уголку этого пустыря отгорожен высоким забором сад, за которым ухаживают специальные садовники, в саду посеяны дорогие цветы науки и искусства, постоянно их поливают, удобряют почву, охраняют их от мороза и

от слишком сильной жары и как на зло — самые лучшие цветки расцветают не в этом саду, а на диком, необработанном пустыре народных масс..

И как на зло — почти всегда садовники просмотрят эти редкие пышные цветки, а если и увидят их, так только тогда, когда они видны уже всем...

Белинский, Герцен, Бакунин, Добролюбов, Чернышевский, Писарев, Лавров, Михайловский, Горький, Шаяпин, Врубель, Комиссаржевская и т.д. — все это цветки, родившиеся и выросшие не в официальном саду науки и искусства, а на огромном пустыре российской действительности...

Еще один пышный и своеобразный цветок распустился и расцвел в России, и, как всегда, расцвел из недр народа на пустыре и как всегда садовники знать его не хотят...

Я говорю о творчестве Ив. Н. Жукова... Сибиряк, никогда не учащий в к. н. Художественной школе, самоучка в подлинном смысле этого слова, он появился неожиданно и неожиданно превратил куски глины в сгустки жизни, сделав то, что не двигал еще почти ни один скульптор...

Но для академии художеств он не свой.

Иннокентий Жуков — учитель гимназии, творит урывками, при самых примитивных условиях, в подвале, согревая озябшие пальцы битьем глины. Его талант признан российским обществом, признан знаменитым Роденом, а наша академия знать Жукова не хочет: «Обычное явление необычной российской безалаберности!»,

— пишет Сорокин, и заключает статью словами:

«До сих пор только поэзия, музыка и живопись до известной степени выражала тайны человеческой души. Жуков заставил глину говорить о той же тайне и в этом его великая заслуга и великое значение его творчества.

Теперь, когда в области скульптуры русское художественное творчество проявляется только в создании памятников, большей частью изображавших лошадей и то иногда скорее похожих на коров (памятник Александру III), равно ничего не говорящих ни уму, ни сердцу и свидетельствующих только об оскудении художественной

мысли в официальных садах искусства — значение Жукова особенно велико, и особенно непонятна слепота официальных садовников искусства...

Такова уж русская жизнь!...»²⁹

Жукову в 1910 г. было 35 лет. В 1904 г. он окончил историко-философский факультет Санкт-Петербургского университета. Ныне он известен в основном как один из основателей русского скаутского движения. В 1914–1917 гг. Жуков был ответственным секретарем Всероссийского общества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут». В скаутском движении сильны элементы альтруизма, который станет в 1950-х годах темой тщательного научного исследования Сорокина. Архив И.Н. Жукова находится в РГАЛИ в Москве. В нем и найдена эта заметка П.А. Сорокина...

1910 год был годом смерти Врубеля, Комиссаржевской, Толстого... Смерть Толстого в ноябре вызвала серьезные антиправительственные студенческие беспорядки. Студент-первокурсник Сорокин был одним из их организаторов. Над ним нависла угроза ареста и в начале 1911 г. он решил скрыться на время за границу. В его описании это выглядело так:

«Не знаю, арестовали бы меня или нет, останься я в Санкт-Петербурге, но непредвиденное обстоятельство спасло меня от такого нежелательного исхода. Один из моих друзей, инженер, тяжело болел туберкулезом. В числе прочих средств лечения доктора прописали ему путешествие на итальянскую Ривьеру в сопровождении сиделки или друга для помощи в пути. Подыскивая такого компаньона, инженеру и его друзьям пришла в голову идея предложить мне эту роль. Больной товарищ сказал мне, что мое общество будет ему приятнее, чем чье бы то ни было, и тем самым я убью двух зайцев: избежу ареста и помогу другу. Сначала я возражал против этого плана, так как не обладал необходимыми познаниями в уходе за больными. Друзья, сам инженер и доктора отвечали на возражение уверениями, что с помощью лекарств и инструкций по их применению, а также правильного питания я смогу обслужить больного не хуже любой сиделки. Как только я принял предложение, товарищи достали мне

фальшивый паспорт, форму курсанта Военно-медицинской академии и все необходимые для успешного перевоплощения удостоверения и принадлежности. Они даже обучили меня, как правильно отдавать честь, обращаться с саблей и другим навыкам и выражениям, приличествующим курсанту академии. План был реализован без сучка и задоринки. За все путешествие мы ни разу не попали под подозрение, включая и моменты переезда границ России, Австрии, Швейцарии, где мы подвергались поверхностным расспросам и проверке багажа и паспортов. После нескольких дней поездки в комфортабельном купе международного спального вагона мы благополучно достигли Сан-Ремо. Там мой товарищ поселился в предписанном докторами санатории, а я жил в местных гостиницах около двух недель».³⁰

Проведя две недели на одном из лучших курортов итальянской Ривьеры Сорокин вернулся (купив по пути в Вене только что вышедшую книгу Г. Зиммеля «Социология») в Россию.

По поводу одной из статей Сорокина — «Печорская экспедиция и колонизация зырянского края» («Известия». АОИРС. 1911. № 8–9) в полемику с ним вступил исследователь Севера А. В. Журавский. О Журавском написано несколько книг, он был на семь лет старше Сорокина. В 1914 году его убили... Вероятно, на бытовой почве. Советские исследователи утверждают, что Журавского убил агент охраны...

«Письмо в редакцию.

К вопросу об использовании земельных возможностей нашего Севера.

Не имея ни времени, ни желания полемизировать с П. А. Сорокиным, я считаю нужным сказать лишь следующее по поводу его статьи в № 9 «Известия».

Мои оппоненты, до сего дня не представившие, буквально ни одного возражения (а тем более опровержения) по существу вопросов [...] упорно цитируют мой эскиз о «потенциальных (т.е. возможных богатствах Севера («Приполярная Россия»)), напечатанный в 1908 г.

Я не говорю уже о том, что и в этой статье я, как и везде, трактую о «вольном заселении», а не о хлеборобной колонизации, тогда как мне упорнейше продолжают приписывать пропаганду именно последней, как и пропаганду эксплуатации не тундр-пустошей, а болот.

С 1908 г. ни «Северный вопрос» не стал на месте, ни мои исследования не прекратились, и честно судить о моих «чаяниях» можно лишь ознакомившись с работами последующего периода, условия которых позволяли, сделать то, что было непосильно мне прежде, когда я работал почти один и исключительно на свои средства.

Мною напечатано о нуждах, возможностях и богатствах нашего Севера около 400 статей и корреспонденции постепенно развивавших вопрос, и я полагал бы, что, по крайней мере, с моими журнальными статьями за 1909 и 1910 годы следовало бы ознакомиться лицам, берущимся критиковать меня; основываться же на моих предварительных статьях в газетах «Голос Севера» и «Север» едва ли не столь же странно, как критиковать, вне историко-литературных или библиографических заданий, окрепшего автора по его первым литературным шагам: моя «Приполярная Россия» (выпущенная лишь оттисками) была лишь конспектом вопросов, которые подлежали разработке и фактическому освещению [...].

Я не стану распространяться о том, что вверенная мне экспедиция 1909 года не имела ничего общего по практическим заданиям с печорской экспедицией П. М. Соколова, задания которой были замкнуты в рамках массового переселения, а не вольного заселения. <> (Для исследования Усть-Сысольского и Печорского уездов, в отношении их пригодности для колонизации, департамент государственного земледелия командировал летом 1909 года экспедиции Соколова и Журавского. — Ю. Д.). Отмечу по поводу статьи г. Сорокина, что если бы он пожелал прочитать статью, которую он резюмирует по (нетвердой) памяти, статьи мои в тех же «Известиях»), статью в журнале Импер. Геогр. Общ-ва, — то он нашел бы ответы на вопросы его о неолитической — доисторической индустрии из становищ, открытых мною в Большеземельской тундре. Мною устанавливалось и в этой статье и в статье «Из быта и культуры

печорских самоедов» (№№ 14 и 15, 1909 г., «Известий»), что доисторическая индустрия Севера — хронологически, современница высокой цивилизации Греции и Рима и что этот факт указывает возможность жизни в полярных тундрах даже при столь примитивной индустрии и при низших, чем ныне, климатических условиях. Если даже и пренебречь Геродотом и скандинавскими историками, то факт существования оленеводства доказывается, как изображениями на костяных предметах и составом орудия, так и расположением «становищ» в районах, которые, безусловно, в пределах десятков тысячелетий нашей геологической эпохи, никогда не были залеснены; и т. д.

Только полное незнакомство как с моими статьями в «Известиях» и с моими докладами ученым обществам в СПб, так и с элементами геологии четвертичного периода (постилюцена), позволяет г. Сорокину говорить о неприемлемом или неуловимом значении континентальности, обусловливаемой депрессией океана».³¹

Поступив в Университет, П. Сорокин продолжал посещать философские семинары, которые устраивал на своей квартире К.Ф. Жаков, ставший в 1911 году профессором. По воскресным дням здесь обычно с 12 до 16 часов собиралось человек 15 для обсуждения различных проблем. Семинар посещали ставшие впоследствии знаменитыми В. Шкловский, А. Чапыгин, И. Садофьев, приходил А. Грин, живший в Петербурге по подложному паспорту, а также будущий «Белорусский Шевченко» поэт Янка Купала, украинский поэт и художник Михаил Семенко (учился в Психоневрологическом институте), Д. Пинес (студент Психоневрологического) и многие другие.

Здесь, в квартире К. Ф. Жакова, П. Сорокин познакомился со студенткой физико-математического факультета Бесстужевских курсов Еленой Петровной Баратынской, которая в мае 1917 года стала его женой...

«Слово «любовь» узнал я рано. Но что оно значило, едва ли отдавал себе отчет. <> По романам я знал ее, по романам же рисовал ее образ. <...>, — Неслышно и незримо пришла любовь. Один раз пришла она... бесконечно и единственно прекрасная в своей наивности и

молодости. Пришла светлой, ясной, чудесной. Захватила душу, обвевая ее давними ароматами, вдохнула радость и силы. И ушла... оставив кровавую рану, да горечь осенней полыни. Болела рана дни, недели, месяцы. И, наконец, прикрылась придорожной пылью. Серым саваном окутала душу,.. надолго... навсегда Остался лишь сухой жесткий рубец да тихие воспоминания»³²,

— так писал П. Сорокин в «Предтече», посвятив этот роман Е. П. Баратынской.

В повести можно найти «горечь осенней полыни» от любви Сорокина к Елене Михайловой, архангелогородке, учившейся, как и Е. П. Баратынская на Бесстужевских курсах, — только на историко-филологическом отделении. Сохранилось несколько писем Сорокина к Михайловой. Они интересны не только демонстрацией высокого уровня любовных отношений русского студенчества начала XX века (не все же были арцыбашевскими «Саниными» или той «интеллигентной молодежью» о которой писал А. С. Изгоев в «Вехах»), но и дают дополнительные биографические сведения к жизнеописанию П. Сорокина. К сожалению, в письмах не поставлен год их написания. Все письма, кроме последнего, мы относим к 1915 году. Последнее же, вероятно, относится к 1916-му...

22 января 1915 г.

Хорошая Елена Ивановна. Прошу прощения за свой разговор по телефону. Сознаю, он был сух, даже нарочито сух, и Вы правы, что я злой, но что делать? К сожалению, человек не камень, а потому ему свойственно волноваться, а иногда и слишком. Чем объясняется моя сухость, Вам приблизительно известно. Мне недавно 2–3 вечера было очень грустно — и скажу правду — даже обидно. Отсюда вывод. Я решил больше у Вас не бывать. Вас не видеть и т.д. Теперь вижу, что это было неумное решение. Прошу прощения и буду рад Вас видеть, если Вы вздумаете и захотите побывать у меня. Чем скорее — тем лучше. Может быть, завтра, то есть в субботу?

Жму руку. Питирим.³³

Москва. Националь-отель. 23 мая 1915 г.

Увы! Дорогая и хорошая Леля. На север мне не пришлось ехать. Волею судеб еду на юг. 21-го выехали из Питера. 22-го прибыли и сегодня, 23 убываем отсюда в Рыбинск... Слава Богу, и то, что я выбрался из Питера, а то последние дни после твоего отъезда я чувствовал куда как неважно. Было грустно, было скучно, работа валилась из рук и один вечер даже заболел и провалялся в кровати, хотелось поехать на Север, отдохнуть там, повидать и тебя... Вечером от скуки пошел на открытие общества сближения Англии и России, из-за чего мы и приехали в Москву. Днем же, кроме того, я познакомился с Милюковым и Родичевым. О заседании общества, вероятно, прочтешь в газетах... Ты, наверное, уже знаешь, что Петю³⁴ выпустили? Получила ли мое письмо с виршами? Когда думаешь быть в Устюге? Из многих слов твоих особенно ясно и отчетливо вспоминаются мне твои слова: «Вот, ведь какой!» Их ты говоришь тогда, когда рассердишься на кого-нибудь... Тут и милый упрек, и нежность, и огорчение, и какая-то чистая доброта — что их никогда не забудешь и всегда будешь помнить... Милая, милая Леля, я от души благодарен тебе за это и за те светлые минуты, которые мы проводили вместе с тобой. Не знаю, что ждет и что даст будущее, но прошлое никогда не исчезнет, и хотелось, чтобы и впредь оно осталось таким же светлым, ясным, как ясно сегодня синее небо. Хотелось бы, чтобы и в твоей душе оно не вызвало ни теперь ни в будущем ни одного надрыва, ни упрека... Когда я непостоянный и ветреный человек — пытаюсь разобраться в своем чувстве к тебе, то нахожу какой-то сложный клубок различных чувств, тут и привязанность «старика» к дорогому ребенку, тут и обожание грешником небесной чистоты, есть здесь и нежность очерстневшего сердца к хрупкому цветку и многое еще чего трудно передать словами. Жаль, что мы долго не увидимся... Ну пока кончаю, любимая Леля. Жду от тебя большого и длинного письма. Если не напишешь, то я перевью свое горе веревочкой и повешу его на первой осине и буду жить без сердца. Крепко, крепко целую твои милые руки.

Питирим.

Следующее письмо написано уже из харьковского имения М. М. Ковалевского.

5 июня 1915 г.

Вчера получил твое письмо, милая и хорошая Елена! Был очень рад, собирался ответить, но отложил до сегодняшнего вечера. После длинных скитаний из Москвы в Рыбинск, из Рыбинска по Волге в Саратов, оттуда в Харьков мы прибыли в имение М. М. и вот уже пятый день живем в нем. Живем хорошо. Тихо и мирно. Втроем — М. М., Юрий* и я, не считая штата прислуги, рабочих и работниц... Ради разнообразия завтра, может, поедем в театр в Харьков... Одно время я хотел поехать на Север, теперь охота постепенно падает, хоть бы и хотелось повидать тебя, заглянуть тебе в глаза... Кажется, однако, не поеду, М. М., конечно, не задержит меня, но говорит, что ему грустно расставаться со мной как с хорошим другом. Да и мне начинает нравиться здешняя ритмическая жизнь... Эх, милая, дорогая Леля, хорошо вообще жить. Чем дольше я живу, тем больше от удивления хлопаю глазами. Куда еще жизнь занесет и что она преподнесет? Будем жить — увидим... Привет устюжанам.

Вероятно, П. Сорокин не выдержал. Чувства взяли верх, и он поехал на Север...

«Котлас. 5 августа. (1915 г.).»

Дорогая, любимая, очень любимая Леля ... но это не важно, а важно и хорошо то, что я тебя люблю. Люблю по-своему, но люблю. Грешен, люблю временами и других. Увы! Мое сердце, умеющее любить многих, но ведь ты знаешь это и знаешь, что в то же время очень тебя люблю. И ты ведь не сердись на меня за это?.. Мне было грустно, когда ты уехала из Великого Устюга... В субботу пошел в город к тебе, но у сада встретился Борис и на мой вопрос: «Уехала Е. И.?» — услышал, увы, — «Да»... Сегодня выезжаю на Вятку. Думали было ехать на Архангельск... Трудно добыть билеты и решили на Вятку. А хотелось бы повидать сейчас тебя. У тебя были такие красивые глаза

* Юрий Павлович Конохов. Студент.

в последний вечер... Твой голос — милый из милых. Как ты поживаешь в богоспасаемом Сольвычегодске? И когда думаешь ехать в Питерские края? Приезжай поскорей, а то я буду скучать и брюзжать. Если бы сообщение с Сольвычегодском было получше, ей богу приехал бы на часок повидать тебя, пожить неделю с тобой, посмотреть в твои милые глаза, заглянуть и утонуть. Как бы я хотел крепко, крепко обнять тебя, распустить твои волосы и целовать, целовать... Но «увы»... А потому ставлю точку... Быть может, черкнешь что-нибудь в Питер. Буду рад.

Целую крепко. Твой Питирим.

В почтовой карточке, отправленной из Петрограда в Архангельск Елене Михайловой по адресу: Полицейская улица, д. 43, П. Сорокин писал:

22 декабря 1915 г.

Милая Елена Ивановна! Как Вы проводите каникулы? Надеюсь, хорошо? У нас оттепель и тошно. Я не вытерпел больше. Через два часа еду в глубь Финляндии дня на три-четыре... С собой не беру ни единой книги. Собираюсь тут спать, гулять и писать чепуху, называемую романом, если будет настроение... 27–26 буду обратно здесь... Если черкнете что, очень обрадуете. Привет всем Вашим и маме. Жму руку. Желаю отдохнуть, поправиться и весело провести время.

Питирим Сорокин.

Через пять дней он вновь пишет в Архангельск:

27 декабря 1915 г.

Милая Леля! Как уже писал Вам, 22 я уехал в Финляндию, прожил три дня, отдохнул и 26-го возвратился и бесцельно болтаюсь от Понтия к Пилату... Все ли благополучно с Вами. Может, в Архангельске совсем нет бумаги? Или нечем писать? ... Когда думаете выбираться в наши края? ... ждущий горячо Вас, а в худшем случае Вашего письма... Жму руку. Больше не ругаюсь.

Питирим.

Но все кончилось разрывом. Последнее письмо:

1 июля 1916 г.

Глубокоуважаемая Елена Ивановна. Позвольте прежде всего поздравить Вас с будущим законным браком и пожелать Вам от души радостной и безмятежной жизни. А затем у меня к Вам просьба. Если случайно сохранились у Вас мои письма, то я очень бы просил Вас возвратить их мне или лично, или почтой, или хотя бы через Зепаловых. Вам они теперь не нужны. А мне хотелось бы еще раз пережить по ним прошлое и затем вместе с тем, что вызвало их, превратить их в прах и пепел... Вы мне писали всего одну открытку и три письма, из коих одно не дошло. Сохранилось только одно письмо. По приезду в Петроград я Вам возвращу его. (Оно там осталось). Примите уверение в глубоком к Вам уважении и пожелания полного счастья в Вашем будущем и благодарности за то хорошее, которое Вы дали в прошлом. Искренне уважающий и благодарный Вам Питирим Сорокин.

Дальнейшая судьба Е. Михайловой сложилась трагически. Она умерла при родах 1 марта 1919 года в Архангельске. Родившегося мальчика взял на воспитание ее отец, Иван Михайлович Михайлов, преподаватель архангельского педагогического техникума.³⁵

Владимир Вейдле писал: «Ничто не способно биографа так увлечь, как история любви или влюбленности его героя»*. И подробно разбирал все страсти Федора Тютчева.

Кроме писем к Елене Михайловой, в фонде Сорокина хранится целый ряд фотографий различных девушек с надписями типа:

«Дорогому незабвенному Питириму от Юлии. 27 сентября. 1910 г.». Или: «На добрые воспоминания славному товарищу Сорокину от Татьяны Дегтяревой. 30 марта 1910г.». Или: «На память о лете. 1913 г.» (без подписи).

* См. Вейдле Владимир. Последняя любовь Тютчева // Новый журнал. (Нью-Йорк) 1948. Т. 18. С. 181.

Кто они Юля, Таня?.. Кто такая «А. А. Р.», которой П. А. Сорокин посвятил два стихотворения, опубликованные осенью 1913 г. в вологодской газете? А Оля, Зоя, Сусанна и другие, чьи открытки и письма хранит архив? Можно предположить, что А. Даманская, чье письмо к Сорокину на трех страницах сохранилось в архиве, это писательница Августа Филипповна Даманская, А.А.Р. — Анна Регат (Елена Тагер).

Отметим еще, что по данным Великоустюжского журнала первая жена и тесть Питирима Сорокина были родом из Великого Устюга.³⁶ Сам Сорокин об этой своей «первой жене» никогда не упоминал...

А вот, еще пара открыток (или как говорили в старину «открытых писем», Carte Postal).

I

На лицевой стороне — фото В.Ф. Комиссаржевской.
Питириму Александровичу Сорокину. Без даты
Великий Устюг. Вологодская губ.
Красная Гора.
Дом Дранковского

Получили Ваше письмо. Радуюсь перемене в Вашем настроении. Стихотворение Верхарна о котором Вы пишете не читали, но при первой возможности прочтем. У Коли Кондратьева были раза два. Он так исхудал, что сначала я его даже не узнала. Собирался выписаться. (Далее 2 строки неразборчиво. — Ю.Д.). **На днях забегу в больницу.**³⁷ (Далее 16 строк не прочитываются. Что-то об экзаменах. — Ю.Д.).

II

15.IX.1913

Многоуважаемый Питирим Александрович Вашим письмом, которое я все-таки получила в воскресенье, и которое потому перед тем как попасть в мои руки перебивало во многих руках. Вы меня очень очень обрадовали и исключая

нескольких строчек в которых Вы блудили на лирической почве, оно мне очень понравилось...

(Далее 50 строк мелким неразборчивым почерком. — Ю.Д.)

Уважающая Вас [Подпись неразборчиво]³⁸

И еще одна открытка написана на английском языке. Вероятно от одноклассника Сорокина по Университету Павла Викула. Это имя еще встретится в книге.

9/22 May 1914

Господину Питириму Александровичу Сорокину. Угол Б. Гребецкой и Малого проспекта 26–28, кв. 32. В Санкт-Петербург
P. Wikul
1621 W. Division Street
U.M.C.A. Chicago 11

Теперь весна, прекрасная погода и я чувствую себя лучше чем когда-либо. Некоторое время назад я вернулся обратно в Чикаго, и мое состояние это счастье. Как Вы, мой дорогой Питирим? Получили мое большое письмо? Которое я послал Вам шесть недель назад?

Остаюсь Ваш.³⁹

Сохранилось несколько десятков неопубликованных стихотворений П. А. Сорокина. Первое датировано октябрём 1912 года. Последнее — маем 1915-го. Среди мест написания стихотворений П. А. Сорокин указывает Устюг (январь 1913), Волгу — стихотворение «На борту» (25 мая 1915г.), Спасскую часть (февраль 1912г.). Среди посвящений — Е. П. Б. (Елена Петровна Баратынская — будущая жена П. А. Сорокина) и Е. И. М. (Елена Ивановна Михайлова).

Приведем одно из стихотворений П. А. Сорокина.

Pro domo sua
В полумраке утерянного рая,
В предрассветном сумраке зари
Мой костер горит и, догорая,
Тихо шепчет счастью: «Озари».

Прожил жизнь свою я в лотерею
И, быть может, ставку проиграл...
Может быть, увял я и старею,
Но любить любовь я не устал.

И в часы печальных размышлений,
И в часы раздумья и тревог
Предо мной проходит ряд видений
И уходит в сказочный чертог...

Вот и ты, последняя отрада,
Свет тихий радостных лучей!
У порога близкого заката
Утоли печаль моих очей.

В мире книг, в том мире, где живу я,
Нет твоей улыбки золотой,
Ни цветов, ни слов, ни поцелуя...

И в часы сомнений я жалею,
Что не взял я многое, что мог.
И тогда твой образ я лелею,
Как звезду лелеет астролог.

25 октября 1914 г.⁴⁰

«Биографам души» (если такие найдутся) П. А. Сорокина предстоит много поработать (а кто в России любит работать? Убивать, воровать это да...), чтобы установить всех адресатов его лирики...

Елена Петровна Баратынская, которой было суждено стать женой Сорокина и матерью его двоих, родившихся уже в США сыновей, была дочерью потомственного дворянина. В архиве Санкт-Петербургского университета сохранилось «Дело оставленной при Университете по кафедре ботаники Е. П. Баратынской».

СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу Его Императорского Величества от Санкт-Петербургской Духовной Консistorии дано сие Свидетель-

ство о том, что в метрической 1894 года книге Преображенского Собора в селе Копорье, Петергофского уезда, под № 44-м показано:

«Тысяча восемьсот девяносто четвертого года июля десятого родилась и крещена тридцать первого Елена. Родители: Земский врач Петергофского уезда, Петр Алексеев Баратынский и законная жена его Клавдия Никитина, оба православного вероисповедания, первым браком. Восприемники: ветеринарный врач Александр Ильин Гуляев и жена учителя Симбирской Духовной Семинарии София Алексеева Введенская. Гербовый сбор уплачен.

Апреля 19 дня 1904 года
Член Консistorии Подпись
Секретарь Подпись.⁴¹

Летом 1904 года в Севастополе Е. Баратынская закончила VII класс женской гимназии А. А. Ахновской, состоявшей под Августейшим покровительством Её Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны.

В «деле» хранится аттестат Е. Баратынской, в котором по всем обязательным и необязательным предметам курса гимназии она аттестована только на «отлично». Награждена золотой медалью. Кроме того, в деле — копия еще одного документа.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу Его Императорского Величества из Симбирского Дворянского Депутатского Собрания выдано настоящее Свидетельство дочери потомственного дворянина Петра Алексеевича Баратынского Елене в том, что она, по представленным о дворянском достоинстве доказательствам и по состоявшемуся в сем собрании 2 ноября 1904 года определению внесена в третью часть дворянской родословной книги Симбирской губернии, к роду отца ее, утвержденном в дворянском достоинстве правительствующим Сенатом, о чем дано было знать указом от 28 марта 1889 года за №1583 и что удостоверяется надлежащими подписями с приложением казенной печати.

г. Симбирск. Ноября 2 дня 1904
Губернский предводитель дворянства
в д. Гофмейстера Двора

**Его Величества В. Поливанов
Секретарь дворянства Подпись.**⁴²

На Бестужевские курсы Е. П. Баратынская поступила в 1912 году. В том же году судьба впервые свела ее с П. Сорокиным... Ей было 18 лет, ему 23 года...

Лето 1912 года Сорокин провел на Севере. Об этом свидетельствует следующий документ:

Предъявитель сего, Питирим Александрович Сорокин, отправляется с этнографическими целями в Вологодскую и Архангельскую губернии. В высшей степени заинтересованный в успехе означенного научного предприятия Совет Императорского Русского Географического Общества обращается с усерднейшей просьбой ко всем тем лицам и учреждениям, с коими Г-ну Сорокину доведется вступать в сношения при исполнении принятой им на себя задачи и равно на пути следования к месту назначения и обратно, оказывать ему законное покровительство и возможное содействие.

В удостоверение вышеизложенного выдается господину Сорокину настоящее удостоверение за гербовой печатью Императорского Русского Географического Общества сроком по 31 декабря тысяча девятьсот двенадцатого года.

С.-Петербург май 1912 года

**Вице-председатель Член Государственного Совета,
Сенатор, Действительный тайный Советник
П. Семенов-Тянь-шанский**

**Действительный статский
Советник А (подпись неразб.).**⁴³

В студенческие годы, по воспоминаниям людей, знавших его в тот период, Питирим Сорокин был буквально влюблен в Север... Не удивительно поэтому, что каждое лето он проводил в родных местах. Отметим, что Вологда, в которой Сорокин так часто бывал и имел обширный круг знакомств, а впоследствии избирался от Вологодской губернии в депутаты Учредительного Собрания, была городом особым, среди русских городов.

Писатель Ремизов, отбывавший там ссылку, писал:

«Вологда, подлинно Афины» — «Северные Афины». А в начале этого века (невероятно, ведь так недавно, а как тысяча лет!) таким именем «Афины» звалась ссыльная Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая-нибудь была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было!».⁴⁴

Автор знаменитых «Колымских рассказов», уроженец Вологды Варлам Шаламов, полузырянин, как и Питирим Сорокин, писал в «Четвертой Вологде» (начатой в 1968 году, в год смерти Сорокина):

«Нет в русском освободительном движении сколько-нибудь значительного деятеля, который не побывал бы в Вологде хотя бы на три месяца, месяца не регистрировался в полицейском участке». — И далее: «Вот этот классический круговорот русского освободительного движения — Петербург-тюрьма-Вологда-Заграница, Петербург-тюрьма-Вологда — и создал за несколько веков особенный климат города, и нравственный, и культурный. Требования к личной жизни, к личному поведению были в Вологде выше, чем в любом другом русском городе».⁴⁵

Шаламов отмечал, что истоки теории конвергенции Сорокина уходят в вологодскую глушь.⁴⁶

О пребывании в вологодской ссылке вспоминал Н.А. Бердяев, высланный, как и П. А. Сорокин, в 1922 г. из Советской России...

Будучи «фанатиком» изучения Коми народности, во время одной из своих поездок с К. Ф. Жаковым на Север, Сорокин обнаружил у священника села Визинга Стефана Куратова рукописи его родственника — народника 70-х годов, первого коми поэта и ученого И. А. Куратова. Попытка их получить для «научного использования». Не вышло. П. А. Сорокин публично стыдит священника в «Известиях АОИРС»...

За четыре года учебы в Университете Сорокин опубликовал в Архангельске, Москве, Петербурге, Риге более полусотни научных статей по вопросам истории, психологии, юриспруденции, социологии, религии, философии, литературе, этнографии, несколько брошюр, одну монографию...

5

Одним из предшественников Сорокина по изучению народа коми был Василий Кандинский. В 1889 году он представил в Русское этнографическое общество свою работу «Верования Пермьяков и Зырян» и получил от общества стипендию для экспедиции с целью продолжить изучение зырянской религии. Детальное описание Кандинским шестинедельного путешествия в Усть-Сысольск содержит прекрасную этнографическую информацию.

В материалах Пушкинского дома сохранился уникальный документ П.А. Сорокина, относящийся к лету 1911 года.

Дневник путешествия на Удору.

19 июня 1911 г. В час дня выехал из Устюга на «Яренск». Ехал до Котласа. Душно, жарко. Публике тоже. В 6-ть был в Котласе. Пересадка на «Сольвычегодск». Та же жара. Встретил Геннадия Ивановича (личность этого человека, а также упоминаемых далее Быстрова, Попову, Базова, Рогова, Панкратова, Бутырева, о. Николая, Сухиева, Палкина, о. Александра, о. Элодосия и Колыванова установить не удалось — Ю. Д.). Снимает виды. Публики больше. Наблюдал на пристани зырян. Одна девушка смаковала кончик хвоста рыбы. Показалась дегенераткой а зыряне — монголами. Напротив меня сидела девушка с голубыми глазами и с золотыми волосами. Смотрела и я смотрел. В общей скуке и жаре показалось интересно. Встретил из Палевно семинариста. Поговорили. Ехал Быстров. Неприятная рожа.

После долгого ожидания, наконец, пароход тронулся. Вечер. Тихо. Сидел и читал «Sociologie de L'action». Рядом со мной оказался человек (симпат.) в сером. Показался иностранцем. Так и есть. Во время чтения вижу, что Попова с ним болтает и затем что-то пишет. Написала и объясняет, но с трудом.

— Вы кажется, тоже зырянин? — обратилась она ко мне.

— Да.

— Помогите перевести. Вот рекомендую, венгерский лингвист. Поговорили. Оказывается это венгерский молодой лингвист едет в Зырянню для изучения зырянского

языка. По русски говорит плохо. По зырянски — отдельные слова.

— Вот песня.

Читаю, Шонди-баной, оло мой.

— Перевожу.

— О лом — жизнь, и оло — мой. Vocativus от олом.

Перевел. Он записал.

Слово за слово разговорились. Удивительно симпатичное лицо (голуб. глаза) и симпатичный человек.

— Откуда вы?

— Из Будапешта.

— А куда?

— Усть-Сысольск.

— Почему же туда?

— А там есть Базов.

Объясняю, что Базова вероятно нет теперь. И даю ему свою карточку к Цемберу, который направил бы его куда следует. Получаю его. Fuchs David Rafael.

Туда придет товарищ, тот уже этнограф. А затем Мезень и Вашка. Даю необходимые советы (билет).

— Вероятно, на Удоре встретимся. Я в свою очередь показываю ему открытый лист Г.О. (Географическое Общество — Ю. Д.).

— Он от общества изучения Монголии.

— Очень рад, что встретились.

— Жаков, Налимов и др. Рогов. Речь о Жакове. Долго до вечера говорили. Сцена насчет языка с попом. Он присоединился тоже.

20 июня. Жара. Спать нельзя. Речи с зырянами. Брак, семья, религиозные верования. Их форма. Знакомые. Купка. Яренск. Сердечное прощание с Fuchs'ом и т. д. С учителями насчет того, что отцы загребли в свои руки все земство.

21 июня. Яренск. Ссылные, мало. Их положение. Хлопоты с документами и т. д.

22 июня. Римья. Скучно.

23 июня. Был в Жешарте. Дорога обратная. Цветы и стихи. Вечером Римья и Павла. [О Павле Питирим Сорокин

писал в «Вологодском листке»: «Я Павлу знаю очень хорошо. Это девушка лет 11–12.

— Ну, что Павла, давай расскажи и мне...

Стесняется, краснеет, но подходит к столу, садится и скоро начинает: «Важон олисны — вылисны гося (В старину жили-были муж с женой). Тихо и плавно полилась речь, и я с восхищением смотрел на эту маленькую поэтессу с синими глазами, образно и художественно рисовавшую мне причудливые миры с богатырями, лешими, колдуньями и т. д. И она уже забыла всякое стеснение, вся ушла в рисуемый ею мир и играла неподражаемо тех героев, про которых она рассказывала. В избе стояла полная тишина. Все смолкли и только нежно и звонко лился чистый голосок Павлы. Одна сказка сменялась другой, после сказок пошли песни, и я удивлялся все больше и больше маленькой художнице и богатству её знаний. До самой ночи лились рассказы и возобновились на другой день. На третий день к вечеру я выехал из Римья (см. Питирим Сорокин. «Пестрое кружево». Архангельск. Архангельский областной краеведческий музей. 1993 г. С. 20–21).

24 июня. Римья и выезжаю на Удору (Газеты и Земск. библиотеки). Написано до выезда в Римью. 15 (почти) страничек. Про «школы» Шергина и Панкратова.

24 мая. В 7-мь часов приехал ямщик, я попрощался с тетей и поехали. Синее небо, речка, ковер цветов — окружали кругом и я утопал в этой природной роскоши.

— А что в других странах есть пчелы? Я видел их у члена суда в Яренске.

— Есть. Рассказываю ему про ульи, про авиацию.

— Вот хорошо-то. Ты все видел, а мы видим только вот это. Отвечает он, указывая на окружающее. Едем дальше. Вот и Жешарт. Сколько раз я ходил и ездил по этой дороге. Поднимаемся в гору. И я поднимаюсь. Быстро пара лошадей помчала меня по Жешарту. Смотрю, та же печать переходного времени лежит на всем. Рядом со старым неуклюжим домом, красуется выкрашенный домик с балконом, с резьбой. Рядом с пожилыми дедами в посконных рубахах — стоит молодежь, в пиджаках, шляпе и при часах. Из окон высовываются головы любопытных, некоторые кланяются.

Проехали. Снова лес. Тьма уже охватила нивы деревьев, а верхушки их еще утопают в золоте заходящего солнца. В удивительно чистом воздухе выделялись контуры деревьев, огорода и хлебов. Желто-зеленая краска поспевающей ржи как-то удивительно гармонировала с бледной синевою неба и с темно-зеленым плащом леса.

Быстро мчатся лошади. Ямщик покрикивает. Хороший ямщик. Приезжаю в Гам (описание и история). оттуда идем с о. Николаем. Солнце уже зашло. Но заря по прежнему остается на небе. Вот где краски то и вот где бы яркий материал для художника. Каких только цветов нет! И в какой композиции! Все они, взятые вместе. Откуда раскрываются громаднейшие горизонты — великолепны. Едет Иколо Виниша. Горит костер. Мужик и девочка лежит.

— Что это такое?

— А это караулят умерших.

— Как же она умерла?

— Нечаянно у соседей, отвечает маленькая девушка. Удивительно красивые глаза. И в сумраке «белой ночи» она кажется еще удивительней. А ты не боишься?

— Нет.

Удивительная девочка! Надоело ей сидеть и вот она побежала за телегой.

Едем дальше. Горы и горы. То спустишься вниз, то поднимемся наверх. Внизу тебя охватывает сыроватый воздух, с каким-то специфическим запахом, вверху — удивительная чистота и прозрачность. То тут, то там мелькает Вычегда. В деревнях уже почти такого не видно. Ямщик — баба правит лихо. Комаров почти нет, шмели так надоедавшие днем, исчезли. Тихо. Только колокольчик звенит. Мысли уходят куда-то далеко. Охватывает какое-то полудремотное состояние, блаженное и хорошее. Не то спишь, не то нет. Встают образы, заманчивые и манящие и так хорошо мечтать.

В 12 часов ночи приехали в Айкино. Вышел, заказал чаю. Вошел студент. Оказывается он южанин и приехал сюда на практику.

— Ну, как вы себя здесь чувствуете?

— Понимаете, растерянным. Языка я не знаю, а они плохо говорят.

— Понимать-то, они понимают и говорить — говорят. Но пока вы еще не привыкли. Поживете — понравится.

— Посмотрю, увижу.

Явился урядник. Зачем? — не знаю. Оказался знакомым. Пока пили чай, лошади были поданы и 1 час я выехал на Удору. Ямщиком оказалась какая-то пожилая баба. Из дальнейшего выяснилось, что она умела больше кричать, чем ямщичать. Везде медленно и долго. При выезде встретила фигура мужика.

— Если увидите там лошадь, то возьмите ее, сказал он плача.

— В чем дело?

— А пьяные мужики напали на меня (он из Котмудора) и потребовали водки, я не дал, они побили меня и отняли лошадь.

— Беги к уряднику! сказала баба. И мы поехали дальше. Яреньга. Просили насчет лесу. Штрафуют за порубку, тогда

как лесу много и вдобавок он мешает земледелию.

В деревне той был праздник. Приходится задумываться над такими фактами.

Сначала я сидел, но дремота постепенно стала охватывать меня и я попытался заснуть, свернувшись калачиком. Но, к сожалению, из этого ничего не выходило. И тесно, и тяжело, и трясет страшно, и вдобавок комары не дают покоя. Лезут всюду: и в лицо, и волосы, и в рот, кусают шею. Настоящий бич этих мест. Черт бы их побрал. Пока перебирался за волок они покусали все руки, лицо и шею.

Сначала я въезжал в лес с радостью. Давно уж не видел я глухого леса, стосковался по тайге. Но затем одно и тоже тянется на протяжении 140 верст и постепенно надоедает. Хочется скорей вырваться на простор, увидеть речку, луг. меня начинает давить. Дорога тоже однообразна. Все время она то и отлого спускается, то снова поднимается.

От нечего делать хотелось увидеть хоть медведя.

— Бывают, отвечает ямщик, но редко. Всего чаще осенью.

— Но вот и «чуб». Попил чайку, подзакусил. Умылся и снова в путь.

Ямщик, бледный чахоточный мужик вез уже гораздо скорее и лучше. Веселее было и на душе. Яренга.

В (слово неразборчиво — Ю. Д.) его сменила молодая девушка. Я сначала не хотел ее брать, но она оказалась лихим ямщиком. Лошади неслись как птицы, но зато и влетело же моим бокам. Ох! влетело здорово. (Пять слов неразборчиво — Ю. Д.).

Среди общей мрачности леса, как-то страшными казались бледно розовые и бледно голубые цветы, растущие вдоль дорог. Как роскошь изредка алел цветок шиповника — северные розы.

Яренгская станция прилична, но уже следующая станция ни к черту не годится. На улице — комары, зайдешь — их того больше и вдобавок, почему-то они все жарко натоплены. Скверно! Пьешь чай и лезут в рот, вместе с чаем. Одним словом благодаря комарам хоть делайся пессимистом. Спать нельзя, душно, музыку поют и кусаются. К концу путешествия у меня вся шея, лицо, уши и руки были искусаны и горели. Беда да и только. Подъезжая к Буткану я увидел такой закат, какого никогда не видал.

Солнце стояло в уровень с землей и весь низ деревьев горел. Солнце, словно громадный прожектор светило сквозь стволы деревьев. Издали казалось, что все небо горело. Дорога все спускалась и спускалась. Порой казалось, что кончится лес и там откроется океан. Наконец, в 8 часов вечера я был в Буткане. Маленькая деревушка, глухая. Избы, как и везде. Вошел в станцию. Грязно, душно и неудобно. Решил ночевать. Поставили самовар. Вошел хозяин. Я сразу же приступил к делу. (Два слова неразборчиво — Ю. Д.).

Оказался охотником (Шесть медведей убил. Однажды был в страхе). Начал рассказывать. См. тетрадь. Поел простоквашу. Попили чайку. Тут и говорили. Комары. Принесли соломы. Лег и не мог спать. Скверно. В 7-мь встал и поехал на лодке. Славно и хорошо. Заснул. Приехал в Кослан. Утро. Станция получше. Урядник собрал народ. Поговорили. Священник. Великолепное место. Народ. Погугарили (см. другую тетрадь).

Фельдшер, писарь и я поехали дальше (Воспоминания об отпуске. Иконостас, церковь и я). Народ здоровый, болезней нет. Казенных девок — (слово неразборчиво — Ю. Д.). Пьют.

26) Вечером приехал в (слово неразборчиво — Ю. Д.). Студент. Переночевал у него (два слова неразборчиво — Ю. Д.). С удовольствием.

27) Выехал в Венденгу. Дождь, слякоть (слово неразборчиво — Ю. Д.) дорога и т. д. Следовательно, загнал лошадь. Комары. В Гам ехал целых три часа. В Венденге был у попа. Вечером на станции собрался народ и беседовали почти всю ночь. Славный народ!

28) Выехал. Заезжал в Крёстовск. Деревню вырыл труп, срисовал крест. Ертом. Ссылные. Выверка. Правление. Обычаи.

29) Ёртом. С утра чай. Церковь, Священник, свадьба. Девушки, мужики и тут меня знают. Быт ссыльных. Странствия по этапам. За что выселяют. Выезд дальше. Нравственный народ, гостеприимство, красота, грамотность, говорят по-русски, честность и т. д.

О. Александр, дьячек.

Ст. Плюсса, сев.-зап. ж. д. Место красивое кругом (река Башка). Д. Погорелово. Смотрел свадьбу. Н. М. К. 20 вечером выехал дальше. Коздин. Праздник проводы. Иб. ночью в Чирк. Оттуда в Важгорт (на лодке, ночью, туман — простудился). Утром в Важгорте.

30) Утро. Священник о. Элодосий. Фисгармония граммофон. Фотография. Епархиальные Ведомости. Бутырев (купец и коновал). Урядник пьяный. Сухиев — Гомер. Утро. Фотография. Черепанов*. Свадьба. Мужик — колдун и пьяный (три слова неразборчиво) плакали. Фотография девушек. Честность девушек. Кража невест. Залог. Вечер — самоеды. Чум.

Общее. Я ожидал не то. Все говорят по русски. Пиджаки. Грамотность.

31) Довольство. Ярмарка. Староверы и скрытники.

* В государственном архиве Российской Федерации, в Москве, в личном фонде Сорокина сохранились две фотографии, запечатлевшие свадебные сцены. На обороте обеих фотографий написано: «Фото Евгения Афанасьевича Черепанова» (ГАРФ. Ф. 602. Д. 53. № 9,29).

1) Рост староверства. 2-го выехал. Лодка. Дождь. Удивительная честность. Вода бурлит. Берега. Цветы и шиповник на общем серо-мрачном фоне. Старовер священник. Дороги. Ось сломали. Холодно. Коздин. Конец на лодке. Коромоко.

2) Ертом. Скелет очистили. Все чисто. 3-го около 12 часов выехал из Ертема. Опять тот же надоевший до тошноты дождь, и то же серое небо и та же грязь. Сидишь в тарантасе и подпрыгиваешь. То тебя бросит вправо, то влево. Комья грязи летят прямо в лицо.

Тихо плетутся лошади.

— И рад бы поехать скорее, да нельзя, вишь дорога-то, извиняется ямщик.

— Вижу, вижу.

Тихо звенит колокольчик. Голова болтается словно у манекена, а мысли улетают куда-то далеко. Забываешь на минуту и грязь, и леса и все. Но опять здоровенный толчок, голова ударяется о накладушку и действительность снова налицо. И тянутся, и тянутся на сотни верст леса. Везде болото и вода. Водой наполнены все ямы, дорога всюду и везде бежит она и едешь скорее по воде, чем по суху. Кругом больше еловые леса, сырые, мрачные, чудовищные. А местами, где повыше, они становятся сосновым бором. Сосны стоят ровные и прямые и далеко видно между их стволами. Тут же и лиственницы. По краям дороги опять цветы, цветы и цветы. Розовые, голубые, желтые. Словно. случайно попали они сюда, распустились и расцвели. Особенно как-то поражают розовые цветы среди выгоревшего бора. Кругом все мрачно, черно, обожжено. Деревья, словно трупы валяются. И вдруг, внизу все алеет от цветов.

32) Приехал в Венденгу. Люди собрались. Славные интересные (Палкин и Колыванов).

— Далеко ли ездили?

— Сказки приготовили. Еду дальше.

Чуть-чуть светлее стало. Дождь перестал. Показался между тучами маленький, маленький кусок синевы.

— Как ни (слово неразборчиво — Ю. Д.), а радуется.

— Ашкап погода-то проясняется?

— Да, пора бы уж, а то все поля и луга зальет, беда да и только.

— Лазурь становится яснее.

— Но скоро заволакивается тучами. Снова. Моросит. Опять едем... тихо... грязно.

— Стоп, дальше видно не уехать, говорит ямщик, ос. лошадей.

— Смотрю. Речка разлилась. Мост (примитивный) снесло. Ехать действительно нельзя.

— Что же будем делать? Пешком что-ли?

— Да видно пешком придется. Ну пешком, так пешком, благо багажу немного.

Но как перейти. Я в калошах. Снимаю их. Бревен накладываем.

— Слышен колокольчик и подъезжает ямщик. Начинаем менять лошадей. Перевожу. Скажусь верхом и еду. Давно уж не ездил. Довольно комичная картина. Кое-как доехал. Калошу потерял. Дождь идет, заливают очки, а я трясусь. Но у бабушки снова речка, еще шире. Перейти нет возможности. Остановливаюсь и кричу. Наконец, показывается парень в «бакилах».

— (Зарянский язык неразборчиво — Ю. Д.).

— (Зарянский язык неразборчиво — Ю. Д.).

— Вот... Перебрывают. Наряжаюсь в бакилы. Снимаю пальто и пускаюсь в путь. Благоролучно. Самовар.

— Теперь задача — как ехать дальше. Лошади все на той стороне.

— Я уж и не знаю, говорит один из ямщиков.

Надо как-то перевезти их сюда. Долго пьем чай. Они не торопятся. Ну и земство! Совершенно на дороге не смотрит. Тут как хошь. Вон вчера проезжал член Управы, и ни слова не сказал. Ходят, болтаются члены, дорожные смотрители, а толку-то што? Тут, наш брат, ямщик — как хошь.

— Да, они правы. Земство — дельное, но тут налицо неурядица. И долго тянутся разговоры.

— Ну, как же лошадей-то?

— Молчание.

— А ты пешком не пойдешь?

— Да как же пешком в такую-то грязь, с пальто, да с багажом. Нет, отказываюсь я.

У них своя психология.

Напился ушел. Жду полчаса ничего не слышно. Выхожу, спрашиваю. Сидят и ничего не думают, мне досадно и смешно.

— Ну, идите же, не век же мне здесь вековать. Нехотя надевают бахилы. Пошли. Через час с половиной воротились. Перетащили таки лошадей. Чай пьют. Через два часа трогаемся (а в это время я сидел и писал).⁴⁷

6

Еще в 1889 г. Н.Н. Кареев организовал при Петербургском университете Историческое общество. Из-за «направления» оно постоянно преследовалось властями и в конце концов было закрыто.

Но кое что удалось сделать.

Среди этого «кое-что» — 25 томов «Исторического обозрения», «Русская секция» Лаппо-Данилевского и, что важно для нас, создание при Обществе в 1912 году Социологической секции.

Студент П.А. Сорокин откликнулся на это событие заметкой в журнале «Запросы жизни». Из заметки видно, что Сорокин прекрасно осведомлен о состоянии дел социологической науки как на Западе, так и в России.

«В настоящее время социология является «опальной» наукой только в одной России. Только у нас могут называть ее наукой «пустословия», путать с социализмом, видеть в ней источник революции и бунтов и сжигать ряд книг по социологии, вроде книги Л. Уорда «Динамическая социология», под тем предлогом, что тут речь идет о «динамите и социализме». Точно так же в одной России университеты блещут отсутствием кафедры социологии на юридическом факультете.

Что касается Западной Европы, то в настоящее время там социология пользуется полным правом «научного гражданства», в возможности такой науки больше не сомнева-

ются, а также в необходимости ее преподавания в высших учебных заведениях. Курсы социологии читаются в ряде университетов и высших учебных заведений Франции, Германии, Англии, Соединенных Штатов Америки, Италии, Австро-Венгрии и т.д.

Что же касается числа работ по социологии, то каждый, кто следит за развитием научной мысли в сфере общественных наук, знает, что число таких работ с каждым днем все более и более растет. Не следует думать, что этой «опальной» наукой занимаются «научные шарлатаны». Достаточно указать на такие имена, как Зиммель, Л. Штейн, Освальд Штейнмец в Германии; Дюркгейм, Вормс, Фулье, Бугле во Франции; Гарофало, Ваккаро, Э. Ферри, Серджи в Италии; Уорд, Гиддингс, Вестермарк в Англии и Америке, как М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев в России и пр. В наше время нет ни одной сколько-нибудь научной работы по вопросам общественных наук, которая так или иначе не предписывала бы в виде фундамента те или иные социологические теоремы.

После всего этого нужно ли говорить, что опальное положение социологии в России представляет своего рода «архаизм», обремененный, конечно, не индифферентизмом представителей науки, а излишней подозрительностью и значительному невежеству известных кругов. Теперь и у нас появится наконец зародыш социологического общества в виде социологической секции при Историческом обществе Петербургского университета, первое заседание которого состоится 1 декабря и будет посвящено заслушанию и обсуждению доклада Е.В. Де Роберти.

Что касается Запада, то там уже давно появились и быстро растут социологические научные общества. Особенно важны услуги Международного Социологического Института в отношении популяризации и углубления социологии. Возникший в целях большей координации работ социологов и большей ее продуктивности в 1893 году, этот институт время от времени устраивает международные конгрессы социологов. Таких конгрессов состоялось уже восемь. Предметом конгресса избирается обычно одна из капитальнейших проблем социологии. Так, например,

предметом обсуждения 4-го конгресса был исторический материализм, 5-го — взаимоотношение социологии и психологии, 6-го — социальная борьба и ее формы, 7-го — социальная солидарность, ее формы, принцип и границы... Предметом обсуждения последнего конгресса, состоявшегося 7–12 октября в Риме, была проблема социологического прогресса.

Работы каждого конгресса обычно через год публикуются в одном или двух томах «Анналов Международного института социологии» (Вышло 13 томов). 8-й конгресс прошел блестяще.

На конгрессе были представлены почти все культурные государства Старого и Нового света. Из многочисленных участников назову имена: Гарофало, Э Ферри, Люццати, Серджи, Ваккаро — представляющих Италию; Ф. Бюиссона, принца Р. Бонапарта, Ш. Жида, Л. Филиппа и Р. Вормса — со стороны Франции; М.М. Ковалевского и Е.В. Де Роберти — со стороны России; Людвига Штейна — со стороны Германии; Р. Гольдштена — со стороны Австрии и т.д.

Работы конгресса в целях всестороннего обсуждения проблемы были разбиты на секции и велись приблизительно по такой программе: а) идея прогресса, б) прогресс антропологический, в) экономический, г) интеллектуальный, д) моральный, е) политический и ж) общая формула прогресса...

Результаты и ход работ появятся в «Анналах Международного института», издаваемых под редакцией Вормса». ⁴⁸

7

1913 год — последний год довоенной России.

В 1913 г. П. А. Сорокин завершил работу над своей первой монографией «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения». Деньги на издание книги дал купец второй гильдии, почетный попечитель Велико-Устюжской гимназии Я. Г. Долбышев в

книгоиздательстве которого книга и была напечатана осенью 1913 г. (хотя на титульном листе значится год 1914-й).

Лето 1913 г. П. А. Сорокин, как всегда, проводил на Севере. Сохранилось два письма его университетского товарища, будущего академика Тимофея Райнова в Великий Устюг, в которых речь идет о «Преступлении и каре...». Т. Райнов сообщал, что с удовольствием займется чтением корректур, что был в типографии и передал распоряжение П. А. Сорокина: **«Таким образом печатанье будет ускорено значительно»**. Интересовался: **«Скоро ли Вы собираетесь вернуться сюда. Ведь конец лета приятнее проводить здесь, нежели в глуши»**.⁴⁹

Предисловие к «Преступлению и каре» написал М. М. Ковалевский:

«Нельзя не отдать должного разносторонней подготовленности еще молодого писателя, которому не только известна литература по психологии и социологии на четырех наиболее распространенных языках Европы, но и материал законодательных и религиозных книг, в которых, очевидно, необходимо искать выражения в разное время господствовавших воззрений на кары и на награды».

Книга ставила Сорокина в первый ряд представителей зарождающейся русской социологии. Это отмечал и М. М. Ковалевский:

«Вообще читатель не найдет в книге г. Сорокина преследования каких-либо определенных этических, социальных или политических тенденций».

Он постоянно орудует данными психологии, этнографии, истории с тем научным беспристрастием, какое так естественно у физика, химика или биолога и которое, к сожалению, так редко встречается в сочинениях по обществоведению. Это обстоятельство, может быть, ограничит круг его читателей, но оно же в моих глазах, является залогом того, что книга эта несомненно послужит той высшей задаче, которой, по мнению Монтескье, издаются серьезные сочинения: она возбудит мысль самого читающего и заставит его в свою очередь сделать усилие в направлении к установлению необходимых отношений

между явлениями, т.е. эмпирических обобщений или социологических законов.

В нашей возникающей социологической литературе книга г. Сорокина является одной из первых ласточек. Выскажем пожелание, чтобы за ней появился и ряд других, и вместе с тем уверенность, что в этой будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора. Преступлений и кар, подвигов и наград»...⁵⁰

Пожелание М. М. Ковалевского осуществилось с той только разницей, что вершины научного Олимпа, и не российского, а мирового, П. Сорокин достиг не в России, а в США.

Пока же молодой ученый в своем предисловии к книге выразил глубокую благодарность тем, кого он потом всю жизнь считал своими учителями: В.Е. Де Роберти, М. М. Ковалевскому, Л. И. Петражицкому, а также руководителям кружков в Университете, которые он посещал: «экономического» — М. И. Туган-Барановскому, «философии государства» — М. А. Рейснеру и «уголовных кружков» — М. М. Исаеву и П. И. Люблинскому, а также своему товарищу — Т. И. Райнову, **«любезно разделившему с автором труд корректирования данного труда»**.

В 1913 г. Сорокин также деятельное участие принимал в «Кружке политэкономистов» под руководством приват-доцента С.И. Солнцева. Другими деятельными участниками этого кружка были Н.Д. Кондратьев, Н.Г. Елисеев, И.А. Михайлов, Г.Д. Боричевский, С.Н. Крестовский, В.М. Шилов.⁵¹

На первую книгу социолога появились положительные отзывы в печати: лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов написал о ней в журнале «Заветы», а университетский товарищ А. А. Гизетти — в газете «День». Отметили книгу журналы «Вестник Европы» и «Юридический вестник»...⁵²

Дождь рецензий... Нельзя было не заметить одну «из первых ласточек». Ведь в 1913 году в России, кроме «Преступления и кары» Сорокина по разделу социология было издано всего 6 книг! Две книги Н.И. Кареева и одна М.И. Туган-Барановского были опубликованы в Петербурге, «Социология физики» Кетлэ издана в Киеве, и «Критика учения Штирнера» К. Маркса и Ф. Энгельса в Одессе.⁵³

Людей, способных написать толковую рецензию было мало. Приходилось просить. 28 октября 1913 г. Сорокин писал из Петербурга в Харьков редактору-издателю, выходявших там сборников «Вопросы теории и психологии творчества» Б.А. Лезину:

«Извиняюсь, глубокоуважаемый Борис Александрович, за то, что не мог сразу ответить на Ваше любезное письмо. Вместе с этим письмом я послал А.Л. Погодину свою рецензию об его книге. Будет на нее рецензия и в «Заветах», хотя не скоро. Т.Н. Райнов говорил мне, что у Вас скоро должен выйти том по теории творчества. Если Вы будете добры прислать его мне лично, а если возможно и моему товарищу Н.Д. Кондратьеву, то я с удовольствием бы написал об нем рецензию в «Заветах», а он – в «Вестнике психологии». Если Вы будете добры дать отзыв о моей книге в «Х(удожественном) утре» или в «Родине»* или вообще где-нибудь – я был бы Вам очень и очень благодарен. Номер «Вестника психологии» Вам высылает Т.Н. Райнов.

Искренно уважающий Вас П. Сорокин.

СПб. Угол Б. Гребецк. и Малога, д. 28-28, кв. 32.»^{53а}

Сам Сорокин опубликовал в 1913–1915 гг. два реферата (т.4, 5) и одну рецензию (т.6 вып.1) на сборники Лезина.

Опубликовал ли Лезин свой «отклик» на «Преступление и кару...» Сорокина? Пока не найдено...

Несомненно, что личность самого Питирима Сорокина прекрасный объект для науки под названием «психология творчества»...

В ноябре. Сорокин получил письмо из Вологды от человека, который впоследствии стал близким другом и издателем его книг («Системы социологии» и других).

Ферапонт Иванович Седенко (литературный псевдоним — Петр Витязев) отбывал в Вологде уже вторую ссылку за свою революционную деятельность. Он был на три года старше Сорокина. В революционное движение, как и П. Сорокин, вступил в годы Первой русской революции: организовал летом 1906 года в Аккермане группу социалистов-революционеров. С осени

1906 года, под кличкой «Сибиряк», находился на подпольной работе в Одессе, где принимал активное участие в операции по взрыву пароходов «Николай II» и «Аю-Даг».

В конце 1906 года Ф. Седенко возглавил «Боевую организацию» при Одесском комитете партии социалистов-революционеров. Под его руководством было проведено несколько террористических актов. В июле 1907 года был арестован и на три года отправлен в ссылку. В конце 1910 года он приехал в Петербург и поступил на юридический факультет Университета. Тогда, видимо, и произошло знакомство Сорокина и Седенко. Оба принимали активное участие в «толстовских днях» — студенческих волнениях, вызванных смертью Льва Толстого в ноябре (по старому стилю) 1910 года. Десятки студентов, по распоряжению министра-просвещения Л. А. Кассо, были исключены из числа студентов Университета, многие из них, в том числе Ф. И. Седенко, были арестованы (П. Сорокину удалось тогда избежать ареста).

Ф. Седенко повезло меньше. После месячной отсидки в «Крестах» его выпустили. Летом 1911 года он уехал на юг восстанавливать организации социалистов-революционеров, разгромленные полицией. Там был вновь арестован (всего при царском режиме он был арестован 5 раз, сидел в 17 тюрьмах).⁵⁴

В письме к Сорокину из Вологды Седенко просил указать книги по социологии, которые необходимо прочитать (среди студентов Сорокин был известен тем, что изобрел свою систему обучения: вместо посещения лекций университетских профессоров он составил список их трудов и по этим трудам ознакомился с научными теориями. Тем самым экономилось время).

Из ответного письма Сорокина к Седенко.

«1913г. 2 декабря

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ФЕРАПОНТ ИВАНОВИЧ!

Только что получил Ваше письмо и немедленно отвечаю. Мне очень трудно указать Вам пособия, необходимые для Вашей работы, трудно потому, что я не знаю более или менее точно, как Вы ставите изучаемую Вами чрезвычайно интересную и нужную проблему...»,

* «Родина» (1879–1917. Издатель А.А. Каспари) – популярный «тонкий» еженедельный иллюстрированный журнал.

Далее Сорокин советовал Седенко ознакомиться со своей только что вышедшей книгой:

«Доказательство этих положений Вы найдете во «Введении» к моей работе «О карах и наградах», знакомство с которой будет для Вас не только не лишним, но прямо таки необходимым... В Вологде имеется экземпляр моей книги у В. Н. Трапезникова, обратитесь к нему <...> 14 декабря я буду в Вологде и тогда привезу Вам сам книгу и с удовольствием подарю Вам. Если что найдете в ней — буду рад...»

Р. С. Если напишете рецензию на нее, буду очень благодарен. Ваш Питирим Сорокин.⁵⁵

Алексей Ремизов, отбывавший ссылку в Вологде в начале XX века много лет спустя вспоминал:

«Все книги, выходявшие в России, в первую голову посылались в Вологду, и не в книжный магазин Тарутина, а к тому же П.Е. Щеголеву. И было известно все, что творится на белом свете: из Арзамаса писал Горький, из Полтавы Короленко, из Петербурга Д.В. Философов, он высылал «Мир искусства», А.А. Шахматов, П.Б. Струве, Д.Е. Жуковский, а из Москвы — В. Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис и Леонид Андреев. Между Парижем, Цюрихом, Женевой и Вологдой был подлинно «прямой провод»⁵⁶

Рецензию Седенко написал и (после окончания ссылки, восстановившись на юридическом факультете Университета, 20 сентября 1915 года) отправил ее редактору «Ежемесячного журнала» В.С. Миролубову. В сопроводительном письме Седенко писал::

Милостивый государь, г. редактор.

Посылаю Вам свою статью «Преступление и подвиг в свете научной социологии». Своей статьей я преследую две цели: во-первых, я хочу познакомить возможно широкие слои русской читающей публики с действительно замечательной книгой Питирима Сорокина. Во-вторых, я считаю

необходимым сделать ему ряд возражений, которые не были до сих пор сделаны в печати...»

Что касается общей оценки труда П. Сорокина, то он, по мнению рецензента, **«...представляет собой явление оригинальное и крупное не только в русской социологической литературе. Такая книга сделала бы честь и западной социологии. Несколько слов об истории этой статьи. Написана она была в Вологде, где я находился в ссылке. Во время одного из обысков она вместо редакции журнала попала в жандармское управление, где пролежала изрядное количество времени и только недавно мне ее вернули обратно. На ней вместо отметок редакторских оказались следы карандаша жандарма... Так судьба насмеялась над моим литературным опытом. Надеюсь, что Ваша редакция исправит, наконец, шалости судьбы и даст моей статье место в своем журнале.»**

С уважением, Ферапонт Седенко.⁵⁷

Статья Седенко в «Ежемесячном журнале» так и не появилась...

Кроме научных публикаций Питирим Сорокин, как и многие другие представители русской интеллигенции, считал своим долгом принимать участие в выпуске литературы для простого народа, из которого он и сам вышел.

Значительный вклад в эту деятельность внесло московское книгоиздательство «Посредник», во главе которого стоял ученик и друг Льва Толстого И.И. Горбунов-Посадов. Из всех дореволюционных издательств ориентированных на читателя «из народа», «Посредник» выпустил наибольшее количество книг. С «Посредником» сотрудничали И. А. Бунин, В. М. Гаршин, А. И. Эртель...

7 сентября 1911 года в Психоневрологическом институте на торжественном чествовании памяти Л. Н. Толстого Сорокин произнес речь, которую затем по совету бывшего на этом заседании председателем А. Венгерова, известного русского историка литературы и библиографа (и конечно революционера. В 1883 г. на его квартире народовольцы обсуждали план подготовки убийства инспектора Петербургской охранки Г.П. Судейкина) опубликовал в «Вестнике психологии, крими-

нальной антропологии и гипнотизма» в виде статьи под названием «Л. Н. Толстой как философ».

Статья была замечена и настолько высоко оценена И. И. Горбуновым-Посадовым, что он предложил Сорокину издать ее отдельной брошюрой.

В ответном письме Сорокин писал:

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ИВАН ИВАНОВИЧ!

Меня в высшей степени порадовал Ваш хороший отзыв об моей статье о Л. Н. Толстом, я рад, тому, что не ошибся в своем понимании, так как Ваше мнение по этому поводу есть мнение наиболее компетентное... Что же касается издания этой статьи в виде брошюры — то я кроме благодарности за это ничего не могу сказать другого. Одновременно с письмом посылаю Вам отпечаток, в котором я исправил опечатки и сделал незначительные изменения. Если Вы найдете нужным еще что-то изменить в брошюре (не меняющее, конечно, ее смысла), то я ничего не имею против. Когда лучше издать брошюру — это также Вы решайте сами...⁵⁸

Брошюра Сорокина «Л. Н. Толстой как философ» вышла в «Посреднике» в 1914 год. Один из ее рецензентов, вернее рецензентка — А. Лучинская, была, однако отличного от С.А. Венгерова и И.И. Горбунова-Посадова мнения.

Она писала, что брошюра Сорокина вызвана книгой профессора А.А. Исаева «Граф Толстой как мыслитель».* Исаев относится критически к Толстому. Сорокин — защищает. Оба сделали свою работу очень дурно. Оба не сумели быть убедительными для всех заинтересованных и для друзей и для врагов. Сорокин вслед за Толстым сочувственно цитирует Лао Цзы: **«Умные не бывают учены, ученые не бывают умны»**. Великие имеют право на этот парадокс, но Сорокин... На обложке брошюры Сорокина о Толстом напечатаны лестные слова о «Преступлении и каре».

Процитировав их, Лучинская заканчивает свою рецензию словами:

* Санкт-Петербург. 1911.

«Отзывы эти слишком авторитетны и единогласны, чтобы им не верить, но именно поэтому необходимо спросить г. П. Сорокина: «Так как же — «Ученые не бывают умны?»».⁵⁹

Сам Сорокин ценил эту свою брошюру о Л.Н. Толстом и впоследствии в США включал ее в библиографические списки своих работ...

«Посредник» выпускал также научно-популярную литературу по географии, этнографии, истории. Было задумано издание общей географии России и отдельных областей. Для выполнения этой задачи «Посредник» нуждался в популяризаторах науки. Сорокину предложили написать о зырянах. Он с готовностью откликнулся.

Петербург 7 сентября

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

Николай Максимович (Кузьмин)* передал мне Ваше предложение — написать что-нибудь относительно зырян для «Маяка» или вообще «Посредника». И предложил написать эту статью мне ввиду того, что он сам, не живя среди зырян и не зная их, не может удовлетворить Ваше предложение.

С другой стороны, прочитав на днях, что редактируемым Вами книгоиздательством «Посредник» предполагается выпуск новой серии книг «Народы всего света», я решил обратиться к Вам с некоторыми вопросами: а именно, нужна ли действительно статья о зырянах и если нужна, то для каких читателей предназначается она (для детей или взрослых) и в какой форме желательна (в форме ли рассказа или популярного этнографического описания).

Если статья о зырянах действительно нужна, то я предложил бы свое участие в деле ее составления, получив предварительно (сведения) относительно читателей, формы и объема.

Что же касается своей в данном вопросе компетентности, то пока могу сказать лишь то, что я сам зырянин, вырос и жил там и впоследствии два года (по летам)

* Друг Питирима Сорокина. Эсер. Впоследствии — толстовец.

занимался специально их антропологическим и этнографическим изучением... И так, если мое предложение соответствует Вашим целям, то я просил бы ответить на мои вопросы и по получении утвердительного ответа я напишу и вышлю Вами предлагаемую статью. Остаюсь глубоко уважающий Вас Питирим Сорокин.⁶⁰

Насколько мне известно, этот проект не получил дальнейшего развития...

После выхода в свет «Преступления и кары» имя Сорокина стало широко известно в культурных и научных кругах обеих российских столиц. Его труд-получил не только положительную оценку в печати. Некоторые сочли необходимым направить автору и личные поздравления:

27 ноября 1913 года

Многоуважаемый господин Сорокин,

Большое спасибо за присылку Вашего прекрасного труда. С огромным удовлетворением я читал его... Крепко жму Вашу руку. С глубоким уважением.

М. Кобылинский.⁶¹

Кроме Москвы и Петербурга появились отклики и в Харькове, где местный профессор А. Л. Погодин писал в газете «Утро»:

«С чувством живой радости приветствуем появление труда молодого русского ученого, который вступает в область нашей бедной литературы с большим аппаратом учености и пытливости. Вместе с профессором М. М. Ковалевским выражаем уверенность, что в будущей русской социологической литературе не один том будет принадлежать перу талантливого автора «Преступление и кара, подвиг и награда».⁶²

Знавший П.А. Сорокина еще по Черняевским курсам профессор Н.М. Тоцкий в еженедельной юридической газете «Право» отметил:

«...книга в общем представляет собой развитие отдельных положений теории Л. И. Петражицкого. Однако

автор чужд упрека в несамостоятельности и некритическом отношении к своему научному вдохновителю. Уже все Введение представляет решительный шаг в сторону оригинальности и самобытности. Вся книга блещет стремлением к самостоятельности, самобытности и желанием критически проникнуть в тайны социального бытия. Нельзя не отметить еще хорошего знакомства автора с памятниками древней религии и культуры».⁶³

На «Преступление и кару» обратила внимание газета «Отклики Кавказа» (Армавир. Редактор М.Ф. Доронович*. 1914. №3. 4 января. Рецензия С. Лунина**), американская и итальянская печать, московский «Вестник права» (1914. №6. 9 февраля. Рецензия А. Дембского)...

Студентка Психоневрологического, дочь профессора М. Рейнера, будущая большевичка и прообраз комиссара из «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского Лариса Рейснер в 1913 г. в одном из писем родственникам писала:

«Между прочим, Сорокин (дядя его знает, кажется) выпустил свою первую книгу «О преступлении и наказании», очень интересный социологический очерк. У нас состоялся презабавный «обмен», гм-гм, «печатными трудами». Папа целую неделю смеялся после этого торжественного «обмена»...

Ваша Ляля».^{63а}

8

Таким образом, научный дебют 24-летнего Сорокина был блестящим. О нем стали говорить как об исключительно талантливом ученом. В «Предтече» Сорокин упомянул о своих «двух командировках для практического изучения тюремоведения и мира преступников». Первая была в Кинешме.

* Михаил Федорович Доронович (1876-1964) большевик. Газета имела радикальное направление. Постоянно подвергалась штрафам и преследованиям.

** Степан Михайлович Лунин - родился в 1883 г. в северной деревне в семье крестьянина бедняка. В шестнадцать лет пешком ушел из дому в Петербург. Учился на общеобразовательных курсах. С 1910 года корреспондент газеты «Кавказское слово». Друг П.А. Сорокина. В 1930-х арестован. Умер в 1971г.

В американских мемуарах он тоже упоминал, что в царской России трижды сидел в тюрьме (и при большевиках — трижды).

Сведения об арестах П. А. Сорокина сохранились в материалах Департамента полиции. Из полицейских досье следует, что, по агентурным сведениям П.А. Сорокин принадлежал к партии социалистов-революционеров и принимал участие в студенческих беспорядках. 27 января 1910 года на квартире П.А. Сорокина полицией было застигнуто неразрешенное собрание. Был ли Сорокин препровожден в тюрьму — неизвестно. Скорее — нет. Как уже говорилось ранее, — в июле 1910 г. Сорокину была выдана «Справка о благонадежности» для поступления в Университет.

Не попал Сорокин в поле зрения полиции и за речь, на вечере памяти Л. Н. Толстого 7 ноября 1911 г. в Психоневрологическом институте.

В полицейских справках говорится, что на вечере памяти Л. Н. Толстого, проходившем в Психоневрологическом институте, студентами были произнесены три противоправительственные речи.

12 февраля 1912 года П.А. Сорокин (в полицейском документе он значился как студент Психоневрологического института), с Н. Д. Кондратьевым были застигнуты полицией на неразрешенном собрании, проходившем в доме № 21 по Загородному проспекту.

27 октября на квартире профессора К. Ф. Жакова (Малая Разночинская улица, дом № 27/7, кв. 29) полицией были переписаны имена участников неразрешенного собрания молодежи в количестве 40 человек. Как отмечалось в полицейской справке, 11 человек из этих 40 были «довольно скомпрометированы в политическом отношении». Прежде всего, сам К. Ф. Жаков, который еще в 1890 году привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении.

Среди участников собрания были Н. Д. Кондратьев и Е.П. Баратынская (потомственная дворянка, проживающая по адресу: Васильевский остров, 8-я линия, дом 72).

Отмечу также мещанку города Моршанска Томской губернии — Ильину Эмилию Васильевну, Иванова Алексея Алексеевича, мещанина г. Архангельска (Васильевский остров, 15 линия, д. 35. В 1911 году арестовывался в ликвидацию Петербургской

автономной группы партии социалистов-революционеров),⁶⁴ Кузьмина Николая Максимовича, слушателя сельскохозяйственных курсов (в 1905 году привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении. В 1906 году за возбуждение крестьян против помещиков высылался под гласный надзор полиции в г. Яренск Вологодской губернии сроком на 3 года. Находясь в ссылке, усиленно занимался агитацией и пропагандой среди ссыльных и местных жителей, был в бегах 2 с половиной года и за хранение запрещенных изданий подвергался в административном порядке аресту на два месяца).⁶⁵

Среди «переписанных» — пятеро земляков Сорокина, из них трое крестьяне Вологодской губернии: Куропятников Ф. П., Спилкин А. П., Чукичев Ф. П., а также Худяев В. А., крестьянин Усть-Сысольского уезда и Молодцов В.А., мещанин Усть-Сысольска. (Возможно Василий Александрович Молодцов известный впоследствии коми ученый и общественный деятель).

Новое столкновение с полицией последовало у П. А. Сорокина в начале следующего — 1913 года. На этот раз П. А. Сорокин был арестован и посажен в Спасскую часть.* Сохранилось написанное им там стихотворение, начинавшееся словами: **«Кто-то добрый, хороший мне ландыш послал...»**

Еще в 1910 году П.А. Сорокин стал секретарем у М.М. Ковалевского и фактически ежедневно с ним встречался (М.М. Ковалевский жил на Моховой, д. 32, кв. 1).

Находясь в камере, П.А. Сорокин пишет письмо своему патрону. В полицейском архиве сохранился черновик:

Его Превосходительству Члену Государственного Совета Профессору М.М. Ковалевскому

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ ПРОФЕССОР!

К своему глубокому сожалению, я принужден сообщить Вам, что больше не могу быть секретарем Вашим ввиду того, что я арестован в ночь на 11 февраля.

Аресту предшествовал обыск. То и другое, конечно, было для меня абсолютной неожиданностью, ибо уж в чем в чем, а уж в политике менее всего повинен. Судя

* Угол Садовой и Большой Подьяческой. В 1879 г. здесь сидел В.Г. Короленко...

по допросу, я, очевидно, обвиняюсь в принадлежности (несколько слов зачеркнуто — Ю. Д.)...

Как уж это случилось, я не знаю. Я сидел себе над книгами. Читал много докладов в ряде научных кружков, писал статьи, написал за зиму книгу о карах и наградах, которую Вы знаете и ... право же, при таких обстоятельствах, я думаю, мудрено еще заниматься политикой. Впрочем, Вы это сами знаете.

В силу этого арест для меня полная неожиданность, остановившая, помимо всего, возможность дальнейшей научной работы, ибо ни книг, ни пособий здесь не дают. Бумаги и чернил — тоже. Света так мало, что я при своей близорукости боюсь ослепнуть. Одним словом — скверно. Единственной надеждой и утешением является то, что должно же это недоразумение кончиться, должна же истина выявиться. Неужели же ни за что, ни про что сидеть?

Когда меня допрашивали — улик мне не указали никаких. При обыске, конечно, также преступного ничего не нашли. Забрали только, как обычно, самую обычную переписку, брошюры: вроде профессора Хвольсона «Можно ли прилагать законы физики к Вселенной?» и мои тетради с выписками из книг по философии и праву.

Может быть, Вы, дорогой профессор, зная достаточно хорошо меня и мое отношение к «политике», поможете как-нибудь выяснить это печальное недоразумение: или же хотя бы как-нибудь улучшить мое положение в смысле книг, бумаги и света и разрешения свидания со студентом Кондратьевым, так как родных у меня нет.

Простите за эту просьбу и за то, что не по моей вине мне пришлось быть неисправным секретарем.

Примите уверение в глубоком к Вам уважении.

Ваш секретарь П. Сорокин.

(Пока я нахожусь в Спасской части (на Садовой) и потом буду переведен, вероятно, в предварилку).⁶⁶

«Записка» Директора Департамента полиции Министру внутренних дел проясняет причины ареста П. А. Сорокина.

13 февраля 1913 года

Ввиду поступивших в отделение по охране общественной безопасности и порядка в столице агентурных сведений, что оставшиеся не арестованными во время последних ликвидации несколько членов так называемой «Санкт-Петербургской группы партии социалистов-революционеров», предполагают выпустить прокламацию к рабочим и учащимся с призывом выразить протест против означенного празднования (300-летия Дома Романовых — Ю.Д.) однодневной забастовкой 21 февраля всех торгово-промышленных предприятий и высших учебных заведений столицы, 10 сего февраля по распоряжению Отделения были обысканы и арестованы наиболее деятельные члены означенной организации:

1. Сын потомственного дворянина Василий Васильевич Ванин.

2. Екатеринбургский мещанин Петр Иванович Максимов.⁶⁷

3. Сын потомственного почетного гражданина Иван Петрович Сопляков.

4. Потомственный почетный гражданин Анатолий Гаврилович Веселов.

Кроме того местная «Рабочая группа партии социалистов-революционеров» 10 февраля устроила совещание в помещении Горного института \...\

В следствии в ночь на 11-е сего февраля были обысканы и арестованы все выявленные члены этой группы.

1. Сын потомственного дворянина Леонид Владимирович Алисов.⁶⁸

2. Домашняя учительница Вера Федоровна Малышева.

3. Дворянин Харьковской губернии, бывший студент Психоневрологического института — Юрий Михайлович Иваницкий.

4. Студент Психоневрологического института Питирим Александрович Сорокин.

5. Мещанка города Карса Астхинь Мартиросовна Ханамирова.

6. Персидский подданный студент Психоневрологического института Эрвандт Гарагашан.

7. Слушательница Психоневрологического института Осанна Геворковна Аракакова (она же Аркелова).

8. Студент Горного института Иосиф Владиславович Завадский.

Обысканы и оставлены на свободе:

1. Дочь почетного гражданина Клавдия Константиновна Шерипова.

2. Мещанка Евпатории Акбине Мошева Телал

3. Дочь отставного поручика Мария Александровна Кайтова.⁶⁹

М. М. Ковалевский вмешался в судьбу своего секретаря. Результатом было освобождение П. А. Сорокина, о чем М. М. Ковалевского известил сам Директор Департамента полиции С. П. Белецкий.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ МАКСИМ МАКСИМОВИЧ,

Имею честь уведомить Вас, что Питирим Александрович Сорокин, в судьбе которого Вы изволили принимать участие, был арестован ввиду сведений о близости его к рабочей группе партии социалистов-революционеров, предполагавшей выпустить воззвание к рабочим с призывом выразить протест против юбилейных торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых.

Упомянутый Сорокин 24-го сего февраля из-под стражи освобожден и переписка о нем прекращена без всяких для него последствий. Пользуюсь случаем выразить Вашему Превосходительству уверения в совершенном моем почтении и истинной преданности.

26 февраля 1913 г.

С. Белецкий Директор Департамента Полиции.⁷⁰

П. А. Сорокин был не только «близок» к рабочей группе ПСР, но и автором статьи «Рабочий вопрос»*, на которую его вдохновил, видимо, М. М. Ковалевский.⁷¹

* «Рабочий вопрос» не был закончен и опубликован. Статья (117 листов) хранится в фонде М.М. Ковалевского в Санкт-Петербургском филиале Академии наук.

М. М. Ковалевский имел репутацию либерала, был лидером созданной им умеренно-либеральной партии демократических реформ, а П. А. Сорокин — членом ПСР, делавшей основную ставку на крестьянство. Казалось бы, почему вдруг — рабочий вопрос?

Несколько лет спустя в некрологе на смерть учителя П. А. Сорокин писал:

«Со стороны могло казаться, что умер либерал»,— но за шесть лет работы секретарем у М. М. Ковалевского он пришел к выводу, что М. М. Ковалевский «...был социалист, принимавший все основные положения будущего строя, но находивший, что время для реализации его еще не наступило. Ковалевский, бывая в Бельгии, останавливался у своего друга Э. Вандервельде (Председателя социалистического Интернационала). За последнее время он часто и с удовольствием говорил о Плеханове, считая его самым умным и дельным из русских социалистов».⁷²

Знали о М. М. Ковалевском и рабочие. Его кончина не прошла незаметно для них. На Трубочном заводе группа рабочих приняла резолюцию, которую подписали 236 рабочих:

Мы, рабочие Трубочного Завода разных мастерских, узнав о смерти выдающегося ученого и политического деятеля Максима Максимова Ковалевского, вся жизнь которого была беспристрастным и чистым служением свободе, равенству и прогрессу, не можем пройти мимо этой тяжелой утраты, не только для нас, России, но и для всего культурного человечества, выражаем свою глубокую скорбь и семье его шлем искреннее соболезнование.⁷³

Что касается П. А. Сорокина, то из его американских воспоминаний известно — своим спасением от расстрела чекистами в 1918 году в Великом Устюге он обязан некоему комиссару, слушавшему лекции Сорокина в одной из рабочих школ Петрограда перед революцией...⁷⁴

Летом и осенью 1913 года, живя в уездном Великом Устюге (газеты здесь не издавались), Сорокин писал корреспонденту

ции в губернскую вологодскую газету «Эхо» под прозрачным псевдонимом «Александров».⁷⁵

В одной из них он с горечью отмечал:

«На обратном пути из далекой тундры профессор Психоневрологического института К. Ф. Жаков остановился в Великом Устюге и прочитал 19 июля лекцию «В чем смысл жизни?», но... познавать смысл жизни, знать ее цену, идти на единственную лекцию, которую случайно читает популярный сын Севера, интересоваться всеми этими вопросами для местного устюжанина не интересно».

Автор корреспонденции согласен с писателем С.С. Кондо-рушкиным, побывавшем летом 1913 года в Архангельске, что

«...наша духовная жизнь есть жалкая единица во всем окружающем. Стремиться к свету, познавать жизнь, строить ее, творить все это — время не наступило. Для Севера нужны десятки лет, нужны десятки факторов, писателей и поэтов, чтобы только пробудить тех спящих обитателей, иже называются северяне...»

Вместе с тем, самому Сорокину в Архангельске приходилось наблюдать совсем другое явление:

«Там любовь к научным занятиям и уважение к профессору сказались иначе. Все знали, что приезд родного профессора — приезд случайный, и потому идти на лекцию — священный обет обывателя».⁷⁶

И в заключение статьи автор восклицал:

«Когда ты придешь, прекрасное время, и заменишь у господина Игумнова гоголевский халат, научишь аристократку, госпожу Ч., говорить вместо антилличенция — интеллигенция, и моему верному другу Поликарпу Семеновичу внушишь, что лекция — это не новый танец в клубе?»⁷⁷

Хорошее представление об умонастроении молодого П.А. Сорокина дает его статья **«Письма к сельской интеллигенции»***.

«Об огромной части интеллигенции, в особенности северной интеллигенции, можно сказать словами Некрасова: «Суждены вам благие порывы, но свершить ничего не дано». Интеллигенция говорит: «Потихонечку-помаленечку скучаем, делать нечего». Эти слова — расписка в собственном духовном убожестве и банкротстве. В этом-то неумении работать и беда наша... Умеем мечтать, но не умеем дело делать — вот наша болезнь.

Мне вспоминается сейчас сцена, виденная мною в глуши Усть-Сысольского уезда в Устькуломе. На наш призыв — придти побеседовать с нами (со мной и К.Ф. Жаковым) — собралось чуть не все село. Люди с вниманием слушали нас и простодушно рассказывали нам про свои искания, про то, что они теперь ищут новой веры, про «дядю Степана»**, который просвещает их и которого многие из них считают чем-то вроде пророка... Пропели с воодушевлением свои гимны и моления и т.д. [...] Этот факт, как и тысячи других, говорит ясно и бесспорно о наличности исканий «народной души». Она алчет и ждет, чтобы утолила ее голод. Если найдется «жив человек»,... — почва для его работы созрела. Если нет — искания удовлетворяются как попало. И наивный народ яд может принять за хлеб. [...]. Теперь, когда старые устои падают а новые еще не успели народиться, окрепнуть, и нужна работа интеллигенции».⁷⁸

Помимо будоражащих провинциальную губернскую жизнь статей, Сорокин выступал с различными лекциями. После одной из них «Война как общественное явление (Философия и социология войны)» «Александров» сообщил в «Эхо»:

«Лекция П.А. Сорокина невольно встревожила однообразную жизнь обывателя, что трудно достигнуть в провинции, ибо устюгская «антилличенция» есть жалкий остаток просыпающегося Севера. Но студенты и курсистки,

* В стиле «Писем о русской интеллигенции» Н.К. Михайловского.

** Стефан Пермский — русский миссионер-просветитель.

политические ссылынные и некоторые другие из молодежи заявили: «Мы ищем знаний, прислушиваемся к новым словам и в далекой провинции, лекция пробуждает в нас силу для дальнейшего творчества жизни».

Будем ожидать в будущем, что молодой лектор П.А. Сорокин, не позабудет наш далекий заброшенный Север и вновь прочтет нам еще несколько лекций на жгучие темы из окружающей жизни».⁷⁹

14 октября, в Вологде, в зале Дворянского собрания (ныне здание областной филармонии) П.А. Сорокин выступил с лекцией «Гамсун и Верхарн как выразители двух сторон современной культуры», а 14 декабря в зале Городской управы (В наши дни здание музыкальной школы №1. В октябре 2001 г. было на ремонте) состоялся его доклад «О пережитках религиозных верований у зырян» 15 декабря в помещении Страхового общества (В октябре 2001 г. здание находилось на ремонте. Планируется передать его областной библиотеке имени И.В. Бабушкина) им была прочитана лекция «Происхождение семьи и история человеческого брака»

Все три выступления П.А. Сорокина были организованы Вологодским обществом изучения Русского Севера (ВОИСК).

К той же осени 1913 г. относятся и философская сказка Сорокина «Грани жизни» с посвящением «О.Г.Е.» и целый цикл стихотворений.

Приведем четыре из них в порядке их публикации в Вологодском «Эхо»:

Под шум осеннего ветра

Посвящается А. А. Р.

Стой... подожди меня, ветер осенний
Вместе с тобой мы гулять полетим!
Что нам теперь до лазури весенней,
Лучше споем про закат мы осенний!
Ну, так летим же, скорее летим!

Мы взовьемся, разовьемся,
Серой тучей расплывемся
И закроем даль небес...

Засвистим мы и завоюем,
Захочем и заноем,
Словно старый буйный бес.
А потом с тоской застоном,
Нашу юность похороним
И уйдем в безмолвный лес!

Что нам радость дней отрадных!
Пусть грустят о невозвратных
Днях порывов, трепетаний
И любовных упований
Те, кто юно жить устал...
На пороге дней закатных,
На распутьях пережатных
Мы с тобою вспомним море
И запомним бывшее горе
Неуслышанных рыданий,
Неоправданных мечтаний,
Вспеним выше буйный вал!

Если любят нас — мы рады,
Коль не любят — и не надо:
Мы поищем новых далей,
Без тоски и без регалий...
Что нам плакать и рыдать!
Если ж плакать, так уж плачем,

- Смертным плачем мы заплачем,
- Вспыхнем яркою зарницей,
- И под желтой багрянницей
- Будем молча умирать.

Вадим Вьюгов⁸⁰

Песни мои

(Н. Д. Кондратьеву)

Взвейтесь стрелою вы, песни мои!
Яркою молнией небо пронзите,
Черные тучи скорбей отгоните,
Громом промчитесь вы, песни мои!

Песни вы, песни крылатая, вещь!
 Радостно-звонкая, мрачно-зловещая,
 Отблески буйных порывов души...
 Кто вас родил и вскормил и взлелеял?
 Жизни могучий порыв вас посеял
 В почве — безлюдной, в безвестной глуши.

Снежные вьюги напевы вам дали,
 Ведьмы лесные слова нашептали,
 Сказки же вам рассказали леса.
 Будьте же нежны, как зовы свирели,
 Будьте тревожны, тревожней метели,
 Будьте светлы, как весной небеса...

Если вам грустно — кукуйте кукушкой,
 Свейтесь и слейтесь в печали друг с дружкой,
 Плачьте слезами осенних ветров.
 Если же весело — смейтесь безбурно,
 Солнцем весенним сияйте лазурно,
 Ярko пылайте пожаром костров...
 Взвейтесь стрелою вы, песни мои!
 Пойте о жизни, могучей как солнце,
 Светлым лучом проскользните в оконце
 Бедной лачуги, где братья мои!

П. Сорокин.⁸¹

Не знаю я...

(А. А. Р.)

Не знаю я — мы встретимся иль нет...
 Быть может, наше «до свиданья»
 Судьбою понято, как вечное «прости»,
 Но лишь созвучного былого трепетанья,
 Когда мы встретились случайно на пути,
 Не может никогда увясть и отцвести...

Его хранит в душе своей поэт...
 Не знаю я, мы встретимся иль нет...
 Быть может, наши жизненные тропы,
 Как порванных стихов разрозненные строфы,
 Не встретятся уж больше никогда...

Но где, бы ни был я — повсюду и всегда

Тебя благодарю я...

Пусть ветер донесет к тебе живой привет
 И чистый аромат живого поцелуя...
 Не знаю я — мы встретимся иль нет...

П. Сорокин.⁸²

Кубок

Надоели мне охи и вздохи,
 И страданья и стоны людей...
 – Эй! Живые, сюда, скоморохи!
 – Подходи, кто захочет, и пей!...
 Этот кубок викинги держали,
 Умирая со смехом в бою,
 И все те, кто на вечной скрижали
 Начертали нам волю свою

Осушал его тот, кто границы
 И добра, и греха преступал,
 Кто сверкал, как сверкают зарницы
 И десницу судьбы разрубал,
 Кто смеялся при громе проклятий
 И рыдал среди смеха толпы,
 Кто срывал все печати звклятий,
 Был кумиром и жертвой молвы...

Пей же кубок мой без колебаний,
 Его пьют в миг один и до дна...
 Кубок мой — кубок смелых дерзаний,
 Кубок славы иль смертного сна...

В.Вьюгов⁸³

9

Заполняя 7 ноября 1922 г. анкетный лист Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, Сорокин в графе «Подробно перечислить органы печати и издательства, в которых работал», на первое место поставил журнал «Заветы».⁸⁴

История журнала такова. Это был ежемесячный легальный эсеровский «толстый» журнал, первый номер которого вышел в Петербурге в мае 1912 года.

Организовал журнал Сергей Порфирьевич Постников. Сын преподавателя греческого языка, он в 1903 г. окончил семинарию в Архангельске и в этом же году вступил в партию социалистов-революционеров. Вел партийную работу в Архангельске, Симферополе, Баку (где руководил нелегальной типографией), Москве... Пришел к выводу о необходимости большого легального эсеровского журнала.

Деньги на издание дал наследник архангельского купца первой гильдии, Епифана Матвеевича Панкеева, через одного из лидеров шенкурских революционных (1905 г.) крестьян М. Я. Едемского, который после бегства (с помощью Постникова) из архангельской тюрьмы жил на нелегальном положении и работал в Московской конторе Центросоюза.

К мысли о необходимости издания журнала в это же время пришел и главный теоретик ПСР — Виктор Чернов, живший в эмиграции в Италии. Постников съездил к нему в Специю, договорился об объединении усилий. Журнал, по предложению Постникова было решено назвать «Заветы» (Заветы Герцена, «Современника», «Отечественных записок», в противовес ведущим против них борьбу авторам «Вех» и «Русский мысли».

«Заветы» публиковали лучшие литературные произведения того времени. Они первые представили читающей России, повести Евгения Замятина, печатали Горького, Бунина, Блока, Ахматову, Сологуба, Мендельштама, Пяста, Бальмонта, Клюева, Чапыгина.⁸⁵

Редакция находилась в Косом переулке у Соляного городка, недалеко от дома, где жил Ковалевский. Впрочем, в Петербурге — все рядом... Вероятно, от «заветных» времен идет знакомство Сорокина со всеми представителями «серебряного века» в русской литературе. Сорокин в 1913/14 гг. опубликовал в «Заветах» несколько рецензий, но уже в июле 1914 г. цензура закрыла журнал.

Свою первую рецензию в «Заветах» Сорокин посвятил книге французского антрополога и публициста (автора знаменитой книги «Расовые предрассудки») Жана Фино. В 1913 г. в Москве была издана его новая книга «Агония и смерть человеческих рас».

Сорокин писал об этой книге Фино:

«Кратко, но весьма основательно он анализирует гипотезу арийской расы, латинской расы, разветвления этих рас, пангерманистскую гипотезу и опытной рукой знатока вскрывает весь лес противоречий этих гипотез и сделанных из них практических выводов. «Расы только призраки». «Времена, когда на человечество смотрели, как на животных, ставя между ними перегородки рас, давно уже прошли». Чистота рас! Совокупность физиологических типов! Мираж и иллюзия вам имя! Если мы уже хотим непременно разделить людей, то подумаем лучше о наших душах, которые будучи рождены в одних и тех же идеях и воспитаны одной и той же культурой, заставляют нас аналогично относиться к людям и предметам. Есть нечто более сильное, чем мнимое единство крови, которое соединяет людей. Это — единство их культуры, их языков, сближающее их умы и их души». «Наше историческое прошлое не позволяет нам верить в чистоту крови, подобную йоркширам или некоторым породам овец: утешимся мыслью, что хотя мы и обладаем смешанной кровью, но имеем также божественную душу, способную безгранично совершенствоваться». Таковы основные выводы автора, сделанные на основе приведенных им аргументов.

Данная работа — на ряду с работами Ваккаро, Коляни и др. криминалистов-критиков антропологической школы в криминологии, — ясно и убедительно раскрывает несостоятельность всех человеконенавистнических теорий, выросших на почве антропологической школы.

Написанная горячо, просто и убедительно виднейшим поборником братского союза людей, она заслуживает широкого распространения в русском обществе, где до сих пор еще на разные лады распеваются «националистические» мелодии».⁸⁶

В 1914 году П. А. Сорокин окончил университет с дипломом первой степени. Конечно, это был необычный студент. И, как писал много лет спустя другой русский эмигрант — социолог, тоже нашедший свою мировую славу в США, однокашник П.А. Сорокина по юридическому факультету — Н.С. Тимашев:

«Профессора юридического факультета петербургского университета это понимали».⁸⁷

На кафедрах юридического факультета в то время работали выдающиеся ученые, составлявшие гордость русской науки. Первым выборным деканом был крупнейший цивилист и теоретик права Л. И. Петражицкий. С 1916 года деканом стал профессор Н. Н. Розин.⁸⁸ Оба декана были видными деятелями конституционно-демократической партии.

По окончании университета Сорокину было предложено остаться для подготовки к профессорскому званию при любой из трех кафедр юридического факультета: философии права (Петражицкий), государственного права (Ковалевский), уголовного права (Розин).

В соответствии с темой уже опубликованной книги, новыми замыслами и опытом, приобретенным в тюрьмах, Сорокин выбрал кафедру уголовного права.

В деле Совета Императорского Санкт-Петербургского Университета «Сорокин П. А. Об оставлении при Университете на кафедре уголовного права» сохранилась характеристика, данная Н.Н. Розиним, будущему великому социологу:

«П. Сорокин известен многим членам факультета как молодой человек, обладающий выдающимися умственными способностями, трудолюбием и любовью к науке. Уже на студенческой скамье он заявил себя в ряде напечатанных им работ» (и далее: **«Оставление Сорокина на факультете для подготовки к профессорству поможет выработать из него крупную научную силу»**).⁸⁹

Кроме Сорокина и Тимашева в группу оставленных для подготовки в профессора входили Георгий Гурвич, Макс Лазерсон, Антон Пийп, Николай Кондратьев, Лев Карахан...

В 1914 г. в третьем номере выходившего под редакцией профессора Н. И. Кареева «Научного исторического журнала» появилась рецензия на «Преступление и кару». Написал ее друг — Н. Д. Кондратьев (как и П. А. Сорокин, он после сдачи экстерном экзаменов в Костромской гимназии учился в Петербургском университете. Будущий великий экономист указывал:

«Мы думаем также, что в исторической части своей книги (а мы говорим здесь об этой части) автор совершенно напрасно упустил из виду сферу экономической жизни. Стачки, как результат конфликтов моральных убеждений рабочих и капиталистов, вполне подойдут под данное автором определение преступления и кары».⁹⁰

В том же номере «Научного исторического журнала» А.Ф. Изюмовым высоко были оценены две статьи П. А. Сорокина, опубликованные в 1911 г. в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера».

Приказом ректора Университета, П. А. Сорокин был оставлен для подготовки к профессорскому званию, начиная с 15 сентября 1914 г., а Велико-Устюгское по воинской повинности присутствие в октябре 1914 г. дало Сорокину отсрочку от призыва до 1919 г....

Кроме русских профессоров большое влияние оказал на Сорокина — Э. Дюркгейм. Еще в 1913 году в Риге Сорокин опубликовал три небольшие брошюры, написанные явно под влиянием французского социолога («Самоубийство как общественное явление»*, «Преступность и ее причины», «Символы в общественной жизни»), а в 1914 году были опубликованы две статьи Сорокина о социологии религии Дюркгейма («Эмиль Дюркгейм о религии»//Новые идеи в социологии. Сб. 4. Генетическая социология. СПб. 1914 и «Социологическая теория религии»//Заветы. 1914. № 3) а также статья Сорокина о Дюркгейме в «Новейшем энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» (Т. 17. С. 31).

Некоторые из этих работ он послал Дюркгейму. Летом 1914 г. из Франции пришел ответ:

4 июня 1914 г.

XIV. Авеню д'Орлеан, 4

Вы сообразовали отправить мне несколько ваших статей, из которых по меньшей мере две посвящены специально мне. Спешу выразить вам мою глубокую благодарность и за эту посылку, и за труд, который вы взяли на себя, дабы изучить и осветить мои идеи вашим сооте-

* Факсимильное издание этой работы опубликовано в Швеции. См. The Unknown Sorokin. His Life in Russia and the Essay on Suicide. Denny Vagero (editor) (Huddinge. 2002).

чественникам. Очень сожалею, что полное незнание русского языка препятствует моему ознакомлению с вашими работами, по крайней мере в настоящий момент. Поэтому сейчас я вынужден ограничиться лишь выражением вам признательности, однако я рассчитываю в ближайшее время прибегнуть к помощи одного из моих друзей, дабы понять по меньшей мере общий смысл ваших статей.

Что касается статьи в Энциклопедии, о которой вы мне говорили, то я и вовсе не в курсе о ее существовании. Я просмотрю ее, если удастся ее раздобыть.

Прошу вас передать мои наилучшие пожелания господину Ковалевскому и примите с моими благодарностями уверения в совершенном моем почтении.

Э. Дюркгейм⁹²

В августе 1914 г. началась Первая мировая война.

На 1914/15 учебный год П. А. Сорокин был избран, по предложению Е. В. Де Роберти и М. М. Ковалевского, ассистентом кафедры социологии Психоневрологического института. Кроме того, при посредничестве Ф. Седенко, П. А. Сорокин стал еще и помощником редактора «Ежемесячного журнала» В.С. Миролюбова.

Виктор Сергеевич был оригинальным и колоритным человеком. Шел ему уже шестой десяток лет. Когда-то в молодости он был артистом оперы. Солистом Большого театра. Солистка Большого театра Надежда Салина вспоминала:

«У него был прекрасный бархатный бас, особенно красиво звучавший в партии Кординала, в опере «Жидовка». На сцене он панически трусил, и этот недостаток, вероятно, и заставил его вскоре бросить карьеру певца... Интеллигентный, высокой культуры человек Миров (театральный псевдоним Миролюбова — Ю.Д.), был чрезвычайно скромн, застенчив и молчалив».⁹³

Уйдя из театра Миролюбов в 1898 году стал редактором-издателем «Журнала для всех». Быстро сделал его одним из самых известных и популярных журналов в стране... По политическим взглядам Миролюбов был социалистом-революционером.

Скиталец (С.Г. Петров) писал:

«В романе Амфитеатрова «Восьмидесятники» при описании тогдашних студенческих волнений эпизодически описан под настоящим именем студент Московского университета Виктор Сергеевич Миролюбов.

Того же Миролюбова под вымышленным именем в девяностых годах в одном из своих романов тоже эпизодически портретно описал Боборыкин в качестве начинающего певца.

Несколько позднее в одном из видных толстых журналов печатался роман* под заглавием «Человек с планом». В герое романа многие узнавали видоизмененную, но слишком оригинальную миролюбовскую фигуру.

Еще будучи студентом, Миролюбов водил близкое знакомство с большими писателями: с Михайловским, Златовратским, Глебом Успенским и в особенности с Плещеевым, имевшим тогда особенное влияние в литературных кругах.

На публичных студенческих вечерах, где главным «гвоздем» было «златовратское» чтение, не меньшим «гвоздем» было и «миролюбовское» пение: студента с замечательным голосом все прочили в будущие оперные певцы, а молодежь на студенческих вечерах встречала бурей аплодисментов. Выдавался он еще как студенческий оратор и один из вожаков всяких общественных выступлений молодежи. Самая наружность его была импонирующая: почти гигантская фигура, статность, кудри до плеч, красивое, иконописное лицо.

< >

В миролюбовском журнале впервые начали печататься дотолем никому не известные молодые авторы, в числе которых оказались Муйжель, Арцыбашев, Башкин, Лазаревский, Сургучев...

«Журнал для всех» выписывали действительно «все»: трудовая интеллигенция, сельские учителя и учительницы, земские люди, мелкие чиновники, школьные библиотеки, рабочие и крестьяне.

Миролюбов сделался близким другом всех лучших писателей, как это было с ним и прежде, в годы молодости: часто бывал по делам журнала у Льва Толстого в

* Мачтет Г.А. Человек с планом // Русская мысль. (Москва) 1896. Кн. XI-XII. Миролюбов выведен в образе Кутырева.

Ясной Поляне, у Горького в Нижнем, у Андреева в Москве и на собраниях «Среды». Охотнее всего собирал у себя в редакции и дома своих собственных «выучеников».

Характерным для Миролюбова был один необыкновенный поступок, на который не всякий редактор решился бы: когда во время разгона I Думы Лев Толстой писал в «Журнал для всех» большую статью, написанную в духе «непротивления злу насилием», Миролюбов признал ее непригодной для напечатания и возвратил великому автору, а вместо нее напечатал выборгское воззвание депутатов Думы, за что, конечно, «Журнал для всех» был закрыт тотчас же, а редактор его эмигрировал за границу, где и оставался многие годы». ^{93a}

Александр Блок получил свой первый гонорар от редактора «Журнала для всех»...

Чехов свой последний шедевр – рассказ «Архиерей» написал для журнала своего друга Миролюбова...

В 1913 г. Миролюбов вернулся в Россию. В 1914 г. возглавил «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни»...

Летом 1914 г. Сорокин как всегда, побывал на Севере. ⁹⁴

Вернулся (говоря словами автобиографии Ахматовой 1965 года) уже не в Петербург, а в Петроград...

«Все стало иным, начиная с облика города». С началом войны XIX век закончился. «Блистательного Петербурга» не стало...

Осенью Сорокин начал публиковать статьи в петроградском «Северном гусляре» под псевдонимом «Римус». * Чувствуется, что молодой. Сорокин высказывал в них свои заветные мысли:

«Современное поколение, наши «отцы» и в особенности «дети» — одни из тех счастливых, которые родились в «сорочках», которые отмечены и выбраны судьбой в качестве действующих лиц прекрасной и удивительной исторической драмы!

В самом деле, на протяжении каких-нибудь 10–15 лет, нашему поколению пришлось пережить больше, чем

переживает иногда ряд поколений в течение сотни лет. Мы видели и участвовали в жизни «старого порядка», мы пережили его крушение и эпоху перелома, вступили в сферу «нового» внутреннего строя и, наконец, являемся зрителями и действующими лицами в таком грандиозном, величественном акте, как текущая война. Больше, чем кто-нибудь, мы имеем право сказать: «Как мало прожито, как много пережито!» [...]

Идеализма у русских «детей» всегда было достаточно... Все страницы XIX века осеяны живительным ароматом благороднейших порывов и бескорыстнейших подвигов. Но для продуктивного творчества мало одного идеализма. Нужна еще великая мудрость, чтобы этот «пар» идеализма не пропал даром. [...] Будущее чревато событиями. Надо его ждать и надо готовиться к его пришествию. Оно требует указанного синтеза. Если удастся его достичь, счастливое поколение будет великим строителем, если нет,

— история русской общественности увеличится еще одной, хотя и красивой, но едва ли вполне творческой страницей. [...] Идеал не допускает компромиссов, но его реализация требует постепенности. Свято беречь чистоту идеала и учитывать строго реальные условия, позволяющие идеалу перейти из области «Должного» в мир «Сущего» — вот лозунг момента». ⁹⁶

В следующем номере «Северного гусляра» неистовый Римус продолжил тему:

«...в жизни большинства нашей молодежи повторяется старая Адуевская история прекрасно очерченная Гончаровым в его «Обыкновенной истории»: в молодости — идеалист, а как кончил ученье [...] — чиновник, кокарда и... больше ничего. [...]

Разве не для большинства «ученье» сводится к сдаче экзаменов и получению диплома? [...] Правда, многие регулярно посещают лекции, бегают [...] целый день из аудитории в аудиторию, но итог — только каша отдельных мыслей, а не систематические знания [...] Считается «долгом» быть в курсе дела всякой ерунды. [...] И ходим, и слушаем... а в душе также пусто, также мал капитал

* «Дядюшка Римус» — персонаж книг американского писателя Джозела Харриса.

вечных истин каким он был и раньше... Дух нетерпимости, неспособность открыто и прямо смотреть в глаза истине, иначе говоря дух сектантства и предвзятости, принципиально противный духу науки — вот основной грех — другой партийной половине нашего поколения. [...] Пусть Маркс ошибается, но все-таки лучше знание Маркса и его положений, чем знание Брежневско-Брежневского, Сатириконе, Синего журнала, «Биржевки» и ... Игоря Северянина с толпой футуристов, акмеистов и прочих «тангистов». [...] Не бездеятельный и пассивный созерцатель и не безграмотный и невежественный работник вроде Крыловского медведя, а знающий работник нужен нам и нашему обществу в данный момент!».⁹⁷

В первом номере «Северного гусяря» за 1915 г. Римус продолжал:

«Не слишком ли громоздка современная система обучения и воспитания? <>Чтобы получить сравнительно небольшие знания кончающего университет студента — мы учимся 15–16 лет. <...> Да простят мне педагоги, но, откровенно говоря, я не прочь сравнить современную педагогику с той медициной, лекарства и рецепты которой состоят из угольков и нашептываний. Наше время требует иной педагогики, действие которой рассчитано не на десятки годов, а на годы или даже месяцы. Вот именно такой быстродействующей педагогики я и хочу...».⁹⁸

Главную роль в интеллектуальном развитии Римус отводил среде обитания:

«...остановка умственного развития даже гениального мыслителя, оторванного от культурной среды — факт также общеизвестный. (Примером может служить хотя бы Н. Г. Чернышевский)»<>.⁹⁹

Задача новой педагогики будет решена, если удастся добиться давления интеллектуализирующей атмосферы окружающей среды до 50–100-кратного давления. Надо уловить и выделить те искры, которые играют решающую роль в интел-

лектуальном развитии, Интеллектуальное развитие — это приобретение знаний и развитие способностей правильного логического мышления (анализ, синтез и т.д.). По Римусу, интенсификация применима и к моральному воспитанию. Первое, что надо сделать, — это запечатлеть в уме человека идею добра. Второе — сделать ее действенной, чтобы она стала нормой и «давила» на человека в определенных обстоятельствах. Исходя из имеющихся достижений современной науки, уже теперь, считал Римус, «...можно было бы открыть «институты морального воспитания масс» и «быстрого морализирования и исправления преступников».

Какова была общественная окраска журнала «Северный гусяря», который современным исследователям русского «Серебрянного века» известен поскольку постольку там печатался поэт-заумник Александр Туфанов.

Вот оценка современников:

«...что сказать о журнале как о таковом, о молодой группе его составителей. Чего они хотят? Конечно хорошего: объединения всей учащейся молодежи, свободы от партийности. Но умеют ли они «хотеть»? И может ли быть объединение на принципе отрицательном, какова «беспартийность»? Достаточно ли этого? Проскользнула в одной из редакторских статей более определенная фраза: «...нас называют неославянофилами», но далее понятие не было разъяснено. Это уже ошибка. Слишком «известно», что такое, — наши, — даже «нео» славянофилы. Вернее всего, что группа «Гусяры» сама еще не знает кто она... Отцы «Вечернего времени это понимают недаром и захваливают «Гусяров», авось, мол нашу дорожку выберут».¹⁰⁰

«... широкие слои студенчества давно уже отвернулись от этого якобы «студенческого» журнала».¹⁰¹

Полемическая заостренность была присуща стилю П.А. Сорокина В США он обличал, критиковал и иронизировал не над одним поколением американских социологов. В России и в начальный период эмиграции П.А. Сорокин полемизировал, с двумя-тремя дюжинами оппонентов. Среди критиков социолога были лидеры большевиков: В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Г.Е.

Зиновьев, известный кадет Н.Д. Гредескул... Сам П.А. Сорокин уже в совдеповской подцензурной печати подвергал резкой критике книгу Н.И. Бухарина, книгу жены Г.Е. Зиновьева — З. Лилиной...¹⁰²

Представляют интерес взгляды 26-летнего Сорокина на поэзию русского «Серебряного века». Ведь он был всего на 7 лет моложе А. Блока, был ровесником А. А. Ахматовой, знал О. Э. Мандельштама...

10

«Блоком бредила вся молодежь обеих столиц», — вспоминал Борис Пастернак в «Докторе Живаго». ¹⁰³ Александру Блоку П. А. Сорокин посвятил в «Северном гусляре» статью «Современная любовь». Статья имела примечание редакции:

«Ввиду принципиального несогласия некоторых сотрудников со взглядами господина Римуса на творчество Валерия Брюсова и Константина Бальмонта в 5 и 6 номерах журнала «Северный гусляр» будет напечатана статья А. Туфанова. «Символическое творчество и любовь».¹⁰⁴

П. А. Сорокин писал:

«Никогда, казалось бы, любовь не была столь возвышенной, столь идеалистичной, как теперь. Другая форма — «ресторанная любовь». Цель — простое единение тел. Сплошь и рядом человек в той и другой роли. Возьмите Брюсова, Сологуба, З. Гиппиус, Бальмонта, Городецкого; возьмите более новых — И. Северянина, А. Ахматову и т.д. и т.д.. Все они в этом отношении в главном одинаковы, для всех их любовь — непременно плотская любовь. [...] «Ярило» Городецкого, «Замороженно-вулканическая страсть» лирики Гиппиус, «солнечная любовь» Бальмонта, «Навы чары», «Подвязки» и даже «Лилитт» Сологуба — все они решительно ресторано-физиологичны».

Разница Северянина и Брюсова: «Брюсов поэт «неспокойной физиологии», а Северянин воспекает комфортабельную физиологию. [...] «Раскройте «Четки» Ахма-

товой и тут исключительно та же «кушеточная любовь» [...] Мадонны и Беатриче не видно в ее творчестве. [...] Конечно, есть певцы и иной любви... [...] любви нетленной и неприкосновенно видящей в женщине не самку, а чистую прекрасную Беатриче. Из русских поэтов можно назвать Блока, и в особенности Блока — творца «Розы и креста». [...].

**Сердцу закон непреложный —
Радость — страданье одно:
Радость, о Радость — страданье,
Боль неизведанных ран**

Вы понимаете эти стихи? И понимаете, о какой любви они говорят? Нельзя в одно и то же время любоваться Венерой и целовать ее жирными губами и угощать ее устрицами. Или Венера или... другое. В этом отношении поэзия Блока и Вл. Соловьева — поэзия «Вечной женственности», «Прекрасной и незнакомой Дамы» могут служить яркой иллюстрацией к типу «идеальной любви».¹⁰⁵

Статья П. А. Сорокина «Современная любовь» печаталась в трех номерах «Северного гусляра» (№№ 4, 5, 6, за 1916 г.).

Первая по времени известная нам печатная полемика П.А. Сорокина в центральной прессе относится к 1913 году. Это была «полемика на полемику». Петербургский экономист и публицист А. М. Рыкачев,¹⁰⁶ сын одного из основоположников российской метеорологии — академика М. А. Рыкачева, выступил в газете «Русская молва» со статьей «За полвека» (1913. №39), поводом к которой послужила пессимистическая статья «Тогда и теперь», старой народоволки В. И. Засулич писавшей: **«Не оправдалась вера в молодое поколение и вера в крестьянство».**

Статью П. А. Сорокина редакция снабдила своим примечанием:

«Редакция помещает эту статью, так как считает, что вопрос о тех переменах, которые сейчас происходят в психологии русской интеллигенции, требуют разностороннего освещения».¹⁰⁷

Интересен в свою очередь и ответ Рыкачева Сорокину:

«Те, кому предназначено было продолжить дело Петрово, дело приобщения России к культуре мира, употребляли пыл души своей — в слепой любви к бедным и невежественным, обиженным массам — на то, чтобы раздувать тлеющие угольки мстительной злобы на культуру. Но сожалеть о прошлом бесполезно, полезно учиться на опыте прошлого. И должно верить в будущее».¹⁰⁸

Если А. М. Рыкачев в наши дни — относительно забытая фигура, то следующим объектом критики П. А. Сорокина был широко известный богослов и политэконом С. Н. Булгаков.

В сентябре 1914 г., полемизируя с С. Н. Булгаковым, утверждавшим, что **«рухнула вера в Запад. Надо искать собственные родники»** («Поверженные кумиры». «Утро России». 1914 г., 30 августа), Сорокин писал в газете «Вечернее звено»: **«Булгаков и другие члены «Пути» иначе думать не могут. Действительно ли наше спасение в религиозно-византийском лике? — Нет».**¹⁰⁹

С конца 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, П. А. Сорокин опубликовал в различных газетных и журнальных изданиях большое количество статей. Безусловно, что благодаря им он стал заметной общественной фигурой и получил широкую известность. По сути дела эта деятельность предопределила положение, которое П. А. Сорокин занял среди других общественных деятелей в период после свержения самодержавия. (Для сравнения: в 1915 г. по своей научной работе он опубликовал только одну статью и четыре небольшие рецензии).

Взгляды П. А. Сорокина просматриваются в его статьях того периода. В газете «Вечернее звено» 26 августа 1914 г. он писал:

«Каковы бы ни были исторические капризы, ясно, что судьба России, Сербии и Черногории (а мы думаем также и Болгарии) отныне неразрывно связаны. Рано ли или поздно ли формальное слияние их должно наступить, подобно слиянию множества германских государств в Германскую

империю или Итальянских в итальянское королевство. Дальновидный политик должен «облегчить муку родов» и помочь стихийному ходу истории... Федеративное соединение славянских государств на началах равенства и автономии, — вот лозунг, диктуемый историей».¹¹⁰

(Славянское единство, борьбу чехов и словаков за независимость П. А. Сорокин последовательно отстаивал и в «Воле народа» в 1917 году. Тогда же он персонально познакомился с лидером борьбы за независимость Чехословакии, ее будущим первым президентом, социологом, доктором Т. Масариком. В 1922 г. по личному приглашению Т. Масарика, изгнанный из Советской России П. А. Сорокин поселится в Праге).

На следующий день в той же газете под псевдонимом «Римус»:

«Зверства немцев — теперь неоспоримо засвидетельствованный факт. Не только интересы самосохранения, но интересы самого права и морали, интересы всего человечества настойчиво требуют положить конец безумной оргии германского атавизма. До тех пор, пока цитадель германизма не разрушена, до тех пор атомы зверства будут жить и будут эпидемически распространяться при всяком удобном моменте. [...] Чтобы раз навсегда покончит с этим великим злом — германский *carthaginen delendam esse!*».¹¹¹

В «Вечернем звене» сотрудничали: М. М. Ковалевский, В. Бехтерев, член австрийского парламента доктор К. Крамарж, профессор М. П. Лучинский, Е. А. Ефимовский авторы из Белграда, Парижа, Кракова... Издатель газеты — А.Н. Брянчанинов был гласным Петроградской городской думы, членом комитета Российской экспортной палаты, членом петроградского отдела «Центрального комитета прогрессистов». Брянчанинов издавал еще журнал «Новое звено» и был редактором издателем «Церковно-общественного вестника»...

Позиция П. А. Сорокина по отношению к войне и задачам демократии определилась уже в первые недели войны:

«Со времени войны в общественное настроение проникла новая нота. Известный оптимизм веры в новое возрождение России и в новый курс внутренней политики. «Новая Россия» насущно нужна. А раз это так, то отсюда диктуется ходом вещей ряд лозунгов.

В то время как наши доблестные войска сражаются за свою родину, оставшиеся здесь, выполняя свой долг помощи больным, раненым и т.д., в то же время не должны забывать вопросов внутреннего строительства. Так как всякое возрождение требует сплочения и единения общественных сил, то по крайней мере на время должны быть забыты известные детали разногласий. Все те круги, которые могут по своим воззрениям участвовать в грядущем строительстве, должны объединиться, чтобы составить ту общественную силу, то могучее общественное мнение, которым была так богата Англия и которого до сих пор у нас фактически не было. Были кружки, были партии, были течения, но более или менее решающего общественного мнения не было.

Сплочение лиц и течений, желающих грядущего внутреннего возрождения, или созидания решающего общественного мнения, как выразителя большинства масс, — такова задача момента и таков лозунг минуты!¹¹²

Этой задаче и посвятил свою политическо-общественную деятельность П. А. Сорокин до и после Февральской революции, а если брать шире, — вплоть до высылки из России и еще сколько-то лет после высылки...

Это была работа, как сказали бы сегодня, по созданию гражданского общества...

1 марта 1915 г. мы видим подпись П. А. Сорокина среди виднейших деятелей русской культуры и науки под письмом в редакцию главной либеральной газеты России «Русские ведомости»:

«Многострадальное еврейское племя, давшее миру так много откровений в области религии, философии и поэзии, всегда деятельно участвовавшее во всех делах и тяготах общерусской жизни, так часто подвергавшееся

лживым наветам и неоднократно доказавшее свою любовь к России ныне вновь подвергается испытаниям и оскорбляется несправедливыми обвинениями. [...] Обратимся к нашему разуму и к нашей совести и одним из условий государственного строительства нашего поставим для себя прекращение гонений на евреев и полное уравнение их в правах с нами».¹¹³

Письмо подписали 206 человек:

1. Анзимиров В.А.,
2. Андреев Леонид,
3. Арсеньев К.К.,
4. де-ля-Бартъ Ф.Г. проф.,
5. Бердяев Николай,
6. Бернацкий М. проф.,
7. Богучарский В.,
8. Бондарев С.И.,
9. Босяцкая В.,
10. Браиловская Р.,
11. Бельский А.,
12. Бунин Иван почет. акад.,
13. Бунин Ю.,
14. Бурышкин П.А.,
15. Васильев А.В. член Гос. Сов.,
16. Ватсон М.,
17. Вахтеров В.П.,
18. Вендрих С.,
19. Виноградов П. проф.,
20. Воронцов В.,
21. Воронов В.,
22. Водовозова Е.,
23. Водовозов В.В.,
24. Воробьев В.,
25. Воскобойников А. А.,
26. Выставкаина Е.В.,
27. Гамбаров Ю. проф.,
28. Гернет М.,
29. Гиппиус З.,
30. Головин Ф.А.,
31. Головина О.С.,

32. Горький Максим,
33. Граматчикова Л.,
34. Гревс И. проф.,
35. Гредескул проф.,
36. Даровский Л.Н.,
37. Домашнева З.,
38. Дзюбинский В. член Гос. Думы,
39. Дживелегов А.,
40. Добронравов Л.,
41. Доброхотов Д.Н.,
42. Елпатьевский С.,
43. Евдокимов И.,
44. Ефимовский Е. проф.,
45. Жбанкова А.А.,
46. Жбанков Д.Н. док.,
47. Живаго Н.,
48. Жижиленко А. проф.,
49. Жилкин И.,
50. Зеленко А.,
51. Зелинский Ф. проф.,
52. Замысловская Е.,
53. Зубашев Е. член Гос. Сов.,
54. Иванов С. председатель петроградской гор. Думы сенатор,
55. Иванов Вячеслав,
56. Игнатов И.Н.,
57. Иванчин-Писарев А.,
58. Иорданский Н.М.,
59. Иорданская Н.А.,
60. Кабанов Н.А.,
61. Кадьян А. проф.,
62. Кадьян Анна,
63. Калмыкова Ал.,
64. Каменский Василий,
65. Каменщиков Н.,
66. Капеллер В.,
67. Караскевич С.,
68. Карташев А. проф.,
69. Каратыгин В.,
70. Караев Н. проф.,

71. Керенский Александр член Гос. Думы,
72. Кистяковский Б.А. проф.,
73. Кизеветтер А. проф.,
74. Карпинская Т.,
75. Ковалевский М. член Гос. Сов.,
76. Козловский Л.С.,
77. Козырев М.,
78. Коноплева Н.,
79. Клодищева Е.,
80. Корсакова Е.,
81. Кочевой П.,
82. Крандиевская А.Р.,
83. Кремлев Ан.,
84. Кудрявцев Г.Ф.,
85. Кудрявцева И.А.,
86. Кузьмин-Караваев В.Д. проф.,
87. Кулыжный А.,
88. Кускова Е.,
89. Лопатин Герман,
90. Лапинская О.,
91. Лебедева Н. жен. врач,
92. Лепковская А.,
93. Лутугин Л.,
94. Лучинский И. проф.,
95. Маевский Евг.,
96. Максимов А.,
97. Малиновская С.,
98. Малиновская Екатерина,
99. Малянтович В.,
100. Марс В.,
101. Маслов П.,
102. Мельгунов С.,
103. Мережковский Д.,
104. Мертваго А.,
105. Мижув П.,
106. Миртов О.,
107. Мокиевский Пав.,
108. Морозов Н.А.,
109. Муравьев Н.К.,
110. Муромцева В.,

111. Мякотин В.,
112. Нелидова Е.,
113. Немиров-Данченко В.И.,
114. Нечаева О.,
115. Никитин А.М.,
116. Никитин В. проф.,
117. Никифоров Лев,
118. Новорусский М.В.,
119. Овсяннико-Куликовский Д. проф.,
120. Овсяннико-Куликовская И.,
121. Огановский Н.П.,
122. Озеров И.Х. член Гос. Сов.,
123. Олохова Е.,
124. Озаровская О.Э.,
125. Ольнем-Цховская,
126. Ордынский С.П.,
127. Пантелеева С.,
128. Петражицкий Л.И. проф.,
129. Полянский Н.Н.,
130. Поссе В.А.,
131. Поссе К. проф.,
132. Потемкин В.,
133. Прокопович А.,
134. Прокопович С.,
135. Пругавин А.,
136. Пешехонов А.,
137. Пешкова Е.,
138. Пруднинкова Е.,
139. Раецкий С.,
140. Разумовский С.,
141. Римский-Корсаков А.,
142. де Роберти проф.,
143. Ростовцев М. проф.,
144. Ребинин Ф.,
145. Рубин А.З.,
146. Русанов И.С.,
147. Савенкова С.А.,
148. Свенцицкая М.Х.,
149. Семевский В.,
150. Серафимович А.,

151. Сидомон-Эристов кн.,
152. Славивский М.,
153. Скирмунт С.,
154. Слепцова М.,
155. Соколов Н.Д.,
156. Соловьева (Allegro) П.,
157. Сологуб Федор,
158. Сорокин П.,
159. Сперанский В. проф.,
160. Стасова П.,
161. Стасов Д.,
162. Стахович Мих. член Гос. Сов.,
163. Струве Петр,
164. Северянин Игорь,
165. Таирова Л.,
166. Тесленко И.В.,
167. Тэффи,
168. Толстой Алексей гр.,
169. Тимофеев Б.,
170. Титов А.,
171. Толстой И.И. петроградский городской голова гр.,
172. Томашевский К.,
173. Томилин Н.,
174. Туган-Барановский проф.,
175. Тувин Г.Г.,
176. Федоров Е. проф.,
177. Федоров М.М.,
178. Филатьев Г.В.,
179. Философов Д.,
180. Фриче В.,
181. Хмелев Н.,
182. Чайковский Н.В.,
183. Чарнолусский В.И.,
184. Чириков Е.,
185. Чапыгин А.,
186. Чеботаревская А.,
187. Чулков Г.,
188. Чехов И.,
189. Черненко Б.М.,
190. Чумаченка Ада,

191. Чупров И.М.,
192. Шахов Н.А.,
193. Шеломов И.,
194. Шер В.,
195. Шаховский Дм. И. кн.,
196. Шинулинский Ф.,
197. Шкляр И.,
198. Шохор-Троцкий С.,
199. Щеплов И.,
200. Щепотьев С.,
201. Юренев П.,
202. Ющенко П.,
203. Яковлева Л.,
204. Яковенко Вал.,
205. Якушкин В.Е.,
206. Яроцкий В.Я. проф.¹¹⁴

25 апреля 1915 выстрелом из ружья в своем имени «Валентиновка» Старицкого уезда Тверской губернии был убит Е. В. Де Роберти. Сорокин потерял первого учителя. В газетах сообщалось, что убийство произошло, вероятно, на почве земельной тяжбы — покойный вел судебное дело с арендаторами-крестьянами.¹¹⁵

Похоронили его на Литераторских мостках Волковского православного кладбища в Петербурге... Сорокин произнес речь на могиле учителя.

Отметим еще один момент в деятельности П. А. Сорокина. Все его учителя — М. М. Ковалевский, Е. В. Де Роберти Л. И. Петражицкий, К.Ф. Жаков — были масонами. Видимо, в студенческие дни масоном стал и сам П. А. Сорокин. В биографическом словаре русских масонов, составленном Н. Н. Берберовой, о нем написано:

«Сорокин Питирим (1889–1968). Секретарь Керенского в 1917 г. Эмигрант в США. Профессор Гарвардского университета. Автор книг».¹¹⁶

Масоном считали Сорокина и эмигрантский философ И.А. Ильин и советский историк В.И. Старцев, но по данным фундаментального энциклопедического словаря «Русское

масонство» (М., 2001) А.И. Серкова, Сорокин среди масонов не числится...¹¹⁷

Вопрос остается открытым... Масоном был профессор Михаил Чубинский, о котором несколько позже... Сорокин был хорошо с ним знаком. В начале века Чубинский преподавал в Парижской Высшей школе социальных наук, основанной Максимом Ковалевским, в 1917 г. стал вместе с Сорокиным помощником Керенского по министерству юстиции, а в 1920-ом в Белграде основал ложу «Максим Ковалевский»...

О масонстве Сорокина упоминает в своих «Воспоминаниях» (Берлин. 1920) и его коллега по кафедре уголовного права петербургского университета Владимир Станкевич. В 1917-ом, Станкевич как и Сорокин был ближайшим сотрудником Керенского...

Масоном был близкий друг Сорокина — Георгий Гурвич, будущий «французский» Сорокин...

В июне 1915 г. полиции стало известно содержание заказного письма Георга Брандеса от 13 июня 1915 г. из Копенгагена М. М. Ковалевскому в Петроград. Между полицейскими чинами последовала переписка.

23 июня

Срочно.

Совершенно секретно.

Лично. Начальнику отделения по охране Общественной безопасности и Порядка в городе Петрограде

Из препровождаемого при этом в переводе на русский язык документа усматривается, что проживающий в Петрограде профессор М.М. Ковалевский получил из-за границы приглашение прибыть в Копенгаген лично или прислать туда своего заместителя для вступления в предварительные переговоры с кем-либо из влиятельных из Германии лиц в целях приготовления почвы для заключения в будущем между Россией и Германией мирного договора. По этому поводу Господин Управляющий Министерством Внутренних дел, сделав вместе с сим сношение с Главным Начальником Петроградского Военного округа на предмет невыдачи профессору Ковалевскому заграничного

паспорта, изволил приказать, чтобы за названным лицом было установлено тщательное наблюдение. О таком приказании Его Сиятельства Департамент полиции сообщает Вашему Высокоблагородию для немедленного исполнения, прося о последующем уведомить.

**За Директора исполняющий
Обязанности
Вице-директор** Подпись.¹¹⁸

В ответном письме сообщалось, что Ковалевский 22 мая выбыл в свое имение Куты близ станции Пересечная Северо-Донецкой железной дороги в 32 верстах от Харькова и что за ним установлено тщательное наблюдение.

1 июля 1915 г. начальник Харьковского Губернского Жандармского управления докладывал Начальнику Петроградского Охранного отделения, что с профессором Ковалевским в имение прибыли: гражданская его жена — австрийская подданная итальянка Луиза Лоренцини, две прислуги (крестьянин Викентий Панасюк и Елизавета Яковлева) и каких-то два молодых человека, которых прислуга называла студентами, но эти последние на другой день выехали неизвестно куда.

Через 20 дней, в дополнение к записке от 1 июля Харьковского начальника ГЖУ, сообщалось, что неизвестными студентами оказались Юрий Павлович Конюхов и Питирим Александрович Сорокин.

Третье и последнее донесение из Харькова было послано 25 июля. М. М. Ковалевский 17 июля выбыл из Харькова, а 18 июля приехал в Петроград. В Петрограде наружное наблюдение за ним продолжалось. Приведем фрагмент из обширной полицейской справки:

«Ковалевский М. М. Член Государственной Думы. ... в революционное время проявил себя как либерал, относясь отрицательно к Учреждению Государственной Думы, находя ее учреждение несостоятельным и указывая на необходимость революционной работы. Кроме того, он, как это будет указано ниже, является крупной величиной в среде заграничных масонов и центральной фигурой в масонских учреждениях, отмеченных в России. <...> Журналы «Вестник Европы» и газета «Русская молва»,

издаваемые Ковалевским, являются ныне масонскими органами».¹¹⁹

Несомненно, что как секретарь «центральной фигуры русского масонства» П. А. Сорокин был хорошо осведомлен о деятельности масонов.

В июле 1915 г. в Петрограде состоялась конференция эсеровской интеллигенции, созванная по персональному признаку. Был ли Сорокин в числе ее участников, мне неизвестно. В резолюции конференции была установлена цель деятельности эсеров в условиях войны: скорейшее воссоздание международной солидарности социалистических организаций для прекращения войны и отказ от завоевательских задач. До наступления этих условий конференция считала неизбежным участие в обороне страны.

Вероятно к ноябрю 1915 г. относится недатированное письмо П.А. Сорокина к известному адвокату, писателю, общественному деятелю А.Ф. Кони.

**Глубокоуважаемый
Анатолий Федорович!**

Не без чувства смущения и неловкости позволю себе беспокоить Вас второй раз. Смягчающим мою вину обстоятельством может служить тот лишь факт, что я исполняю не свою волю, а волю комитета Р.Г.М.С. * Криминалистов. В любезно присланной Вами копии адреса Вам от имени группы вы прислали лишь начало адреса, его первую часть, оканчивающуюся словами: «Одна из таких дат Ваш сегодняшний юбилей, глубокоуважаемый Анатолий Федорович». Второй же части его нет. Комитет вполне понимает те мотивы свойственной Вам обычной скромности, которые побудили Вас ограничиться этой частью... Но вместе с тем он считает необходимым иметь в печатных докладах полный текст адреса. В силу этого, комитет через мое посредство позволяет обратиться к Вам с просьбой, не отказать в присылке на мое имя, и второй половины адрес в течении декабря месяца. Вот суть просьбы. Прошу Вас

* РГМСК – Русская группа международного союза криминалистов

великодушно простить меня за те хлопоты, которые я причиняю Вам.

Искренне и глубоко уважаемый Вас
П. Сорокин
Петроградская сторона, Большой проспект.
Д. 13. кв. 8
Тел. 62543¹²⁰

В 1878 г. суд под председательством Анатолия Федоровича вынес оправдательный приговор Вере Засулич, стрелявшей в царского тюремщика... С тех пор имена Веры Ивановны и А.Ф. Кони стали легендарными... В 1915 году широко отмечалось 50-летие начала его служебной, литературной и общественной деятельности...

17 августа 1915 г. умер известный общественный деятель, профессор Горного института Л.И. Лутугин.

Горький, Короленко и другие организовали специальный комитет для увековечивания памяти ученого. На деньги собранные комитетом был создан Народный университет имени Л.И. Латугина.

На Выборгской стороне рядом с металлическим заводом в помещении ремесленного училища открылось отделение университета предназначенное специально для рабочих. Питирим Сорокин преподавал там со своим другом Александром Гизетти.¹²¹ Занятия происходили ежедневно с 7 вечера до 12 ночи.

Что представляло из себя это рабочее отделение 10 лет спустя рассказал один из слушателей Сорокина — большевик Гаврилов:

«В университет поступили почти все активные члены Выборгской районной большевистской организации: Семен Лобов, Иван и Дмитрий Чугурины, Михаил Плетнев, Иван Жуков, Иван Антюхин, Скороходов, Макаров, Коротков, Петр Алексеев, кажется тоже был.

Первоначально к университету было недоверчивое отношение. Все думали, что он будет местом вылавливания охранным отделением нашей братии, но затем подозрения быстро рассеялись. Мы приняли свои меры, следили за каждым вновь поступившим слушателем, и хорошо было

для нас, что в университете подавляющее большинство было хорошо знающих друг друга товарищей.

Очень быстро наша аудитория сжилась с либеральствующими педагогами, которые с большим интересом читали лекции, частенько превращающиеся в диспуты. особенно критически относились к приват-доценту Питириму Сорокину — правому эсеру-оборонцу, читавшему лекции по вопросам социологии. Проводивший курс истории французской революции эсер Гизетти давал нам идеалистическое понимание истории, что часто приводило к большим спорам, нередко оканчивавшимися победой молодых, но очень крепко подкованных большевиков. Университет с каждым днем превращался не только в очаг живой и культурной жизни, но также и в филиал районных подпольных организаций для отдельных политических партий. Сплошь и рядом в университете назначались партийные явки, давались задания, устраивались на лету совещания. Артистом Собиновым было дано согласие на организацию хора революционных песен — «Спите, орлы боевые», «Дубинушка» и т.д. Но хор почему-то распался после нескольких занятий. Чрезвычайно трудно было заниматься, работая на заводе одну неделю в ночную смену, а другую в дневную. Приходилось брать здания на дом, покупать конспекты и ликвидировать недельную задолженность по предметам учебы. Кроме лекций и рефератов университет устраивал литературные вечера: например, памяти Надсона. Выступали с декларациями: «Христос», «Друг мой, брат мой», «Художники ее любили воплощать» и т.д.

В помещении Сампсониевского братства трезвости 26 декабря 1916 г. университет организовал семейный вечер с участием М. Горького, Е. Чирикова, М. Андреевой, Н. Морозова, были прочитаны литературные произведения. Максим Горький своими сказками о «Фомичах и Лукичах» вызвал целую бурю восторга и глубокую ненависть к охранявшей порядок полиции. Все думали, что М. Горькому это выступление не пройдет даром. Но все обошлось хорошо, хотя в этот вечер охранное отделение «зафиксировало» у себя многих из нас, благодаря при-

сутствию на вечере провокатора Мульгина. Так работал наш университет до февральских дней.

В марте 1917 года наши преподаватели на первом свободном собрании поставили вопрос об отношении слушателей к войне и лозунгу «Война до полной победы». Получилась жаркая схватка молодых орлят-слушателей со старыми оборонческими филинами-учителями. В результате схватки выяснилось, что все слушатели стоят на точке зрения большевиков. Работать было невозможно, большевистских преподавательских сил не было. Революция призывала нас на борьбу. Наш университет распался».¹²²

Стоит отметить, что трое из названных Гавриловым «учеников» Сорокина через 3 года после описываемых событий стали крупными чекистами: И.Д. Чугурин — членом коллегии ВЧК в Москве, а А.К. Скороходов и С.С. Лобов последовательно возглавляли Петроградскую ЧК в 1919 году. Это было время красного террора. Горький, который пытался спасти от расстрела многих заложников о Лобове отзывался так: «**Это животное, я с ним никаких дел иметь не могу...**»¹²³

В конце 1915 г. П. А. Сорокин вместе с А. А. Гизетти и вновь приступившим к учебе на юридическом факультете после вологодской ссылки Ф. И. Седенко «мобилизует» авторов для создаваемого ими народнического журнала «Народная мысль». По замыслу организаторов журнала, среди его главных задач должны быть: организация народных сил для обороны страны и социального строительства, защита культурных, правовых и экономических интересов трудящихся масс, разработка проблем будущей культуры...

О расстановке литературно-политических сил партии эсеров в годы войны секретарь «Заветов» С. П. Постников впоследствии писал:

«Выразителем народнических настроений социалистов-революционеров был журнал «Народная мысль», сотрудниками которого состояли следующие лица: А. А. Гизетти, Сергей Маслов, Н. Д. Кондратьев, Витязев-Седенко, И. И. Ильинский, Б. Коваковский, Дзюбинский, Иван Анд-

реевич Михайлов, Н. П. Огановский, Лев Зак и ряд других заграничных эсеров-литераторов.

В своей передовой статье этот журнал писал: «Русская демократия должна всеми силами стараться расширить, насколько возможно, свое участие в деле обороны страны. Надо связать это дело с возможно большими слоями трудящихся и возможно широкими группами русского общества. Демократическая самооборона страны — такова наша задача». Не желая из-за цензурных условий сказать об организации демократических масс, редакция журнала провозгласила следующий довольно туманный лозунг: «**Организация народных масс для самообороны и самооборона для организации народных масс**».

Большая группа литераторов социалистов-революционеров оборонцев группировалась также около «Ежемесячного журнала», издаваемого в Петрограде сперва эсером В. С. Миролюбивым. Такое же настроение было и у сотрудников журнала «Северные записки», издаваемого эсером Я. Л. Саккером. В этом журнале писал и Керенский. Была значительная группа оборонцев среди петроградской эсеровской адвокатуры. В Москве небольшой оборонческий журнал издавал Владимир Михайлович Зензинов...»¹²⁴

Удалось выпустить только два номера «Народной мысли». Среди принимавших «ближайшее участие» в социальном-философском отделе журнала значились: Н. Д. Авксентьев, И. Бунаков (И. И. Фондаминский), Петр Витязев (Ф. И. Седенко), Вадим Вьюгов (П. А. Сорокин), С. С. Маслов и др. В художественном отделе были заявлены: Анна Ахматова, Евгений Замятин и др. Дали согласие на участие в журнале также С. С. Зак, Н. Я. Быховской, Н. П. Огановский, В. Л. Бурцев, В. Ропшин Б. В (Савинков), К. М. Оберучев, Е. А. Сталинский, А. Ф. Керенский и другие.

В статье опубликованной в это время в «Ежемесячном журнале» П. А. Сорокин выделил три подхода к войне в современной русской общественной мысли:

а) Необходима победа России и ее союзников (реформы подождут).

б) Реформы на первое место (поражение в пользу внутренней реформы).

в) Победа и одновременно реформы.
И сделал вывод:

«Все силы русского общества должны быть использованы для победы врага, но чтобы могли быть использованы все силы, нужно одновременно внутреннее обновление».¹²⁵

В ноябре 1915 г. вышел первый номер «Народной мысли». Посылая его в Москву редактору «Биржевых ведомостей» М. М. Гаккенбушу (Горелову), П. А. Сорокин писал:

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Посылаю №1 «Народной мысли», орган антипораженческого народничества, преследующего задачи общественного объединения прогрессивной России и прекращения старой междоусобной грызни, распылявшей общественные силы. Задание, думается мне, симпатичное и потому желательно было бы отметить появление журнала в Вашей уважаемой газете, преследующей те же цели, в форме ли простой заметки или перепечатки письма В. Бурцева¹²⁶ или в ином виде. И я лично, и редакция были бы очень благодарны Вам за это.

**Искренне уважающий Вас
Питирим Сорокин.**¹²⁷

П.А. Сорокин под псевдонимом «Вадим Вьюгов» опубликовал в первом номере статью «Национальность. Национальный вопрос и социальное равенство», снабдив ее примечанием:

«Знакомя кратко со своими взглядами, автор одновременно хотел бы дать своей статьей повод для дальнейшего серьезного обсуждения проблемы национальности и для высказывания иных точек зрения на страницах журнала».

Под псевдонимом «Н.Д.К.» П. А. Сорокин опубликовал также рецензию на книгу Н. Н. Суханова «Наши левые группы и война» (Петроград. 1915). В опубликованной текст не вошли следующие слова:

«И по интересу и по содержанию книгу нельзя не признать ценной, даже не соглашаясь с ее выводами. Лично я, как уже говорил в своей статье, решительно не согласен с основным взглядом Николая Суханова, что «принятие войны» есть переход от социалистической интернациональной точки зрения к позиции националистической. [...] И тем не менее это не мешает мне признать его работу одной из выдающихся публицистических брошюр текущего времени. [...] И уж ни в коем случае я не могу согласиться с такими отзывами на нее, как рецензия А. Изгоева в «Речи», П. Струве в «Русской мысли» и особенно Н. Иорданского в «Современном мире». [...] Такого рода «рецензии», особенно без фактического опровержения положений Н. Суханова, едва ли могут быть одобрены с точки зрения литературной этики».¹²⁸

Еще в 1914 г. «Ежемесячный журнал» опубликовал в переводе с украинского языка роман Владимира Винниченко «Божки. (Из записок Вадима Стельмашенки)» (№3–12). Тема романа самая, что ни на есть «модная». Уже после выхода первых номеров журнала в редакцию посыпались письма, рецензии читателей а в восьмом номере появилось примечание:

«Печатая этот роман, редакция должна заявить, что она во многом не согласна с теми взглядами на «нравственные вопросы», с той «новой моралью», которой придерживается главный герой этого романа — Вадим». Роман по окончании будет подробно разобран в нашем журнале».

«Разбор» Миролюбов поручил сделать Сорокину. Статья Сорокина «Две бездны нравственности», посвященная роману Винниченко появилась только в ноябрьском номере (1915 г.) «Ежемесячного журнала» и как сам роман вызвал бурю откликов. Часть их была опубликована, некоторые нет, но они сохранились в материалах Миролюбова в Пушкинском доме:

Один из «рецензентов» статьи Сорокина писал:

«В чрезвычайно интересной статье «Две бездны нравственности» господин Сорокин излагает свой взгляд на

природу нравственных норм и на практическое применение их к отдельным случаям. [...] Может быть не мне одному, но и многочисленным читателям было бы желательно услышать авторитетный ответ господина Сорокина на те вопросы, которые возникли у меня при чтении его статьи. Думаю, что такой ответ был бы очень полезен, т. к. вопрос «критерия поведения» — острый вопрос, а автор двух бездн нравственности, разрешает трудные вопросы так ясно и определенно, что у читателя не является сомнений, если только он не заглядывает за рамки, в которые автор заключает свое исследование. Выводы сами собой укладываются в голове и не легко забываются».¹²⁹

Во втором (декабрь 1915) номере «Народной мысли» были опубликованы статьи Вадима Вьюгова «Проблемы социального равенства» и «Н.Д.К.» «Мировое хозяйство, интернационализм и война».

На выход известного марксистского сборника «Самозащита»¹³⁰ П. А. Сорокин 1 марта откликнулся в «Биржевых новостях» статьей «Война и ориентация русской социалистической мысли», в которой признавал сборник ценным, интересным и весьма нужным и приветствовал его как выражение зрелой политической мысли, правильно осознавший задачи социализма и интересы момента:

«Центральная мысль сборника ясна из его заглавия. Это «самозащита», призыв к ней и обоснование ее с точки зрения интересов социализма и совпадающих с ним в данный момент интересов «отечества», не смешиваемого с «участком». Справедливо говорит В. И. Засулич, что «великая война грозит у нас не участку, а отечеству, а в том будущем, которое приготовила бы отечеству победа Германии, всего больше пострадал бы именно рабочий класс».

Имена авторов известны. Учитывая их, можно произвести смотр сил. Прибавив к их именам имена Плеханова, Алексинского, Дейча, Кропоткина, Бурцева, Евгеньева, Лазарева, Огановского, Сталинского, Страхова, Черненкова, Зака, Кочаровского и других активистов, **«мы приходим к выводу, что**

ориентация русской социалистической мысли в пользу обороны и деятельного участия в войне — свершившийся факт и факт непреложный. Остаются два-три имени, пребывающие в лагере «восточных интернационалистов и мнящих о себе, что они спасают социализм».¹³¹

За «оборонческими» делами Сорокин с Витязевым не забывали и Вологду.

27 августа 1915 г. Ф. И. Витязев писал В. Н. Трапезникову¹³² адвокату, члену ВОИСК в Вологду:

«Что касается моего сотрудничества в «Известиях» («Известия Вологодского общества изучения Северного края» — Ю. Д.), то я думаю Вам прислать статью «Изгнанники Русского Севера» («материалы по истории Вологодской ссылки). С этой целью я пороюсь здесь в архивах. Конечно, эту работу я смогу сделать только при двух условиях: 1) если не начнется эвакуация Петербурга (о чем усиленно говорят здесь); 2) если меня не возьмут в солдаты. В первом случае архивы нельзя будет использовать, а во втором придется вообще прекратить литературную деятельность... Я часто вижу с Сорокиным и ввел его в «Ежемесячный журнал». Он тоже даст что-нибудь в № 3. Я его пристыдил, и он обещал обязательно написать статью для «Известий». Повидаю Золотарева и думаю, что к январю и он успеет что-либо приготовить. Во всяком случае, № 3 будет очень хороший. Я постараюсь «мобилизовать» здешнюю публику, а Вы местную...»

Ф. И. Витязев — В. Н. Трапезникову

19 сентября 1915

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Что касается III выпуска «Известий», то здесь обстоит дело так. Я имею в виду привлечь к участию А. С. Пругавина, у которого есть материал о вологодских монастырях. Кроме того, поговорю с Пантелеевым. Он учился в Вологодской гимназии в конце 50 г. и может дать воспоминания о Вологде 60 годов. Кроме того, через Д. Н. Анучина, поймаю Налимова. Это этнолог, изучающий север России, ученик

Анучина. При желании он может многое дать. Говорил я на днях с Д. Золотаревым. У него есть материал для Вас. Правда, он ленится и обещает обработать его не раньше февраля — марта месяца, но его можно нажать. П. Сорокин также имеет, что дать. Надеемся также с Сорокиным нажать К. Жакова. таким образом, «мобилизация» сил даст результаты, и Вы к № 3 можете иметь статьи Пругавина, Пантелеева, Налимова, Золотарева, Сорокина, Жакова и Витязева. Если сюда еще присоединить Ваши местные силы, то № 3 может получиться прямо блестящий на удивление столичным журналам. Одного я только боюсь, что меня скоро заберут в солдаты, и тогда я не смогу ни сам ничего дать, ни «мобилизовать» названных лиц. Тогда я все передам Сорокину. Из здешних новостей самая важная та, что здесь начнет выходить народнический журнал «Мысль», который будет объединять антипораженцев. [...] Я принимаю самое близкое участие в организации этого дела (секретарствую).

В. Н. Трапезников — Ф. И. Витязеву

13 ноября 1915

Многоуважаемый Ферапонт Иванович!

Большое спасибо за присланный номер Вашего журнала (Народная мысль. — 1915 г. — № 1. СПб. — Примечание Ф. И. Витязева). Я прочел добрую половину и боюсь, что жизнь Ваша будет коротка. Основанием к такому суждению служит мне даже внешний вид статьи «Кооперация и политика». Что касается содержания, то со многим я, разумеется, не могу согласиться по характеру своих убеждений, но журнал мне понравился и особенно я приветствую общую мысль редакционной статьи, которую всецело разделяю и распространение которой считаю в условиях текущего момента крайне необходимым и полезным.

Теперь журнал Вас, вероятно, завертит вовсю и Вам, боюсь, придется отказаться от того деятельного участия в III выпуске наших «Известий», которое Вы обещали. Постарайтесь не забыть и его...

Мы 22 ноября устраиваем открытие музея (он был закрыт 3 месяца). Будет публичное заседание Общества, где

предположен исторический очерк развития деятельности Общества и музея. Решено пригласить почетных гостей и всех иногородних членов. Получите приглашение и Вы, и Питирим Александрович, и Жаков, и Золотарев (только я потерял его из вида). На проезд Ваш мы, понятно, не рассчитываем, но может быть, Вы как-нибудь подчеркнете нашу связь с Вами. На этом собрании мы между прочим хотим избрать в члены-корреспонденты Вас, Золотарева, Пругавина и в почетные члены Л. Ф. Пантелеева, как человека распространившего научные сведения о Северном Крае. Хотелось бы избрать еще Анучина, но не знаю, будет ли это удобно? Если Вы на этот вопрос заранее ответили, я был бы очень благодарен. Мне здесь не достать списка трудов Анучина, а при избрании в почетные члены требуется характеристика деятельности человека и его заслуг перед наукой да еще и перед Севером. До сего времени у нас почетных членов только трое: Хвостов, избранный до нас, Шемигонов, избранный тоже до нас, и избранный уже при нас В. П. Амалицкий. Как видите, список идет сверху вниз, по крайней мере, в иерархическом смысле...

Если Вам представляется, что избрание Анучина желательно, то дайте мне краткую характеристику его как ученого и рассчитывайте, чтобы я получил не позже 20-го ноября.

Примите мой привет.

Вл. Трапезников.

Может быть, содержание этого письма не откажется сообщить П. А. Сорокину. Я сейчас уезжаю на съезд юридического отдела Союза городов в Москву и не успеваю ему написать о том же.

Вл. Трапезников.¹³³

Что касается «Народной мысли», то как и боялся Трапезников, жизнь ее оказалась коротка. Вышло два номера. Затем журнал был закрыт...

11 марта 1916 г. по поводу выхода трех первых книг горьковской «Летописи» Сорокин писал в «Биржевых ведомостях»:

В ответ на недавний взрыв патриотизма, нередко принимавший самые шовинистические формы, в ответ на разгоревшееся под влиянием войны разухабистое неистовство русского славянофильства, гордо возведшего родные на пьедестал и объявившего ненужным Канта и Запад — в ответ на этот тезис должен был появиться антитезис, столь же крайний, столь же односторонний, как и первый.

«Летопись»—наиболее резкое выявление этой западнической тенденции.

Нет здесь «неизбычного» для нас мистицизма, карамазовщины, смердяковщины, восхваления «исконно самобытных» ценностей и преклонения перед теми или иными домашними чудотворцами [...]. Задание журнала нельзя не приветствовать. Теперь и для терпеливого слуха трудно выносить те свистопляски и те рулады, которые начала выводить славянофильская ария, раньше распеваемая в тесном кругу издательства «Путь», отчасти «Русской мысли», эта ария (не говоря уже о славянофильстве «истинно русского типа») за время войны разрослась в целую оперу, распеваемую на всех углах и перекрестках. [...] И тут отпор явился и свои задачи он сформулировал правильно, но — увы! — выполнение этих задач едва ли утешит западника [...].

В нашем западничестве весьма попахивает «восточной душой», помесью души монгола и души славянина [...]. Досадно становится и за русское западничество, и за те прекрасные цели, которые журнал поставил себе [...]. Хотелось бы, чтобы вина журнала соответствовала его западным мехам.¹³⁴

Сорокин критикует в этой статье, опубликованные в «Летописи»: «Две души» Горького, «Разговор в вагоне» Плуталова, статьи Базарова, Вольского, Суханова, Тальникова, К. Тимирязева и отмечает, что беллетристическая половина «Летописи» лучше публицистической...

23 марта 1916 г. в возрасте 65 лет на руках у П. А. Сорокина умер М. М. Ковалевский. Причина смерти — воспаление легких, осложнившееся острым сердечным заболеванием. Похоронили его на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. С Моховой студенты несли гроб с телом М. М. Ковалевского на руках. От имени учеников у его могилы выступил П. А. Соро-

кин. После М. М. Ковалевского осталось около 200 неизданных рукописей...

...Студенчество и в целом российская интеллигенция любили:

«Илью Мечникова, Петра Лесгарта и Максима Ковалевского не за их научные труды, не за величие их «ученой жизни», а за независимость и самостоятельность, за защиту ими свободной науки»^{134а}

– писал уже в эмиграции Борис Соколов.

Известный петербургский журналист «Газетный король» того времени Аркадий Руманов много лет спустя уже в эмиграции, видимо, в 1950 годах, написал о Ковалевском:

М. М. Ковалевский был одной из колоритнейших фигур потонувшего мира. Русский барин, помещик, типичный интеллигент, любитель острого слова и каламбура, превосходный рассказчик, профессорская голова, начиненная невероятным количеством знаний, по иным вопросам — ходячий университет, по эпохе английского короля Георга III и Звездной палаты — непревзойденный авторитет. Любитель женского общества, женственности в тургеневском духе, он был в отношении женщин старомодным рыцарем: ни слова лишнего, ни шуточки фривольной. В этом вопросе он был невероятно застенчив. При любимой женщине, должно быть, немел.

Профессор Иванюков, близкий его друг, рассказывал про него историю, которая, возможно, была трагедией его жизни. В юности он любил одну девушку — Екатерину Павловну Леткову, впоследствии она вышла замуж за Султанова, директора Института гражданских инженеров. И Леткова, женщина тоже незаурядная, увлеклась М. М. Ковалевским Но, в соответствии с той эпохой, в какой оба они жили, между ними не было произнесено нужных слов. Они проводили время в спорах о «меньшем брате» и «общем благе» и не рискнули объясниться по личному вопросу. И прошли они, как это часто бывает в жизни, мимо счастья.

М.М. Ковалевский остался холостяком. Последние десять-двадцать лет своей жизни он отдал случайной итальянке — продавщице цветов Джоржетте, которую он встретил где-то в Италии. Долго жил с ней в Болье, около Ниццы, затем привез в Россию. Джоржетта, типичная сицилианка, истово суеверная католичка, по-своему любила Максима Максимовича. Она немного научилась по-русски и с комичным пиететом относилась к учености «Максимума», как называла его.

— Максимус покупает книжки, а я шляпку, — зачем столько книжки?

Единственная книжка, которую она считала достойной покупки, был молитвенник, одобренный юре. Ковалевский был либр-пансером, иронически относившимся ко всякой церковности. У него в квартире, заставленной научными книгами, резким диссонансом казалась комнатка Джоржетты, сверху донизу заполненная иконами, священными амулетами, предметами религиозного культа.

Умирал Ковалевский от мучительной болезни. Последние часы у него сидел его ученик Питирим Сорокин и по просьбе умирающего друга прочел ему Лермонтова «По небу полуночи ангел летел». И когда он кончил:

«И песен небес заменить не могли ей скучные песни земли...»

Максим Максимович слабым голосом прошептал: «А как еще этих скучных песен хотелось бы послушать!»

Перед самой смертью он неожиданно для всех велел позвать местного православного батюшку и причастился. Это произвело большой переполох в радикальных кругах. Зато бедная Джоржетта была счастлива: ее «Максимус» примирился с Богом.¹³⁵

Сын М.И. Туган-Барановского Михаил Туган-Барановский*, вспоминая о встречах отца с М.М. Ковалевским в годы Первой мировой войны тоже упомянул подружку Ковалевского:

«В эти дни у нас особенно часто стал бывать Ковалевский со своей эксцентричной женой, итальянкой Джоржет-

той; та всех потрясала тем, что носила на ногах золотые браслеты»¹³⁶

Максим Горький 22 марта 1916 г. писал Е.П. Пешковой: «безнадежно болен М.М. Ковалевский»,¹³⁷ а в июне просил К.А. Тимирязева написать для «Летописи» статью о М.М. Ковалевском...¹³⁸

В один день с М.М. Ковалевским 23 марта 1916 г. умер в возрасте всего 43 лет Андрей Сергеевич Черняев, такой же вологодский самородок как и Сорокин.

Сорокин окончил Черняевские курсы, свое первое столичное учебное заведение. В «Записке о национальном воспитании» Черняев писал о главных чертах русской народности — идеализме, искании правды, глубине чувств, стремлении к нравственному совершенствованию... Все это было близко Сорокину... Похоронили учителя и педагога А.С. Черняева на Серафимовском кладбище. В том же 1916 году ученики Черняева издали о нем книгу...¹³⁹

О смерти М. Ковалевского архангельская, кадетского направления газета «Архангельск» 25 марта писала:

«С его кончиной в рядах работников двигавших Россию по пути прогресса, образуется пробел, который не скоро будет заполнен».¹⁴⁰

В зимний семестр 1915–1916 гг. Сорокин читал в Психоневрологическом институте курс «Механика человеческого поведения» и готовил его к печати. Его студентами в Психоневрологическом институте были Михаил Фрилянд (будущий чекист и журналист №1 сталинской России — Михаил Кольцов), Исаак Бабель — тоже будущий чекист и писатель...

Идет война, а Сорокин по-прежнему не оставляет вопросы брака и семьи... Еще в 1913 году были им изданы брошюры «Брак в старину». В 1916 он публикует статью «Кризис современной семьи».

К этому времени относится письмо Сорокина к профессору П.И. Люблинскому:

* В годы Второй мировой войны М.М. Туган-Барановский был майором СМЭРШа...

Глубокоуважаемый и дорогой Павел Исаевич,

Искренни спасибо Вам за «Новую теорию уголовного прогресса». Излишне говорить, что я прочел с громадным интересом, и они сразу же дали мне возможность ориентироваться в конструкции уголовного процесса, теперь, когда, я только, что приступаю к изучению его. Добавлю, что неделю назад мне рекомендовал с нею обязательно ознакомиться и Н.Н. Розин. < >

Ваши «очерки» в частности мне сослужили, хорошую службу, для статьи «Кризис современной семьи» («Ежемесячный журнал». 1916. №2, 3), в которой я «обобрал» Вас, «конечно, с указанием на источник».

П. Сорокин.

Каменноостровский, 27, кв. 6. Тел. 221–17¹⁴¹

В начале мая 1916 года Сорокин выехал из Петербурга. Жил в Устюге, посетил Вологду. 23 июня, по приглашению архангельского студенческого землячества, в зале городской Думы в Архангельске он выступил с лекцией «Кризис современной семьи».

Начав лекцию, собравшую довольно много публики, в половине девятого вечера, лектор оставил кафедру только на исходе 12 часа под громкие аплодисменты. На следующий день предполагалась вторая лекция: «Улучшается ли нравственное поведение человека?», но по неизвестным причинам она не состоялась. 24-го июня Сорокин на пароходе Северного пароходного общества «Усть-Сысольск» выехал в Великий Устюг.

Во время пребывания в Архангельке Сорокин посетил редакцию газеты «Северное Утро» и предоставил в распоряжение ее издателя и ведущего журналиста Максима Леонова, отца будущего известного писателя Леонида Леонова, свои автобиографические заметки. На основе этих заметок Леонов опубликовал в газете в рубрике «Русские самородки» статью «Питирим Сорокин»¹⁴², став таким образом первым биографом знаменитого социолога. Статью Леонов закончил словами:

«В настоящее время Питириму Александровичу всего только 27 лет. Он в расцвете своего творчества и ему предстоит блестящая будущность. Обладая большим талантом,

он безусловно подарит нашу родину своими новыми трудами и еще лишний раз докажет, как гениален наш русский народ, если дать ему широкое образование»

Договорились Леонов с Сорокиным и о сотрудничестве в газете. Уже 26 июня в ней появилась статья Сорокина «От слов к делу».¹⁴³

Летом 1916 г. в либеральной петроградской газете «День», в которой печатались и теоретики социал-демократии вроде А. В. Луначарского и Петра Юшкевича [псевдоним — С. Сумский]* (газета пользовалась популярностью среди студентов), были опубликованы две грубые критические статьи П. Юшкевича. Первая — на работу К. Ф. Жакова «Гипотеза, ее природа и роль в науке и философии». Юшкевич назвал ее «странной книжкой», невразумительной и варварским языком изложенной» («День». 1916. 7 июля). Вторая — «Жаковцы» («День». 1916. 12 августа).

В защиту К. Ф. Жакова выступили многие его друзья и ученики по Психоневрологическому институту. П. А. Сорокин обратился с просьбой о поддержке в кампании защиты К. Ф. Жакова к Максиму Горькому. Ответ М. Горького сохранился.

Уважаемый Питирим Александрович!

Я не могу одобрить тон статьи г. Сумского, но я знаю книги профессора К. Ф. Жакова и должен согласиться с той оценкой, которая дана г. Сумским.

Меня тоже отталкивают книги Жакова отсутствием в них скромности, обязательной для серьезного человека, уважающего себя и свое дело. Для меня несомненно, что профессор Жаков переоценивает свое значение в людях и свой литературный дар, его отношение к себе, выражаемое публично и печатно, не может не влиять вредно на молодежь в смысле социально-педагогическом. Мы все и без помощи профессора Жакова слишком любим хвастаться нашими дарованиями и слишком рано начинаем чувствовать себя безответственными перед обществом. Я не подпишу протест против статьи г. Сумского, хотя мне неприятен тон его статьи, как я уже это сказал».¹⁴⁴

* Возможно, что автор статьи не П. Юшкевич, а журналист С.Г. Сумский-Каплун, сотрудничавший в «Днях»...

О статьях П. Юшкевича в газете «День» П. А. Сорокин узнал, видимо, на Севере. С конца мая он жил «на природе» в Великом Устюге. В письме от 24 мая В. С. Миролюбову он сообщал:

«Живу тихо спокойно. [...] На днях еду в Архангельск на две публичные лекции затем все лето пробуду здесь до конца июля. В первых числах августа буду в Питере»¹⁴⁵,

— и просил прислать апрельский, майский, июньский, июльский номер «Ежемесячного журнала».

Уезжать с Севера, однако, П. А. Сорокин не спешил. Известно, что 14 августа 1916 г. он был в Вологде и прочел в здании Городского театра (не сохранилось) лекцию «Кризис семьи». В сентябре 1916 г. К. Ф. Жакову исполнялось 50 лет и, надо полагать, П. А. Сорокин был в этот день рядом с учителем...

30 сентября Сорокин писал Миролюбову:

«...Рукописи какие были я прочел. Их Вы получите с моими «резолуциями». Сам я подумывал написать по поводу систематических гонений мужика, замечающегося во многих журналах, да не знаю... успею ли, и нужно ли писать об этом. Пишу (неразборчиво — Ю.Д.) потому что снова у меня начинается экзаменационная страда до ноября. < > о себе сказать нечего. Живу по-прежнему тихо и мирно и начинаю подзубривать (неразборчиво — Ю.Д.) и только. Написал только статью о М.М. Ковалевском для сборника, который еще долго не будет печататься.

Если бы не Ваше нежелание печатать о нем что-нибудь предложил бы ее для «Ежемесячного журнала». Но зная это не предлагаю.

**Питирим Сорокин
Петроградская сторона
Большой проспект
Д. 13, кв. 8**¹⁴⁶

9 октября Сорокин получил приглашение стать делопроизводителем русской группы Международного союза криминалистов. Исполняющим обязанности председателя группы был профессор М. П. Чубинский¹⁴⁷, занимавший в свое время пост директора Ярославского лицея и знавший П. А. Сорокина еще студентом Психоневрологического института.

15 ноября 1916 г. в архангельском «Северном утре» было опубликовано письмо Сорокина в связи с перепечаткой газетой статьи Сумского «Жаковцы» («Северное утро», 1915 г., 29 августа). Сорокин писал:

«Его (Юшкевича — Ю.Д.) выступление сплошное издевательство над истиной, справедливостью, человеческой личностью. Как таковое, оно должно быть заклеено».¹⁴⁸

В том же номере газеты было опубликовано письмо 400 студентов в поддержку Жакова.

В конце года П. А. Сорокин был снова в Великом Устюге. Туда, по адресу: Великий Устюг, Вологодской губернии, Красная Гора, дом Дранковского, было отправлено 15 декабря из Юрьева, Лифляндской губернии письмо Ф. В. Тарановского:¹⁴⁹

«Покорнейше прошу Вас как секретаря Русского социологического общества передать Комитету искреннюю мою признательность за предложенную мне честь и выражение полной моей готовности войти в состав членов Комитета».¹⁵⁰

Русское социологическое общество было создано в день похорон М. М. Ковалевского его учениками П. А. Сорокиным, Н. Д. Кондратьевым, Я. М. Магазином, СИ. Солнцевым, П. И. Люблинским, К. М. Тахтаревым в память учителя и его заслуг. В общество вошли фактически все видные ученые Петрограда (около 70 человек). Председателем общества имени М.М. Ковалевского стал академик А. С. Лаппо-Данилевский.¹⁵¹

О каком комитете Социологического общества писал Сорокину профессор Юрьевского университета Федор Васильевич Тарановский неизвестно...

Из письма Тарановского Е.В. Спекторскому от 7 мая 1916 г. известен, однако отзыв Тарановского о Питириме Сорокине, которого он встретил в один из своих приездов из Юрьева в Петроград.

Питирима Сорокина я видел и слышал в нашем кружке прогрессивных деятелей в Петрограде (внедумский про-

грессивный блок). Могу сказать о нем одно: не грядущий, а уже пришедший хам. Говорят, однако, что некоторые круги намечают его в «социологи» на не занятое до сих пор место Н.К. Михайловского».¹⁵²

Если судить по списку членов Русского Социологического общества имени М.М. Ковалевского, сохранившегося в фонде его председателя А.С. Лаппо-Данилевского, то Тарановский членом общества не был... Тем интересней знать, что за «Комитет»: Об истории и судьбах членов Русского социологического общества имени Максима Ковалевского будет рассказано в дальнейшем. Что касается Спекторского, то — это едва ли не единственный русский ученый о котором Питирим Сорокин написал статью уже в эмиграции в американскую «Энциклопедию социальных наук»...

В ноябре 1916 г. П.А. Сорокин сдал магистерский экзамен, а в январе 1917 г. получил звание приват-доцента Петроградского университета. Его ждала блестящая научная карьера, но Россия уже стояла на пороге революции.¹⁵³

С одним из ее главных действующих лиц, лидером фракции трудовиков в IV Государственной Думе, адвокатом А.Ф. Керенским П. А. Сорокин был знаком через своего земляка, члена IV Госдумы священника Д. Я. Попова,¹⁵⁴ заветной мечтой которого было создание самостоятельного зарянского государства. Как и П. А. Сорокин, А. Ф. Керенский был масон. Их дружба продолжилась в эмиграции.

Хотя по языку П. А. Сорокин был русским, но, как вспоминал его американский коллега Джордж Хоманс, ученый всегда подчеркивал, что он принадлежит к финно-угорской расе.¹⁵⁵ Среди петербургских коми-зырян, с кем П. А. Сорокин общался, отметим еще редактора и издателя журнала «Вестник Севера» И. А. Шергина, друга Максима Горького, архитектора А. В. Холопова,¹⁵⁶ В. П. Налимова¹⁵⁷ и А. С. Сидорова.¹⁵⁸

Россия стояла на пороге революции, но мало кто это предполагал.

Молодой эсер Марк Слоним прибыл в Петроград осенью 1916 года. Много лет спустя он вспоминал:

«Я попытался связаться с эсерами. Ни одна из подпольных социалистических партий — ни большевики, ни меньшевики, ни эсеры не имели постоянной организации в столице. [...] Я понял это как только установил контакт с партийными представителями. Я сделал это через Ивана Михайлова*, талантливого молодого экономиста. [...] Моим другим контактом с эсерами стал Питирим Сорокин, молодой ученый, которому предрекали блестящую карьеру. [...] Через двоих людей я встретил Бориса Флекеля, ставшего связным между мной и подпольным партийным центром. [...] В его доме я встречался с Феррапонтом Седенко, бывшим членом боевой секции и мы сразу узнали друг друга. За шесть лет до этого мы встречались в Одессе, куда он прибыл как делегат нашего Центрального Комитета. Известный в литературных кругах под именем Петра Витязева он посвятил себя изучению Лаврова, русского революционера, антрополога и философа. [...] Другой литератор — Александр Гизетти, высокий, худощавый интеллигент публиковал статьи в либеральной периодике, соединяя журналистику с революционной деятельностью. [...] Единственным настоящим профессионалом в этой группе был Николай Иванов (Н.Н. Иванов в 1937 г. в Самарканде получил «10 лет без права переписки» — т.е. был расстрелян — Ю.Д.), бывший член Центрального Комитета. Он недавно вернулся в родной город после многих лет тюрьмы, каторги и ссылки. Ему не было разрешено жить в столице, но он жил там нелегально под чужим именем. Все мои другие друзья имели работу или нормальное занятие. Иванов работал только как партийный организатор и пропагандист. [...] Мои эсеровские друзья придерживались мнения, что народные движения можно ожидать только после окончания войны. Они говорили, что это мнение наших «Руководящих кругов». Позже я узнал, что «руководящими кругами» были: Владимир Зензинов, князь Сидамон-Эристов, Евгений Колосов, Мстиславский и другие. Только Керенский постоянно повторял, что мы на краю важных событий».¹⁵⁹

* Друг Питирима Сорокина. Автор рецензии на «Преступление и кару» в «Вестнике Европы». Впоследствии министр финансов у Колчака. Расстрелян чекистами в 1946 г. в Москве.

Сорокину предрекали блестящую научную карьеру... О том, что представляла русская дореволюционная университетская система лучше всего написал, находясь уже в эмиграции в США, профессор Московского, Томского, Саратовского университетов, русского юридического факультета в Харбине Георгий Густавович Тельберг:

«Русский университетский строй был основан на принципе «Свободы ученья». На старших курсах были семинарии и просеминарии, где студенты могли проявить научную инициативу и самостоятельность, под руководством профессора, дававшего темы для разработки. Но это для избранных, для волонтеров, которых всегда была ничтожная горстка.

«Свобода учиться» превращалась в свободу не учиться. Русский professor считал себя прежде всего научным деятелем, во-вторых: общественным и политическим деятелем, и только в-третьих: преподавателем. < > Русская академическая традиция имела ряд этапов на длинном пути к профессорству. На три года Университет давал скромную стипендию «для подготовки к профессиональному званию». Потом магистерский экзамен. Затем прочитать две публичные лекции. После чего получал звание приват-доцента университета и имел право читать лекции по своей специальности. Через два года на публичном диспуте защитить свою магистерскую диссертацию. Потом докторский экзамен. Затем докторская защита. Обе диссертации должны быть представлены Университету в виде печатных книг. Ни рукописи, ни печатные статьи, ни памфлеты не принимались в качестве диссертации. В итоге — ординарный Professor»*.¹⁶⁰

В феврале 1917-го пришло письмо от знаменитого московского адвоката Н.К. Муравьева. Связано, вероятно, с делами Русской группы Международного Союза криминалистов.

Глубокоуважаемый Питирим Александрович,

Я получил Ваше приглашение на среду 8 февраля в Петроград. В среду же 8 февраля (должны быть — Ю.Д.) в Москве. Уже по одному этому не мог бы присутствовать.

Пожалуйста, ревизуйте без меня — теперь ведь трудно приехать. Я присоединяю свою подпись. Еще прошу: заметьте мой новый адрес: Пречистенка, Обухов переулок, д. 3.¹⁶¹

И, наконец, последняя открытка, полученная Сорокиным при «старом режиме». Знаменитый революционер-народоволец Н.А. Морозов писал:

**23 февраля 1917 г.
В редакцию журнала «Ежемесячный журнал»
Питириму Александровичу Сорокину
Серпуховская, 40**

Дорогой Питирим Александрович!

В конце прошлого (1916) года я передал Виктору Сергеевичу (Миролубову — Ю.Д.) по его просьбе две статьи для «Еженедельного журнала». 1) В «Поезде Жизни» или, кажется, заголовок переделал в «Поезд сознания»? и 2) «Из старой тетради». (Из воспоминаний о Двинской крепости).

Теперь Виктор Сергеевич болен и статьи, вероятно, лежат где-нибудь в редакции. Забежать мне на Серпуховскую самому нет времени, и если ни одна не может быть напечатана в ближайших номерах, то очень прошу возвратить мне.

**Сердечно Ваш
Николай Морозов
Торговая, 25, кв. 44¹⁶²**

23 февраля в Петрограде начались массовые демонстрации и забастовки рабочих...

«Старые устои», паденье которых Сорокин предрекал три с небольшим годом назад в вологодской газете «Эхо», рухнули...

ГЛАВА 2. ГИБЕЛЬ РОССИИ

1.

На март 1917 г. была назначена защита магистерской диссертации Сорокина.

Но Февральская революция задержала эту защиту на несколько лет. Кроме того, важное событие произошло и в личной жизни Сорокина. 26 мая состоялась его бракосочетание с Е. П. Баратынской.

Отец Елены, доктор Петр Алексеевич Баратынский (родился в 1862 г., окончил курс медицинских наук в 1887 году, работал земским врачом в селе Копорье Петергофского уезда Санкт-Петербургской губернии, затем вольно практикующим врачом в Санкт-Петербурге и старшим врачом губернской земской больницы Тамбова, имел чин надворного советника), прислал письмо:

Многоуважаемый Питирим Александрович.

Под шум клокочущих политических страстей поздравляю Вас по личному делу с вступлением в брак. Вы как социолог лучше меня оцениваете значение брачного соединения людей. Этой первоначальной ячейки, из которой строится все государство. В русских обычаях желать новобрачным счастья: счастья согласной любовной жизни, счастья долгой совместной жизни до старости. Всего этого я от души желаю Вам. Я с семьей (жена и мальчик) живем [четыре слова неразборчивы — Ю. Д.] отдыхаем, пробудем здесь до пятнадцатого июля. Лена писала, что Вы на лето остаетесь в Санкт-Петербурге. Сама она обещает в конце августа приехать в Тамбов. Я бы очень хотел и прошу Вас приехать к этому времени к нам в Тамбов. Отдохнуть у нас от Вашей работы. Лене я недавно послал заказное письма в Зиновьевку. Будьте здоровы. Я и жена шлем Вам душевный привет.

16 июня 1917 г.

Уважающий Вас Петр Баратынский¹

Елена сразу после свадьбы уехала на летнюю практику заниматься изучением лугов и пойм рек в Тамбовской губернии.

Сохранилось более тридцати писем Е. Баратынской Питириму Сорокину, написанных в 1917 году²... Приведем некоторые.

9 июня.

Получила твоё письмо из Зырянки, т.е., конечно, не письмо, а какую-то открытку. По-моему, лучше совсем не писать, чем писать открытки. Хотела было и я отплатить тебе тем же, да не хватило духу.³

29 июня.

Ты должен получить от меня по крайней мере пятнадцать писем. Я их писала тебе бесконечно много и в каждом я тебя зову в Тамбов. Неужели и на такое приглашение у тебя хватит храбрости отказать. Тогда по праву твоей жены я буду требовать, чтобы муж возвратился ко мне хотя бы на день, имею же я такое право. Нет, серьезно, устраивай так, чтобы побыть немного со мной, мне все равно как, лишь бы с тобой, мой дорогой, милый, хороший. Как ты думаешь на этот счет? Я знаю, как ты думаешь. Ты думаешь, что ты тоже хочешь побыть со мною, но дела прежде всего, и я тебе говорю, что делу я не помешаю.

Целую и люблю мою светлую радость.

Твоя Лена⁴

1 июля.

Родной мой, хороший мой.

Как я теперь хорошо знаю, как знаю чувство тоски без тебя. Никогда раньше и не думала, что можно до такой степени соскучиться, не верила и не знала [...] Получила твоё письмо из Архангельска. Ужасно рада твоему успеху. Рада и тому, что ты пишешь, что соскучился без моих писем в пути [...] Потом помнишь, ты поцеловал меня в первый раз. [...] Я бы сама тебя не поцеловала первой. [...] И даже еще в прошлом году мне иногда казалось, что нет и во мне и в тебе временами общего.⁵

В начале июля большевики предприняли вооруженную попытку захвата власти в Петрограде.

7 июля.

Дорогой Питирим, любимый мой,

Я так за тебя беспокоюсь в связи с событиями в Петрограде. Так тревожно и больно [...]. Сегодня отправила тебе срочную телеграмму и жду ответа [...]. Боюсь за тебя ужасно. Жалко, что так много сил, энергии и здоровья тратится в борьбе со всякими подлецами и наглецами [...]. У нас здесь все тихо и мирно, не верится, что где-то буря и волнение, никакие отголоски сюда не доходят. Редкие газетные известия волнуют очень немногих здесь, остальным нет дела ни до чего.⁶

16 июля.

Здравствуй, мой дорогой друг.

Получила твою телеграмму от 6 июля и немного успокоилась. [...] Писем от тебя не имею с 27 июня. [...] Если бы я знала, что застаю тебя в Петрограде, то приехала бы к тебе через четыре дня. 20-го кончаю работу, и если получу от тебя письмо с известием, что ты в Петрограде, то поеду к тебе, если же письма не будет, то выезжаю в Тамбов числа 22-го из Симбирска и 25-го буду в Тамбове.⁷

15 августа.

Приехала сегодня в Тамбов. После работ жила на даче около Симбирска, где жили и наши, затем проехала по Волге. Сейчас, что буду делать, ясно не представляю, полагаю, надо позубрить органическую, не знаю, смогу ли дома хорошо заниматься: слишком отвлекают.⁸

22 августа.

Я буду в Петрограде, вероятно, вскоре после 1 сентября. До 1-го меня задерживает всякая домашняя мелочь, а кроме того и папочка хочет, чтобы я немного пожила дома. [...] Дома живу с удовольствием, немного занимаюсь, вожусь с братом, никуда не хожу и много думаю о тебе и

о том, как наладятся наши отношения [...]. Я представляю себе до того ясно сейчас тебя. Нашу предстоящую встречу, что сердце замерло, что-то сильное вырвалось наружу и всю меня наполнило такой радостью, как будто ты уже здесь со мной. Это было, правда, недолго, но скоро, скоро будет и долго, да, мое солнце, да? [...] Чтобы быть это время ближе к тебе, читаю твою книгу. Не подумай, что это единственная причина заставляет меня ее читать, нет, я бы не стала этого делать, если бы было неинтересно.⁹

В ожидании приезда жены Сорокин подыскал и снял недалеко от редакции «Воли народа» квартиру. Об этом свидетельствует следующий документ:

Договор Е.В. Ивашенцевой и П. Сорокина.

Ивашенцева сдает квартиру своего брата, С.В. Ивашенцева № 13 д. 4 по Надеждинской улице с 26 августа по 1 июля 1918 года.

Сорокин обязан вносить за квартиру с полной обстановкой за два месяца вперед по 200 рублей в месяц. Прислуге платить по 20 рублей в месяц.

26 августа 1917 г. Подписи.¹⁰

В своих воспоминаниях П.Сорокин очень скупо упоминает о Елене Баратынской. Приведу еще одно ее письмо. Оно без даты, но, вероятно, относится к октябрю-ноябрю 1917 года:

Питирим, родной мой.

Ты меня не понял. Бежала я от тебя не потому, что не люблю тебя, не потому, что боюсь тебя или себя, нет, ты ведь знаешь, что это не так. Просто пришла дикая фантазия, как у меня всегда это бывает. Захотелось испытать себя, свою любовь к тебе. Пошла же я к Александру Ивановичу, потому что это единственное место, где я могу просидеть вечер ни слова не говоря и где не будут спрашивать и удивляться моему странному настроению. Теперь я поняла, насколько люблю тебя, насколько трудно и тяжело лишиться тебя. Приходи ко мне сегодня вечером

[ ]. Часов в 8 буду ждать тебя. Если не придешь, тогда прощай.¹¹

Свою золотую свадьбу они отметили через 50 лет в США, подтвердив вывод статьи П. Сорокина, опубликованной в том же 1917 году:

«...семья из принудительного союза становится добровольным союзом супругов и детей, скрепленных друг с другом лишь любовью, согласием, а не властью отца, не принуждением государства или благословением церкви. Если нет любви — плоха и семья. Если есть она — все остальные связи для прочности семьи излишни».¹²

О своем участии в русской революции в 1917 г. Сорокин рассказал достаточно подробно. На его свидетельство ссылаются: Пайпс, Солженицын, Георгий Катков и т.д.

27 февраля Сорокину нездоровилось. Лекции в Университете из-за войны фактически давным-давно отменены... Решил почитать Парето... Около 3–4 часов к нему в квартиру на Петроградской стороне ворвался один из его студентов: «Два полка с оружием и красными знаменами движутся к Государственной Думе». Вдвоем через Троицкий мост вышли на Невский. Там к ним присоединился Н.М. Кузьмин, возле Думы Сорокин зашел к адвокату Грузенбергу позвонить... На Литейном он видел трупы, полыхало огнем здание Окружного суда, солдаты и бродяги громили винные магазины... Сорокин организовал подвоз питания для подошедших к Думе полков...

В одной из комнат Думы формировался будущий первый рабоче-солдатский парламент — Совет. Сорокина сразу же пригласили стать его членом. Он отказался. Домой вернулся только у двум ночи.

На следующий день Сорокин вновь в Думе. Перед аудиторией в 3–4 сотни человек (будущий Совет Рабочих и Солдатских Депутатов) он выступает с речью против ареста председателя IV Государственной Думы ее Временного Комитета М.В. Родзянко...

Следом в том же ключе выступил М. Горький... Но, отметил Сорокин вечером в дневнике:

«...Совершенно очевидно, что ментальность черни уже заявила о себе, и в человеке просыпается не только зверь, но и дурак...»

Он предложил одному из членов Временного Исполнительного Комитета Думы И.Н. Ефремову арестовать тех, кто действует от имени Совета, а сам Совет разогнать... Последовал отказ...

Профессор П.П. Гронский предложил Сорокину:

«Можете ли Вы написать Декларацию будущего правительства?». «Почему я? Набоков специалист в таких вопросах. Идите к нему».¹³

Во Временном правительстве А.Ф. Керенский получил пост министра юстиции. По его просьбе П.А. Сорокин составил текст телеграммы во все российские тюрьмы об освобождении политических заключенных.

Циркуляр министра юстиции об освобождении всех политических заключенных.

Всем прокурорам судебных палат и окружных судов.

Предписываю немедленно под вашей личной ответственностью освободить всех осужденных и подследственных, заключенных по политическим преступлениям всех категорий и преступлениям религиозным. Предлагаю произвести лично освобождение, передав каждому освобожденному приветствие моего имени. Предпишите начальникам охранных отделений немедленно освободить всех задержанных в порядке охраны по тем же преступлениям.

**Подписал.
Министр юстиции, член Государственной Думы
(от Саратовской губернии) А. Керенский.**¹⁴

После неудачного большевистского путча 3–5 июля Керенский, став премьер-министром, предложил Сорокину на выбор три поста: помощника министра внутренних дел, директора

русской телеграфной службы и секретаря премьер-министра. Избрав пост секретаря Керенского, Сорокин вскоре понял, что А.Ф.Керенский — «хороший человек, но слабый лидер» и все-таки «головой выше почти всех деятелей революций». И отмечал, что за короткий срок пребывания на посту министра юстиции А.Ф.Керенский успел сделать многое. Во Франции законопроект об отмене смертной казни разрабатывался и обсуждался, но не был принят в течение нескольких лет. Керенский решил этот вопрос за несколько дней...¹⁵

В первые месяцы революции были приняты такие важные законы, как о воспрещении сделок на землю, о самоуправлении, введен восьмичасовой рабочий день и примирительные камеры, уничтожено национальное и религиозное неравенство, перестроен весь административный аппарат. Россия стала самой свободной страной в мире...)¹⁶.

В обширной статье «**Политическая программа Временного правительства**» опубликованной в февральско-апрельском номере «Ежемесячного журнала» Сорокин писал:

«Все сказанное выше и приводит нас к выводу, что программа Временного правительства вполне удовлетворяет требованиям момента. Она дает достаточный простор для органического строительства новой жизни. В силу этого и само правительство заслуживает полной поддержки в осуществлении начертанной программы.

Таков наш ответ на поставленный выше вопрос.

Само собой разумеется, что эту поддержку оно заслуживает лишь в том случае, если прямо и искренне будет идти объявленным в декларации дорогой. Если же оно будет уклоняться от исполнения своих обещаний, если в объявленные формулы будет вводить ограничения и кривотолкования, естественно, должно измениться и наше отношение к нему. В этом случае, быть может, тактику активной поддержки правительства придется заменить тактикой борьбы с ним.

Пока этого отклонения нет. Пока правительство последовательно и честно выполняет свои обещания. В силу этого оно заслуживает полной поддержки русского общества,

поддержки, диктуемой спасением Родины и закреплением добытых революцией свобод.

В этих случаях должно помнить слова Герцена: мы идем с теми, кто освобождает народы и до тех пор, пока освобождает».

С. П. Постников вспоминал:

«После Февральской революции районные эсеровские организации в Петрограде функционировали, но не имели возглавляющего их комитета. Первого марта нами уже было организовано Организационное бюро по созыву конференции, а второго марта собралась и сама конференция. Заседание проходило вечером в частной интеллигентной квартире на Греческом проспекте. Было 20–25 человек. Председатель — рабочий И. И. Тетеркин. На III съезде в 1917 г. избран в ЦК. Переизбран в ЦК и на IV съезде. После большевистского переворота в 1918 г. в Сарапуле расстрелян большевиками как предатель. Секретарь — Борис Осипович Флекел.* В 1918 г. расстрелян большевиками в Казани, куда пробирался нелегально для подпольной работы по постановлению ЦК.

Главный вопрос конференции — об отношении к Временному правительству. Разногласий не было. В числе присутствующих — Питирим Сорокин, Н. Д. Кондратьев, Иван Михайлов, потом Колчаковский министр, Лева Зейман (студент), рабочий Берг, член ЦК, впоследствии осужденный по Московскому процессу к смертной казни. Общая политическая резолюция написана и предложена Питиримом Сорокиным: «Конференция считает настоятельно необходимым поддержать Временное правительство». Второй пункт резолюции признавал необходимым контроль за деятельностью Временного правительства со стороны трудящихся масс, и потому приветствовал вступление Керенского во Временное правительство в звании министра юстиции [...]. Одним из наиболее резко высказавшихся против участия Керенского в составе Временного правительства был я [...]. К сожалению, мою позицию из всех членов конференции поддержали

* Его сестра — Елена была женой А.А. Гизетти. Историк и искусствовед. Она арестована в 1930-х и исчезла.

только двое рабочих. А потому соответствующий пункт резолюции Сорокина был принят большинством, причем меня же вместе с Сорокиным конференция уполномочила приветствовать Керенского, дабы показать дисциплину и единодушие организации. Где-нибудь в Петроградских архивах лежит приветствие Керенскому, подписанное Постниковым и Сорокиным от имени конференции. На этой же конференции мне было поручено поставить большую ежедневную партийную газету.

5–6 июня в помещении Союза городов я собрал проживавших в Петрограде социалистов-революционеров литераторов. Примерно 40 человек пришло. Гуковский, редактор эсеровской газеты «Дело народа» в 1906 г., Иванов-Разумник, Мстиславский, В. М. Зензинов, братья М. С. и А. С. Сиговы, известные писатели народники, Питирим Сорокин, Николай Сергеевич Русанов, редактор «Русского богатства» и редактор всех эсеровских газет в революцию 1905 г., А. А. Гизетти, Н. Д. Кондратьев, Иван Михайлов и многие другие. Был наличный состав редакции — Гуковский, Зензинов, Иванов-Разумник, Мстиславский, Русанов, Сорокин, Постников (я — секретарь редакции).

Помещение я взял тут же во дворе дома, где был Союз городов, в полутемном помещении какого-то клуба (Невский, 72).¹⁷

30 марта газеты опубликовали «Положение об Особом Совещании по изготовлению проекта закона о выборах в Учредительное собрание». В его состав вошли «специалисты по вопросам государственного права, представители статистической науки и другие сведущие лица» в количестве тринадцати человек. Председателем президиума Особого Совещания стали Ф. Ф. Кокошкин, товарищами председателя — В. А. Мякотин, В. Н. Крохмаль. Кроме того, в состав Особого Совещания был приглашен ряд «политических и общественных деятелей, представляющих главные политические и национально-политические течения России. Количество приглашенных достигало 70 человек.

От большевиков вошел М. Ю. Козловский, от меньшевиков — Ю. О. Мартов, от эсеров — М. В. Вишняк, от грузинских поли-

тических партий — И. Г. Церетели, Е. П. Гегечкори, однокашник П. Сорокина по юридическому факультету Ш. З. Элиава. Питирим Сорокин чуть позже, вместе с М. А. Меркуловым, В. Я. Гуревичем, В. С. Абрамовым, М. С. Фокеевым, З. Г. Гордиенко, был приглашен к работе в Особом Совещании от Всероссийского Совета крестьянских депутатов...

Работа Особого Совещания началась 25 мая и проходила в Мариинском дворце, где в царское время находились Государственный Совет и Кабинет министров, а в начале Февральской революции — Временное правительство. Здесь же протекала и вся работа Совещания — общих собраний и семи комиссий.¹⁸

Еще в марте Сорокин стал одним из редакторов центрального органа ПСР, газеты «Дело народа». Однако пробыл им недолго. Дело в том, что социалисты-революционеры, как и социал-демократы, по разному относились к вопросу о войне. П. А. Сорокин принял сторону социал-патриотов, выступавших против сепаратного мира Среди них были: «дедушка русской революции» Н. В. Чайковский, «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, Г. В. Плеханов, П. А. Кропоткин...

В редакции «Дела народа» на позициях интернационализма стояли В. С. Мстиславский, Р. В. Иванов-Разумник, Н. С. Русанов, и только Александр Исаевич Гуковский был сходных с Сорокиным патриотических взглядов. Вряд ли при таком положении можно было дружно работать...

На состоявшейся 3–5 апреля второй городской конференции социалистов-революционеров Петрограда левых оказалось большинство, и была принята резолюция о немедленном окончании войны. Сорокин сделал заявление, что не принимает эту программу и уходит из «Дела народа»... Но до ухода 5 апреля Сорокин выступил на утреннем заседании конференции в прениях по докладу Н. Я. Быховского «Основные цели и ближайшие задачи нашей аграрной программы».

«Дело народа» печатала подробный отчет о конференции.

«СОРОКИН – В целом виде социализации нельзя сейчас провести, нужен ряд мер суррогатных. Тов. Быховский указал, что имеется внушительная цифра крестьян — мелких собственников. Придется бороться не с земельной буржуазией только, а с крестьянами. Кроме того, земли многих

помещиков заложены в иностранных банках, — встает вопрос о международных правовых отношениях. Организовать Крестьянский союз под флагом с.-р. нерезонно. Важно организовать как бы профессиональный союз.»^{18a}

Правые покинули конференцию. Сорокин активно содействовал их объединению в группу «Воля народа». Вместе с А.И.Гуковским он создал газету под таким же названием. «Дело народа» осталось в руках левых и Центра. В группу «Воля народа» вошли: Е. К. Брешко-Брешковская, А. А. Аргунов, Б. В. Савинков, В. И. Лебедев, Л. П. Буланов, И. И. Майнов, братья Сиговы, Л. Я. Штернберг, Н. С. Тютчев, В. С. Миролубов, Е. А. Сталинский, Я. Л. Сакер, корреспондент британской газеты «Манчестер гардиан» и одновременно помощник Керенского — Д. В. Соскис...

Чтобы создать противовес все больше набиравшему силу Совету Рабочих и Солдатских депутатов, Сорокин с группой друзей начал работу по созыву Всероссийского крестьянского Съезда. С этой целью он едет на Север.

С 12 по 17 мая в Великом Устюге проходил съезд учителей города и уезда. Корреспондент, выходящей в городе газеты кадетского направления дипломатично отмечал:

«...некоторые ораторы (П. А. Сорокин, В. И. Серов) личными ли своими качествами, или интересом предмета их докладов, увлекали собрание больше, чем то позволяли бы интересы строгого беспристрастия».¹⁹

В Вологде с 29 мая по 5 июня 1917 г. под руководством эсеров прошел крестьянский продовольственно-хозяйственный съезд. Центральным событием съезда было выступление П. А. Сорокина, а также С. С. Маслова. Съезд объявил себя Советом Крестьянских депутатов Вологодской губернии и избрал губисполком во главе с С. С. Масловым. Съезд выразил полную поддержку Временному правительству.

Перед 400-ми делегатами съезда П. А. Сорокин выступил с лекцией о формах правления, существующих у разных народов, и исчерпывающе объяснил преимущества демократической

федеративной республики. После этого съезд единогласно признал желательным введение в России этой формы правления.²⁰

Отметим, что с начала революции это был уже второй приезд П. А. Сорокина в Вологду. 9–11 апреля он был здесь единогласно избран председателем президиума конференции социалистов-революционеров семи северных губерний (Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Новгородской, Олонецкой, Ярославской). Резолюция о войне по докладу П. А. Сорокина была принята единогласно.

Вообще калейдоскопичность перемещений и деятельности П. А. Сорокина в месяцы Февральской революции не только трудно проследить, но даже изложить в хронологической последовательности. Как уже отмечалось, 2 марта 1917 г. на частной интеллигентской квартире на Греческом проспекте в Петрограде состоялась конференция петроградских районных организаций ПСР. Этой конференцией была принята общая политическая резолюция о поддержке Временного правительства, написанная и предложенная П. А. Сорокиным. Конференция также приняла «Приветствие А. Ф. Керенскому», которое от петроградских районных организаций ПСР подписали П. А. Сорокин и С. П. Постников.²¹

На уже упоминавшейся второй Петроградской городской конференции ПСР П.А. Сорокин выступил с речью по контр-докладу Б. Д. Камкова об отношении партии социалистов-революционеров к Временному правительству (4 апреля)²² и с речью в прениях по докладу Н. Я. Быховского «Основные цели и задачи нашей аграрной программы» (5 апреля)²³.

...2 мая в Народном Доме в Петрограде П.А. Сорокин выступил с речью о войне на предварительном собрании участников Всероссийского съезда крестьянских депутатов. 5 мая в зале Калашниковской биржи читал лекцию «Война и нравственный прогресс человечества». В тот же день он был избран в состав Президиума I съезда Всероссийского Совета крестьянских депутатов, открывшегося накануне в Народном Доме.

6 мая при обсуждении первого вопроса съезда (о коалиции) во фракции ПСР значительным большинством голосов была принята резолюция, предложенная П. А. Сорокиным — за коалицию. Против выступили левые эсеры во главе с И.

Н. Штейнбергом и Б. Д. Камковым. При оглашении списка кандидатов в Исполком Совета против кандидатуры П. А. Сорокина выступил Г. А. Мартюшин, мотивируя отвод тем, что П. А. Сорокин «сильно занят» и имеет «уклон вправо», и предложил заменить его М. А. Натансоном. Против этого возразил Н. Д. Авксентьев:

«Сорокин очень много работал по созыву съезда, а мотивировка отвода несерьезна. Если предъявлять кандидату отвод, потому что у него уклон вправо, то почему его заменять другим, у которого явный уклон влево?».²⁴

П. А. Сорокин был избран в Исполком, председателем которого стал Н. Д. Авксентьев...

На съезде выступил и лидер большевиков В. И. Ленин, который не был делегатом съезда, но большевистская фракция съезда настояла, чтобы ему была предоставлена возможность выступить с докладом по аграрному вопросу. Делегаты же съезда слушать В. И. Ленина не желали.

По воспоминаниям Сорокина, Ленин оказался наводящим скуку оратором, и его попытки возбудить энтузиазм слушателей в пользу большевистской аграрной программы оказались безуспешными. Речь В. И. Ленина была принята холодно, а личность самого оратора вызвала враждебность слушателей, и в конце концов он был вынужден удалиться в явном замешательстве. Крестьянские делегаты предпочитали социалистов-революционеров и не доверяли социал-демократам. Неизбранными оказались В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Г. Е. Церетели, А. М. Горький, М. А. Спиридонова (за Сорокина было подано 527 голосов, за Ленина — 20). Председателем Исполкома стал Н. Д. Авксентьев.

Однако и после крестьянского съезда продолжалось давление на группу «Воля народа». Однажды редакция «Воли народа» была вызвана на заседание ЦК партии, на котором В. М. Чернов, Зензинов и другие потребовали от нее сделать газету менее патриотичной и более радикальной, угрожая в случае отказа исключить всех ее членов из партии...

В начале книги уже отмечалось, что в современной РФ до сих пор нет удовлетворительного исследования по истории ПСР. Не использовался в советских и, как принято у них сейчас

говорить «постсоветских», публикациях такой важный источник как протоколы заседаний ЦК ПСР за 1917 г. Лидер партии В. М. Чернов смог вывести их в 1920 году за границу. Ныне они в Амстердаме...

11 июня 1917 г.

[...]

4. Постановили: для переговоров с редакцией газете «Воля народа» о снятии с нее партийного аншлага избрать особую комиссию в составе товарища О. С. Минора, Н. И. Ракитникова и И. И. Тетеркина.

12 июня 1917 г.

1. Постановили: избрать комиссию для переговоров с редакцией газет «Воля народа» для приведения в исполнение постановлений ЦК от 9 июня касающихся изданий ежедневных партийных газет.

24 июня 1917 г.

1. Слушали: приведение в исполнение постановления ЦК по отношению к «Воле народа».

Постановили: 1. Считать переговоры с редакцией «Воля народа» исчерпанными. 2. Довести до сведения редакции «Воля народа», что ЦК считает невозможными продолжение этой газеты от имени Партии или от имени группы партийных лиц. 3. Опубликовать это решение в «Деде народа».

28 июня 1917 г.

1. Слушали: о приглашении представителей «Воли народа» для личных объяснений на заседании ЦК.

Постановили: дать редакции «Воли народа» 3/4 часа для объяснений. Прений не открывать.

[...]

5. Слушали. «Воля народа».

Постановили: подтвердить предыдущее постановление ЦК, ответить на выдвинутые редакцией «Воли народа» правовые возражения, что несмотря на отсутствие утвержденного организационного устава, ЦК должен блюсти единство партии (за — 8, против — 2, воздержалось — 1).

2 **Партийные аншлаги, лозунги, обозначения какой-либо организационной группы или кружка (не литературного характера) не могут быть на газете (за — б, воздержалось — 2).** 3. **Данная газета может именоваться лишь органом социалист-революционной направленности или мысли.** 4. **Обозначенное постановление опубликовать. Довести о нем до сведения редакции «Воли народа» через посредство тов. Чернова.**

1 июля 1917 г.

[...]

5. **Слушали: о дискуссионном органе. Постановили: избрать редакцию в лице тов. Сорокина и Фирсова (заместителя тов. Гандельмана), которые должны представить ЦК план и бюджет издания.**

6. **О «Воле народа». По поводу лозунга отложить до завтра, а о «типографском фокусе» редакции не обсуждать.**

27 сентября 1917 г.

1. **Постановили: принять к сведению заявление В. С. Миролубова о вновь образовавшемся «Организационном Совете Партии социалистов-революционеров», ядро которого — старые партийные работники, группирующиеся вокруг газеты «Воля народа».**

28 сентября 1917 г.

Постановили: заслушав меморандум группы «старых работников», чтобы члены ЦК не подписывались под этим меморандумом Меморандум напечатать в «Партийных известиях».

15 октября 1917 г.

[...]

8. **О списке № 8 по городу Петроград Постановили опубликовать в «Деле Народа» об исключении из партии всех упомянутых в этом списке.**

14 ноября 1917 г.

[...]

5. **Об исключении членов «Организационного Совета и его филиальных отделений» Исключить из партии лиц, входящих в состав «организационного Совета и его филиальных отделений».**²⁵

Редакция «Воли народа» находилась на Бассейной 35/37. Многие видные политические деятели, приезжавшие в Россию для ознакомления с обстановкой после свержения самодержавия, считали необходимым зайти в редакцию влиятельной газеты и побеседовать с ее редактором. Среди них был и Т. Масарик, с которым П. А. Сорокин встречался в день своей свадьбы — 26 мая (20 мая Сорокин выступал на Северном областном съезде ПСР в качестве докладчика от Вологды).

П. А. Сорокин был делегатом III-го съезда ПСР, проходившего в Москве 25 мая по 4 июня 1917 г. За несколько дней до начала съезда «Воля народа» выпустила призыв к своим сторонникам с просьбой принять участие в специальном заседании, т. е. фактически призывала к расколу партии. Но на состоявшемся заседании образования новой партии не произошло. Против выступили такие авторитеты, как А.А. Аргунов, В.И. Лебедев, Е.А. Сталинский...

Хотя группа «Воля народа» выступила на съезде как самостоятельная политическая сила, победы добиться не удалось. Ни П.А. Сорокин, ни А.И. Гуковский не вошли в состав избранного в количестве 20 человек ЦК. Больше всего голосов было подано за А.Р. Гоца, Н.И. Ракитникова, В.Г. Архангельского.

В материалах съезда имя Питирима Сорокина упомянуто только однажды. 31 мая Н. В. Брюлова-Шаскольская сделала основной доклад от подсекции по национальному вопросу: «Что же такое нация?»

«Есть ли это нечто реальное, или нация совпадает с областью? Мы знаем, что в социалистической литературе нередко делали попытки этого отождествления понятия нации. Мы имели статью товарища Петра (*sic!* — Ю.Д.) Сорокина, который доказывал, что нации не существует. Нация не язык. Нация не раса. Их этой совокупности понятия он говорил, что нации нет».²⁶

К лету 1917 года численность эсеров в крупнейших городах составляла: в Петрограде — 35 тысяч, Вологде — 3 тысячи, Архангельске — 600 человек.

В дни июльского кризиса, спровоцированного большевиками П.А. Сорокин занимал самую решительную позицию. В ночь с 3 на 4 июля он выступал на совместном заседании ВЦИК и Всероссийского Исполкома Крестьянских Советов:

«Пришло время, когда голос власти должен звучать открыто и мощно, ничто, в том числе смертные угрозы, не должны помешать нам сказать, что происходящее теперь есть в сущности — контрреволюция».

Но не только большевики толкали в бездну погибающую страну...

В Государственной Думе представители всех политических сил, начиная с В.М. Пуришкевича и кончая П.Н. Милюковым, пришли к единодушному мнению, что Временное правительство надо раскассировать и Советы разогнать, реформы уничтожить, власть передать ставленникам Думы. Сорокин считал, что осуществление подобных предложений будет означать не только поражение демократии и революции, но и гибель страны.

Те самые черты, которые были присущи большевикам: апломб, безграмотность, узость кругозора, демагогия и отсутствие всякого чувства ответственности характеризовали и их соперников — кадетов, которых Сорокин назвал «большевиками справа».

«Наше чахлое третье сословие, — за десятки лет покровительственной государственной политики так и не смогло хотя бы отчасти стать конкурентоспособным с иностранной промышленностью». Что касается «наших левых социалстов-большевиков, то, это не социалисты, а карикатура на последних»,²⁷ — писал Сорокин.

После подавления июльского большевистского путча Керенский стал премьер-министром, а Сорокин его секретарем.

В эти дни он записал в своем дневнике:

«Распад России начинается нешуточный. Финляндия, Украина и Кавказ объявили о своей независимости. Кронштадт, Шлиссельбург и многие небольшие районы в различных частях России тоже проголосовали за свою независимость < >. Моя бедная страна распадается на куски. Вчера пришли ко мне зыряне и предложили нашей газете объявить независимую Зырянскую республику, а мне стать президентом нового государства! Сумасшествие охватило все умы».²⁸

В конце июля П.А. Сорокин вновь находился в Вологде. 29 июля он выступил на Пленарном заседании Президиума Исполкома Вологодского губернского Совета крестьянских депутатов сразу с двумя докладами:

«Текущий политический момент и Советы крестьянских депутатов» и «Об Учредительном Собрании».

В этот же день П.А. Сорокин выступил на одном из митингов в поддержку социалистического блока (эсеров и социал-демократов) на выборах в городскую Думу. На состоявшихся вскоре выборах вологодский соцблок получил 34 места из 60.

30-го июля открылся губернский съезд партии эсеров. Избранный председателем съезда П.А. Сорокин сделал доклад о Законе по выборам в Учредительное собрание. Доклад и заседание съезда закончились в два часа ночи. На другой день работы съезда П.А. Сорокин сделал доклад по второму вопросу повестки дня — «Современный момент и задачи партии эсеров». Заседание открылось в 19 часов, а до этого П.А. Сорокин успел выступить на пленарном заседании Президиума Исполкома комитета Вологодского губернского совета крестьянских депутатов. На заседании было решено командировать П.А. Сорокина на уездный крестьянский съезд в Усть-Сысольск.

Во втором докладе на эсеровском съезде П.А. Сорокин в ярких красках обрисовал трагическое положение государства и указал, что на партии в настоящий момент лежит высокая ответственность и от ее поведения может в значительной степени зависеть и судьба страны. В газетном отчете отмечалось, что **«доклад произвел тяжелое впечатление на слушателей и вызвал продолжительные прения».**²⁹ Сразу после доклада П. А. Сорокин отбыл в Петроград.

С 31 июля по 6 августа в Москве проходил третий съезд Всероссийского Крестьянского Союза. В отчете о съезде упоминается представитель ПСР на этом съезде Сорокин, но «... **не Питирим, а другой — кооператор**».³⁰

6 августа в Яренске открылся уездный съезд Совета крестьянских депутатов. 26 депутатов единогласно выдвинули кандидатом в Учредительное собрание от уезда приват-доцента Петроградского университета П. А. Сорокина.

В те же дни П. А. Сорокин был выдвинут кандидатом в Учредительное собрание и на первом съезде крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда. Второй кандидатурой был назначен член ПСР С. О. Латкин (с ним Сорокин был знаком с 1903 г.), уездный агроном и председатель съезда, но он поблагодарил съезд за столь высокую честь и снял свою кандидатуру.³¹

15 августа П. Сорокин выступал в Вологде на рабочем губернском съезде социалистов-революционеров. В газетном отчете о съезде говорилось:

«По докладу о текущем моменте выступает Сорокин. Дал подробное изложение положения страны, коснулся ответственности, лежащей на демократии, начинающегося перелома в государственном самоуправлении и той чрезвычайной опасности, которая угрожает нам германцами с завоеваниями наших территорий. Говоря о Московском совещании, докладчик указал на положение, занятое либеральными, буржуазными и вообще всеми правыми партиями, как на резко оппозиционное всей демократии, направленное против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, против волостных и земских комитетов и всех армейских организаций, словом, ясно подчеркнул, что реакция подняла свою голову. П. А. Сорокин призвал представителей всех рабочих организаций серьезнее отнестись к современному положению, упорядочить на местах все организации в смысле сплочения и единения, чтобы в дальнейшем дать должный отпор наступлению со стороны всей правой буржуазной клики. Заслушав доклад и обменявшись мнениями, представители рабочего съезда единогласно признали необходимость удвоить энергию для работы по организации на местах»».³²

На съезде П. А. Сорокин был выдвинут кандидатом в делегаты Учредительного собрания. Кроме того, съезд делегировал П. А. Сорокина от губернской организации на VII Совет партии эсеров.

В тот же день, 15 августа, П. А. Сорокин и С. С. Маслов были выдвинуты кандидатами в Учредительное собрание и съездом губернского Вологодского Совета Крестьянских депутатов.

Кроме того, делегаты съезда, по предложению Сорокина, постановили:

«А. Ф. Керенского, если он даст на то свое согласие, выставить в списке кандидатов в Учредительное Собрание на первом месте».³³

В конце августа П.А. Сорокин активно участвовал в отпоре мятежу Л.Г. Корнилова. Исполком СКД направил его вместе с В. М. Черновым, В. Г. Архангельским, Н. Я. Быховским и Н. Д. Кондратьевым в качестве своих представителей в «Комитет по борьбе с контрреволюцией».

После корниловского путча блок кадетов, меньшевиков и эсеров, существовавший с мая, оказался разрушен. По инициативе ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов было предложено провести «съезд всей организованной демократии России: «советов, профсоюзов, рабзавкомов, земельных комитетов, местных самоуправлений, кооперативов и т.д.».

В ходе подготовки к съезду на одном из заседаний Исполкома Совета крестьянских депутатов П. Сорокин говорил:

«Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уверенности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на все глаза. Страна вступила на путь анархии, которую ничто не может удержать. Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил. В деревне идет пропаганда монархизма и антисемитизма. Масса уже хочет не слова, а хлеба. Наша революция занималась вместо дела словами. Как царский режим пал, благодаря экономике, так же падет, благодаря экономике, и новый строй. Без денег ничего сделать нельзя, а их у нас нет совершенно. Создав

однообразное правительство, мы многого не получим ни за что. Наша революция оказалась только на высоте слова, а не дела. По существу вопроса о будущей власти я целиком примыкаю к мнению Н. Д. Авксентьева. Нам нужно укреплять нашу революцию, а не продолжать ее. Россия в таком положении, что уже идет речь о том, как бы ее не выкинуть из числа союзнических держав, а ведь это гибель страны.

У нас нет энтузиазма, нет подъема, а есть только громкие фразы. Задачи новой власти — спасти страну от разрухи и от внешней опасности. Силой буржуазию работать в министерстве не заставишь, а ведь работать нужно, нужны знающие работники. Нужна армия, способная отражать неприятеля. Если случится, что власть перейдет в руки Советов, то погибнет Россия, погибнет революция. Для меня не важен персональный состав будущего правительства, а важна программа, которая ляжет в программу его деятельности. Задача будущего правительства, по моему мнению, состоит в следующем: 1) прекращение дальнейшего наступления неприятеля, 2) скорейший созыв Учредительного собрания и 3) сохранение завоеваний революции в урегулированном состоянии. Будущая власть должна принудить все классы к исполнению своих обязанностей. Если по программе Совещания удастся объединить всю страну, то это будет шанс на спасение страны. В противном же случае кризис власти повторится снова, голод и анархия еще более увеличатся. Я не уверен, что есть шанс на спасение России, но если он есть, то он заключается в объединении всех живых сил страны и на программе совещания. Я могу только просить, умолять товарищей подумать хорошенько о вопросе и сделать соответствующие выводы».³⁴

В начале сентября из Вашингтона через Токио в Петроград прибыл английский писатель Сомерсет Моэм. Официально это был частный визит. (На самом деле писатель выполнял задание шефа британской разведки Уильяма Вайзмана). Моэм должен был войти в контакт с русскими патриотическими социалистами-оборонцами и оказать им помощь в противобольшевистской пропаганде.

В Петрограде Моэм работал в контакте с профессором Масариком, британской феминистской Сильвией Панкхерст (в ее спальне в фешенебельной гостинице «Европейская» Моэм проводил встречи со своими агентами) и помощником посла Великобритании в России Джорджа Бьюкенена-Бернардом Пэрсом, будущим известным советологом.³⁵

Моэм договорился с Масариком о создании при Славянском информационном бюро Комитета советников, состоящем из известных русских журналистов и политиков. В этот комитет вошли люди разных политических направлений: Владимир Бурцев. Питирим Сорокин, профессор Н. В. Ястребов. Николай Соколов (друг Милюкова и соредатор «Речи»), профессор С.А. Адрианов (русский директор Бюро, а ранее помощник редактора Петроградского телеграфного агентства...

Моэм впоследствии вспоминал:

«Ответственный характер моей миссии приятно волновал меня. Я ехал как частный агент, которого Англия в случае чего могла дезавуировать, с инструкциями — связаться с враждебными правительству элементами и разработать план, как предотвратить выход России из войны и не дать большевикам при поддержке центральных держав захватить власть. Едва ли нужно сообщать читателю, что миссия моя окончилась полным провалом, и я не прошу мне верить, что, если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом.

Я возвратился в Англию. В России я пережил много интересного и довольно близко познакомился с одним из самых удивительных людей, каких мне доводилось встречать. Это был Борис Савинков, террорист, организовавший убийство Трепова и великого князя Сергея Александровича. Но уезжал я разочарованный. Бесконечные разговоры там, где требовалось действовать; колебания; апатия, ведущая прямым путем к катастрофе; напыщенные декларации, неискренность и вялость, которые я повсюду наблюдал, — все это оттолкнуло меня от России и русских.³⁶

Именно Славянскому информбюро, которое было тесно связано с американской разведкой удалось добыть очень важные сведения о предательских связях большевистских вождей с немцами. «Дело по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене» составило 21 том.³⁷ Измена была установлена... Но... Корниловский мятеж и другие события похоронили «Дело»...

Был связан Сорокин и со специальным представителем президента США Вильсона в Петрограде Эдгаром Сиссоном...

Вероятно в эти осенние дни Сорокин написал небольшую зарисовку, сохранившуюся в фонде редакции газеты «Воля народа».

Ночью на Невском

Невский... Два часа ночи. Выхожу из редакции и иду... Народу меньше, чем днем. Но все же много. Окутанная низоватым душным полутуманом улицы неприбраны, неумыты и непричесаны. Мостовая разрыта. На тротуаре грязь. Шелуха семечек. Этого модного фрукта. Куски сорванных афиш и окурки...

Невесело и душно.

Около «скорохода» очередь чающих получить обувь. На тротуаре — солдаты и проститутки. Их так много, откуда появились они, молодые и старые, безобразные и красивые... Солдаты и проститутки. Солдаты и проститутки. И так без конца... Ходят, бродят, тут же торгуются, тут же обнимаются, без стеснения, открыто, публично... Хлесткая ругань долетает до уха. Кто-то не поладил с кем-то. Пьяный солдат замахнулся на проститутку... Солдаты-милиционеры спокойно смотрят на сцену.

Вот один из них подошел к ней. Схватил за руку и толкнул. «Иди, иди пока не избили...»

Голос звучит сурово, грозно.

«Сказано пролетарии всех стран соединяйтесь!» Давай соединяться!»— говорит другой бесцеремонно обнимая спутницу.

Вот оно! Святой лозунг революции сплелся с развратом. Он сорван с высот частоты, сброшен на мостовую и жуется похабниками, развратными устами.

Больно...

Не символ ли он всей картины ночи. Солдат-революционер. Но почему он бродит тут распоясавшись, покачиваясь на нетвердых ногах? Отчего так много пьяных солдат и пьяных проституток?

Разве революция кончена? Или быть может это пир и гульба победителя? Ответ. Скорее тут пир во время чумы!

Кошка прошмыгнула по тротуару. За ней другая... Они тоже гуляют. Голуби прыгают по мостовой и клюют рассыпанные зерна. Неожиданно налетает мотор... Один голубь смят, раздавлен. Бедный голубь! Ему не было дела до революции. Он не чуял опасности. Он мирно жил в свое удовольствие. Но мотор не спросил его. Он налетел, смял и полетел дальше.

Бедные кошки. Они тоже пользуются жизнью как могут. И им нет дела до революции, до продовольственного кризиса. Они не знают того, что в один день голодный человек или предприимчивый колбасник заберут их за загривок, бросят в свою машину и превратит их колбасное тесто.

Бедные проститутки и их кавалеры! Веселы, непринужденны, развязны. Не видно мысли на лицах. Глаза их не смотрят трагично, не пытаются разглядеть завесу грядущего. Живут в свое удовольствие. Революции нет для них. Она была. Уничтожили городских. Теперь они свободны. Вот одна поднимает юбку выше колена и отплясывает своеобразный канкан. И никто ей не мешает. Нет окрика. Милиционеры спокойно и с любопытством взирают. Вот другая села на козлы извозчика. Извозчик сидит в самом экипаже. Села... ахнула и поехала. Куда? Едва ли кто знает. Бедные люди! Они не знают, что быть может скоро и на них налетит мотор революции, сомнет их, и оставит после себя кровавую массу. И умрут они так же молчаливо, также безотчетно и бессмысленно, как и жили (три слова не разборчиво — Ю.Д.).

Голуби... Кошки... Люди. Эти люди. Эти проститутки и солдаты! Не одно ли тоже они?

Иду дальше. Цветными лотками торчат афиши, всюду, на стенах, на заборах, на столбах. Только по ним чужестранец может догадаться о революции. Больше нет её признаков. Не видно нигде и ни в чем. Есть неубранная

улица. Есть проститутки. Есть солдаты, расхлябанные, несурзные. Есть громкая ругань. Есть мерзость развала. Не революция, а рынок покупателей тела и продавцов его. Публичный, неприкрытый, прямой. Вот сквер. Когда-то он был радостен. Теперь трава смята и истоптана. Цветов нет. Те же семечки. Те же окурки, та же грязь. Вон там под деревом, кто-то с кем-то обнимается. Летит нижняя юбка. Встречается солдат. В руке только что сломанная ветка — еще зеленая, еще свежая, еще не успевшая завянуть и запылиться. Раз никто не запрещает ломать — отчего же не сорвать ветку., общественное состояние? О, это философия. Разве она обязательна раз нет городского! По мостовой бешено несутся автомобили. Не слишком ли много ночных автомобилей? Куда они спешат? По делам войны? Да, там много военных. Но почему там женщины? Почему лица развязны? Шапки шляпки лихо, вызываясь лихо, закинуты на затылок? Почему оттуда несется смех, визг и крики. Нет. Революция тут ни причем. Отчего же так много автомобилей. Или мы так богаты ими, что сотнями можем отпускать их для ночных прогулок, для раскатывания проститутки?

Вот один лихо осадил у тротуара. Мундир военный. Сидит солдат-шофер. «Женька! Валяй, садись! Едем,» — лаконично бросает он. Подбегает одна, другая. Садятся с папиросами в зубах. Уезжают. Несутся автомобили. Летят бешено. Гудят сирены. Пугают тишину. И несутся, несутся. Выцвели красные флаги. Стали грязными тряпками. И ненужные болтаются тихо колеблются. Душно. Мерзко. Противно.

Иду дальше. Из раскрытого окна долетают аккорды. Кажется кто-то играет прелюдии Шопена. Странно. Повидимому, есть еще люди, живущие по-человечески и не забывшие даже Шопена. «Белой вороной» кажутся эти аккорды на фоне ночного Петрограда. Шопен и революция это хорошо. Революция и проститутки, проститутки и распоясавшиеся солдаты. «Пролетарии всех стран соединитесь!» и «Пойдем спать». Это диссонанс.

Жизнь перемешала и соединила несоединимое. Что это? Каприз жизни? Что это? Победный пир революции или же пир крыс тонущего корабля? В темную ночь перед гибелью

лю выползают они на палубу, бегают, пищат, плодятся в пьяном угаре. Для чего? Для того, чтобы погибнуть?

Душно, противно, гадко на душе. Больно оттого, что революция не успела еще вытравить это наследие старого режима.

Н. Чаадаев³⁸

В этом же деле фонда сохранился автограф стихотворения Осипа Мандельштама «О этот воздух, смутой пьяный».³⁹

В «Воле народа» в 1917–1918 гг. публиковались стихи Ахматовой, Мандельштама, Владимира Пяста, Петра Орешина, Бориса Зубакина, Василия Князева и многих других известных поэтов...

10 сентября знаменитый Александринский театр переполнен. Редакции газет: «Единство», «Воля народа», «День», «Народное слово», «Дело», «Рабочая мысль» проводят митинг социалистической печати. Председатель митинга Л. Г. Дейч огласил письмо Г. В. Плеханова, не смогшего придти по состоянию здоровья. Следом за Дейчем выступал Сорокин:

«Если бы я захотел большевикам устроить злобную шутку и погубить их, я бы первый голосовал за то, чтобы большевики взяли власть в свои руки... (аплодисменты) потому, что через два дня они эту власть потеряли бы, сорвались бы и были бы разбиты».⁴⁰

Далее Сорокин вновь говорит, что шанс на спасение — в коалиции власти...

11 сентября 1917 г. на заседании Исполкома Всероссийского Совета Крестьянских депутатов обсуждалась речь Н.Д. Авксентьева о созыве Демократического Совещания «Дело народа» опубликовало отчет о заседании:

«Весьма пессимистические взгляды о положении страны высказывает в своей речи следующий оратор, тов. П.А. Сорокин.

– **Создав однообразное правительство, мы много не получим ни за что, — подчеркивает Сорокин, — Россия напоминает атрофированного больного. У нас нет энтузи-**

азма, нет подъема, есть только громкие слова. Нам нужно укреплять революцию. а не продолжать ее. Россия в таком положении, что уже идет речь о том, ка бы ее не выкинули из числа союзников, — а ведь это гибель для страны.

Оратор в несколько резкой форме отзывается о действиях нашей армии, что вызывает шум среди большинства присутствующих. Конкретизируя свои мысли, П.А. Сорокин говорит, что должна быть создана такая власть, которой удалось бы принудить к выполнению своих обязанностей все классы населения».^{40а}

14 сентября в Александрийском театре в Петрограде открылось Демократическое совещание. Сорокин сидел рядом с лидером левых эсеров Марией Спиридоновой, которая, несмотря на политические разногласия, была его другом.

Выступая 15 сентября на заседании представителей крестьянских организаций, участников Совещания, Сорокин высказался за коалицию с буржуазным элементом, ибо вне коалиции, по его мнению, нет спасения. Из этой коалиции он предложил не исключать ни одной буржуазной партии, в том числе и кадетов.

Через шесть дней в «Воле народа» Сорокин писал, что во главе вновь образованного коалиционного правительства непременно должен стоять А.Ф.Керенский, **«потому что он головой выше почти всех деятелей революции, потому, что нападки на него — почти сплошная ложь или незнание».**⁴¹

18 сентября Сорокин выступил на заседании Всероссийского демократического Совещания от имени Московской, Костромской, Таврической, Бессарабской губерний. Он указал на дезорганизацию демократии и критиковал идею однородного правительства:

«В тот момент, когда вы собираетесь создать однородную власть, большевики уже агитируют против Демократического совещания [...]. Прошу всех тех, кому дорога страна и революция, не поддаваться демагогии и не преувеличивать своих сил. Мы, представители меньшинства Советов крестьянских депутатов, высказываемся за коалицию со всеми живыми силами страны».⁴²

... Демократическое совещание избрало до созыва Учредительного собрания временный парламент — Временный Российский Совет Республики (предпарламент). Сорокин стал его депутатом.

Вновь сформированное Временное правительство должно было (до созыва Учредительного собрания) отчитываться перед Советом Республики, однако выполнить своей объединительной задачи предпарламент уже не смог..

В эти дни один правительственный кризис следовал за другим. Секретарь Керенского Питирим Сорокин в своем кабинете в Зимнем дворце по сути дела стал «архитектором Совета министров». Подыскивал кандидатов на освободившиеся места в Совете министров и вел с ними бесконечные переговоры. Как никто другой, он видел гибель России **«от темноты, невежества, дикости, неумения жить и неумения созидать».**

Да и что могло ожидать Россию, когда **«маленькие, ничем не одаренные, ничего не давшие человечеству люди надевают на себя тогу спасителей мира, когда свихнувшиеся российские интеллигенты Луначарские и Троцкие, Ленины и Зиновьевы, и еще хуже того, люди, подобные Поссе, всю жизнь блуждавшие в трех соснах, выступают в роли чуть ли не «Спартаков», сиречь помазанников и избранных вождей социализма».**⁴³

30 сентября 1917 г. в газете правых меньшевиков «День», сообщалось:

«П.А. Сорокин по вопросу о месте партии социал-революционеров на выборах, в связи с расколом партии, высказал нашему сотруднику следующие соображения: «Формально мы из партии не вышли. Скорее, выделились левые элементы. По крайней мере на заседании эсеровской фракции Совета 23-го сентября в Городской думе они не подчинились дисциплине, участия не принимали. В их собственных рядах не все благополучно. Многие стоят за безусловный раскол, другие отстаивают необходимость обратного вхождения в партию. Были определенные попытки, особенно со стороны Чернова, изолировать

совершенно и центр от правого крыла, разбив партию таким образом на 3 части, но эти попытки не увенчались успехом. Теперь мы имеем две половины. Левую группу и правое крыло с центром. Когда левая группа на днях окончательно выяснит свою позицию, определится и наша тактика при предстоящей избирательной кампании в Учредительное Собрание. Со списками кандидатов, беспристрастно составленном комиссией в августе, произошли какие-то метаморфозы. ЦК без всякой мотивировки вычеркнул целый ряд фамилий, в частности и мою. Вот отношения ЦК к правому крылу, довольно странные. Как на курьез, следует указать, что в список по городу Томску Аргунов внесен вторым, в то время как Томск посылает всего одного депутата. При выборах в местную районную Думу ЦК без объяснения причин также вычеркнул фамилии нежелательных лиц из эсеровского списка. Возможно, что в Петрограде будут фигурировать два списка. Петроградские кооперативы третьего дня предъявили ЦК ультимативное требование [...]. При последнем условии они такой список будут поддерживать. В противном случае они выступят в избирательной кампании самостоятельно.

Провинция большей частью не считается со списками ЦК (Вологда, Кубань и др.). На местах, вообще существуют по два комитета, и, наверное, каждый из них выставит отдельный список». П. А. Сорокин, между прочим, указал на имевший на днях место случай, несколько характеризующий отношение провинции к ЦК. Когда в Кубанскую область прибыл член ЦК Фейт, оттуда обратились в Петроград с вопросом, нельзя ли командировать кого-нибудь с русской фамилией». ⁴⁴

Сам Сорокин, в этот же день опубликовал в «Воле народа» одну из лучших своих статей:

«Как много развелось их, крайних левых, прочих большевиков. Всматриваясь в фигуры доморощенных Сент-Жюстов. Как они все «непримиримы»! Как великолепны их жесты! С каким презрением они плюют с высоты своего большевистского величия на «социал-патриотов», бабушку, Кропоткина, Минора, Плеханова и др.

Однако, странно... Как много среди них знакомых фигур, недавно еще очень, очень маленьких, махоньких, до революции стоявших в степени родства «седьмой воды на киселе».

Вот перед вами «трибун» г. Поссе. Шумит и гремит сей самый «революционер» на трибуне «Модерна»... Тот самый Поссе, который... ну знаете, конечно, который до сих пор был плохоньким маклером по части доставки дешевенького и с «изьянцем» духовного товара, на который был спрос. Был в 1905 г. спрос на революционные издания — Поссе занялся маклерством по сему делу. Потом пошел «Половой спрос» — наш Поссе заменил пропаганду Маркса — пропагандой Вейзингера. Пошло с 1911 г. толстовство — г. Поссе не отстал: пустился в проповедь толстовства. Выехала на божий свет кооперация — наш маклер занялся болтовней по части кооперации.

Сотрудничая вначале с знаменитым Битнером, он позже «самоопределился» с «Жизнью для всех» — совсем далеко от революции журнальчике, где в каждом номере, конкурируя с Битнером, взывал к «дорогим читателям», просил «убогого подаяния» и заманивал их участием в Барышах и Бог знает чем. Но это не спасало. Сей товар шел плохо. И по сему он вернулся к ходким темам: «Половой вопрос», «Душа женщины», и т.п. и с ними объездил всю Россию, угощая читателей двухчасовой чепухой на «половые темы».

Один Бог знает, чем бы ни занялся г. Поссе, если бы не было революции. Может быть взялся бы за маклерство по части «магнетизма, окултизма, спиритизма, а может быть за что либо другое. И вдруг... Поссе — большевик! Поссе — (российский обличитель мировой буржуазии! Поссе — разоблачитель социал-патриотов! Поссе — на роли непримиримого, неукротимого, революционнейшего, наилевейшего Дантона, Робеспьера, Марата, Сен-Жюста Русской революции! Поссе — до сих пор конкурировавший по части «дорогих читателей» с Битнером, по части «полового вопроса», «Юношей и девушек» и «Души женщины» с почтенным В. Сперанским, Вербицкой и Нагродской, теперь конкурирует с Лениным, Троцким и самыми левыми анархо-синдикалистами!

Не правда ли, ловко? По видимому, инстинкт приспособленчества г. Поссе изумителен, эмоция словоблудия — безконечна а эмоция нахальства — безгранична.

И сколько я вижу этих «трибунов», подобных г. Поссе в лагере г.г. большевиков и еже с ними.

Была, например Лариса Рейснер. Милая барышня, писавшая бездарные стихи, мечтавшая о «ледяной красоте». Издавала «Богему» и «Рудина», журналы для подвыпивших студентов-академистов и молодых вдовушек. Ни одного атома революции днем с огнем нельзя было отыскать в этих журналах. И вдруг? Оказывается и она теперь ходит в большевиках. Да еще как, послушали, да почитали бы ее на страницах «Новой жизни», ее литературную гимнастику Далькроза по части негодности буржуазного искусства и величия пролетарской красоты. Прямо страх берет. Читая можно подумать, что чуть ли не сама Шарлота Корде пишет под псевдонимом Ларисы Рейснер.

А вот еще художник Бенуа. Писал в свое время фельетоны в «Речи». О революции ни пером, ни кистью за всю жизнь не заикнулся. и вдруг... тоже большевик или полубольшевик.

Корректнейший, галантнейший, буржуазнейший, очаровательнейший А. Бенуа — интернационалист, защитник пролетариата!... Чудеса да и только.

И сколько их этих большевиков и интернационалистов развелось за наше время. Какой урожай на левизну и революционность послал Господь Бог за эти месяцы на русскую землю. Сколько безпринципных маклеров вскарабкались теперь на колесницу революции, надели пролетарскую блузу, наскоро зазубрили фразы об империализме, буржуазии и пролетариате и словоблудствуют теперь, согласно требуемой моде. С одной стороны охранники и жандармы с другой — уголовные преступники, с третьей — мошенники, с четвертой — маклера революции, все это бросилось в стан большевиков и теперь кишмя кишит в его рядах. Неудивительно, что между ветеранами революции и ими — пропасть. «В одну телегу впрячь не можно подлинного революционера и ловкого маклера.

И гремят теперь эти маклера. Оплевывают все святое революции, марают все, что есть ценного в ней и один

умышленно, а другие — бессознательно губят великое дело и роют революции яму. Но истина:

— Мчатся тучи, выются тучи.
Невидимкою луна,
освещает снег летучий,
Мутно небо... ночь мутна!

Продолжайте г.г. Поссе и комп. маклерствовать. Продолжайте торговать революцией. Теперь этот товар более ходкий и модный чем Вейнингер и «Душа женщины».

Неужели же не придет новый Христос, чтобы изгнать из храма революции этих торгашей, маклеров и скоморохов социализма?»⁴⁵

18 октября Сорокин выступал на заседании Совета Республики от имени фракции эсеров. Он присоединился к предложению, внесенному членом Совета Гиммером (Н. Н. Суханов), — о земельных комитетах.

23 октября на очередном (VIII-ом по счету) заседании Совета Республики продолжались прения по сообщению министра иностранных дел М.И. Терещенко о внешней политике.

Высказывались члены Совета: левые и правые эсеры, меньшевики, народные социалисты, интернационалисты... Еще свободно...

Речь Сорокина.

Сорокин доказывает, что принцип национального эгоизма, развиваемый, правым крылом Совета, не должен лечь в основу инструкции, с которой, пойдут русские делегаты на союзническую конференцию, ибо он не высок и неосуществим. Он обрекает человечество на полное истощение. Русская революция внесла более высокие моральные принципы права и справедливости. Её политика не пойдет по пути, рекомендуемому как кадетами, так и большевиками. Россия должна взять на себя задачу более высокую — совместить две однобокие правды в одну единую, и этот лозунг представляется вполне практическим (говорят, революция развалила армию, но возьмите карты и сравните сколько территорий потеряла Россия при царизме и сколько при революции. Революционная

демократия, отказываясь от захватов, одновременно не намерена приносить жертвы империалистским буржуазным аппетитам других государств. Выставив лозунг скорейший мир, она готова, пока такого мира нет, нести великий крест войны, пока враждебные государства не отказались от захватов, армия должна нести тяготы войны, но ни одного лишнего дня не должна она проливать свою кровь после того, как условия мирного соглашения будут добыты. Не допуская со своей стороны аннексий, русская демократия не допустить захватов и своей территории. Она будет биться пока не получит гарантии мира на условиях, выставленных русской революцией (рукоплекания слева, голоса «правильно»!⁴⁶

А через день произошел большевистский переворот «Великая Октябрьская Социалистическая революция». В последующий день в «Воле народа» на первой странице была опубликована статья П. А. Сорокина:

«Совершено великое преступление»:

«Совершенный переворот есть преступление перед родиной и революцией. Новая власть — власть незаконная, власть, узурпировавшая права народа... Мы и отказываемся признать, отказываемся ей и подчиняться и признаем власть только Временного правительства. К этому же призываем мы и всех истинных граждан и истинных революционеров. Теперь борьба за право — долг всех».⁴⁷

Поздно вечером 25 ноября П. А. Сорокин принял участие в молчаливом шествии от Городской Думы по Невскому проспекту к Зимнему дворцу.

Американский журналист Джон Рид писал:

«То было изумительное зрелище. Как раз на углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооруженных матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу толпе людей, построенных по четыре в ряд. Здесь было триста-четыре человека [...]. Здесь был и худощавый рыжебородый председатель исполнительного комитета крестьянских Советов — Авксентьев, и сподвижник Керенского — Сорокин, и Хинчук, и Абрамович, а впереди всех —

седобородый петроградский городской голова старый Шрейдер и министр продовольствия Прокопович...».⁴⁸

Редактор журнала военного министерства «Армия и флот в современной России» Федор Степун шел рядом с редактором «Северных записок» Я.Л. Сакером.

Статьи Сорокина, опубликованные в «Воле народа» в первые дни большевистского путча — вершина антибольшевистской публицистики: «Совершенно великое преступление» (26.X), «К борьбе» (27.X) и целых три «Победителям» «Что делать?», «Мне стыдно» (28.X)...

В последней Сорокин писал:

«Я недоумеваю... Совершено величайшее преступление перед народом и революцией, а публика, многоликая, многоголовая, интеллигентная, бездействует и ничем, не проявляет своего возмущения и протеста. По-прежнему по Невскому гуляют толпы... Лица — спокойные. Как будто не произошло ничего. Как будто нет преступления, больше того, говорят, в университетах даже идут лекции...

Чувство глупого стыда заливает мое лицо, лицо рядового гражданина родины. Неужели же мы до того отупели и опустили, что молча можем сносить позорное насилие? Неужели же нужно врывание в ваш дом, чтобы вывести нас из апатии? Неужели же совсем иссякла наша любовь к родине и к свободе, чтобы малодушно повиноваться узурпации преступников, и не тронуть пальцем, чтобы сбросить новую тиранию?

Мне стыдно. Стыдно за то малодушие и трусость, которая овладела многими. Разве может что-либо подобное быть в Англии или Америке, где чувство борьбы за право живо в душе каждого?

Там такое малодушие — невозможно. Там такие преступления заставляют братья за все, вплоть до оружия.

А у нас позорно сдались большевикам...».⁴⁹

Один из оппонентов Сорокина злорадствовал, откликаясь на статью «Победителям».

«Разве не тот же самый Сорокин в стенах Александринского театра призывал к закрытию целого ряда газет [...]. Много еще обвинений посылает от имени керенцев большевикам Питирим Сорокин, но все они аналогичны обвинениям пострадавшего, когда вор крадет дубину у вора».^{*50}

18 ноября 1917 г. большевики разогнали последний, оставшийся законно избранный орган в Петрограде — Городскую Думу. По составу она была социалистической (самую многочисленную фракцию Думы — эсеровскую — возглавлял С. П. Постников). Городской голова социалист-революционер Г. И. Шрейдер, и ряд других членов Городской Думы были арестованы.

В тот же вечер, когда был арестован Г. И. Шрейдер, в типографию «Воли народа» ворвался отряд матросов и не допустил выхода газеты. А. А. Аргунов и заведующий отделом хроники С. Б. Фрид были арестованы и увезены в Смольный. Нападение большевики произвели не только на «Волю народа». Они закрыли и другие газеты. Десятки редакторов и сотрудников были арестованы. Редакция «Воли народа» объявила своим читателям:

«Голос газеты умолкнет только тогда, когда не будет никакой физической силы ее выпускать и когда не останется на свободе ни один из ответственных руководителей газеты».⁵¹

Большевики закрыли не только кадетскую газету «Речь», но и «заткнули рот» (выражение М. Горького) газете Плеханова «Единство» (закрыта 12 ноября).

26 ноября по инициативе Союза писателей в помещении знаменитого кинематографа «Солейль» на Невском проспекте,

* В период корниловского мятежа была закрыта газета «Новое время». Блок в своем дневнике назвал ее «вторым департаментом полиции <> местом, где несколько десятков лет развращалась русская молодежь и русская государственная мысль» (А. Блок. Дневник. М., 1989. С. 252)

48 прошел большой митинг в защиту свободы печати. Зал был переполнен учащимися, рабочими, солдатами, матросами и другой публикой. Многие из желающих принять участие в митинге в зал попасть не смогли и оставались у входа в кино-театр.

В газетном отчете о митинге сообщалось:

«Председательствовала на собрании А. М. Калмыкова, напомнившая в своей речи собранию, что ряд литераторов и политических деятелей, несогласных с большевиками, арестованы и один из видных революционных писателей В. Л. Бурцев, много сил отдавший борьбе за освобождение России, празднует свой 30-летний юбилей в тюрьме. (Возгласы «Позор!»). Далее А. М. Калмыкова отметила, что на настоящем митинге предполагалось, между прочим, выступление В. Д. Набокова, но он тоже арестован. Арестованы также и некоторые лица, уже избранные в Учредительное Собрание. (Возгласы негодования, крики «Полицейские», «Хулиганы» и т.д.). Затем выступили представители различных литературных организаций, подробно осветившие борьбу большевиков с неудобной им печатью. Фактический доклад о положении печати «в самой свободной республике в мире» сделал М. И. Ганфман. С речами выступили в защиту печати А. Н. Потресов, А. В. Пешехонов, Л. Г. Дейч, П. А. Сорокин, М. Н. Неведомский, П. Я. Рысс, Ф. К. Сологуб, представитель союза печатников Камермахер и др. С напряженным вниманием была выслушана речь Д. С. Мережковского».^{*52}

Анна Ахматова прочитала стих «Молитва».

В тот же день Союз русских писателей выпустил «Газету-протест» против преследования свободного печатного слова. Среди авторов — М. Ватсон, М. Гапфман, З. Гиппиус, Л. Гуревич, Е. Замятин, В. Засулич, А. Калмыкова, Н. Кареев, В. Карелин, В. Короленко, Е. Ляцкой, Д. Мережковский, П. Мижухев, М. Неведомский, А. Потресов, А. Редько, П. Рысс, Ф. Сологуб, Е. Сталинский, А. Тыркова, А. Хирьяков, Homo Novus (А. Кугель) и другие известные стране люди.

Питирим Сорокин писал:

* Анна Ахматова прочла на митинге свое стихотворение 1914 года «Молитва».

«Мы возвратились к средним векам. Свобода мысли распята большевиками и топчется каблуками красногвардейцев и матросов, едва ли «ведающих, что они творят». Единственное утешение, — что «на штыки идеи не улавливаются», что идею каблуками нельзя раздавить и нельзя посадить ее под арест. Так было в прошлом. Так есть теперь. И так будет в будущем. Да здравствует свободная человеческая мысль и ее воплощение — свободная печать!».⁵³

У российской демократии оставалась последняя надежда — Учредительное Собрание. Оно должно было собраться 28 ноября.

Как показали итоги выборов Россия проголосовала за социалистов-революционеров.⁵⁴

За П.А. Сорокина и его товарищей: (И.И. Галкин, С.С. Маслов, А.Д. Корякин, А.Д. Расческаев, П.С. Юрецкий), шедших по эсеровскому списку в Вологде, было отдано около 90 процентов голосов. Вологодские социалисты-революционеры получили 6 мест из семи (седьмым стал большевик М. К. Ветошкин). Хуже обстояли дела у правых эсеров в Петрограде. Группа «Воля народа» для объединения своих сторонников создала «Организационный совет» в составе 15 человек под почетным председательством Е. К. Брешко-Брешковской (председатель — И. И. Майнов; товарищ председателя — Н. С. Тютчев).

Накануне выборов в Учредительное собрание группа опубликовала призыв к своим сторонникам на местах не включать в списки намеченных ЦК кандидатов, зарекомендовавших себя крайними пораженцами и максималистами. Организационный совет выдвинул параллельные списки по Петрограду и некоторым губерниям. Первыми в петроградском списке были поставлены имена шлиссельбуржцев И. Д. Лукашевича и И. И. Майнова.

Кроме них в списке были:

3. **Штейнберг Лев Яковлевич** — литератор, этнограф, народоволец.

4. **Сигов Иван Сергеевич** — статистик, литератор, бывший земский деятель.

5. **Тютчев Николай Сергеевич** — литератор, народоволец, бывший член ЦК ПСР.

6. **Сигов Александр Сергеевич** — литератор, бывший земский деятель, народоволец.

7. **Прибылев Александр Васильевич** — врач бактериолог, преподаватель, бывший член ЦК ПСР.

8. **Старынкевич Иван Юльевич** — литератор, народоволец, бывший член ЦК ПСР.

9. **Вржосек Сергей Карлович** — присяжный поверенный, председатель Исполнительного Комитета офицерского союза.

10. **Пекарский Эдуард Карлович** — этнограф, земледелец.

11. **Серебряков Эспер Александрович** — литератор, муниципальный деятель, народоволец.

12. **Савинков Борис Викторович** — бывший управляющий морским министерством, член боевой организации ПСР.

13. **Втюрин Николай Леонтьевич** — конторщик Николаевской железной дороги.

14. **Иохельсон Владимир Ильич** — этнограф, народоволец.

15. **Миронов Николай Дмитриевич** — приват-доцент Петроградского университета.^{55*}

На выборах список группы получил около 5000 голосов (Петроградская организация эсеров насчитывала 45 тысяч членов, из них 40 тысяч были левыми...). Отметим, что ЦК ПСР на своем заседании 15 октября 1917 г. принял решение исключить из партии всех упомянутых в правоэсеровском списке по городу Петрограду, а 14 ноября из ПСР были исключены члены «Организационного совета» и его филиальных отделений...

Раскол в ПСР привел к тому, что членами Учредительного собрания от Петрограда стали: Ленин-Ульянов, Зиновьев-Апфельбаум, Троцкий-Бронштейн, Каменев-Розенфельд, Коллонтай (Сорокин писал о ней: «**Мадам Коллонтай исключительный объект для изучения доктором Фрейдом и другими психиатрами**»), Сталин-Джугашвили...

* Преподаватель санскрита. С 27.07.18 до 25.10.18 возглавлял контрразведывательный отдел Петроградского военного округа. Совмещал эту должность с руководством Отделом контрразведки Министерства юстиции.

От социалистов-революционеров прошло двое: лидер «центра» — В. Чернов и лидер левых эсеров — Б. Камков (Кац)...

В 1917 г. в эсеровском партийном кооперативном издательстве «Революционная мысль» (создано в Петрограде после Февральской революции Постниковым. Председатель правления — Я. Т. Дедусенко, председатель литературного совета — Постников. Втроем с А. В. Турбой они и вели всю работу издательства) Сорокин опубликовал несколько политико-социальных брошюр: «Вечный мир и всемирное единение народов», «О свободах», «Неотъемлемое право человека», «Что такое монархия и что такое республика?», «Что такое социализм?».

В 1918 г., когда Постников будет на нелегальном положении, Дедусенко — министром в Архангельском правительстве, а Турбу чекисты расстреляют в Вологде, издательство «Революционная мысль» будет переименована в «Колос», и возглавит его Витязев-Седенко...

Хотя партия эсеров и была расколота левым крылом, склонявшимся к сотрудничеству с большевиками, все равно влияние ее было велико. В крупнейших русских городах городскими головами были правые социалисты-революционеры: в Москве — В. В. Руднев, в Петрограде — Г. И. Шрейдер, в Киеве — Ф. П. Рябцев, в Одессе — И. Н. Лордкипанидзе, в Севастополе — С.А. Никонов, в Новочеркасске — А. А. Николаев, в Архангельске — М. Т. Иванов, в Уфе — А.И. Бриллиантов, в Воронеже — «воленородовец» Н. Г. Андреев, в Благовещенске — А.Н. Алексеевский (1918)...

Большие надежды связывали русские люди с Учредительным Собранием.

В газете того времени можно узнать, как провожала депутатов в Петроград деревня:

«Крестьяне целым селом собирались на проводы, служили молебен, подносили в напутствие хлеб-соль и крепко-накрепко заповедовали бороться за землю и волю, за закон и порядок и за вечную мужицкую правду. Проводы превращались в религиозный обряд, Учредительное собрание — в святыню, деятельность депутата — в почет-

ный и трудный подвиг, в священную борьбу за интересы народа».⁵⁷

Удивительно, но Ричард Пайпс пишет в своем труде совершенно противоположное:

«Что касается крестьян, то они мало интересовались происходящим в городах. Эсеровские агитаторы уговаривали их голосовать — они голосовали. И если к власти в стране приходила очередная группа барчуков и белоручек — им это было безразлично. Интересы крестьян не выходили за границы их собственной волости».⁵⁸

Далее Пайпс критикует линию партии социалистов-революционеров и своего покойного коллегу по Гарварду:

«Отказ от применения силы при любых обстоятельствах обрек их на поражение < >. Накануне открытия Учредительного Собрания эсер Питирим Сорокин (в последствии профессор социологии Гарвардского университета) рассказал о возможности разгона парламента силой, заявил: «Если первое заседание будет с «пулеметами», — обратимся об этом с воззванием к стране и отдадим себя под защиту всего народа. Социалистам не хватило смелости даже для этого шага».⁵⁹

Один из очевидцев выборов в Учредительное собрание в Яренском уезде И. М. Попов в 1935 г. вспоминал, что по деревням на развальных с прикрепленным плакатом ездил видный эсер Дмитрий Батиев и вел агитацию за список эсеров. На стенах домов были вывешены плакаты. Большими буквами на коми-языке на них было начертано: **«Коми народ, не забывай своего Питирима» («Коми восстыр, еней винеде асьиньед Питирим») и т.д.»**⁶⁰

Варлам Шаламов вспоминал: **«силу освобождения России отец увидел в эсерах — в Питириме Сорокине, земляке и любимом герое отца — по теории живых Будд».**⁶¹ Священник Тихон Шаламов в 1917 г. голосовал за Питирима Сорокина...

А большевики потерпев поражение на выборах, готовились к реваншу.

24 ноября Питирим Сорокин опубликовал в «Воле народа» заявление:

«Граждане! Нарушены права Учредительного собрания!... Как один из граждан России, я обращаюсь ко всему народу, ко всем крестьянам, рабочим, солдатам и ко всем гражданам России и перед лицом их публично обвиняю Совет Комиссаров и военно-революционный комитет в нарушении прав Учредительного собрания, как единственно полноправного хозяина земли русской».⁶²

В этот же день — 24 ноября по правым эсерам и лично по «бабушке русской революции» Брешко-Брешковский и Питириму Сорокину был нанесен сильный удар. Бывший секретарь «Бабушки» — Владимир Бакрылов опубликовал в левозэсеровской газете «Знамя труда» письмо в редакцию под названием «Молчать совесть не позволяет», в которой обвинил правых эсеров в связях с «американским империализмом».

О Сорокине Бакрылов писал:

«В петроградских кинематографах начали демонстрировать тогда же известную фильму профилактического (предупредительного) характера «Гибель нации»*, изданную одной из американских фирм.

Питирим Сорокин, оказавшийся на Демократическом Совещании глашатаем гибели русской нации в газете «Воля народа» (№121 от 17.IX) написал историческую статью под тем же наименованием «Гибель нации» и то, что фильма давала зрителю в обстановке американской, этот с позволения сказать, «социалист» предлагал читателю в обстановке российской».⁶³

Ответ Сорокина последовал молниеносно. Прочитывая строки о себе из письма Бакрылова, Сорокин далее писал, в вышедшей под названием «Воля-вольная» «Воле народа».

* Фильм Тома Диксона «Гибель нации» демонстрировалась с сентября 1917 г. в петроградских кинотеатрах «Паризиана» и «Юпитер».

«По этому поводу считаю необходимо заметить следующее.

Если г. Бакрылов этими строками мне инкриминирует мое сочувствие фильму «Гибель нации» то я открыто заявляю, что считаю эту фильму очень ценной, очень нужной и был бы от души рад, если бы кто-нибудь мог как эту, так и подобные ей фильмы бросить по всей России.

Если же г. Бакрылов своей параллелью между фильмом «Гибель нации» и моей статьей «Гибель нации», не имеющей с первой ничего общего, кроме названия, делает намек на что-то другое, в частности, на какие-либо коммерческие причины, то я попрошу его иметь смелость формулировать ясно свою мысль, чтобы я мог привлечь его к третьей стороне суду как грязного клеветника».⁶⁴

28 ноября, в день открытия Учредительного собрания к Таврическому дворцу приветствовать депутатов пришли около 10 тысяч человек. Перед ними выступили члены Учредительного собрания: Н. В. Чайковский, Ф. И. Родичев, В. М. Чернов, П. А. Сорокин и другие.

Комендант Таврического дворца большевик М. С. Урицкий потребовал от собравшихся членов Учредительного Собрания разойтись, вызвал наряд красногвардейцев... Но все-таки удалось провести под председательством В. М. Чернова заседание в знаменитом Белом зале Таврического дворца и принять ряд резолюций. Питирим Сорокин выступил от фракции социалистов с речью по поводу ареста большевиками членов Учредительного собрания П. Д. Долгорукова, А. Шингарева, Ф. Ф. Кокошкина.

На следующий день депутаты смогли попасть в зал заседаний только после значительных усилий (в этот день был арестован еще один член Учредительного Собрания — Н. Н. Кутлер).

Из почти пятидесяти собравшихся депутатов, большинство составляли эсеры. Зензинов, Дедусенко, Огановский. Лихач... Все они летом 1918 года станут активными участниками антибольшевистского сопротивления.

Учредительное собрание не могло быть открытым, так как еще не все его члены прибыли с мест. Когда 30 ноября депутаты собрались уже не в зале заседаний, а в зале библиотеки,

чтобы обсудить вопрос об открытии Учредительного собрания, они были разогнаны вооруженными матросами во главе с прапорщиком Г.И. Благоднавым.

В эти же дни начал свою работу IV съезд партии социалистов-революционеров. Один из делегатов съезда рассказал о драматических событиях, разыгравшихся у Таврического дворца:

«Характерно настроение латышского полка, на который возлагают надежду большевики. Часть толпы вошла в сад, где члены Учредительного собрания держали речь. Товарищ Питирим Сорокин во время своей речи почувствовал обостренность отношений между латышскими полками и толпой. Кто-то даже выстрелил. Сказав речь, товарищ Сорокин расцеловался с одним из солдат и все уладилось. Так план большевиков потерпел крушение. Нам удалось собраться в Большом зале и постановить ежедневно собираться в час дня. Если нынче нас пропустили, то этим мы обязаны стоявшей у решетки громадной толпе».⁶⁵

На съезде почти никто из правых эсеров не был избран в члены ЦК. Кроме того, съезд принял решение распустить «Организационный комитет» Петроградской группы правых эсеров, а в случае неисполнения этого решения считать всех членов «Организационного комитета» исключенными из партии. Правые эсеры решение съезда проигнорировали и продолжали свою деятельность до лета 1918 года...

Между тем голод, надвигавшийся на Петроград, стал реальностью. Из-за отсутствия угля остановился транспорт, подача воды и электричества находились под угрозой, отсутствовали предметы первой необходимости, так как не работали промышленные предприятия. Власти большевиков не было еще и двух месяцев, а плоды ее начали сказываться.

Фракция эсеров в Учредительном собрании создала несколько комиссий, в том числе государственно-правовую (председатель — М. Вишняк, товарищи председателя — П. А. Сорокин и В. Я. Гуревич, секретарь — С. А. Трупп). П. А. Сорокин взялся подготовить доклад об организации власти...

6 декабря Сорокин выступил с докладом об Учредительном собрании на митинге солдат 86-ой пешей Вологодской дружины. На митинг солдаты пригласили его как земляка. Большевистский комиссар доносил в Петроградский ВРК, что речь члена Учредительного Собрания от Вологодской губернии П.А. Сорокина и другого оратора (члена ЦИК, большевика) солдаты: **«Одинаково приветствовали. Резолюции не было вынесено».**⁶⁶

13 декабря «Правда» напечатала анонимные «Тезисы об Учредительном Собрании» из 19 пунктов. Последние пункты «Тезисов» содержали ультиматум и угрозы в адрес Учредительного Собрания... («Тезисы» составил Ленин).

В сыктывкарском архиве сохранилось письмо П. А. Сорокина своему доверенному лицу по выборам в Учредительное Собрание, мельнику села Гарья Н. Г. Кононову:

Многоуважаемый Николай Григорьевич!

Спасибо Вам за письмо. Я избран в депутаты. Нас съехало здесь уже около 300 человек. Но Учредительное собрание еще не открылось, потому что Ленин и большевики стараются всеми силами не допустить открытия или, если Учредительное собрание откроется, разогнать его. Но мы с этим не считаемся и Учредительное Собрание откроем. Порядка действительно в России не стало. Вы правильно пишете, что первое дело наше — это утвердить крепкий порядок. Но удастся ли это сделать, поручиться нельзя. Все, что можно будет сделать, мы сделаем. Если нас те же пушки не разгонят, порядок утвердим. Первым делом надо двинуть кроме этого — вопрос мира и войны, вопрос земельный и другие. Еще раз спасибо за письмо. Поклон всем землякам.

Член Учредительного собрания Питирим Сорокин.

**11 декабря 1917 г. Петроград,
Надеждинская улица, д.40, кв.13.**⁶⁷

109 членов Учредительного Собрания, принадлежащих к партии социалистов-революционеров (среди них были Питирим Сорокин и Сергей Маслов) опубликовали резко-антибольшевистское письмо-обращение к своим избирателям.

«Избранники народа! — Мы принадлежим народу. Перед народом мы ответственны и ему подотчетны. О всех своих действиях и планах мы будем поэтому писать народу, чтобы они знали о нас и судили нас. В этом первом письме мы доводим до всенародного сведения о наших главнейших задачах и наших первых шагах в Петрограде.

Главнейшими задачами Учредительного Собрания мы считаем скорейшее заключение мира, передачу без выкупа в руки трудящихся масс всей земли и закрепление народом свобод.

Вслед за решением этих вопросов мы поставим вопросы рабочей жизни, вопросы о твердых ценах на все продукты, вопросы о контроле над производством и, наконец, вопросы о правах различных народов, которые входят в состав Великой России.

«Мир, земля и воля» — вот наше знамя для первых дней и недель. Под ним мы будем биться и скорее умрем чем спустим его или свалим. Мы победим или умрем: отступления для нас нет.

А битвы нам предстоят не малые, ибо за нами — избранниками народа не все хотят признать права на высшую власть. Перед волей народа, который избрал и послал нас на великое дело борьбы за «мир, землю и свободу», не все хотят покорно склониться. Доказательства этому — первые дни нашего пребывания в Петрограде. О них мы расскажем.

В день и час, назначенный для Учредительного Собрания, 28 ноября в 2 часа дня, депутаты Учредительного Собрания, приехавшие в Петербург, сошли к Таврическому Дворцу. Вокруг Дворца избранники народа увидели лес знамен и громадные толпы народа: это Петроград приветствовал народных представителей. У самых дверей дворца картина была другая: там стояла вооруженная стража и по приказу захватчиков власти — большевиков, не пропускала депутатов в Таврический Дворец. Оказалось, что для входа в свое помещение должны были сначала сходить на поклон к комиссару — ставленнику Ленина и Троцкого — и там получить на вход особое разрешение. Этого депутаты принять не могли: избранные народом и снабженные формальными полномочиями, они имели все

права на свободный вход в народное отведенное помещение. Депутаты решили пройти в Таврический Дворец, не спрашиваясь у нового начальства. И этого они добились.

Когда депутаты закончили свое заседание и разошлись, в Таврическом Дворце за уступчивость депутатам была сменена прежняя стража и туда ввели вооруженных штатских, ставленников Ленина и Троцкого. Последним был отдан приказ разогнать депутатов. Но разгонять уже было некого.

На другой день правительство большевиков в газете «Правда» в своем официальном извещении облило избранников народа грязью бесчестной и гнусной клеветы. Лживая газета «Правда» писала, что избранники народа ворвались во дворец, что их сопровождали вооруженные юнкера и белогвардейцы из буржуазии, что народные избранники хотели воспользоваться своей малочисленностью и начать работу Учредительного Собрания...

Все это клевета и ложь — клевета на избранников и ложь народу.

Так лгало и клеветало старое правительство царя Николая.

Цель клеветы и лжи ясна: захватчики власти не хотят уступать власти народным представителям, и они подготавливают разгон Учредительного Собрания.

28-го же ноября вечером большевики нарушили неприкосновенность Учредительного Собрания, начав аресты членов Учредительного Собрания к.-д. Партии. 3-го декабря вечером был арестован депутат Учредительного Собрания с.-р. Филиповский, избранный армиями юго-западного фронта.

В согласии со своим решением 28 ноября депутаты сходились на заседание в Таврический Дворец 28–30 ноября. Как и в первый день, у дверей Таврического Дворца стояли вооруженные солдаты и матросы и не хотели пропускать депутатов, но депутаты требовали и стража сдавалась и пропускала.

На третий день в Таврическом Дворце произошли сцены грубого насилия над избранниками народа. Жертвой насилия сделались крестьяне.

Теперь в Таврическом Дворце на замок заперты все комнаты, и собираться невозможно. Теперь депутаты, которые входят в Таврический Дворец, не могут сойтись группой в несколько человек даже в залах и коридорах Дворца, ибо, как только образуется такая группа, к ней подходят вооруженные насильники Ленина и Троцкого, и разгоняют их.

Так в прежнее время вели себя царские слуги и враги народа — городовые, стражники и жандармы.

Так — новые самодержцы относятся к избранныкам народа и так они встречаются их.

Всем ясно: слова большевиков о скорейшем созыве Учредительного Собрания — лживые, обманные слова. Они были нужны им лишь для захвата власти. Они говорили одно, а стремились к другому: говорили о власти народа, а стремились к власти над народом. Ложью и кровью они захватили власть и судорожно вцепились в нее. Всем ясно: назревает столкновение между народными избранниками и новыми насильниками.

Мы не боимся этого столкновения. Когда нас съедет достаточное число, мы снова пойдем в Таврический Дворец и там откроем работу Учредительного Собрания. Насильникам мы не уступим. Одни мы, однако, победить не в силах. Нужна поддержка всего народа и мы ждем ее. Мы призываем народ всеми мерами и способами, поддерживать своих избранников. Мы зовем всех к борьбе с новыми насильниками над народной волей. Иначе у народа не будет ни мира, ни земли, ни воли, ни порядка — иначе нищета, гнёт и голод грозят измученному трудовому народу.

Будьте готовы по зову Учредительного Собрания дружно встать на его защиту.

С приветом трудовому народу — депутаты партии социалистов-революционеров».⁶⁸

Продолжались аресты и самосуды. Были арестованы члены Учредительного Собрания: Н. Д. Авксентьев — председатель Исполкома Всероссийского Совета Крестьянских депутатов и председатель Совета Республики, А. И. Гуковский — редактор газеты «Воля народа» и член Учредительного Собрания

от Новгородской губернии. 15 декабря была предпринята попытка расправы с В. И. Лебедевым, членом редколлегии «Воли народа».

24 декабря началась новая волна погромов...

В этот день Сорокин писал в «Воле народа»:

«Если раньше у нас была радость надежды, то теперь мы лишены и ее... Настоящее темно, ближайшее будущее еще мрачнее. Я верю, что через ряд лет мы снова оживем. Я верю в исторический прогресс человечества. Я знаю, что народ не погибнет навсегда. Привет вам, идущие и не убоявшиеся. Привет вам — грядущие мученики великих идеалов, которым суждено пасть в грядущей борьбе за вечные ценности справедливости, знания и красоты».⁶⁹

В эти дни П. Сорокин также деятельно участвовал в работе особой культурно-просветительной комиссии по организации рабоче-солдатского Университета имени Н. К. Михайловского. В состав комиссии входили: народоволец-шлиссельбуржец Н. А. Морозов, старый друг П. Сорокина — член Учредительного собрания А. А. Гизетти и другие.

Занятия намечалось проводить по вечерам в помещении курсов имени П. Ф. Лесгафта (Английский проспект, 32). По окончании трехмесячных занятий предполагалось выдавать аттестаты. Чтение лекций в Университете началось уже после ареста Л. А. Сорокина...

Сорокин вспоминал:

« На новый год мы собрались вместе, депутаты и руководители партии эсеров. Глухая тоска, смешанная с мрачной решимостью умереть, сражаясь за свободу, сквозили в наших разговорах. Этот нездоровый энтузиазм достиг апогея после слов, произнесенных моим другом К. (Н.Д. Кондратьев — Ю.Д.).⁷⁰

Где проходила эта встреча Нового года? Вероятно эта та самая встреча о которой сделал запись в своем дневнике видный эсер Н.П. Огановский: «**1 января. Наша эсеровская фракция «учредилловцев» встречает Новый год в тесном помещении гимназии Гуревича на Лиговке**».⁷¹ (Угол Лиговской и Бассейновой улиц, 1/43). Бассейная 43 или совсем рядом с Надеждинской 40, где жил Сорокин...

Трагический для России год заканчивался... Начало нового ознаменовалось «покушением» на В. И. Ленина. Что касается Сорокина, то 2 января 1918 года в два часа дня отряд красногвардейцев во главе с комиссаром «комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем», ворвавшись в редакцию «Воли народа» и предъявив ордер на обыск и арест «всех подозрительных лиц», подписанный Я. Х. Петерсом, арестовал находившихся в редакции людей, в том числе и Сорокина (среди арестованных был редактор литературного отдела газеты известный писатель Михаил Пришвин, который под рубрикой «Из дневника»⁷² печатал резко антибольшевистские заметки, А. Аргунов, Е. Сталинский...)

Сорокина обвинили, ни мало, ни много, как в участии в покушении на Ленина и бросили в камеру № 51 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости*...

Через три дня открылось** и тут же было разогнано большевиками — Учредительное собрание. Автор рецензии на «A Long Journey» Сорокина написал, что речь Сорокина в Учредительном собрании была зачитана кем-то другим... К сожалению мне не удалось найти этому документального подтверждения ни в опубликованных стенограммах заседания Учредительного Собрания, ни в других источниках...

Огановский 4 января записал в дневнике: «**Говорят, Авксентьеву, Сорокину и другим узникам пропуска (в Таврический дворец на открытие Учредительного собрания — Ю.Д.) посланы в тюрьму**».⁷⁴

* Трубецкой бастион с декабря 1917 г. был филиалом тюрьмы ВЧК.

** Как старейший по возрасту его должен был открыть 5 января 1918 г. примыкавший к группе «Воля народа» С.П. Швецов (1858 Курск - 1930 Ленинград). Учился в архангельской гимназии. В начале 1920-х возглавлял Петроградское отделение Красного Креста. Архив в «Доме Плеханова».

2

В фондах ГАРФа сохранились документы, связанные с первым арестом Сорокина большевиками. В «Деле» газеты «Воля народа» подшито 18 листов, в том числе два ордера на бланках ВЧК:

ВЧК Ордер № 112

Поручается товарищу Ходуницкому произвести обыск в редакции «Воля народа» и выемку (Бассейная 35–37) и задержать всех подозрительных лиц и доставить на Гороховую 2.

**Председатель Я. Петерс
Секретарь И. Ильин.**⁷⁵

**ВЧК при Совете Народных комиссаров
2 января 1918.**

ОРДЕР

Поручается товарищу Янковскому закрыть газету «Воля народа» и арестовать ответственных лиц редакции.

Товарищ председателя В Яковлева.⁷⁶

Описал эти события в своем дневнике Михаил Пришвин: «**2-го числа Нового года трамваи не ходили, я поколебался, идти мне в редакцию хлопотать о выпуске Литературного приложения к «Воле народа» или махнуть рукой; кому теперь нужно литературное приложение: мороз был сильный, раздумывать некогда — побежал и довольно скоро прибежал в редакцию. Там сидели солдаты с ружьями и два юнца-комиссара жестоко спорили между собой, кого арестовывать. Ордер у них был: арестовать всех подозрительных**».⁷⁷

Пришвина и других арестованных привезли сначала на Гороховую 2, и в тот же день редакция газеты почти в полном составе оказалась в камерах Петропавловской крепости.

Оставил свидетельство об этом аресте и Андрей Аргунов:

«**Наконец-то после долгих собраний, совещаний и колебаний решено открыть 5 января Всер. Учр. Собрание. Кончились фракционная работа, намечен кое-какой план действий.**

Возвращаемся с П.А. Сорокиным с последнего заседания, еще не остывшие от впечатлений. Надо забежать в редакцию, которая тут недалеко, на Бассейной, чтоб распорядится насчет завтрашнего номера...

Дверь открывается без звонка и мы сразу окружены неизвестными личностями. В комнатах беспорядок, все служащие сбились в кучу. Обыск? Нет, хуже. Распоряжается какой-то в полувоенной форме. Созванивается по телефону и объявляет чей-то приказ: всех без исключения арестовать, а газету прикрыть. Выводят под конвоем; на улице грузовик, в который и набивают до отказа. Пыхтя и переваливаясь в снежных сугробах, тащится грузовик, и скоро мы на Гороховой.

Комнаты со шкафами и кучами бумаг, папок. Скоро нас двоих, членов У. С., отделяют от остальной компании сослуживцев по конторе и редакции. Подходит испитая, худощавая фигура и привычной рукой лезет в карманы. Отстраняюсь. Принимаю возможно боевую позу и, твердо скандируя слова, заявляю: «как член Вс. Учр. Собр. протестую против нарушения моей неприкосновенности и обыскивать себя не позволю». Фигура в нерешительности топчется и затем исчезает. Входит товарищ-начальник. Резким тоном распоряжается: «никаких разговоров, обыскать». — «Не позволю», почти кричу ему. — «Кто вы такой, как ваша фамилия?» «Не ваше дело», бросает он на ходу. «А, трусите», шлю ему в догонку.

Остаемся вдвоем с фигурой. — «Как вам не стыдно, говорю, заниматься такими делами?» — «Что ж, наше дело подневольное, как прикажут». — «Да вы успокойтесь, господин; только покажите свой портфельчик». Иду на компромисс: вынимаю портмонэ, показываю. «А оружия при себе не имеете?». — «Нет, не имею». — «Ну вот и все. Счастливо оставаться».

На улице карета с парной упряжкой. Садимся. Визави усаживаются две военные фигуры. Лица каменные, не русские. Руки в карманах и чувствуешь, что в этих карманах заготовленное оружие.

Едем молча. Куда? В окна каретные ничего не видно. Может быть, в Неву сбросят, а, может быть, иначе как-нибудь прикончат...»⁷⁸

В «Деле» «Воли народа» хранится следующий документ:

Приняты арестованные Сорокин и Аргунов дежурным членом военной комиссии.

Петропавловская крепость.
Дежурный член военной комиссии
(Подпись)⁷⁹
Неразборчиво.

Петропавловка, самая знаменитая политическая тюрьма России, вступила в строй действующих в 1872 году. До 1917 года через нее прошло около 1500 человек. Среди них: И. Н. Мышкин, А. И. Желябов, Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин, Г. А. Гершуни, В. Н. Фигнер, В. С. Панкратов, Н.В. Чайковский, Федор Достоевский, Мария Ветрова...

Большевики продолжили традицию. Они посадили в Трубецкой бастион Петропавловки: Н. Д. Авксентьева, А. И. Гуковского, председателя Особого совещания по составлению проекта закона о выборах в Учредительное собрание Ф. Ф. Кокошкина, министров Временного правительства С.Н. Третьякова, А.И. Коновалова...

Группа заключенных, сидевших в соседних камерах, избрала, как это было принято среди политзаключенных в царской России, старосту. Им стал инженер П. И. Пальчинский. Помимо Сорокина в группу вошли украинский магнат, бывший министр финансов и иностранных дел Временного правительства Михаил Терещенко, Н. М. Кишкин, помощник особо уполномоченного Временного Правительства, убийца Гапона — П. М. Рутенберг, Н.Д. Авксентьев.⁸⁰

Сохранился список заключенных Трубецкого бастиона Петропавловской области первых месяцев власти большевиков.

Фамилия	Номер камеры	Когда арестован	За кем числится	Какое обвинение	Когда освобожден
1. Де Бодэ Н.Н., офицер	68			Дело Пуришкевича	
2. Пуришкевич Вл. М.	42				
3. Пальчинский, министр	43	25.10		Никакого	
4. Шмелев, чл. Кр. С (Совет крестьянских депутатов Ю.Д.)	47		Гороховая, 2		
5. Сорокин И., чл. Кр. С.	49		Гороховая, 2		24.01.18
6. Логинова					
7. Авксентьев Н.Д., чл. Учред. Собрания	50				
8. Сорокин Питирим, член Учредительного Собрания «Воля народа»	51*			Гороховая, 2	23.02.18
9. Аргунов, член Учред. Собрания «Воля народа»	51			Гороховая, 2	23.02.18

* В камере №52 в 1874 г. сидел Петр Кропоткин

10. Рутенберг П.М.					
11. Шнеур В.К.					
12, 13, 14, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 27-30, 32?					
15. Терещенко					
16. Персецкий М.В., министр Времен. Пр-ва		25.10			23.02.18
18. Кишкин, член партии Народной Свободы	62	25.10		Защита Временного Правительства	
21. Шаховский Д.М., член Учред. Собрания партии Народной Свободы	69	28.10			20.02.18
25. Сухомлинов В.А.	55				
26. Щегловитов Ив. Гр.					
31. Акацатов М.Е.					

81

В Екатерининской куртине Петропавловки сидело еще 23 человека. Среди них «Защитники Временного Правительства», будущий знаменитый американский экономист Владимир Войтинский...

Руководство газетой взял в свои руки, избежавший ареста Владимир Лебедев.* Ему помогали М.Н. Павловский, заведующий типографией Кесарь Гусев, В. В. Подвицкий...

В «Воле народа», продолжавшей выходить под названием «Воля страны», в № 3 от 18 января 1918 года на первой странице было опубликовано письмо, которое Сорокин и Аргунов сумели передать на свободу:

Клеветникам (письмо в редакцию)

2 января, во время разгрома, произведенного большевиками в редакции газеты «Воля народа», мы были арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость. До сих пор нам не только не предъявили никакого обвинения, но не было даже допроса.

Из «Правды» и левозсеровского «Знамени труда» мы узнали, что нас желают привлечь по какому-то делу о

* О преследованиях и аресте членов редакции газеты, публикации утерянных стихов Блока для детей («Воля народа» 1917. 24 декабря), попытка Блока помочь газете – (Лебедев В.И. Утерянные стихи А. Блока. // «Новоселье» (Нью-Йорк) 1942. №1. С.66–67.)

каком-то «заговоре» и что мы повинны в «литературной подготовке» покушения на г. Ленина, которое, как известно, оказалось неловко инсценированным выстрелом лопнувшей автомобильной шины [...].

Из стен каземата, в котором томились годами борцы и мученики за свободу России, мы заявляем клеветникам! Насилием и клеветой не удержать всей власти. Близок час, когда обманутый народ поймет ваш контрреволюционный замысел и низвергнет вас, как сверг царское насилие.

**Члены Учредительного собрания, члены бюро фракции
социалистов-революционеров.
9.1.18 г. Трубецкой бастион Петропавловской крепости.
Камера №51
А.А. Аргунов
Питирим Сорокин.**

В соседних камерах (№№ 69 и 70) находились арестованные за неделю до Сорокина и Аргунова члены Учредительного собрания Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарев. Жить им в новом году оставалось неделю Их бессудно убили 7 января. Они стали первыми официальными жертвами террора большевиков.

Пять лет спустя, 22 января 1922 г. в зале Русского Дома в Праге состоялся вечер памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. В газетном отчете о вечере безымянный автор выделил выступление П.А. Сорокина:

«Характерен рассказ проф. Сорокина о встрече с покойными в Петропавловской крепости, куда он был посажен с Аргуновым, как «контр-революционер» и редактор петербургской ежедневной эсеровской газеты «Воля Народа». В то время безчинство и самовольство большевистских солдат и матросов было безграничным. Комендантом крепости был нарочито назначен кровожадный Павлов с специальной командой, о преступных умыслах которой заключенных не раз предупреждала местная стража Петропавловской крепости, отнюдь не пропитанной излишней гуманностью. Все заключенные были в самом тревожном настроении и с часу на час ждали насильственной смерти. Там же в то время сидели некоторые из арестованных

царских министров — Щегловитов, Сухомлинов, — тут же был и знаменитый Пуришкевич.

Когда мы узнали, — говорит Сорокин, — что больных Кокошкина и Шингарева перевозят, хотя и под стражей, но в вольную больницу, мы все порадовались за них, считая их там в полной безопасности. Наоборот, Кокошкину и Шингареву было тяжело покидать нас, уходя своего рода на волю.

Их увезли, и вскоре злодейство совершилось. Мы тотчас же узнали об этом от местной стражи, которая предупреждала оставшихся не уезжать, если будут увозить от здешней команды. Отсюда проф. Сорокин заключает, что истинным виновником злодеяния был начальник команды, Павлов».⁸²

В конце января, в связи с исполнявшейся 25-летней годовщиной журнала «Русское богатство», Сорокину удалось передать на волю еще одно письмо:

**В Комитет по чествованию 25-летнего юбилея
«Русского богатства»**

Лишенный возможности лично принять участие в чествовании дорогого юбилея, в течение четверти века сеявшего «разумное, доброе, вечное» — высшие идеалы Правды-Истины и Правды-Справедливости — из стен каземата Трубецкого бастиона приношу свою благодарность дорогому юбиляру — учителю и воспитателю народа, от души желаю ему и впредь стоять на своем славном посту и твердо верю: семена, посеянные им, взойдут; как ни темна ночь, все же впереди огни. Не умрет трудовая Россия. Не умрут и великие идеалы свободы и социализма.

Петропавловская крепость
Трубецкой бастион
Камера №51

Член Учред. Собрания приват-доцент
Питирим Сорокин 30 января 1918 г.⁸³

Шел к концу первый месяц пребывания П. Сорокина в каземате... 26 января «Воля страны» сообщила:

К аресту журналистов

«В газете «Новая жизнь» № 19 в заметке «Ревизия для следственной комиссии» говорится, что ревизионная комиссия поставила освободить заключенных журналистов из «Дня» и «Воли народа», но комиссия Дзержинского отказалась выполнить это постановление, мотивируя тем, что о журналистах «ведется предварительное следствие комиссией Бонч-Бруевича по обвинению в подготовке вооруженного восстания против большевиков. Это ложь, так как со дня ареста журналисты никакому допросу и ни в какой комиссии не подвергались, обвинения никакого им не предъявлено».

На следующий день, 27 января, комиссариат по делам печати, созданный Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 г. для борьбы с печатными изданиями, «распространяющими разного рода ложные сообщения и слухи», издал распоряжение:

Ордер 109

Впредь до рассмотрения дела газета «Воля страны» закрывается за систематическое помещение статей, направленных против Советской власти, и клеветническое извращение общественной жизни.

Все отпечатанные экземпляры подлежат конфискации.

Члены комиссариата С. Зорин

Подпись (неразб.)

Подпись (неразб.).⁸⁴

29 января «Дело» было направлено в Революционный трибунал печати при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов (находился по адресу: Екатерининская улица, дом № 1) с просьбой «привлечь к ответственности редакторов газеты «Воля страны» за помещение ряда статей, направленных против Советской власти, и клеветнического характера».

В качестве обвинительного материала фигурировали статьи, помещенные в газете. В номере № 22 неудовольствие комиссаров вызвала статья «Мученики свободы», в № 3 — «Momento

тоги», в № 8 — «Пулеметным огнем» и «У страха глаза велики», в № 10 — «Террор» и в № 11 — «Новая столыпиниада».

Что касается Сорокина и других арестованных журналистов, то 31 января «Воля страны», которая несмотря на грозное распоряжение все-таки вышла (вероятно с помощью «Вольного печатного станка»), сообщала читателям:

«...трибунал печати обратился в ЧК с предложением освободить всех арестованных журналистов. В ответ за подписью Дзержинского получили письмо [...]: «Арестованные сотрудники «Дня» и «Воли народа» обвиняются в контрреволюционных деяниях против Советской власти, которые проявляются не только в печати, но и в определенной политической деятельности. Освобождение их, когда заговоры не уничтожены, невозможно.»

**Председатель Дзержинский
Секретарь Ильин.**

Зинаида Гиппиус, находившиеся в эти дни в Петрограде 29 января 1918 г. записала в дневнике:

«Выпустили (опять тишком и за деньги) Третьякова и Коновалова. Один от неожиданности заплакал, другой упал в обморок. Эсеры сидят в Петропавловке (Сорокин, Аргунов, Авксентьев и другие) определенно в виде заложников. Если мол, что с нашими стряется — этим голову свернем».⁸⁵

Обращение Трибунала печати, а также ходатайства за арестованных (за П. Сорокина, например, вступился старый революционер Г. М. Крамаров)⁸⁶ различных организаций и видных общественных деятелей сдвинуло дело с мертвой точки.

Дело арестованных П. А. Сорокина, А. И. Гуковского, А. А. Аргунова и Е. А. Сталинского, обвиняемых по делу «Воли народа», было передано с Гороховой, 2 (здесь располагалась ВЧК) в Следственную комиссию при Революционном трибунале...

А 20 февраля Следственная комиссия при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов (адрес: Петровская

набережная, 1, у Троицкого моста) направила его в Трибунал печати.

«Дело» о «попытке покушения на Ленина» и «подготовке вооруженного восстания», которое пыталось сфабриковать ЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского, провалилось. 23-го февраля П. Сорокин был выпущен на свободу.

Зинаида Гиппиус записала в дневнике:

«Выпустили Заславского, Кливанского, Сорокина, Аргунова. Сидят из видных эсеров — Гуковский и Авксентьев; из бывшего правительства: Терещенко, Рутенберг, Кишкин, Пальчинский».⁸⁷

Не раз в эти трагические дни приходила на свидание к Питириму Сорокину его жена Елена Баратынская. (Отметим, что 19 марта 1918 года после сдачи экзаменов по естественному отделению на физико-математическом отделении Высших женских курсов, по решению испытательной комиссии, она была удостоена диплома 2-ой степени. В примечании к удостоверению говорилось:

«По своим отметкам Елена Петровна Баратынская имеет право на диплом первой степени, каковой ей может быть присужден по представлении сочинения».⁸⁸

В связи с наступлением немцев, большевики обратились к населению с призывом защищать «Социалистическое отечество» и временно освободили многих политзаключенных...

После освобождения из Трубецкого бастиона оставаться в Петрограде было опасно, тем более что большевики закрывали газеты и журналы своих политических противников, да и преподавательская работа стала невозможна.

Пока Сорокин находился в тюрьме, на одном из совещаний директоров высших учебных заведений Петрограда, при обсуждении вопроса об изыскании средств на содержание вузов, было принято решение: не обращаться за средствами в Совет народных комиссаров.

После разгона Учредительного собрания директора на одном из своих последних совещаний приняли решение: постепенно закрыть все высшие учебные заведения до 20 апреля 1918

года... Согласно этому решению, закрылся и петроградский Психоневрологический институт, где числился приват-доцентом Питирим Сорокин.. Вместе с женой Сорокин уехал в Москву, а в марте — к ее родственникам в «один из волжских городов»... (Тамбов — ?).

4 мая его отозвали в Москву. С 7 по 16 мая здесь в университете имени Шанявского проходил VIII Совет партии социалистов-революционеров. Участвовали члены ЦК и члены Бюро фракции социалистов-революционеров Учредительного Собрания, представители от местных организаций. Среди участников старые друзья Сорокина по «Воле народа» — В. Лебедев, В. Подвицкий, будущие по антибольшевистской борьбе на Севере России — Я. Дедусенко, Г. Мартюшин (оба члены бюро фракции ПСР в Учредительном собрании). Архангельскую губернию на Совете представлял М.Н. Мартынов, один из организаторов переворота в августе 1918 г. в Архангельске... VIII Совет ПСР взял курс на вооруженную борьбу с большевиками. Одновременно группа социалистов-революционеров задумала издавать большую ежедневную политическую и литературную газету «Возрождение».*

Предполагалось участие в ней М. В. Вишняка, А. П. Гоца, Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова, М. Я. Гендельмана, В. М. Зензинова. Одним из редакторов газеты стал Питирим Сорокин. Редакция разместилась по адресу: Гранатный переулок, 9 (угол Спиридоновки и Гранатного переулка). К работе газеты привлекались видные представители науки, литературы, искусства. За короткий период, в течение которого газета выходила, в ней были опубликованы «Записки» А. Ф. Керенского, «Мысли о России» Федора Степуна, а также работы И. Г. Эренбурга, М. О. Гершензона, В. Ф. Ходасевича, Л. Шестова... Легально вышли только 2–3 номера, во втором номере Сорокин писал в статье «По стопам Рады».

«Спасение России лежит на иной дороге — на пути самостоятельного возрождения народа, верности и любви к своей родине и в союзе с великими демократиями Запада. Став на этот путь, Россия и её народы найдут в себе силы

* Редактор - издатель Евгений Трумп. Первый номер вышел 29 мая. Последний — 22 июня. Закрыта по решению Московской ЧК «За статьи контрреволюционного характера».

освободиться от ига большевизма и от еще более тяжкого ига немцев [...] Вслед за компанией Скоропадского по тому же пути пошли литовские и белорусские деятели и правительство войска Донского, заключившие союз с немцами. [...] Что это: глупость или измена? [...] Я понимаю, что диктатура большевизма ненавистна и невыносима. Я знаю, что главная доля вины за такое задушение России и за такое разрывание ее на части лежит на большевиках. Но следует ли отсюда, что для свержения большевизма, можно и должно надевать на себя и на свой народ ярмо германизма — ярмо бесконечно более смертельное и несравненно более горшее?».

(«Возрождение» 1918. 30(17) мая)

В другой статье Сорокин выразил удовлетворение, что отбросив доктринальные разногласия Савинков, созданный в апреле в Москве «Союз Возрождения России» и другие антибольшевики готовы работать совместно ради великой цели... Но газета — это не главное занятие Сорокина. По всей России возникали тайные организации с целью свержения большевиков.

По заданию «Союза Возрождения России» Сорокин стал организатором антибольшевистского движения на Севере России. Своей базой Сорокин выбрал Великий Устюг. (В Вологде эту работу вел С. С. Маслов).

События в Великом Устюге после Октябрьского переворота развивались так: 2 декабря 1917 г. Велико-Устюжский Совет отклонил резолюцию, предложенную большевиком М.К. Ветошкиным, о переходе всей власти в руки Советов. Вместо этого, по предложению меньшевика П.Н.Зепалова, близкого друга Сорокина и прибывшего из Вологды правого эсера В.Ф. Макеева, был создан ОЦЕКСОВ (Объединенный Центральный Исполнительный Комитет Советов), представлявший из себя объединение представителей земств, Городской Думы, Советов и других организаций. Председателем ОЦЕКСОВа был утвержден меньшевик В.В. Попов (врач) и назначены 5 комиссаров. П.Н. Зепалов, стал комиссаром юстиции, адвокат, эсер В.А. Бибергаль — комиссаром финансов.

22 марта 1918 г. ОЦЕКСОВ ликвидирован, и власть перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

17–20 июня состоялся Учредительный съезд Советов северо-западных уездов Вологодской губернии, на котором была создана Северо-Двинская губерния с центром в Великом Устюге. Председателем губисполкома стал левый эсер, врач А.Л. Менциковский. В августе 1918 его сменил И.М. Шумилов.

По местной периодике 1917 года деятельность Сорокина выглядит так:

«**В Великий Устюг прибыл П.А. Сорокин**», — сообщала газета «Северо-Двинский край». (1918 г. 9 июня (27 мая)). А через день опубликовала обширный отчет:

«**В четверг 6 июня в здании Союза судоходцев левые социалисты-революционеры устроили митинг на котором развернулась полемика между Менциковским и Сорокиным. Менциковский говорил:**

«**Партия левых социал-революционеров самая правильная партия в России. Это партия «революционного социализма». Она проповедует, что многомиллионное крестьянство России составляет особый, строго определенный класс, однако, этого упорно не желают признать социал-демократы.**

Затем, переходя к вопросу о взаимоотношении правых и левых эсеров, г. Менциковский констатирует тот важный факт, что фракция левых социал-революционеров возникла «не с октября». Это течение «революционного» социализма в партии социал-революционеров давно обособилось и говорить об образовании в октябре месяце особой партии левых эсэров не приходится. С момента октябрьской революции, с момента перехода всей власти в руки пролетариата всему старому буржуазному миру была объявлена беспощадная война; была резко проведена линия между двумя враждующими лагерями — буржуазией и пролетариатом. И вот тогда обозначилось: по ту сторону, рука об руку с пролетариатом пошли только две партии: левые социал-революционеры и большевики-коммунисты.

В области внутренней политики эти две последние партии солидарны во всем; разногласия начинаются с вопросов, касающихся внешней политики, с их отношения к брестскому миру. Большевики смирились перед герман-

ским империализмом и в виде «передышки» согласились на тяжелый позорный мир. Левые социал-революционеры держались и держатся другого мнения: истинный революционер ни перед кем не должен склонять головы, он должен биться, пока не падет: — так говорят левые эсеры. И задачей настоящего момента является организация отрядов красной армии. Армия эта должна быть железной, — сильной и крепкой сознанием своего классового пролетарского единства.

Настоящий момент г. Менциковский характеризует как переходный момент от капитализма к социализму; власть советов она признает властью рабочих и крестьян, властью народной. Несмотря на тяжесть переживаемого момента, он бодро смотрит вдаль, где видит зарю поднимающейся мировой социальной революции. «Она уже не за горами», — заключает он.

Слово затем предоставляется П.А. Сорокину, который произносит горячую и сильную речь.

— Я хочу,— начинает он,— представить дело в совершенно ином освещении, чем г. Менциковский.

Остановливаясь на истории партии соц.-революционеров, г. Сорокин находит, что левые эсеры родились только в октябре; они списали программу с партии правых с.-р и собственного у них ничего нет, если не касаться тех уродливых искажений, которые левые эсеры допустили при списывании программы. Все основатели партии соц.-революционеров: Брешко-Брешковская, Аргунов и другие — все они находятся лагере правых, а не левых эсеров.

И что, вообще, представляют из себя левые социал-революционеры? Какое отношение имеют к революции, например, г. Менциковский? Сначала он был народным социалистом, потом правым эсером и, наконец, быть может, с октября переокрасился в левого социал-революционера. Таковы были «этапы» этого господина.

— Правые эсеры были противниками октябрьской революции: они призывали потерпеть, подождать немного, поднять боеспособность армии и духа, чтобы опираясь на мощную силу, разбить германский милитаризм и тем самым дать торжество демократическим идеям. Что дала

октябрьская революция? Где мир? Где хлеб? Где этот пресловутый «мир без аннексий и контрибуций»? Мы потеряли все. Народ громкими хлесткими фразами увлекали за собой большевики. Мы стоим перед величайшим позором: недалек тот час, когда Петроград, а быть может, и Москва будут взяты.

Ныне отрадно констатировать самый несомненный массовый отход рабочего пролетариата от обманувших их большевиков. Большевики доживают последние дни: мы стоим накануне всеобщей политической забастовки.

Этот факт, — утверждает г. Сорокин.

И в эти дни всеобщего позора мы слышим пустые, правда красивые слова о создании красной армии. Она есть против несуществующих внутренних врагов, но ее нет против немцев. Утешают нас «всемирной революцией» — ею кормят нас уже 14 месяцев.

— И я утверждаю, — горячо заявляет г. Сорокин, — что после всего этого позора и провала революции в России всемирной революции не будет, нам ее не дожидаться».

П. Сорокин призывает всех не слушать тех краснобаев, которые с октября примазались к революционному пирогу. Он указывает пути спасения: необходимо сплотиться всем во имя спасения родины.

— Все, — кончает Сорокин, — сплотитесь в одну партию, партию спасения единой, великой, свободной России.

Кончает свою содержательную речь Сорокин под шумные аплодисменты почти всей аудитории. Крики «браво» и аплодисменты порой переходили в настоящую овацию по адресу талантливого оратора.

Затем вновь выступил г. Менциковский. Он бросает упрек предыдущему оратору в личных нападках против него. Усиленно защищает свою личность и указывает на ее роль, там, в Петрограде. Отчаянно жестикулируя, он начинает тормозить Петлюру, предателя Украины, и забыв, что этот последний — меньшевик. Г. Менциковский делает неожиданное заключение: «да, правые эсеры предали Украину».

Во всем этом виноваты вы, правые эсеры, кричит оратор, обращаясь к «Питириму товарищу Сорокину».

Затем он начинает говорить нечто столь несуразное, что вызывает открытый смех и протесты одних, аплодисменты и грозные окрики других — сочувствующих.

Порой поднимался ужасный гвалт: трудно было что-либо тогда расслышать. Пытавшегося говорить или заявить что-то во время речи г. Менциковского, П.А. Сорокина грозно останавливали. Однако, отчетливо прозвучали негодующие слова г. Сорокина по адресу Менциковского: «если вы революционеры, то я с удовольствием назовусь тогда контр-революционером».⁸⁹

На этом же митинге с резкой антибольшевистской и анти-ленинской речью, выступил и П.Н. Зепалов.

9 июня в Братском доме в Великом Устюге по инициативе Торгово-промышленного союза и союза домовладельцев состоялось общее собрание граждан Великого Устюга по вопросу об упразднении большевистским исполкомом городского и земского самоуправления постановлением от 1 июня.

Председателем многолюдного собрания избрали председателя суда Н.В. Городецкого. Он предложил заявить самый решительный протест против действий исполкома. Затем выступил член Учредительного Собрания от Вологодской губернии П.А. Сорокин, который произносит горячую речь в защиту городского и земского самоуправлений.

«Характеризуя советскую власть, г. Сорокин указал на то, к чему привела эта власть Россию; иначе он не может назвать это рабочее и крестьянское правительство, как кучкой каких-то неизвестных авантюристов, подозрительных лиц, «примазывающихся к революционному пирогу». Поэтому долг каждого гражданина бороться с этой так называемой советской властью.

Снести советскую власть, вот неотложная задача. Для этого не надо с оружием в руках идти против местного совета, — это было бы ошибкой, ибо в результате имели бы мы карательную экспедицию. Необходимо выразить протест по поводу упразднения городского и земского самоуправления, затем туда в совет отправить делегацию с определенными требованиями. Пора бросить то безучастное равнодушие, которое определяется пословицей:

«моя хата с краю, я ничего не знаю». Необходимо действовать: «не платить никаких налогов советской власти и не исполнять ее приказаний!» Повсюду следует требовать восстановления демократических органов; вся власть в центре Учредительного Собрания, а на местах городским и земским самоуправлением.

Речь г. Сорокина собрание покрывает дружными шумными аплодисментами.⁹⁰

Вслед за Сорокиным с большой речью выступил председатель В.-Устюгской городской думы А.В. Барышев, тоже заклеймивший Советскую власть, ее приспешников и предложивший бойкотировать ее.

Собрание единодушно приняло резолюцию с осуждением действий большевиков и признало «единственным устройством земли русской Учредительное Собрание...»

... Сорокин был направлен в Великий Устюг «Союзом Возрождения России». (На Волгу был послан с аналогичной задачей — Владимир Лебедев, соредактор Сорокина по «Воле народа» и бывший морской министр в правительстве Керенского.

Кроме того, Сорокин по просьбе Керенского увез в Усть-Сысольск его жену Ольгу с сыновьями Олегом и Глебом. Они укрылись в доме друга Сорокина, архитектора Холопова (дом сохранился до наших дней). Своей базой Сорокин сделал Великий Устюг, но деятельность его охватывала всю Северо-Двинскую губернию (Усть-Сысольский, Велико-Устюжский, Сольвычегодский, Никольский уезды).

Как депутат Учредительного собрания он разъяснял свою позицию землякам и избирателям. 13 июня 1918 г. в Яренске он выступил с докладом «О текущем моменте». В газетном отчете читаем:

«По глубокому его убеждению, при внимательном изучении психологии и духовного роста своего народа для него было ясно, что ничего путного не будет, если у власти станут большевики... наш народ еще не прошел тот этап развития человеческого духа, этап патриотизма, сознания единства нации и мощи своего народа, без которого нельзя войти в двери социализма». Однако «неумолимым

ходом истории — это страдания... стало неизбежным» [...] Мы видим и ощущаем на себе, что заманчивые лозунги революции 25 октября не только не осуществлены, но совершенно попораны, и мы даже лишились тех политических свобод и завоеваний, которыми владели раньше». Обещанная социализация земли не проводится, государство разорвано на клочки, большевики «вошли в сношения с немецкой буржуазией, которая обкрадывает и без того бедную страну». [...]

«Обещанный хлеб не только не дан, но последним декретом должен силою отбираться вооруженными рабочими от полуголодного крестьянина. Рабочие знают, что такой добычей хлеба окончательно разрознят крестьян от рабочих и подымут войну два трудовых класса один против другого». [...]

«Мы... дошли до такого состояния, хуже которого не может и быть, и надо думать, что дальше будет лучше». «Только союзники могут нас поднять из той пропасти, в которую мы попали», так как Россия нужна им как противовес Германии. Указывая на поражения немцев во Франции летом 1918 г., Сорокин говорил, что «смотрит на будущее России сравнительно спокойно, сравнительно радостно. Его взору теперь видна Россия при прежних границах, Россия новая, независимая и свободная». «Бояться же империализма союзников нечего, — продолжал он. — ибо хуже немецкого и быть не может». Но нельзя полагаться только на внешнюю помощь. В самой России надо «забыть все партийные счета... организовать единую партию свободной, независимой, демократической России... создать новое временное Учредительное собрание».⁹¹

Слушатели, опасаясь за жизнь Сорокина подали ему записку с просьбой сменить тему или вообще прекратить лекцию. Ответом Сорокина были слова: «Я привык говорить свободно и буду говорить».

После этих слов публика аплодировала оратору. Далее в газетном отчете говорилось:

«Впечатление от лекции небывало сильное. Большинство поверило в правоту его слов и благодарно ему, что

помог разобраться в насущных вопросах и указал путь из того тупика, куда нас загнала наша русская темень, беднота, отсутствие воли и энергии, отсутствие сознания национальных интересов и т.п. причины».

В июне же в Яренске проходили педагогические курсы для учителей. Перед ним выступал и Сорокин. Во время курсов было учреждено первое зырянское национально-культурное общество «Коми котыр» (Союз содействия материальному и духовному развитию Зырянского края). Для него Сорокин написал, а общество издало «Программу по изучению Зырянского края».

Возглавляли «Коми Котыр» друзья Сорокина — А.С. Сидоров и Д.А. Батиев, а также М.И. Калимов и Н.И. Седьяков, но просуществовало общество недолго. Только до осени 1918 г...

К началу июля в Вологде, Великом Устюге и Котласе все было готово к началу восстания...

... Но 4 июля преждевременно началось (из-за провалов в Москве) и было разгромлено восстание в Ярославле, подготовленное полковником А. П. Перхуровым из «Союза защиты Родины и свободы» Б. В. Савинкова. Вологодская губерния, а вместе с ней и Северо-Двинская, были объявлены на военном положении. В течение двух недель большевиком удалось подавить восстание. Сам город был разрушен. Сотни людей расстреливались в Вологде, Великом Устюге, Котласе. Восстания здесь поднять не удалось.

В Великом Устюге был создан Чрезвычайный Революционный штаб во главе с военным комиссаром И. М. Шумиловым. 13 июля Шумилов направил в следственную комиссию при Великоустюгском Совдепе распоряжение:

Предлагается Вам в срочном порядке произвести предварительное следствие по контрреволюционной деятельности граждан: Городецкого, П. Сорокина, учителя Рязанова и доктора Барышева и, если нужно, подвергнуть их аресту.⁹²

29 июля Председатель следственной комиссии Н.А. Попов постановил:

Н. В. Городецкого (бывший судья окружного суда), Питирима Сорокина, учителя Рязанова и доктора Барышева заключить под стражу.

Вероятно, в августе Городецкий и Барышев были арестованы. 21 ноября их, судя по протоколу заседания губернской СевероДвинской ЧК, подписанному председателем Губчека Г. Ф. Линдеманом, на основании амнистии в честь Годовщины Октябрьской революции, освободили из тюрьмы и отправили в концлагерь до конца Гражданской войны.⁹³

Уездная ЧК Усть-Сысольска 20 августа арестовала в селе Кочпом под Усть-Сысольском, Ольгу Керенскую с детьми, но расстрелять жену бывшего председателя Совета министров Российской республики не посмели и вскоре выпустили.⁹⁴

Усть-сысольский историк А.А. Цембер сохранил имена некоторых, расстрелянных соратников Сорокина. В середине 1920-х годов, когда волю к правде в России еще не доуничтожили Цембер писал:

«28 сентября 1918 г. Н.И. Митюшев был расстрелян за организацию восстания против Советской власти и за агитацию за Временное правительство, по приговору Революционного полевого трибунала при штабе командующего Котласским районом вместе с Усть-Сысольскими гражданами Александром Веллингом, Леонидом Лениным, Степаном Клочковым, Андреем Харьюзовым, Василием Городецким, Иваном Петроканским и Василием Сидоровым».⁹⁵

В Яренске уездная ЧК арестовала 14 сентября председателя Исполкома эсера Д. И. Козлова.⁹⁶ Новый исполком возглавил большевик Павел Покровский.

В начале сентября вместе еще с одним заговорщиком «А. В. Т.» (так Сорокин обозначил его в своей книге «Голод как фактор»), Сорокин из Великого Устюга ушел в леса, надеясь через Печору и Мезень дойти до Архангельска, где в результате успешного антибольшевистского переворота 2 августа, было создано правительство во главе с Н. В. Чайковским. Сорокин должен был занять в нем пост управляющего (министра) народного образования..

В воспоминаниях, опубликованных в 1923 в Париже, Сорокин упомянул еще одного из своих великоустюжских соратников.

«Студент Двужильный, бедняк из бедняков, схвачен в одной деревне и расстрелян, как «буржуй» и «враг народа».⁹⁷

Северо-Двинская губчека была создана в Великом Устюге 14 августа, через 6 дней после объявления в губернии чрезвычайного положения. Разместилась губчека в помещении бывшего Общественного собрания (угол Торгового переуллка и Успенской улицы), и затем перебрались в особняк купцов братьев Чебаевских у Земляного моста. ЧК не только расстреливала, но и регулярно, для запугивания населения, печатала сообщения о расстрелах в местной газете. Благодаря им можно установить судьбы соратников Сорокина. Так 4 сентября Северо-Двинская ЧК сообщала:

«...в ночь на 1 сентября в час ночи был расстрелян белогвардеец, организатор восстания в городе Великий Устюг — бывший офицер Петр Юрьевич Двужильный. Двужильный разрабатывал план захвата власти в городе путем организации белой гвардии из офиценов и местного студенчества. < > План был широко задуман и разработан, но внезапный обыск на даче Запаловых 14 августа предупредил и расстроил весь план < >. Петр Юрьевич Двужильный был арестован в деревне «Конечной» Нестеферовской волости в доме гражданина Григория Ивановича Бороздина 30 августа в 12 часов ночи, когда он уже лежал и спал на сеновале...»⁹⁸

По этим опубликованным чекистским данным за сентябрь-ноябрь в Великом Устюге был расстрелян 51 человек...

Перед «октябрьским» торжествами» 1918 г., был расстрелян и друг Сорокина — Петр Николаевич Зепалов. П.Н. Зепалова много лет спустя Сорокин упомянул и в своих американских мемуарах. Еще почти полвека спустя в чекистских архивах удалось найти материалы о последних днях жизни этого друга Сорокина. Как и Сорокин Зепалов пытался обратиться в уже

освобожденный от большевиков Архангельск, был арестован чекистами 13 октября 1918 г. в районе Пермогорья. На допросе 22 октября Зепалов показал:

«Из Устюга ушел 20-го июня. Был приказ чтоб арестовать меня, а в это время я находился вне города и когда узнал о приказе, то я больше не возвращался в город. И скрывался в лесу около города, т.к. мне не хотелось попадать в тюрьму. Когда мне нельзя стало скрываться в пределах Устюжского уезда — то оттуда вышел, не имея определенной цели куда пойти. Это было недель шесть тому назад. Цель была одна только скрыться от ареста. Во время моего скитания я заходил в город Устюг к одному знакомому, которого я указать не могу. В это время еще пришел один товарищ, которого тоже не могу указать, и дал мне паспорт. Я убедительно просил сказать мне откуда он достал паспорт, но мне не говорили. А этих лиц я указать не могу по своим убеждениям. Люди они интеллигентные. Сначала я от Устюга ушел к Сухоне. Потом ушел в Никольский уезд по тракту верст за сто. Но мое пребывание там открыли. А дальше не пошел потому, что не хотел уходить от города далеко. Жил большую часть в лесу, только несколько раз заходил к крестьянам, чтобы купить провизии. В Красноборск я попал недели три тому назад. Но там не жил, только проходил мимо а также и Пермогорье. Из Пермогорья прошел на реку Устье. А там хотел пройти до Кадникова, а дальше хотел пройти до Москвы. Там хотел работать не вмешиваясь в политику, а зарыться в научные книги, так как политика надоела. Но я не допускал мысли пройти в Архангельск. А просто я только скрывался. «Социал демократической партии (меньшевик), в партии состоял с 1908 года, сидел в тюрьме 2 раза. На военной службе не был. Во время февральской революции был в Москве. В Москве в советских учреждениях не работал, из Москвы приехал в Устюг и был выбран с участием учащейся молодежи, прошел членом в Устюжский исполком. А также был выбран объединенным советом комиссаром Юстиции. Октябрьская революция застала меня в Устюге. К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно и нам казалось, что пролетариат будет разбит. На собрании я

говорил и открыто критиковал некоторые действия и распоряжения советской власти. В Учредительное Собрание был выставлен кандидатом объединенным большевистско-меньшевистской партии Вологодской губернии. Вел открытую агитацию за Учредительное Собрание, за список №2. Писал статьи, в которых критиковал советскую власть. С декретом социализации земли был не согласен. А также к декрету контрольного производства, относился критически, относительно организации комитетов деревенской бедноты сначала к этой организации относился критически.

И у меня даже на эту тему была приготовлена статья, но потом я понял иначе и с этой организацией был согласен. Относительно настоящего владельца паспорта, то я его не знаю. Показать больше ничего не могу. Показание свое читал».

Далее собственноручно Зепаловым написано:

«Имею еще добавить, что идею власти Учредительного собрания я считаю в сильной степени скомпрометированной и нежизнеспособной. Советскую власть считаю вполне жизнеспособной и соответствующей созданию трудящихся масс России. Показать больше ничего не могу. Показание свое читал.

Петр Зепалов».⁹⁹

Первоначально дознание по делу Зепалова проводил сотрудник Архангельской губчека Швецов. В Великом Устюге Зепалова допрашивал следователь Северо-Двинской губчека В. Дубровин. 25 октября в день «Великого Октября» дознаватель записал в деле:

«...гражданин Зепалов подлежит расстрелу».

4 ноября Губчека на своем заседании приняла постановление:

«По делу №90, гражданина Зепалова Петра Николаевича, редактора газеты «Волна»

1) за напечатанные в газете «Северо-Двинский край» №163 статьи «Мертворожденный декрет», — как непризнающий декреты Совета Народных Комиссаров

2) скрытой агитации против Советской власти

3) открытой агитации в печати

4) побег из под ареста с подложными документами постановлено расстрелять

**Председатель ГЧК П. Лукьянов,
члены комиссии**

(три подписи, неразборчиво — Ю.Д.)

секретарь комиссии — Влад Виленчик

4 ноября 1918 г. В.-Устюг

Приговор привести в исполнение поручается товарищу Цывареву.¹⁰⁰

И последний лист дела

4 ноября Северо-Двинский ЧК

«Довожу до вашего сведения, что приговор над Зепаловым приведен в исполнение.

**Командир 1-го коммунистического
боевого отряда П. Брун.**¹⁰¹

Петру Зепалову было всего 26 лет, когда его расстреляли. Незадолго до смерти у него вышла первая монография «Очерк истории законодательства о бродяжничестве и нищете во Франции» (Великий Устюг. 1917 г.)*

В «Предисловии» к этой книге профессор С.В. Познышев¹⁰² писал: **«Будем надеяться, что за этим первым трудом юного автора, последуют другие его работы над тем же сложным вопросом, одну страничку которого он изложил в настоящем сочинении».**

Сам Зепалов надеялся, как он писал в своем «Предисловии» (помеченном 10 декабря 1916 г. Москва), **«...в ближайшем будущем проследить эволюцию понятия**

* В апреле 2002 г. я заказал эту книгу П.Н. Зепалова в Петербургской «Публичке». Все листы книги оказались «не разрезанными». То есть за 85 лет к ней не прикоснулся ни один читатель...

и наказания преступного бедняка во всех главнейших законодательствах»*

В августе-сентябре Сорокин сам несколько раз выступил по вопросам положения России и преступлений большевиков. В сыктывкарском архиве сохранилось описание одного такого выступления в Яренске:

«Идет уездный съезд учителей. На яренском горизонте появляется профессор Питирим Сорокин, «краса и гордость уезда», член Учредительного собрания, теперь изгнанный из СССР и гуляющий в «Свободной Америке». Митинг в столовой военного сборного пункта. Профессор читает двухчасовой доклад о положении страны и революции, призывает громы и молнии на головы большевиков. Зовет слушателей во имя культуры и революции на борьбу за Учредительное собрание против большевиков. Дощатые стены столовой дрожат от аплодисментов и оваций «профессору». Профессор торжественно сходит с трибуны, а вскоре и с арены общественной жизни. Никто не решился выступить оппонентом «профессору». «Пороху» не хватило».¹⁰³

29 октября 1918 г. в Велико-Устюжской губернской газете «Крестьянские и Рабочие Думы» было опубликовано знаменитое «Отречение» Питирима Сорокина, в котором он заявлял о выходе из партии эсеров и отказе от звания члена Учредительного собрания.

**Письмо в редакцию
«Крестьянские и рабочие думы»**

Сим довожу до сведения граждан избирателей Вологодской и Северо-Двинской губернии членов партии — с-р, что я: 1) отказываюсь от звания члена Учредительного собрания и всех прав и обязанностей, связанных с этим званием. 2) выхожу из состава партии социалистов-революционеров.

Основные мотивы, побудившие меня к этому шагу, таковы: 1) ввиду резко изменившихся, со времени выборов

в Учредительное собрание политических и социальных условий страны, а равно и политического настроения народа, я не могу считать себя правильным выразителем воли народа. 2) ввиду того же обстоятельства и чрезвычайной сложности современного внутригосударственного положения я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс.

При таких условиях каждый честный общественный деятель обязан сделать для себя надлежащий вывод, а именно: обязан отказаться от политики и прав и обязанностей политического работника. Этот отвод настоящим письмом я и делаю.

Сказанное объясняет и мой выход из партии социалистов-революционеров, раз я отказываюсь от всякой политической деятельности, то, естественно, я не могу состоять ни в какой политической партии, с одной стороны, числиться в партии мертвой единицей, с другой нести ответственность за ее политику.

К этим общественно-политическим мотивам должен еще присоединить мотив личного характера. Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. Истекший год революции научил меня одной простой истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезной, но и может быть общественно вредной, работа же в области науки и народного просвещения — всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпохи коренного переустройства всей государственной и общественной жизни.

Этой работе, от которой на год с лишним я был оторван событиями и которую считал делом всей жизни, я отдаю отныне все свои слабые силы.

**Привет-доктор Петроградского Университета
и Психоневрологического Института, бывший член
Учредительного Собрания и бывший член партии
социалистов-революционеров
Питирим Сорокин.**

* В 2003 г. по моему заявлению Вологодская областная прокуратура реабилитировала Зепалова...

От редакции: помещая письмо гр. Сорокина, обращаем внимание товарищей на целый ряд соглашательских перлов, щедро рассыпанных в этом письме.

1). Гр. Сорокин не считает себя «правильным выразителем воли народа в силу изменившихся условий страны». Очевидно, гр. Сорокин все же считает, что он был выразителем воли народа, что Учредительное собрание было органом выявления народных стремлений. Ясно, что гр. Сорокин не отказывается от идеи Учредительного собрания.

2). Моменты жесточайшей схватки трудовых масс с капиталом гр. Сорокин определяет лишь как чрезвычайное сложное внутреннее и международное положение страны. Но раскаявшийся соглашатель не хочет видеть в диктатуре пролетариата смертный приговор его партии.

Соглашатель хочет скрываться за бюст не партийной науки, в храме народного просвещения. Гр. Сорокин заявляет, что не может состоять ни в какой политической партии.

Мы говорим гражданину Сорокину: «Вы хотите укрыться, не сознавши<сь> в ваших ошибках. Двери науки закрыты для тех, кто жалким лепетом о своей партийности, не хочет помочь революционному пролетариату. Наука не нуждается в таких «тружениках».¹⁰⁴

20 ноября письмо было перепечатано центральной большевистской «Правдой».

В тот же день Ленин, выступая перед ответственными большевиками на вечере, устроенном в его честь в кинотеатре «Арс», заявил: **«Это письмо представляет из себя чрезвычайно интересный человеческий документ».**¹⁰⁵ Всю свою речь Ленин посвятил Сорокину. На следующий день в «Правде» была опубликована статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина», в которой вождь писал:

«Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный «человеческий документ». Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики,

убеждавшиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, «выдумать» какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин не прав, когда пишет, что работа в области науки «всегда полезна». Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны открытое заявление видного, т. е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики — есть тоже политика. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы.

Политическое значение письма Питирима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико».¹⁰⁶

22 ноября и «Правда» и «Известия» опубликовали речь Ленина, произнесенную в «Арсе»... 28 ноября в той же «Правде» была опубликована статья одного из главных большевистских агитпроповцев, литературного чекиста Л. С. Сосновского «Питирим Сорокин и Евгений Трупп». Пропагандистская машина завертелась...

Представляет интерес вопрос: Питирим Сорокин написал «отречение» в тюрьме или на свободе? Сам он в своих воспоминаниях «Долгий путь» этот вопрос обошел стороной.

В бывшем партийном архиве КПСС Вологодской области (ныне Архив новейшей политической истории), в фонде Северодвинского губкома РКП(б), я обнаружил неизвестное письмо П. Сорокина, из которого следует, что даже в день публикации «отречения» в Велико-Устюгской газете он еще находился на свободе.

Вот этот документ:

В Северо-Двинское бюро партии коммунистов.

Я отправляюсь сейчас добровольно, без вызова в ЧК для того, чтобы дать объяснения в моей политической деятельности и предоставить себя ее суду, если в моей деятельности будет усмотрено преступление. Наряду с Чрезвычайной комиссией считаю необходимым дать эти объяснения и бюро партии коммунистов как партии правящей, несущей на своих плечах весь труд великого строительства социалистической России, и просить партию коммунистов дать мне возможность открыто работать под ее контролем в области культурно-просветительной работы на пользу Советской Республики.

Мотивы моей просьбы таковы: хотя с декабря 1917 г. я почти прекратил политическую работу и с этой целью приехал сюда в начале июля, однако тот факт, что я был против октябрьского переворота, носил звание члена Учредительного собрания, числился в партии социалистов-революционеров и, наконец, в июне здесь выступил два раза с речью, заставили меня быть в стороне от народа, опасаться наступления событий в Архангельске ареста и потому принуждали меня, начиная с конца августа, делать вид, что я скрываюсь, фактически же из этих трех месяцев я прожил два в городе и около месяца в лесу. Теперь такое состояние стало для меня невыносимым, оно давало повод думать, что я по-прежнему стою против Советской власти и октябрьского переворота. Между тем уже давно зародилось во мне сомнение в правильной моей старой политической позиции. Теперь, хотя и с запозданием, я пришел к выводу, что я ошибался. Подобно тысячам лиц, даже таких, как М. Горький, теперь я понял, что Октябрьская революция была началом мировой революции, что партия коммунистов делает величайшее в мире дело социалистического устройства государства и потому всякий социалист, всякий честный человек обязан не тормозить это великое дело, а помогать ему. В развернувшейся борьбе социализма с капитализмом я, сын пролетария и крестьянки, не могу быть в рядах империалистов, а должен быть в рядах трудового народа. А для этого выход один: нужно признать открыто свои политические ошибки и отказаться от старой платформы, ибо она силою событий

толкнула в стан империализма. Это доказывается историей всех коалиционных антибольшевистских правительств: в итоге их у власти становятся генералы, реакционные капиталисты, с которыми быть мне заодно неестественно и недопустимо.

Придя к таким выводам, я решил покончить с моим политическим прошлым. С этой целью я: 1. Публично отказываюсь от звания члена Учредительного собрания. 2. Вышел из партии социалистов-революционеров. 3. Иду в Чрезвычайную комиссию.

Дальнейшее скрывательство для меня становится нравственно невыносимым и политически бессмысленным, ибо оно давало бы повод думать обо мне, что я держусь все еще старых политических воззрений, ибо оно отрывало меня от трудового народа, ибо оно не давало мне возможности принять посильное участие в деле строительства социалистической Родины.

Таковы вкратце мотивы моих действий.

Напрасно поэтому редакция «Крестьянских и Рабочих Дум» обвинила меня в том, что я не сознаюсь в своих ошибках. Все мое письмо в редакцию есть сплошное сознание в своей ошибке, чем и вызван отказ от политики, ибо плохой политик, каким я был, не должен быть политиком: не права редакция в том, что я хочу укрыться за беспартийность. Из партии социалистов-революционеров я вышел, ибо не хочу нести ответственность за ее политику. Если бы после этого я сразу же стал проситься принять меня в коммунисты, то это было бы неискренне, фальшиво и недостойно меня, ибо нельзя партии менять, как перчатки, оскорбляло бы и партию коммунистов, ибо право на звание члена любой партии надо заслужить. Вот почему я в письме и заявляю, что я не могу состоять ни в какой партии, а хочу быть полезным социалистической родине в иной, не политической области, в частности в области научной и культурно-просветительного творчества: здесь, быть может, я сумею принести больше пользы.

Таковы вкратце мои мотивы и такова моя просьба к партии коммунистов. Зная, что не в духе партии пролетариата карать за прошлые политические ошибки, вызванные

ошибочно понятыми, но честными мотивами служения народу и социализму, и не имея за собой политических преступлений в настоящем, я позволю себе надеяться на то, что товарищи коммунисты по-человечески примут меня и помогут мне в удовлетворении моей просьбы, от чего никто не теряет: ни власть, ни партия коммунистов, ни пролетариат, ни я.

Приват-доцент Петроградского университета
Питирим Сорокин¹⁰⁷

Как видим из письма, П. Сорокин ни в чем не кается перед Советской властью и не говорит никаких похвал в ее адрес. В. И. Ленин, а впоследствии «сменовеховцы» и бесчисленные советские пропагандисты использовали «отречение» П. Сорокина в своих политических целях...

Только всероссийская известность спасла Сорокина от расстрела в Великом Устюге. Ленин поручил своим секретарям выяснить судьбу Сорокина. Те связались с Вологдой. В государственном архиве Российской Федерации, в Москве сохранился ряд документов, связанных с освобождением П. А. Сорокина из Велико-Устюгской тюрьмы

Москва. Кремль
Управление делами
Из Вологды
Прин(ято) 26.XI
Тов.Элиава

ТЕЛЕГРАММА

На запрос тов. Элиава по прямому проводу Устюгские товарищи: председатель Северодвинского Губисполкома Сегаль и председатель Чрезвычайкома Линдемман сообщили следующее: «Сорокин находится сейчас в губернской тюрьме. 30 октября Сорокин явился добровольно в Северодвинский Чрезвычайком и был тогда же арестован. По этому поводу запрошена Москва, Всечрезвычайком, как поступить. Дело следствием не закончено, о дальнейшем направлении его дела запрошены Московская и Петроградская чрезвычайком(иссии), от которых получен ответ. От Московской — держите крепче у себя, и от Петроградской:

дело Сорокина и его самого переслать к нам в Петроград. Письмо написано им и передано в редакцию, когда он находился еще на свободе, дней за пять до его явки в чрезвычайком(иссию). Документов, компрометирующих Сорокина, у Чрезвычайкома нет. Имеются лишь показания его самого, что он до ареста с июля до октября по день ареста скрывался в лесу. Сегал. Линдемман».

Я просил дело следствием продолжать, но до распоряжения из Москвы ничего не предпринимать в отношении Сорокина.

Председатель Волгубисполкома Ветошкин.¹⁰⁸

Этой телеграмме предшествовал телефонный разговор между Шалвой Элиавой (член ВОЛОГОДСКОГО губисполкома, который в это время находился в командировке в Москве) и председателем Вологодского губисполкома М.К.Ветошкиным. Оба они — студенческие друзья Сорокина.

26 ноября 1928 г.
У аппарата Элиава.

ЗДРАВСТВУЙ, МИХАИЛ КУЗЬМИЧ.

Прошу немедленно запросить Великий Устюг о Питириме Сорокине.

Владимир Ильич интересуется этим делом. Необходимо узнать, где Сорокин сейчас, если арестован, то когда и за что, что ему грозит, есть ли какое-либо [решение] о направлении его дела. При каких условиях написано его письмо в редакцию. Сведения эти должны быть даны сегодня к 8 часам вечера по петроградскому времени. Записку адресуй в Кремль, Управлению делами, для меня. Сообщи положение дел в Вологде, губернии и на фронте. Я приеду на будущей неделе, на губернском съезде Советов буду обязательно.

Сегодня вечером жду точных сведений о судьбе Сорокина. До свидания. Элиава.

Кроме того М.К. Ветошкин сообщил:

О Питириме Сорокине немедленно [дали сведения] чрезвычайком и исполком, но могу сообщить следующее: третьего дня я виделся с председателем губисполкома Шумиловым, с секретарем комитета партии Клясом, от которого узнал, что Питирим Сорокин через два дня после присылки письма в редакцию явился к Клясу, весь обросший бородой, в потрепанной одежде, и заявил, что [его] побуждает признать свои ошибки то политическое настроение масс, которое он наблюдал, особенно среди крестьян. Он решил поэтому прекратить свою борьбу с Советской властью и уйти от политики, отдаться науке. Тов. Кляс направил его в губернскую чрезвычайкомиссию на ее распоряжение, где Сорокин был арестован. Косвенно знаю, что у комиссии есть сильно компрометирующие Сорокина сведения. Кажется, чрезвычайкомиссия хотела препроводить Сорокина в Москву.

Незадолго перед Октябрьскими торжествами 1918 г. в Устюге расстреляно несколько человек, в том числе известный нам Петр Николаевич Зепалов, оставленный при Московском университете при кафедре уголовного права. Говорят, расстрел произвел крайне тяжелое впечатление в городе. Боюсь, того не случилось бы и с Сорокиным, у которого несомненно больше вины, чем у Зепалова.

Северо-Двинская чрезвычайкомиссия воспользовалась для своих действий отсутствием в Устюге местных партийных и советских лидеров Калабушева, Шумилова, Кляса, которому теперь по возвращении придется расхлебывать заваренную кашу.

Лично считаю расстрел Зепалова актом большой политической бестактности. Калабушев и Шумилов, а также Кляс создали в губернии своей разумной работой великолепное настроение, достигли больших организационных результатов. Боюсь, что эта бестактность много испортит из того, что с таким трудом достигнуто».¹⁰⁹

В итоге всех этих переговоров между Москвой, Вологдой и Великим Устюгом Сорокин, под конвоем великоустюгских чекистов во главе с Я. Петерсоном, был доставлен в Москву и освобожден.

И еще один человек участвовал в освобождении Сорокина.

«Сегодня дверь моей камеры внезапно открылась и вошел комиссар юстиции. Мне говорили, что он был питерским рабочим и сравнительно порядочным человеком. Он тщательно закрыл дверь и, понизив голос сказал мне: «Гражданин Сорокин, сейчас вы — наш враг, но я помню ваши лекции в рабочей школе в Петрограде перед революцией. Они очень много дали нам, а вы по-настоящему помогли рабочим».

— Боюсь, что я плохо учил вас, если вы, мои студенты, оказались вместе с коммунистами.

— Не будем понапрасну спорить, — ответил он. — Несмотря на ваши теперешние взгляды, думаю, что вы могли бы быть полезны стране как ученый. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти вас, хотя надежды почти нет. Не говорите никому о нашей встрече. До свидания.

Дверь закрылась. Странный человек этот комиссар, но, во всяком случае, не трус. Если его товарищи из чека узнают о визите ко мне, он быстро окажется на моем месте.¹¹⁰

«Неизвестным комиссаром» был Ефим Максимович Микеров, Петроградский рабочий, заведовавший в 1918 году Северо-Двинским губотделом юстиции...

В своих родных местах Сорокину уже больше не довелось побывать. Хотя возможность такая была. В 1919 г. в Великом Устюге был открыт университет, и Сорокин получил приглашение участвовать в его работе.

В Велико-Устюжском архиве сохранилось письмо Сорокина, отправленное 3 декабря 1920 г. из Царского Села.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Благодарю Вас за приглашение в Велико-Устюгский университет. Мне нет надобности уверять Вас в том, что открытие университета в моем родном городе — факт в высшей степени отрадный и радостный для меня. Вы поверите и тому, что я по мере сил готов содействовать

его устройству и развитию. Но, несмотря на все это, переезжать совсем в Устюг я не могу. Во-первых, этому мешают принятые мною на себя обязательства здесь. Я не могу бросить занимаемую мною кафедру — кафедру социологии в здешнем университете, в сельскохозяйственной академии, в институтах народного хозяйства и живого слова и чисто исследовательскую работу в институте мозга. Не могу этого сделать и юридически, и морально. Во-вторых, и не хочу этого сделать. Для моих аудиторий потеря меня или мой отъезд был бы большой потерей. Едва ли они отпустят меня. В-третьих, масштаб и суть моей работы настолько широки, особенно с предпринятой мною «Системой социологии», что они не вполне выполнимы даже здесь, при питерских богатых библиотеках и научных силах. Для надлежащего выполнения их приходится ехать за границу. Естественно, что в Устюге выполнить эти научные задачи невозможно. Если бы я не чувствовал в себе сил и не имел оснований полагать, что эта моя работа получит крупное научное значение, тогда, конечно, другое дело. Но такие основания я имею и потому пожертвовать этой работой я не могу. Наконец, Вы вполне поймете и то, что для каждого серьезного ученого ценно и необходимо быть в центре ученой жизни, наиболее крупных ученых сил и занимать кафедру в самом крупном и славном своими заслугами университете, каким был и, конечно, остается рядом с Московским Петроградский университет. Если бы я понимал свою работу только как популяризатора знаний — тогда дело бы обстояло просто.

Но для разработки ее вглубь — задача более ценная, чем популяризация, — необходим центр, плюс за граница. По всем этим мотивам я совсем переселиться в Устюг не могу. Не могу даже приехать на время для чтения цикла лекций теперь. Единственное, что я могу сделать, это приехать на 3–4 недели летом (если не удастся уехать за границу) и прочесть курс лекций в этот период, с одной стороны, с другой — помочь Вам своими научными связями и советом. Я поговорю кой с кем из здешних ученых, не поедут ли они, хотя полагаю, что оставшиеся (от вымира-

ния и бегства за рубеж) серьезные ученые вряд ли поедут.* Большие надежды на поездку летом.

Что касается ученых третьестепенных, то и их очень мало, ибо они уже разъехались по провинциальным университетам и институтам. Затем смогу выполнить те или иные поручения, если они не потребуют слишком много времени. Вот все, что я могу сделать. Если что нужно — напишите. Позвольте еще раз поблагодарить за предложение и пожелать всяческого успеха начатому вами культурному очагу знаний.

Проф. П. Сорокин
Адрес: Петроград, Васил. остр.,
8-я линия, д.31, кв.5
(на всякий случай телефон: 500-35).¹¹¹

Впрочем, «скороспелый» Северо-Двинский университет в Великом Устюге долго не просуществовал, с 1 сентября 1921 г. он был закрыт. Что представлял из себя этот «университет» написал С.С. Маслов, многолетний соратник Сорокина:

«Вот Велико-Устюгский университет. Во главе его стоит некто Горовой — человек с уголовным прошлым (сжег дом, чтобы получить страховую премию, украл у любовницы деньги, были и еще какие-то «художества»). Прошрое его всем известно, но Горовой (теперь коммунист) — ректор, ибо он обладает по официальной оценке местных властей «организационными способностями». Лекции, как правило, читали учителя средних учебных заведений, агрономы и лица, никогда не имевшие никакого отношения ни к ученой, ни к преподавательской деятельности».¹¹²

Отмечу еще, что в предисловии к изданному в 1919 г. Ярославским кредитным союзом кооперативов «Элементарному учебнику общей теории права, в связи с теорией государства», Сорокин помянул, что писался учебник летом 1918-го года, а опубликованную в 1920 г. «Систему социологии» посвятил учителям — М.М. Ковалевскому, Е. В. Де-Роберти и расстрелянному другу — Петру Николаевичу Запалову.

* Занять кафедры в Северо-Двинском университете изъявили желание: Глубоковский Н.Н., профессор Петербургского университета, член-корреспондент АН и Зорин С.М., профессор и инспектор Петроградской Духовной Академии.

И еще два любопытных документа из архивов.

16 января 1965 г.

**Начальнику Управления КГБ при СМ СССР
по Вологодской области подполковнику
Чурсинову Н. П.**

Нами сделана запись воспоминаний Брука Якова Михайловича 1888 г. р., члена КПСС с 1904 г., работавшего в ВЧК с 1918 г., с конца 1918 г. по октябрь являвшегося председателем Вологодской ЧК. Товарищ Брук сообщил, что в конце 1918г. или в начале 1919г. на его имя поступила телеграмма В. И. Ленина о немедленном освобождении из под ареста и сопровождении в Москву П. А. Сорокина.* Телеграмма была переправлена в Северо-Двинскую ЧК в Великий Устюг, где был арестован Питирим Сорокин. Для уточнения воспоминаний товарища Брука просим разыскать в архивах телеграмму Ленина.

**Начальник Управления КГБ
по Куйбышевской области
И. Кинаров.¹¹³**

В Вологде поиски телеграммы Ленина не увенчались успехом. Тогда вологодские чекисты обратились к архангельским коллегам — может, у вас? Тоже безрезультатно.¹¹⁴

А была ли телеграмма вождя? Может Брук ее придумал? То, что телеграмма была и ее надо бы все-таки отыскать говорит следующий чекистский документ; сохранившийся в Велико-Устюжском архиве:

Заведующему Исправительным Домом.

Согласно постановлению Комиссии и Согласно телеграмме из Москвы от Предсовнаркома Ленина, просим сдать арестованного Питирима Сорокина, предьявителю сего, для отправки его в Москву, во всероссийскую Чрезвычайную Комиссию.

**Зав. отделом Шергин
Секретарь М. Бергис.
28 ноября 1918 г.¹¹⁵**

* Куйбышев с 1991 г. вновь Самара. УКГБ теперь УФСБ, но воспоминаний Брука саратовские чекисты мне не прислали...

В автобиографической заметке, написанной в начале 1970-х бывший зав. Отделом по борьбе с контрреволюцией Северо-Двинской губчека П.И. Жерихин, писал, что кроме личного секретаря Керенского — Сорокина, он, Жерихин, в 1918 г. отправил в Москву, бежавшего из Бутырской тюрьмы генерала Сандецкого, М.А. Журавского, англичанина Уатта и других.¹¹⁶

...В Москве народный комиссар просвещения А. В Луначарский предложил Сорокину работу в комиссариате народного просвещения Северной области (Союз коммун Северной области был создан по инициативе Г. Е. Зиновьева и включал в себя Архангельскую, Вологодскую, Петроградскую, Новгородскую, Олонецкую, Псковскую и Череповецкую губернии. Территория — пол-Европы).

По воспоминаниям Елены Сорокиной ответ мужа был такой:

...я благодарен Ленину и Вам за сохранение моей жизни», сказал Питирим Луначарскому, но отклонил предложение и указал, что он потерпел поражение в борьбе с коммунистами, но его идеи в образовании остались неизменными, отличными от коммунистических, и поэтому он попросил разрешить делать научную работу в избранной им области — социологии.¹¹⁷

Еще более интересный факт (если он был в действительности), приводит в своих воспоминаниях, написанных в 1960 году, старая чекистка А.А. Потапова. Была, оказывается, и телеграмма Питирима Сорокина Владимиру Ленину...:

«В бывшем Яренском уезде Северодвинской губернии (на Удоре, Вашке, Мезени) возникли контрреволюционные восстания осенью 1918 года. Идейным вдохновителем и организатором этих восстаний был известный прихвостень империализма Питирим Сорокин. Питирим Сорокин родился в с. Гаме. Мать коми, а отец неизвестен. Был люмпен-пролетарием, в детстве нищенствовал. С помощью меценатов окончил межевое училище. При содействии своих единомышленников — яренских эсеров в 1917 г. он был избран в учредительное собрание. после

разгона учредительного собрания скрывался в Яренском уезде. При содействии Батиева и др. эсеров организовал кулацкое восстание на севере Яренского уезда. Батиев тоже происходил из села Гам, то же не имел отца и также нищенствовал, а затем уже при содействии Питирима Сорокина окончил межевое училище. Эта роковая дружба принесла много вреда Коми народу не только в эти годы, но и позже, когда в 1921 году Батиев, уже влезший в Коммунистическую партию, был заместителем председателя обревкома. Осенью 1918 г. Питирим Сорокин был пойман органами Губчека.

Председатель Губчека Сорвачев В.И. хотел расстрелять Питирима Сорокина, но последний попросил разрешение послать телеграмму В.И. Ленину с раскаянием В.И. Ленин помиловал Сорокина и написал свою известную статью: «Ценное признание Питирима Сорокина».¹¹⁸

В феврале 1999 года в Сыктывкаре побывал один из его сыновей — Сергей Питиримович Сорокин. Что чувствовал американец, оказавшийся на «малой» родине отца?

Отчет в архангельской газете.

«Держался он под раздражающе ярким светом ламп вполне невозмутимо, не улыбался по-американски широко, и было видно по всему, что такое почтение принимает без особого удовольствия. Уже потом, в конце встречи, отвечая на вопросы, он скажет, что может быть потом, еще раз приедет в эти края. Но только обязательно без журналистов и телекамер, чтобы поближе познакомиться с этим народом, с природой этих мест.

В ответах на вопросы гость был сдержан, как обычно бывает сдержан человек, впервые очутившийся в незнакомой стране. Сидя спиной к огромному барельефу Ленина — политического противника его отца, — односложно отвечал на вопросы: да, поездка произвела впечатление, по рассказам отца все представлял немного другим.

О чем же он думал на самом деле, когда его торжественно, в центре большой свиты возили по запущенным, забытым деревенькам Турья и Гам, где родился и жил его отец? Может быть, удивлялся странным национальным

особенностям нашей памяти, которая вдруг вспыхнув, одаривала заморского гостя, уже типичного американца, хоть и с русским именем и фамилией, целым набором почестей. Словно пытаюсь реабилитировать себя за долгие годы забвения. Тут и музей Питирима Сорокина в Гаме, и первый памятник ему, и исполненный в народном духе «Плач по Питириму Сорокину», казалось уже, что выставленный перед участниками симпозиума скромный портрет известного ученого в простенькой рамочке превращается в некое подобие иконы».¹¹⁹

Питирим Сорокин принимал участие в открытой антибольшевистской борьбе в ее начальный период. В 1923 г в парижских «Современных записках» он опубликовал рассказ об этом, а более детально рассказал в англоязычных воспоминаниях «Листки из Русского дневника» (1924 г.), которые до сих пор не опубликованы на русском языке. В 1944 г. в книге «Россия и США», Сорокин писал:

«Отправка американского экспедиционного корпуса в Россию, в 1917 г. была не против России, а наоборот в помощь России. Вооруженные силы были посланы в ответ на прямое приглашение различных антикоммунистических правительств и населения России в то время, когда Германия все еще угрожала России, и когда коммунистическому правительству было далеко до устойчивого положения. К тому же это были незначительные силы и их военные операции едва ли напоминали то, что можно назвать войной. Поэтому их активность ни в коем случае не являлась актом агрессии».¹²⁰

Именно в Архангельских лесах, когда скрывавшийся от большевиков Сорокин мечтал пробраться в освобожденный от них Архангельск и во сне «...почти каждую ночь разгуливал по Архангельску, Лондону или Парижу...» для него стала особенно ясной писал он уже в Праге

«...вся огромность катастрофического революционного шквала, неизжитая еще тогда почвенность большевизма, невозможность уничтожения его наружно-хирургическим путем и необходимость его «органического изжития», «внутреннего саморазложения» путем трагического, быть

может смертельного опыта самого народа. Без этого опыта ничто не научит: после него — если народ не погибнет — он будет застрахован от новых повторений. Тут же я понял всю тщету надежд на «союзников», эгоистичность их целей и безнадежность попыток военного подавления большевизма извне... Учиться у союзников и Запада нужно многому, но возлагать на них какие-либо надежды, а тем более жертвовать в связи с этими надеждами хотя бы одним человеком для их целей — глупо. Только сила, одна сила, является языком, понятным в международных отношениях... Остальное — один «нас возвышающий обман», за который приходится расплачиваться...

Много чудесных иллюзий и окрыляющих фантазий исчезло у меня за дни и ночи лесной жизни... И, по-видимому, исчезло навсегда.¹²¹

Сын Питирима Сорокина — Сергей Сорокин в письме от 9 мая 1995 года сообщил мне, что в Бостоне жила и часто приезжала к ним (в Кембридж) троюродная сестра матери — Ольга Степановна Николаевская. Она была социальным работником. Иногда приезжал и ее брат Николай, который в России окончил морскую академию, а в США зарабатывал на жизнь как художник. **«Они были для нас «тетя Оля» и «дядя Коля» поскольку у нас не было настоящих тетя и дядя в США. Их отец был окружной судья в Архангельске и они долго жили в Архангельске, хотя тетя Оля часто жила и в семье моей матери на юге в Тамбове и Крыму, и в других местах»,** — писал Сергей Сорокин.

Фамилию члена архангельского окружного суда Николаевского я знал... Сделал запрос о Николаевском в Архангельское управление ФСБ. Ответ гласил:

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Региональное Управление по Архангельской области

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Николаевский Степан Александрович, 1854 года рождения, уроженец Новгородской губернии Кирилловского

района Хотеновской волости, окончил Новгородскую семинарию и юридический факультет Петроградского Университета в 1881 году. С конца 1899 года проживал в г. Архангельске, был членом Архангельского гражданского окружного суда в чине действующего статского советника. После закрытия суда 25 марта 1918 года поступил на службу секретарем в отделе регистрации гражданских браков и записей родившихся и умерших. Женат, имел взрослых детей.

Арестован 25 февраля 1920 года, обвинялся в контрреволюционной агитации. Решения в материалах дела нет и о дальнейшей судьбе сведений не имеется.¹²²

Еще через год-два мне было выдано и само «Дело». Российская ФСБ — не американское ФБР, которое уже через месяц-два после запроса прислало мне в Архангельск свое «досье» на П.А. Сорокина (около 150 страниц машинописного текста). Разность скоростей...

«Дело» С.А. Николаевского «на 9 листах».

В графе «политическая принадлежность» «опросного листа» арестованного С.А. Николаевского записано: «Народник 70-х годов». Сохранились в деле и два документа, написанные Николаевским в камере Архангельской тюрьмы. Февраль. Мороз... Написано карандашом:

**В Архангельскую временную ЧК
от бывшего члена Архангельского окружного суда
С.А. Николаевского,
заклученного 25 февраля
в тюрьму**

«С 1860–70-х гг. прошлого столетия я был убежденным народником или народовольцем и принадлежал к той партии, члены которой оканчивали университет, шли на службу в глухие места, ближе к народу с целью бороться с царскими насильниками. Я сначала в Уфимской губернии боролся вовсю (два слова неразборчиво — Ю.Д.). Был загнан в конце концов в Архангельскую губернию. Здесь я продолжил борьбу с Муравьевской и Шегловитовской прокуратурой. Не ладил я и с председателем суда Городецким. Открыто не одобряя его действий, я искренне сочувствовал некоторым декретам Советской власти. И мною были недовольны. Поэтому я не был назначен ни председателем, ни членом следственной комиссии и лишь по финансовым соображениям стал получать в ноябре-декабре 1918 г. некоторые политические дела для

производства следствия, но все эти дела были прекращены. Мне жаль было страдающих безвинно людей. Во время революционной бури старался спасти кого мог. Так, дело о Воронине (рабочий судоремонтного завода), об Антипове, о Веселковке и Вешняковке (деревня Цигломень) < >. Вот и вся моя работа».

В Архангельское отделение
особого отдела ВЧК 6-й армии
Троицкий проспект, 106

Прошение

«Я не знаю, за что меня держат в тюрьме и в чем меня обвиняют. «Большевицкий поп», я открыто защищал разумность этого декрета (о браке). Однако вопреки здравому смыслу северные правители, в том числе и Городецкий, признавали браки недействительными. Но так как семейные несчастья сделали меня и мою семью буквально нищими (смерть зятя, пожар дома со всем имуществом < >, то я вынужден был взяться за прежнюю привычную службу члена суда. По специальности я криминалист. < >. Зимой 1917–18 гг. у меня и двух сыновей было только два пальто — зимнее и осеннее, на улицу ходили по очереди. < >. В течение года мне было поручено не более 7–8 следствий (политических). Все они были сведены мною к прекращению. < >. Даже уголовника Шевченко удалось спасти от расстрела каким-то полевым судом.

Я сын сельского дьячка, получавшего 23 рубля в год. < >. Ртов было 8 человек. Все мы исполняли сельские работы: сами умели пахать, косить, жать, молотить и пр. В семинарии я вступил в кружок народолюбцев, которые готовились идти в народ с «походными школами». По окончании курса поступил учителем в фабричную школу (3 версты от Новгорода), но через полгода вынужден был спасаться, так как один из рабочих оказался жандармским шпионом.

Тогда, в начале 70-х годов, были молодые следователи. Вводились окружные суды присяжных. И я поступил письмоводителем. Готовился к экзамену в университете. Поступив туда, я примкнул к той фракции народолюбцев, которые стремились не в школы, а к борьбе с правительственными хищниками легальным путем. В нашем окружении был и тот Подбельский, сына которого недавно хоронили. С заветами народолюбцев я служил 40 лет.

Все время вел борьбу за народ, и невзирая на сильную протекцию, которую располагал мой тесть и от которой я наотрез отказался, в конце концов угодил в «ссылную» Архангельскую губернию, где и служу 20 лет.

Перипетии борьбы мечтал и мечтаю описать и напечатать в своих воспоминаниях.

Содержание их, несомненно, многих оттолкнет от реакции. Жаль одного, что все собиравшиеся с 1883 года документы сгорели в 1917 г., но в памяти еще много сохранилось про все, что было пережито.

При таких убеждениях я определенно и настойчиво отстаивал, что принадлежность к той или иной политической партии без какого-либо конкретного уголовного факта не преступна и не подлежит преследова-

нию. Несознательных исполнителей карать за убеждения — это значит вернуться к инквизиции. В таком именно направлении я вел переданные мне дела.

Я не скрывал своих убеждений, поэтому мне не доверяли. Выйти в отставку не мог. Не было средств, а пенсию предлагали ничтожную. Правдивость сказанного легко доказать просмотром дел, которые хранятся в суде или прокуратуре, опросом лиц, состоящих в комиссии, а также и лиц, о коих я производил следствия. Ни активной, ни руководящей, ни агитаторской роли не играл, был лишь простым работником, честным и добросовестным.

Как старый народолюбец страдал лишь при виде гражданской войны. За что она? Не лучше ли было всем партиям мирно и дружно перестраивать народную жизнь? Мне 66 лет. Я больной, не скрываюсь. Об одном лишь мечтаю — удалиться на покой в родную семью и писать и печатать «воспоминания».

Внемлите же моему крику. Отпустите на волю. Перестаньте беззачитного мучить старика. Быть может я смогу еще принести пользу революции».

Степан Николаевский

И еще один последний документ из этого чекистского дела...

В отдел ЧК
Прошение от гражданки
Анны Николаевской

«...Муж мой, член окружного суда, 66 лет, был арестован. Он освободил инженера Антипина, рабочего Воронина. Муж состоял более 25 лет в службе. Все население Архангельской губернии знает его как человека демократического направления. Он постоянно вел борьбу с прокурорским надзором, упрекая их, что они служат не народу, а своей карьере. В период большевиков здесь, в Архангельске, он поступил в отдел по бракоразводному делу с юридической стороны, за что терпел насмешки от прокуратуры. Его называли «большевицким попом». Теперь, если бы он чувствовал за собой вину и опасность семье, была возможность бежать, тем более что у него на ледоколе сын служил радиотелеграфистом, но муж категорически отказался, так как не желал бежать из России. А решил помогать и работать в устройстве лучшей жизни для народа.

< >. На регистрацию* он и пошел с этой целью, чтобы его записали в интеллигентские работы. Ввиду вышеизложенного прошу его освободить. < >. Добавлю еще, что дочь его, Ольга Николаевская, была всегда партийным работником и ее лично знает товарищ Бечин и другие».¹²³

* Захватив 21 февраля 1920 года Архангельск, большевики сразу объявили, чтобы все «бывшие» офицеры, чиновники и т.д. явились в ЧК на «регистрацию». Явившихся арестовывали. Затем были Соловки, расстрел или высылка из Архангельска...

Ольга Николаевская, «тетя Оля» для сына Питирима Сорокина, действительно, в дореволюционном Архангельске была известной революционеркой, жандармское управление вело за ней слежку... Вряд ли она рассказывала в США Сереже Сорокину об этой стороне своей жизни в России.

Вышел ли Николаевский из тюрьмы ЧК, неизвестно. Знаю, что в 1921 году Анна Никитична Николаевская жила в Архангельске на улице Свободы, бывшей Полицейской (совсем рядом с отцовским домом уже умершей в 1919 году при родах Елены Михайловой, архангельской любви Питирима Сорокина),¹²⁴ и семья ее состояла из трех человек...

Летом 1918 г. предполагалось участие Сорокина в создании Сибирского университета в Иркутске.

...Осенью 1917-го Временное правительство командировало туда профессора Э.Д. Гримма для открытия юридического факультета. Законопроект о создании Восточноевропейского университета разработала специальная комиссия Петроградского университета под председательством М.М. Новикова (В.И. Вернадский, И.М. Гревс, С.Ф. Ольденбург, С.А. Догель, В.И. Бартольд, М.Я. Пергамент, Л.В. Щерба и многие другие), но не успел получить подписи и появиться в «Правительственном Вестнике»... Летом 1918 г., когда Иркутск находился под властью Временного Сибирского правительства П.В. Вологодского приват-доцент московского университета М.М. Рубинштейн в своей докладной записке этому правительству писал, что Восточная Сибирь и Иркутск ждут своего университета с 60-х годов XIX века, что в настоящее время состав профессуры определен: Густов Шпет, А.А. Фортунатов, Д.Н. Вергун — историко-филологический факультет. На юридическом факультете — А.М. Горовцев, С.В. Юшков, А.А. Боголепов, Э.Э. Понтович и П.А. Сорокин

«...социолог, ученик М.М. Ковалевского, приват-доцент Петроградского университета в качестве экстра-ординара. Ближится осень и в случае промедления Университет не откроется. Приглашенные лица и давшие обещание должны быть своевременно извещены, иначе они не связаны обещанием. < >. Таким образом надо срочно провести законопроект Иркутского Восточно-Сибирского Универси-

тета < >. Просим Временное правительство подписать. Не сомневаемся в одобрении его областной Думой».¹²⁵

Значит Сорокин из Великого Устюга поддерживал связь с Сибирью? Собирался в Иркутск? Еще одна — пока неразгаданная загадка...¹²⁶

В качестве курьеза можно привести такое умозаключение современного российского автора:

«Свой вклад в разрушение Печорского края внесли и масоны. После 1917 года группа масонов во главе с личным секретарем А.Ф. Керенского Питиримом Сорокиным приезжала сюда, чтобы отделить его от России, создав независимое государство Коми. Сам Питирим Сорокин рассчитывал стать основателем и премьер-министром нового безрелигиозного государства, которое полностью перечеркнет результат освоения этого края русскими. Однако против попытки масонского реформатора создать такое государство выступили сами коми. Сорокин со своими сторонниками вынужден был бежать».¹²⁷

ГЛАВА 3.

«НЕ ПРЕКРАЩАЛ СВОЕЙ АНТИСОВЕТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В декабре Сорокина привезли в Москву из Великого Устюга, и было совершенно неясно, как сложится его судьба: расстрел, «показательный суд»? Пронесло. По крайней мере — временно. И уже 23 декабря он получает удостоверение личности:

«Сим удостоверяется, что предъявитель сего Питирим Александрович Сорокин состоит на службе в ведомстве комиссариата народного просвещения и занимает должность преподавателя в Первом Петроградском университете».¹

Поселился Сорокин вместе с женой недалеко от Университета по адресу: Васильевский остров, 8 линия, дом 31, квартира 5, пятый этаж. Это одна из самых знаменитых квартир в Петербурге. В ней Осип Манделъштам написал: «Петербург, в декабре 1930-го, Я еще не хочу умирать...». Ныне на доме мемориальная доска в честь Осипа Манделъштама (установлена в 1991 г.)

Восьмикомнатная квартира принадлежала Марии Николаевне, супруге бывшего коллежского советника и банковского служащего Дмитрия Ивановича Дармолатова.* Брат Осипа Манделъштама — Евгений был женат на их дочери Наде и жил с ней в одной из комнат квартиры, которую большевики еще не успели превратить в «коммунальную» (таковой она оставалась и в 1991 году, когда я посетил ее — Ю.Д.). Много лет спустя Е.Э. Манделъштам вспоминал:

«А в это время на Васильевском острове мы с Надюшей наслаждались нашей семейной жизнью и дорожили каждым днем, прожитым вместе. В одной из пустых комнат огромной квартиры Дармолатовых поселились друзья Надюши: известный социолог Питирим Сорокин и его жена Лена Баратынская, близкая подруга Нади по Бестужевским курсам. Сорокин был яркой и примечательной во

многих отношениях фигурой. Уроженец далекого северного городка — Великого Устюга, он упорно добивался поставленной еще в юности цели — стать ученым. Крайне нуждаясь, он все же сумел закончить Петроградский университет и не случайно выбрал для себя такую область, как социология. Начиная с 1917 года он стал членом партии с.-р. и активно участвовал в ее деятельности в период нахождения у власти Временного правительства. Он был близок к Керенскому, очень ценившему его. В дальнейшем Сорокин разочаровался в с.-р. и вообще решил полностью себя посвятить науке.

Питирим Александрович был сильным, крепким человеком, с умным, выразительным лицом, немногословным, как многие северяне. Лена Сорокина казалась полной противоположностью мужу: изящная, стройная, с тонкими, красивыми чертами лица, общительная и веселая. Чудесная была пара, легко вписавшаяся в уклад нашей семьи с ее радостной атмосферой. Сорокин как раз в это время, в 1919 году, закончил работу над своим первым фундаментальным курсом социологии. Корректурные гранки этой книги давались на прочтение и мне, и, читая их, я впервые познакомился с социологией, значение которой сразу после революции очень возросло. Это гранки много лет лежали у нас на антресолях, и я очень сожалею, что не сохранил их.

В начале 1920 года Сорокин обратился с письмом к Ленину, в котором просил разрешить ему отъезд в Америку. Он писал, что вышел из партии с.-р. и не собирается больше принимать участие в политической жизни...».²

Родными сестрами Нади Дармолатовой были: поэтесса Анна Радлова (тоже бестужевка), жена знаменитого театрального режиссера, сына философа, директора Публичной библиотеки Э.Л. Радлова Сергея Радлова, скульптор Сарра Лебедева, Вера... В этой квартире с семьей Дармолатовых и несколькими друзьями Сорокина встретили новый — 1919-й год...

Сообщения большевистской печати о «покаянии» Сорокина, выступление самого Ленина со статьей «Ценные признания Питирима Сорокина» в «Правде» (1918 г., 21 ноября) сделало

* Д.И. Дармолатов в 1902 году был управляющим Азово-Донского банка в Ростове-на-Дону. На его адрес посылались из-за границы ленинская «Искра»...

новость об освобождении Сорокина из большевистской тюрьмы широко известной.

Одно из первых писем, полученных после освобождения, пришло от профессора государственного права Сергея Котляревского. Как и Сорокин, в 1918 г. он был участником ряда подпольных антибольшевистских организаций. Котляревский писал:

Москва, 4-го января 1919 г.

Глубокоуважаемый Питирим Александрович!

Вы, вероятно, знаете о Проекте Великого Северного Пути, о том, что образовалась комиссия по его сооружению, которая выполняет подготовительную работу. Инициатором этого проекта является А. А. Борисов, которого Вы знаете и который вместе с Ганневигом являются в настоящее время учредителями этого дела, к которому и я привлечен в качестве сотрудника. Мне не нужно Вам говорить о колоссальном экономическом интересе его и о значении, которое оно будет иметь для подъема русского Севера.

Вы, как представитель этого Севера, как человек близко знакомый с его материальными и культурными нуждами, можете особенно быть полезны в предстоящей нам всем работе. А. А. Борисов просил меня Вам написать с предложением, не войдете ли Вы в состав сотрудников, причем он рассчитывает, что Вы примите участие главным образом в литературной стороне дела, а также поможет установить связи с местным населением, особенно с зырянскими, что для Вас, как для человека, знающего зырянский язык нетрудно. Я думаю, что в настоящее время Вы сможете найти в Москве достаточно широкую возможность для научной и преподавательской работ, и в то же время войдете в дело, столь интересное и многообещающее.

А. А. Борисов предлагает Вам в случае Вашего согласия 1.500 в месяц. Само собой разумеется, сотрудничество вполне совместимо с преподавательской деятельностью и исследованиями, и литературной работой.

Если это предложение Вас привлечет, то ответьте, пожалуйста, по указанному адресу. Точно также напишите, если

у Вас будут какие-либо сомнения и вопросы, связанные с этим делом.

Будем все очень рады видеть Вас на общей работе.

Преданный Вам С. Котляревский.³

Речь в письме шла о проекте сооружения Великого Северного железнодорожного пути, который земляк Сорокина, известный художник и исследователь Арктики Александр Борисов, выдвинул до Первой мировой войны. Ганневи́г — это норвежский банкир, которому предполагалось отдать концессию на ее сооружение... Ленин уже дал согласие. Но по ряду причин предприятие не состоялось. Неизвестно, участвовал ли Сорокин в работе комиссии, в которую его приглашал Котляревский. Скорее всего нет. Да и самому Борисову в 1919 г. стало уже не до проекта. Его дом в Красноборске, картины и все имущество были конфискованы ЧК...

Историк-академик Лаппо-Данилевский в качестве председателя Социологического общества, еще в 1918 г. пытался заинтересовать социологией руководство Академии наук. Из материалов личного фонда Лаппо-Данилевского видно, что были даже создана специальная комиссия под его председательством для рассмотрения проекта устройства Института социологии при Академии наук. Подготовить проект поручили приват-доценту В.В. Степанову (статистик). На одном из заседаний комиссии присутствовали М.А. Дьяконов, Д.Д. Гримм, М.Я. Пергамент, И.А. Ивановский, В.М. Гессен, А.Э. Нольде, В.В. Степанов). Лаппо-Данилевский доложил о «Записке» Степанова. Комиссия приняла решение: Институт учредить, назвать Институтом социальных наук (В «Записке» указывалось, что подходящим для Института зданием было бы здание Александровского лицея). Составить «Записку» уже для самой Академии наук поручили Лаппо-Данилевскому, Нольде, Степанову и представить ее для доклада в АН 5 июня 1918 г. ...⁴

Дальнейшая судьба этого института остается неизвестной...

Здесь же, в фонде Лаппо-Данилевского сохранился и список членов Русского Социологического Общества имени Максима Максимовича Ковалевского, относящийся к 1916 году:

1. **Андреев Николай Николаевич**
2. **Бернадский Михаил Владимирович**, проф.
3. **Бехтерев Владимир Михайлович**, проф.
4. **Вагнер Владимир Александрович**, проф.
5. **Васильев Александр Васильевич**, проф.
6. **Виноградов Павел Гаврилович**, акад.
7. **Веселовский Борис Борисович**
8. **Волков Федор Кондратьевич**
9. **Гамбаров Юрий Степанович**, проф.
10. **Гернет Михаил Николаевич**
11. **Гессен Сергей Иосифович**, прив.-доцент
12. **Гессен Владимир Матвеевич**, проф.
13. **Гизетти Александр Алексеевич**
14. **Гогель Сергей Константинович**, проф.
15. **Дьяконов Михаил Александрович**, акад.
16. **Жижиленко Александр Александрович**, проф.
17. **Заозерский Александр Иванович**
18. **Ивановский Игнатий Александрович**, проф.
19. **Исаев Андрей Алексеевич**, проф.
20. **Кареев Николай Иванович**, проф.
21. **Кауфман Александр Аркадьевич**, проф.
22. **Книпович Николай Михайлович**, проф.
23. **Ковалевский Евграф Петрович**, чл. Гос. Думы
24. **Кондратьев Николай Дмитриевич**
25. **Кулишер Иосиф Михайлович**
26. **Кулишер Александр Михайлович**
27. **Кулишер Михаил Игнатьевич**
28. **Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич**, акад.
29. **Лазурский Александр Федорович**, проф.
30. **Лапшин Иван Иванович**, проф.
31. **Лучинский Иван Васильевич**, проф.
32. **Лорис-Меликов**
33. **Люблинский Павел Исаевич**, проф.
34. **Магазинер Яков Миронович**
35. **Маклаков Василий Алексеевич**, чл. Гос. Думы
36. **Милюков Павел Николаевич**, чл. Гос. Думы

37. **Метальников Сергей Иванович**, проф.
38. **Макиевский Павел Васильевич**
39. **Мякотин Венедикт Александрович**
40. **Нечаев Александр Петрович**, проф.
41. **Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич**, акад.
42. **Одинец Дмитрий Михайлович**
43. **Острогорский М.Я.**
44. **Павлов Иван Петрович**, акад.
45. **Петражицкий Лев Иосифович**, проф.
46. **Посников Александр Сергеевич**, проф.
47. **Пешехонов Алексей Васильевич**
48. **Пресняков Александр Евгеньевич**
49. **Рейснер Михаил Андреевич**
50. **Ростовцев Михаил Иванович**, проф.
51. **Соколов Константин Николаевич**
52. **Солнцев Сергей Иванович**, проф.
53. **Сорокин Питирим Александрович**
54. **Струве Петр Бернгардович**, проф.
55. **Тарле Евгений Викторович**, проф.
56. **Тарновский Евгений Никитич**
57. **Тахтарев Константин Михайлович**
58. **Туган-Барановский Михаил Иванович**, проф.
59. **Франк Семен Людвигович**
60. **Чупров Александр Александрович**, проф.
61. **Шацкий Борис Евгеньевич**
62. **Штернберг Лев Яковлевич**

Как сложились их судьбы? 20 человек оказались в эмиграции и их судьбы известны (двое — Пешехонов и Одинец, стали «сменовеховцами» и вернулись в СССР). Из оставшихся в России 13 человек умерло в период 1917–1920 годов. 5 человек — подверглись репрессиям (тюрьмы, ссылки, лагеря), Люблинский покончил жизнь самоубийством, Бехтерев — отравлен (вероятно). Из оставшихся 22 человек — 11 умерли в 1920–1930 годы. Веселовский умер в 1945-ом, а Гернет в январе 1953-го. Последним в 1961 г. скоропостижно умер Яков Магазинер. Из университета его изгоняли неоднократно: в начале 1920-х, в 1930-х (арест, избиения), в конце 1940-х. ... Дольше всех их первых русских социологов прожил Питирим Сорокин... (В Советской России находились в 1919 г. Ивановский и Анд-

реев, Жижиленко в 1922-ом. Дальше их следы теряются). Ничего не известно о Е.Н. Тарновском. Лорис Меликов это, вероятно, Иван Захарович Лорис-Меликов, доктор медицины, издатель созданной М.М. Ковалевским газеты «Телеграф» (Петербург, 1905–1907 гг.). Если так, то И.З. Лорис-Меликов умер в 1931 г. в Париже...

... Планы Сорокина были связаны с социологией. Он пишет письмо А.С.Лаппо-Данилевскому, в котором предлагает план по развитию этой науки.

В ответном письме от 15 января 1919 г. академик писал:

«Думаю, что предложенный Вами курс может содействовать насаждению научного преподавания социологии в нашей высшей школе. При свидании надеюсь поговорим о координации наших действий в дальнейшем будущем».⁵

Свидание состоялось в больнице, где находился академик. Через три дня 56-летний Лаппо-Данилевский умер. Смерть от голода, холода, истощения была в тот период обычным явлением в красном Петрограде. От голода, в расцвете творческих сил, умерли академики Российской академии наук — М.А. Дьяконов, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов... Персонально известны имена 380 научных работников Петрограда, умерших в период 1918–1922 годов. А сколько осталось неизвестных имен? Сколько было расстреляно? То же самое было и в Москве. 1919 год — **«самый чумный, самый черный, самый смертный»** (Марина Цветаева).

8 мая 1919 г. Сорокин известил канцелярию Совета Второго госуниверситета*, что будет в течение летнего триместра:

«вести практические занятия по социологии, в частности, в целях изучения коллективной психологии вести экспериментальное наблюдение митингов, собраний, театральной и кинематографической публики, уличной и рыночной толпы; наблюдать возникновение и развитие нового права в судах и т.д.».⁶

* В июне 1918 г. Петроградский университет был переименован в 1-й Петроградский государственный университет, бывший Психоневрологический институт стал 2-м ПГУ, бывшие Высшие женские (Бестужевские) курсы — 3-м ПГУ. 2 августа 1919 г. университеты преобразованы в Единый Петроградский государственный университет.

Будучи занятыми борьбой на «внешнем фронте», большевики еще не могли уделять достаточно внимания фронту «идеологическому». Поэтому Сорокину и удалось кое-что сделать: опубликовать несколько книг и десятка два статей.

По архивным материалам видно, что с 26 декабря 1918 г. по 20 января 1919 г., он вместе с женой находился в Тамбове. Месяц, проведенный в «хлебном» Тамбове, среди родных жены, помог Сорокину окрепнуть и набраться сил.⁷

Вернувшись в Петроград, он активно включился в научно-педагогическую и литературную деятельность. Он был инициатором оживления работы Социологического общества, которое после своего основания в 1916 г. фактически бездействовало. Так в ноябре 1918 г. состоялось только одно общее собрание. Если в 1916 г. в Социологическом обществе числилось 62 человека, то два года спустя в качестве социологов было зарегистрировано лишь 25 человек...⁸

После смерти Лаппо-Данилевского на общем собрании членов общества председателем был избран Н. И. Кареев. В Президиум вошли Сорокин как вице-председатель, К. М. Тхатарев, С. И. Тхоржевский, И. Ф. Куразов. Активное участие в деятельности общества принимали профессора: М. Я. Лазерсон, Л. Я. Штейнберг, Я. М. Магазинер, П. И. Люблинский, Г. П. Зеленый, В. М. Бехтерев, Н. А. Гредескул, а также Динзе, А. А. Гизетти, Н. В. Брюллова-Шаскольская, С. А. Оранский, П. Ю. Яновский, Г. С. Майзель, С. Ф. Глазунов. Три года спустя, уже в эмиграции, Сорокин писал об этом обществе:

«Деятельность выражалась в регулярно устраивавшихся, раз в две недели, научных собраниях и обсуждениях докладов по социологии. Работа шла хорошо и регулярно. Доклады делались на общие и специальные социологические темы. Издать что-либо общество не могло за отсутствием средств».⁹

Сам Сорокин был наиболее активным докладчиком. 10 апреля он сделал доклад о новом труде В. Парето, 15 мая — **«О социальном взаимодействии и социальной группировке...»**

...Кроме Социологического общества, Сорокин занял ведущее положение в созданном 11 октября 1918 г. по инициативе

А. М. Ловягина «Социо-Библиологическом институте». С приходом сюда Сорокина это научное учреждение трансформировалось в сентябре 1919 г. в Социологический институт, который в 1921 г. был закрыт.

Сорокин в качестве сотрудника института прочитал несколько публичных лекций, провел систематические курсы по социологии... Под воздействием Сорокина Социологическое общество и Социологический институт стали центрами немарксистской социологии.

В июне 1919 г. в Институте была создана комиссия в составе П. А. Сорокина, В. Ф. Боцяновского и А. Э. Гавалоса для проведения конкретных социологических исследований. Результаты работы этой комиссии по изучению социальных последствий советского законодательства о браке и разводе были изложены Сорокиным в статье («Экономист», 1922 г., № 1), и именно эта статья вызвала гнев Ленина...

Краткая летопись деятельности Сорокина в Социо-Библиологическом институте за первый год его существования выглядит так:

С 8 декабря 1918 г. собрания членов Института проходили в помещении Василеостровской Центральной библиотеки по адресу: Василевский остров, проспект Фридриха Адлера (бывший — Большой проспект), дом 10.

На заседании 5 марта 1919 года было решено завязать отношения с Социологическим обществом имени М. М. Ковалевского. Видимо, тогда Сорокин и появился впервые в Социо-Библиологическом институте.

23 марта 1919 года Совет Института постановил разработать вопрос об устройстве особых уроков для преподавателей социологии. Питирим Сорокин подготовил соответствующий проект (заслушан — 22 апреля) и по рассмотрении его Коллегией (высший административный орган из троих человек) Института и особой комиссией экспертов представил на утверждение Комиссариата Народного Просвещения. Впоследствии Совет решил открыть общедоступные (не только для преподавателей) курсы по социологии. Чтение курсов началось с 18 августа. Среди приглашенных лекторов был и Сорокин...

11 мая 1919 года Сорокин вместе с А. М. Ловягиным избран в состав Коллегии Института.

13 июня был заслушан доклад Сорокина о самостоятельных исследованиях при Институте.

Еще в декабре 1918 г. Коллегия Института одобрила план составления и издания Институтом учебника по социологии. В апреле 1919 г. Коллегия вновь рассмотрела этот вопрос и решила переиздать один из существующих на русском языке трудов по социологии. Но тогда... не нашли бумаги. 4 июля, когда возможность получения бумаги выяснилось, Совет Института заслушал доклад Сорокина о работах которых можно было бы переиздать. Решили, при обсуждении этого вопроса, что надо перевести на русский учебник по социологии Э. Росса. Перевод и редактуру поручили Сорокину и А. М. Белову. К 12 сентября 1919 года перевод и программы по социологии американских и русских профессоров были готовы к печати. Но бумаги нашлись только для того, чтобы отпечатать работы Ф. Гиддинса, Э. Хайеса. Э. Росса, К. М. Тахтарева и самого Сорокина...

14 июня Совет Института постановил: для выяснения вопроса о социальных перегруппировках за время революции произвести рассылку особого анкетного листа. Форма анкеты была разработана Сорокиным, 25 июля она была утверждена, а 15 августа отпечатана...

Директор Института Э. А. Вольтер еще в ноябре 1918 г. смог уехать в командировку в Берлинский институт социальной библиографии и естественно не вернулся. С 1 августа 1919 г. третьим членом коллегии вместо него стал К. М. Тахтарев.

В качестве лекторов в Институте за первый год его существования выступили 14 человек: профессора — В. В. Водовозов, Н. А. Гредескул, Н. И. Кареев, М. Я. Лазерсон, М. А. Полиевктов, И. И. Яковкин, П. А. Сорокин, Е. В. Тарле, И. В. Чернышев а также — В. Ф. Боцяновский, А. А. Гизетти, Г. Е. Калинин, П. В. Мокиевский.

Сорокин в качестве систематического курса прочитал «Социальную аналитику и социальную механику». [12, 17, 24, 26 июня; 1, 15, 17 июля; 3, 8, 10 августа]. Кроме Университета, Социо-Библиологического института Сорокин читал лекции также на курсах по социологии, организованных Комиссариатом просвещения летом.

Фактически на Сорокине держалась и рецензионная работа в трех вышедших выпусках «Социо-Библиологического вест-

ника» (в №4–5, 1919 г, например, Сорокину принадлежит 7 из 9 рецензий!).

Темами эпизодических лекций Сорокина были: «Законы развития нравственности», «Кризис современной семьи», «Предмет, задачи и основные отделы социологии», «Как возникают, существуют и распадаются социальные группы», «Сложные коллективные единства», «Обзор и критика, главнейших теорий социальных явлений», «Элементарные коллективные единства нашего времени», «Анализ строения социальных групп», «Коллективные единства и проблемы социальной группировки».¹⁰

Кроме того, Сорокин в большевистском Петрограде читал лекции по социологии в Институте Народного хозяйства, Институте Живого слова, Сельскохозяйственной академии имени Стебута, Институте истории искусств, Государственном химико-фармацевтическом институте.¹¹ Но главное — это, конечно, Университет. Юридический факультет сильно опустел. Помимо умерших, многие уехали или бежали (кто как смог) от новой власти за границу. Среди эмигрировавших — учитель Сорокина Петражицкий, а также Д. Д. Гримм (после ареста в сентябре 1919), барон Б.Э. Нольде, Ф. В. Тарановский, профессор П. П. Гронский. Уехал в Латвию К. Ф. Жаков... Как такового, юридического факультета уже не существовало. Вместо него возникло — «правовое отделение» факультета общественных наук (ФОН).^{*} В состав этого факультета входили все прежние гуманитарные факультеты университета под новыми названиями...

Уже находясь в Праге Сорокин опубликовал статью «Как мы жили», в которой описал ситуацию в Университете:

«Официальная статистика пишет, что в Санкт-Петербургском Университете сейчас 13 тысяч студентов. Где они? Ряд курсов не состоялся за неимением слушателей. Нормальная аудитория 5–10 человек. Максимум у С.Ф. Платонова, А.И. Введенского и у меня (предмет такой) — 70–80 человек. Где эти тысячи? Очередная ложь. По постановлению

^{*} В ноябре 1918 г. решением Совета Университета на юридическом факультете была организована кафедра социологии. ФОН был организован 2.06.19. Юридический факультет был преобразован в политико-юридическое отделение ФОН. 20 октября деканом отделения утвержден А.А. Жижиленко.

Петроградского Исполнительного Комитета профессоров назначают на выгрузку дров на Адмиралтейской набережной. Лекции читаю в темноте. Ни они, ни я не видим друг друга. Иностранцев давно походил на тень. Умерла жена и сам принял цианистый калий. Вымираем так быстро, что даже не успеваем вовремя узнать о смерти каждого. Только на заседании Совета оказываемся «в курсе дела». На заседании Совета, а какое-то похоронное бюро... Каждое заседание начинается с оглашения 5–6 умерших и почитания их памяти».¹²

Холодная и голодная зима 1918/19 годов дала Сорокину импульс для новой книги «Голод как фактор». Много лет спустя Елена Сорокина вспоминала:

«Наша ежедневная активность обуславливалась голодом и необходимостью добывать еду. Первым делом надо было принести воды с колонки во дворе на пятый этаж Затем готовить на «буржуйке» чай, после чего стоять длинную очередь за ежедневным рационом хлеба. Затем идти три мили в университетскую столовую, где были зарегистрированы наши карточки, на которые можно поесть». [...]

Однажды вечером в феврале 1919 г. к нам пришел друг, он был выдающимся профессором петроградского Университета, наиболее эрудированный и очень интересный собеседник. Мы очень радовались его визитам в прошлом и обычно могли часами оживленно дискутировать на разные темы. На этот раз он был совершенно изможденный, а его лицо было маской, лишенной любого выражения. Когда я предложил ему похлебку из пшенной каши, он ел ее с такой интенсивной концентрацией на еде, как если бы ничего в мире больше не существовало. Поистине это был пример полной деградации яркой человеческой личности.¹³

Сам Сорокин записал в те дни, в дневнике:

«Сегодня во второй половине дня ко мне буквально ворвался профессор Лазерсон. Он был крайне возбужден. «не могу, не могу больше выносить этот кошмар, — плакал

он,— моя сестра умирает, все наши друзья при смерти. Вокруг только смерть, смерть, смерть. Я не могу ничего делать. Читаю, но не улавливаю смысл. Не видно ни про света, ни конца, ни края этому ужасу!»¹⁴

Не выдержав голода и безответной любви, выбросилась из окна пятого этажа дочь А. Д. Дармолатовой — Вера.¹⁵

Помимо «Голода» Сорокин работал также над «Системой социологии» и «Историей русской социологии в начале XIX века до наших дней» для кооперативного издательства «Колос».

Большевистская цензура в 1919 г. уже свирепствовала вовсю. Была запрещена и «Система социологии» (отношение за № 724 от 4 июля 1919 г.).¹⁶ Оставался только старый способ — прибегнуть к помощи «вольного печатного станка» и издать книгу «самиздатом».

Но до «Системы социологии» Сорокин смог опубликовать еще одну книгу, которая упомянута далеко не во всех его библиографиях...

В своих воспоминаниях «Дальняя дорога» Сорокин упоминает, что в конце 1918 года:

«...Два больших кооперативных союза еще не национализированные тогда, заказали мне учебники по праву и социологии» (Ук. соч. с. 128)

Уничтожение разветвленной и мощной российской кооперации действительно один из главных грехов Ленина и большевиков...

Учебники были заказаны Ярославским кредитным союзом кооператоров. Рукопись первого из них «Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства» в конце августа 1919 г. Сорокин отправил в Ярославль. В том же году, этом «грозном 1919-ом» учебник был издан. Фактически это был подвиг. Подвиг Сорокина, подвиг кооператоров... Все гибнет, еще в июле прошлого года Ярославль был почти стерт с лица земли большевиками, а тут... учебник да еще по... по теории права! О праве, которое и в дореволюционной-то России было номинально... Этаким русский неискоренимый, тогда еще, несмотря на все чекистские подвалы, идеализм...

«Ярославский» учебник стал единственной книгой, опубликованной Сорокиным в 1919 году.

Рецензия — тоже в тех условиях подвиг. Весной 1920 г., в апрельско-майском номере «Тверского кооператора» (издание Союза потребительских обществ «Тверское Посредническое Товарищество Кооператоров») в разделе «Библиография» пишет неизвестный кооператор, откликаясь на «Элементарный учебник...» Сорокина:

«Учебник Питирима Сорокина относится к серии «Пособий для кооперативно-общественной школы и курсов», издаваемых Ярославским Кредитным Союзом под редакцией В.А. Кильчевского. По мысли издателей, целью данного учебника является «Проведение общих понятий о праве при посредстве школы и курсов, в среду кооперативную, и через нее в деревню. (Изв. Яр. Кр. С. Кооп. №1. 1920. с.29) В условиях организации местными кооперативными союзами месячных и полутора-месячных кооперативных курсов вопросам права отводилось очень ограниченное время: обычно только несколько часов посвящались вопросам кооперативного права: причем от преподавателей этого предмета неоднократно приходилось слышать заявления о трудности поставить его на должную высоту, в силу неподготовленности аудитории. В кооперативных журналах уже отмечалась общая тенденция в развитии курсового дела, которая заключается в постепенном удлинении продолжительности курсов и расширении их программы в области вопросов общеобразовательного характера. Несомненно, что в связи с этим расширением в программе курсов будущего, если им суждено развиваться, найдут должное место и вопросы общей теории права. Учебник П. Сорокина в таком случае явится весьма ценным пособием, как для преподавателей, так и слушателей курсов. Кроме того, написанный ясным и простым языком, логически стройный в своем изложении — он является хорошей книгой и для деревенской библиотеки. Настоящая заметка не ставит своей целью дать критический разбор данного учебника. Ее задача только отметить появление на книжном рынке работы П. Сорокина и кратко указать на ее содержание.

<> **Учебник П. Сорокина, заставляя читателя задуматься над целым рядом вопросов, сам несомненно сыграет серьезную воспитательную роль».**

Не сыграл... Всё порушили «победители-большевики»: земство, старую эсеровскую кооперацию, адвокатов-правозащитников, суд присяжных, оправдывающий Веру Засулич, студентов, рвущихся на «толстовскую» сходку, судей-народовольцев, Чеховскую Россию...

Еще один отклик на «Элементарный учебник...» появился осенью 1920-го в петроградском «Вестнике литературы» (№9 (21) сентябрь). Рецензент тоже скрыл свое имя и подписался как «А». Возможно это был Леонид Алисов, а может сам редактор «Вестника литературы» Абрам Кауфман...

Первый том «Системы социологии» (23,5 печатных листа, тиражом 15 тысяч экземпляров) и второй том (29 печатных листов, тиражом 10 тысяч) были изданы полулегально. В дореволюционной и довоенной России обычный тираж книги, рассчитанной на серьезного, интеллигентного читателя, составлял 2–3 тысячи, в сравнении с ним «Система социологии» имела огромный тираж. Работа была посвящена памяти Максима Ковалевского, Евгения де-Роберти и Петра Зепалова. Сорокин писал в предисловии:

«П. Н. Зепалов — молодой ученый, человек кристально чистоты души, социалист по убеждениям, идеалист по натуре, бескорыстный альтруист по поведению. Пал жертвой гражданской войны 1918 г.».¹⁷

Свое кредо ученого Сорокин выразил в предисловии:

«В науке и, пожалуй, только в ней нет патентов и гарантий. Свобода критики и свобода мысли — первое и основное условие возможности науки. Единственный судья здесь — опыт и наблюдение».

Позиция Сорокина — последовательный социологический плюрализм.

В предисловии ко второму тому, вышедшему, как и первый в 1920 г., Сорокин отметил:

«Своевременный выход дальнейших томов «Системы социологии» будет зависеть не столько от автора, сколько от общих условий страны и типографского дела в России».

Дальнейшие тома, как и «История русской социологии», не вышли...

Большевики вели наступление не только на вольное печатное слово, но и на свободу его выражения с университетской кафедры. Из дореволюционных ученых лишь некоторые (невысокого научного ранга) пошли на сотрудничество с властью большевиков: Н. А. Гредескул, М. А. Рейснер, В. В. Святловский... Гредескул даже вступил в члены РКП(б).

Чтобы уничтожить свободное слово в высшей школе, был создан Государственный Ученый совет (ГУС) с центром в Москве. Перед ним ставилась задача:

«...определять, что и как надо делать в области просвещения, и вместе с тем стать органом пролетарской диктатуры в области образования в России».¹⁸

«Пролетаризация» высшей школы, одним из самых первых и самых скромных шагов которой было закрытие юридических и историко-филологических факультетов, этих (как говорилось в одном из документов, подписанных председателем ГУСа М. Н. Покровским), **«рассадников буржуазной идеологии и философии мистицизма»**, была осуществлена ГУСом и ВЧК-ОГПУ.

30 августа 1919 г. чекисты провели обыски среди профессоров и преподавателей университета. Около 20 человек было арестовано...^{*} В Москве тоже массовые аресты профессоров и ученых...

^{*} В том числе В.В. Буш, Н.А. Буш, Д.Д. Grimm, К.М. Дерюгин, О.А. Добаш-Рождественская, Б.С. Мартынов, В.М. Нарбут, С.Ф. Ольденбург, М.Я. Пергамент, Н.Н. Розин, А.В. Щерба... В ответ на ходатайства Горького за арестованных Ленин заявил, что мнящие себя мозгом нации интеллигенции — «...не мозг а г...» (Письмо В.И. Ленина — А.М. Горькому. 15 сентября 1919. // Ленин В.И. ПСС. М., 1975. Т. 51. С.48).

В основанный 15 ноября 1918 г. Институт Живого слова (площадь Александринского театра) Сорокина пригласил ученый секретарь института, поэт К.А. Сюнненберг. 24 августа 1919 г. он получил ответ Сорокина:

**Глубокоуважаемый
Константин Александрович!**

Благодарю Институт Живого Слова и Вас за лестное предложение. Я с большим удовольствием принимаю его и с удовольствием буду вести курс социологии. Теперь — как нам лично переговорить? Мой телефон не работает пока. Не бываете ли в понедельник от 10 до 11.30 или с 1.30 до 3 около Аничкова Дворца?* Или там же в пятницу между 10 и 11.30 и в субботу — между 10 и 14 часами дня? Я там бываю в большой аудитории дворца — читаю лекции. Может быть там бы свиделись? Если это трудно для Вас, то сообщите в какие часы в ближайшую пятницу и субботу Вы будете дома.

Я постараюсь зайти к Вам. Только не в лекционные часы, указанные выше и не между 7 и 9 часами в пятницу.

**Глубоко уважаемый Вас
Питирим Сорокин.
В(асилевский). О (стров). 8 лин (ия)
Д.31. кв.5¹⁹**

«Введение в философию» в Институте Живого слова читал И.И. Лапшин, «Живое слово и приемы обращения с ним в различных областях» — А.Ф. Кони... Открывшийся с разрешения большевистской власти как высшее учебное и ученое заведение Институт тем не менее был оплотом старой профессуры. Во главе Института стоял — ректор, профессор Всеволод Гернграсс-Всеволодский.

Свои знаменитые воспоминания «На берегах Невы» (1967 г.) Ирина Одоевцева начинает как раз с этого Института.

* В 1918-1935 гг. в Аничковом дворце находился музей города.

«Институт живого слова. Нигде и никогда за все годы в эмиграции мне не приходилось читать или слышать о нем.

Я даже не знаю, существует ли он еще. Скорее всего он давно закончил свое существование. Но был он одним из самых фантастических, очаровательных и абсолютно нежизнеспособных явлений того времени».

С ноября 1918 г. 17-летняя Одоевцева училась в Институте Живого Слова. Слушала там лекции Луначарского, Гумилева, стала его любимой ученицей. 50 лет спустя написала воспоминания о Петроградских 1918–1922 годах.

«Лекции пока что происходят в Тенишевском училище, но «Живое слово» в скором времени собирается переехать в здание Павловского института на Знаменской. < > Январь 1919 года. Голодный, холодный, снежный январь < > Зима 1919–1920 годов. Очень холодная, очень голодная, очень черная зима.

Я каждый день возвращаюсь поздно вечером из Института Живого слова одна. По совершенно безлюдным, темным — «хоть глаз выколи» — страшным улицам. Грабежи стали бытовым явлением. С наступлением сумерек грабежи всюду».²⁰

Основатель Института актер В.Н. Всеволодский-Генграсс был фанатиком основанного им института. Институт, конечно, долго не просуществовал... Его основатель стал в Совдепии известным театроведом... Что же это было за учреждение? В архивах кое-что сохранилось... По «Положению об институте» он состоял в ведении Наркомпроса по театральному отделению и имел целью:

1. Научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области Живого Слова и связанных с нею дисциплин.
2. Подготовку мастеров Живого слова в областях: педагогической, общественно-политической и художественной.
3. Распространение популярных знаний и мастерства в области Живого Слова.

«Положение» было утверждено на заседании Совета Института 1.11.1918 г. и утверждено 3.11.1918 г. заведующей Театральным отделом Наркомпроса О.Д. Каменевой.

В Институте было два отделения — общее и специальное. Специальное отделение делилось еще на части:

а) театральное; б) словесное; в) педагогическое; г) ораторское. Педагогический персонал — 85 человек. Из них на общем отделении 43 человека. Проректором Института был Я.С. Гурович. Деканом общего отделения профессор Е.С. Бориспольский. Число студентов на 1 ноября 1920 г. — 502 человека. Из них 317 — на общем отделении.²¹

С 15 декабря 1919 г. по 20 января 1920 г. по разрешению президиума ФОНа Сорокин, как и в предыдущем году, выезжал в Тамбов, а также в Лугу. В обоих городах он занимался чтением лекций.

В петроградской газете «Жизнь искусства» 27 января 1920 г. сообщалось об отъезде в «ближайшие дни» в Витебск для чтения лекций на литературно-общественные темы А.И. Веденского, В.В. Водовозова, Ф. Сологуба, П. Сорокина, Льва Урванцева и др...

Одним из итогов «пролетаризации», высшей школы самым активным сторонником которой был врач, бывший видный большевистский лидер, имевший «репутацию» философа и экономиста — А. Богданов стало еще более ускоренное вымирание ученых.

Весь 1920 год прошел под флагом «похода на буржуазную науку». И только когда мартилолог «Дома ученых» (так в обиходе называли дворец покойного Великого Князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной где с января 1920 года расположилась спешно созданная большевиками «Петроградская комиссия по улучшению быта ученых») достиг почти 500 человек был введен так называемый «ученый паек».

31 января 1920 г. ФОН на своем заседании избрал преподавателя Сорокина профессором Университета. Поскольку Сорокин избирался профессором без защиты диссертации, которые были отменены советской властью, то до избрания была создана специальная комиссия из трех профессоров: Н. И. Лазаревского (председатель), М. И. Боголепова и И. Ф. Цызырева. Комиссия должна была дать свой отзыв о

научных трудах Сорокина. Помимо преподавательской опытности, у претендента в профессора должно было быть наличие научных работ, которые соответствовали бы требованиям, ранее предъявляемым к магистерской диссертации.

По мнению председателя комиссии Лазаревского, одного из лучших правоведов России (в следующем 1921 г. его расстреляют по «делу Таганцева»), этот критерий был одним из необходимейших для перевода в ранг профессора.

Отзывы сохранились, и они любопытны. Наиболее положительный отзыв дал Цызырев.²² Боголепов отметил, что «на П.А. Сорокине лежит печать талантливости».²³ Наиболее критичен был Лазаревский, написавший об «Элементарном учебнике общей теории права, в связи с теорией государства» Сорокина (Ярославль, 1919):

«Уже по существу своему именно как учебник, эта книга ни в коем случае не может иметь значения диссертации или ее части».

Далее Лазаревский писал:

«Настоящая книга не может быть принята ни за диссертацию, ни за часть ее и не обладает научным достоинством, которые сами по себе могли бы быть приведены как основание для предоставления автору звания профессора, но в общем и не слишком говорит против этого [...] Статья «Структура современной догматики уголовного права» по своей внешности производит более научное впечатление, в ней виден известный научный аппарат, много ссылок, видно знакомство с литературой вопроса, но с точки зрения научной продуманности производит менее благоприятное впечатление». Последние слова Лазаревского из отзыва о статье: «Научного значения такие суждения иметь не могут».²⁵

Что касается статьи Сорокина «Категория должного и ее применимость к изучению социальных явлений» («Юридический вестник» 1917. Книга 17), то по отзыву Лазаревского:

«Сорокин — свои воззрения в данном случае изложил вполне научно, точно, аргументация его строго логична, и эта небольшая статья производит как научная работа вполне благоприятное впечатление».

Профессор И.Ф. Цызырев в своем отзыве написал:

«...Соединение в лице П.А.Сорокина большой природной даровитости, превосходной эрудиции и горячей любви и веры в свою науку и в свое призвание представляет собой далеко не часто встречающийся актив для молодого ученого и тем более ценный, что в данном случае этот актив обращается на службу к предмету, требующему столько же самостоятельного и ответственного труда на свою разработку, сколько и общего признания своей исключительной важности для культуры и общества».²⁶

Профессора писали свои заключения в обстановке, достаточно тревожной: к «пролетаризации высшей школы» и борьбе с «рассадниками буржуазной идеологии» подключилась ЧК...

24 сентября 1919 года по ордеру Петроградского укрепленного района, в помещениях Петроградского университета был проведен обыск, во время которого чекисты изъяли печати старого и нового образцов, штемпеля, переписку, бланки старого образца, печати Совета старост.

Студенческие советы старост существовали в Университете с дореволюционных времен. Большевики после Октябрьского переворота их упразднили, но Советы, заявив о своей «лояльности», все-таки продолжали действовать, вызывая раздражение властей. Заявление о «лояльности» означало, что Советы старост обещали не заниматься антисоветской деятельностью и соблюдать нейтралитет. Общеуниверситетский Совет старост несколько раз в месяц устраивал собрания, на которых выступали писатели, профессора... Их доклады все чаще приобретали характер политически направленных выступлений. ЧК принимала свои меры. Среди арестованных оказался старый друг Сорокина — А.А. Гизетти.*

* А.А. Гизетти арестован в 1919. Затем 17 августа 1920. Освобожден 30 декабря 1920. Вновь арестован 27 апреля 1921. Освобожден 11 мая 1922...

Угроза смерти висела над всеми. В «Системе социологии» Сорокин писал:

«Первые расстрелы чрезвычайных комиссий не без угрызения и колебаний приводились в исполнение их агентами, — с одной стороны, с другой — вызывали громадное возмущение и протесты народной и общественной совести. Дальше события пошли обычным путем: расстрелы стали бытовым явлением. Без всякого колебания люди расстреливались и продолжают расстреливаться пачками. И это перестало волновать индивидов нашей Республики... К смертным казням «привыкли». Привыкли и исполнители, из коих многие когда-то яростно протестовали против смертной казни, «привыкли» и жертвы, привыкло и общество».²⁷

В феврале 1920 г. в Москве покончил жизнь самоубийством известный социолог и правовед, директор Института социальной психологии, В. И. Хвостов. С. С. Маслов, который в это время служил в комиссариате земледелия в Москве и часто встречался с Хвостовым, вспоминал, что большевистский декрет от 27 января 1920 г. об «Объединении всех видов кооперации» под эгидой уже изуродованных властями потребительских обществ, делавший неизбежным разгром российской кооперации, по-видимому, тяжело поразил Хвостова, так как вдребезги разбил план его работы в институте.

«Через несколько дней В. М. Хвостова нашли повесившимся в помещении основанного им института»²⁸

Институт Хвостова в Москве изучал те же самые проблемы, что и руководимый Сорокиным «Отдел социальной рефлексологии» Института по изучению мозга и психической деятельности, основанного в Петрограде в 1918 г. В. М. Бехтеревым. В отделе работала А.С. Звоницкая, первая в России женщина, ставшая профессиональным социологом. В 1914 г. Сорокин опубликовал две рецензии на первый том ее книги «Опыт теоретической социологии».

Совместно с академиком И. П. Павловым²⁹ Сорокин создал и руководил «Обществом объективного изучения массового и индивидуального поведения людей».

6 апреля 1920 г. Сорокин пишет заявление в научное общество марксистов (оно было только, что основано под председательством Е. А. Энгеля):

«Прошу научное общество принять меня в число членов научного общества марксистов».³⁰

Не приняли...

По предложению властей, Сорокин, Бехтерев, профессора В.П. Протопопов, Мясоедов и другие занимались изучением деформации половых рефлексов. В распоряжение ученых поступили материалы по делу «Клуба и общества гомосексуалистов», насчитывающего в своих рядах свыше 100 человек. Сорокин лично убедился, что в эпоху революций **«разнообразные половые извращения выросли также в сильной мере»**...³¹

В том же 1920 г. в Москве от голода умер лучший русский цивилист И. А. Покровский (в 1911 г., будучи деканом юридического факультета, он принимал у Сорокина экзамен по истории римского права). В Петрограде ЧК расстреляла Н.Н. Розина тоже бывшего декана бывшего юридического факультета Петербургского университета...

В феврале в Москве по делу «Тактического центра» была арестована многочисленная группа интеллигенции. В августе в большой аудитории Политтехнического музея состоялся «суд». Среди арестованных по этому делу был и друг Сорокина — Н.Д. Кондратьев, которого приговорили к заключению в концлагерь «до окончания гражданской войны», а также С.А. Котляровский. Подобно Сорокину, Кондратьев письменно заявил о выходе из ПСР..

Сохранилось описание процесса, сделанное женой одного из подсудимых — профессора-историка С.П. Мельгунова.

«Очень смело держалась Александра Львовна (Толстая — Ю.Д.) погубившая себя последним словом, в котором заявила, что будучи последовательницей отца, суда не признает и считает его насилием, особенно больше-

вистский «суд» [...] Кондратьев — бывший эсер, член Союза Возрождения, входивший в центр заместителем С.П. (Мельгунова — Ю.Д.), проявил большую трусость [...]. «Спасайся кто может», было его девизом, и он спасался, двинув даже в виде арьергарда на «суде» свое крестьянское происхождение».³²

Условия, в которых писалась «Система социологии», не могли не повлиять на степень ее научной завершенности. Сам Сорокин в предисловии к первому тому, назвал ее только **«приличным черновиком»** своего труда, поскольку

«в обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту, от голода, от тифа, от произвола — в таком обществе не приходится строить научных планов, рассчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работ становится неосуществимой роскошью...».³³

Большевистская критика «Системы социологии» не заставила себя долго ждать. Профессор Рейснер, за дочерью которого, Ларисой Сорокин некогда ухаживал, насчитал в «Системе социологии» около двух десятков антисоветских высказываний автора...³⁴

Другой большевистский «философ» И. А. Боричевский о втором томе «Системы социологии» высказался кратко: **«Злостный памфлет против коммунистической партии».**³⁵

Были конечно отклики и не раболепствующих перед большевиками ученых: Н. И. Кареев в «Вестнике литературы» высоко оценил оба тома «Системы социологии», В. А. Мякотин в декабрьском номере за 1921 год московского журнала «Задруга» о «Системе социологии» достаточно резко написал:

«Автору ее нельзя отказать ни в трудолюбии, ни в начитанности. Неоспоримыми свойствами того являются выпущенные им два тома, в которых использованы богатая литература и которая в общей сложности содержит в себе более 700 страниц. Но в этих объемистых книгах, потребовавших от автора немало труда, нет ясной, отчетливой мысли и нет подлинной научности, место

которой занимает лишь претензия на ученость. Автор то и дело сравнивает себя с химиком, физиком, биологом, но все эти сравнения по существу являются лишь чисто словесными украшениями книг.

В действительности «анализ» автора не только очень далек от метода естественных наук, но по большей части сводится к высказыванию и развитию весьма банальных приемов. Порою эти приемы способны вызвать даже невольную улыбку. «Что индивиды делятся на два пола», — читаем мы, например, у профессора Сорокина, — «это не подлежит сомнению» (II, 104). Отдельные, удачные мысли автора — в большинстве своем, впрочем, не новые — положительно тонут в море таких банальностей. Если прибавить к этому, что изложение автора переполнено сырым, мало проработанным и мало продуманным материалом, и что автор страдает крайней многоречивостью, побуждающей его в частности, беспрестанно повторять и повторять одни и те же мысли и аргументы, то читатель легко представит себе, что чтение книги П. А. Сорокина в свою очередь представляет труд, едва ли притом сколько-нибудь окупаемый достигаемыми им результатами». ³⁶

Рецензия Мякотина*, в какой-то степени уравнивалась высокой оценкой «Системы», которую дал книге профессор и друг Сорокина М. Лазерсон в парижских «Современных записках»:

«...богатое содержание книги [...] составляет событие в современном русском обществоведении [...]. П. Сорокин — первый русский социолог, который, вобрав в себя всю современную, в особенности англосаксонскую социологию, пытается освободить эту науку от всяких политических и этических предпосылок и измов [...] дает солидное основание новым работникам на ниве обществоведения...» ³⁷

* Профессор Венедикт Мякотин, председатель подпольного «Союза возрождения России» был похож на героя одной из своих книг — протопопа Аввакума. Сидел в тюрьмах при царизме. Большевиками дважды приговаривался к смертной казни... Всегда выступал открыто. Не прятался за псевдонимами. Выслан из Сов. России в одном вагоне с Сорокиным...

В Берлине, в том же 1921 г., соратник Сорокина по ПСР и антибольшевистской борьбе на Севере России, бывший член Учредительного собрания и министр Архангельского правительства, доктор Б. Ф. Соколов* выпустил книгу «Наука в Советской России», в которой подвел итог:

«...за последний год появился в России только один крупный и интересный труд по социологии, или вернее, появился первый из семи намеченных томов этого труда. Это — книга профессора социологии Питирима Сорокина «Система социологии». ³⁸

В июле-сентябре 1920 г. в Петрограде проходила книжная выставка. Наиболее бледно на ней была представлена социология. В основном агитационные брошюры. Из книг на полке с ярлыком «Социология» были только: «Система социологии» Сорокина, «Право, правизна и трудовой процесс» М. Лазерсона и «Общая теория трансформационного процесса» Н. Бухарина. О последней книге Борис Соколов отозвался так:

«...бедность и худосочность внутреннего содержания покрывается громким, весьма «ученым» и весьма «умным» названием, данным книге российским «весьма не умным» марксистом. [...]. Сумбурная, без начала и конца, с главами, логически исключаящими друг друга, она вполне отвечает одной цели, очевидно имеющейся у автора: убедить, совершенно «задурить голову» и без того измученному и растерзанному обитателю советской республики. Это удастся в совершенстве. С этой точки зрения — книги Бухарина — своеобразный шедевр». ³⁹

О Сорокине и его книге Борис Соколов писал:

«Имя автора хорошо известно многим. В свое время это было в 1918 году «отход» его от политики, отказ публичный и, по-видимому вынужденный от политической работы был предметом многочисленных споров и вопросов. И Сорокин,

* Доктор Борис Соколов был схвачен ЧК в феврале 1920 г. в Архангельске. Увезен в Москву. Под международным давлением его пришлось освободить. Соколов довел до конца дело спасения жены и сыновей Керенского. Организовал их бегство из Сов. России в Финляндию. В 1920 г. бежал и сам.

отойдя от общественной жизни написал большую научную книгу, 1-ую часть восьми томного труда по социологии < >. К неоспоримому достоинству книги Сорокина надо отнести богатую библиографию по вопросам современной социологической литературы и блестящую критику данную Сорокиным европейским социологам-монистам, «толчущимся на месте».⁴⁰

Отклик на «Систему социологии» появился даже в далеком Красноярске.⁴¹

Сохранился и такой отзыв:

«Трухлявая интеллигентская работа <>

Автор ноет, брюзжит на ЧК, как выживший из ума старик или, (это лучше идет к нему) — эсер.»

10 мая 1921 г.*

...В Отделе рукописей Центральной научной библиотеки Академии Наук Украины на Владимирской 62 в Киеве сохранился текст доклада о «Системе социологии», прочитанном 26 июня 1921 года директором Киевского социологического института Василием Синайским. В 2006 году Украина, конечно, свободная страна, но Киев пока еще не Вашингтон и Прага, где все выдавали моментально... Текст доклада мне не выдали...

Синайский, уроженец Тамбовской губернии, выпускник юридического факультета Юревского университета, в 1913 году защитил докторскую диссертацию и преподавал в Киевском университете... В 1924 году, когда многие украинские «сменовеховцы» возвращались в Советскую Украину, Синайский смог вырваться из советского Киева. Уехал в Польшу, а затем занял кафедру гражданского права в Латвийском университете... В 1944 году уехал в Бельгию, где и умер в 1948 году в Брюсселе...

Сорокин безусловно был антибольшевиком № 1 не только среди петроградской профессуры, но и вообще в Петрограде. Даже много лет спустя, после смерти Сорокина, бывшие сту-

денты Факультета общественных наук о выдающемся социологе и мыслителе вспоминали так:

«Особое омерзение вызывал Питирим Сорокин, правый эсер (преподавал социологию). Еще летом 1917 г. слышала я его на митинге рабочих Трубочного завода, где он ратовал «за войну до победного конца», поносил В. И. Ленина. С пеной у рта спорил с В. И. Невским, выступившим там от большевиков...».⁴²

Помимо работы в учебных заведениях, Сорокин участвовал самым активным образом в деятельности Дома Ученых, Дома Искусств, Дома Литераторов, Вольной-Философской Ассоциации, входил в Организационное бюро по созыву Первого Всероссийского философского съезда. Замысел съезда вышел из недр Вольной философской ассоциации, Луначарский отнесся благосклонно... Но дальше первого собрания (1 февраля 1921 г.) Организационного бюро дело не пошло...

Много шуму наделала речь Сорокина 20 сентября 1920 г. на обеде в честь Г. Уэллса в Доме искусств. Писатель А. Амфитеатров, слушавший эту речь, вспоминал о ней два года спустя уже в эмиграции:

«В очень сдержанном тоне, спокойно без фраз и декламации, он указал почтенному собранию, что любить и хвалить знаменитого гостя — дело не худое, но не затем же Уэллс приехал к нам, чтобы слушать наши комплименты, и не затем же мы собрались сегодня, чтобы состязаться в оных. Нам представляется редкий случай раскрыть перед европейским свидетелем отрицательные стороны нашей ужасной жизни, обменяться в его присутствии мыслями и мнениями об ее улучшении. Неужели мы пренебрежем такой исключительной возможностью? Я не ручаюсь за точность выражений, но смысл речи был таков и, повторяю, она была парламентски умеренна и, будучи полна внутренней горечи, не заключала в себе решительно ничего вызывающего, «лезущего на рожон» <...> Едва молодой ученый окончил свою речь, при громких аплодисментах собрания, наконец пробужденного от спячки настояще сказанным словом, как Горький с недовольным кислым

* Маргиналия на экземпляре 1-го тома «Системы социологии», хранящейся в отделе «Редкая Книга» Архангельской областной библиотеки имени Н.А. Добролюбова. С 1922 по 1989 гг. книга находилась в «спецхране». Подпись автора маргиналии на странице 357 срезу после «Заключения», к сожалению, неразборчива. Какой-то — «Дмитрий»...

лицом отдал во всеуслышанье команду: **Последующим ораторам прошу обойтись без ламентаций».**⁴³

Амфитеатров стал говорить в сорокинском духе Горький прервал и его...*

Много лет спустя об этом знаменитом обеде в честь Уэллса вспоминал сын Корнея Чуковского — Николай Чуковский, вполне советский писатель:

«Был я на официальном приеме, устроенном Горьким Уэллсу в Доме искусств от имени художественной интеллигенции Петрограда. Разумеется, отец мой захватил меня туда с собой только для того, чтобы накормить. Заранее было известно, что Петросовет выделит для этого торжества редчайшие продукты, в том числе целый ящик шоколада. Я не видел шоколада уже больше трех лет, с весны шестнадцатого года, и мечтал о нем гораздо больше, чем о новом свидании с Уэллсом. И действительно, был шоколад, — город, начавший мировую революцию, с безграничной щедростью чествовал знаменитого английского мечтателя. Из нафталина были извлечены давным-давно не надеванные, уже старомодные фраки, визитки, пиджаки, пожелтевшие крахмальные манишки, стол был накрыт в большой елисейской столовой со всей пышностью елисейской обстановки. Паркет был натерт, было блаженно тепло, и только электричество горело несколько тускло. Присутствовало человек пятьдесят — шестьдесят, не больше. Лиц я не помню, — по-видимому, в основном те, кого я уже упоминал на этих страницах. Произносились какие-то речи, но я их забыл бесповоротно. Помню только, что среди говоривших был и правый эсер Питирим Сорокин. Не знаю, попал ли он туда по недосмотру или его нарочно пригласили, чтобы беспристрастно представить Уэллсу и иную точку зрения. Сорокин произнес длинную, полную намеков речь о том, как большевики притесняют великую русскую интеллигенцию. Уэллс выслушал перевод его речи так же, как слушал переводы всех остальных речей, — с

* В 1921 г. Амфитеатров с женой и детьми через Финский залив бежал в Финляндию.

растерянным, страдающим видом человека, который хочет поскорей уйти и не знает, как это сделать»^{*44}

Что касается Горького, то после этого «обеда» многие перестали подавать ему руку.

Имена выступавших находим в заметке Е. Замятина, опубликованной в «Вестнике литературы».

«Говорили по-русски А. В. Амфитеатров, В. Ф. Боцяновский, А. С. Грин, М. Горький, И. Пунин, П. Сорокин, К. И. Чуковский, В. В. Шкловский; по-английски Ю. Н. Данзас, Евгений Замятин, С. Ф. Ольденбург, В. А. Чудовский; речи, говоривших по-русски — переводились Уэллсу. [...] Уэллс отвечал всем говорившим сразу, или, вернее, отвечал одному, отвечал на очень резкий упрек по адресу всей последней политики Англии».⁴⁵

21 января 1920 г. исполнилось 50 лет со дня смерти Герцена в Париже. У большевиков были планы переименовать бывший Императорский Московский университет в «Герценовский»...⁴⁶

В однодневной газете «Колокол», вышедший под редакцией М.К. Лемке, Сорокин писал о своем великом предшественнике:

«Человеческая (личность — мера всех вещей. Такова основная заповедь Герцена. Он один из немногих, кто не сбился с пути, не изменил, как многие, этому принципу. С этой точки зрения, его «С того берега» неувядаемы. В наши дни нельзя без трепета перечитывать это произведение. Оно волнует. Оно жжет. Оно верно и в то же время — остро, злободневно. Оно становится, и не без основания — евангелием многих и многих, кто в наши дни не остался «на этом берегу» духовного сервизма. «Свободный человек» был у нас подавлен тяжелой колымагой государства. Его

* По воспоминаниям Георгия Иванова, бывшего среди «примерно тридцати человек, приглашенных на банкет» Уэллс выглядел так: «Небольшой рост. Серый костюм. Плечист. Толстое лицо. По виду — лавочник средней руки, сознающий, что он центр внимания. <...> Банкет был позорный <...> Ораторы... некоторые из них высказали большое гражданское мужество — например Амфитеатров...» (Георгий Иванов. Китайские тени // Георгий Иванов. Собр. соч. в трех томах. Том 3. М., 1994. С.266).

у нас не было. Его нет и сейчас. Сейчас, как и раньше, огромный грузовик государства всей тяжестью давит на «свободного человека». На сцене «освободители», но нет «свободных людей».⁴⁷

Летом 1920 г. Сорокин с женой перебрался в Царское село, которое большевики из-за одиозного для них названия и огромного количества детских домов переименовали в Детское село.

Поселились они в двух комнатах бывшего Семейного флигеля Федоровского городка (кв. 8, второй этаж), около Федоровского собора. Участок земли, полученный от Агрономического института, был превращен в огород, овощи с которого помогли пережить следующую зиму.

Еще осенью 1918 г. в Петрограде возникло «Общество взаимопомощи литераторов и ученых» (Разместилось оно в особняке Кушелева на, Бассейной, 11). Обиходное название общества — «Дом литераторов». Возглавлялся «Дом» правлением под председательством Ахматовой, Блока, Гумилева, Ходасевича и др.). Организация была создана на собственные средства ее участников, чтобы выжить. Очень часто, чтобы получить обед, состоящий из тарелки супа с крупами без хлеба литераторам и ученым приходилось идти с 16-ой (или 8-ой, как в случае с Сорокиным) линии Васильевского острова на Бассейную. Изредка в Доме литератора можно было получить стакан чаю с леденцом за 100 рублей...

С января 1919 г. «Дом литераторов» издавал журнал «Вестник литературы», единственный в то время «несоветский журнал в России». Редактором-издателем его был А.Е. Кауфман.

Если в 1919 г. единственным журналом, где печатался Сорокин, был «Социо-библиологический вестник», то в следующем году таким журналом стал «Вестник литературы». В 1920-ом году Сорокин опубликовал в нем три рецензии. В одной из них он писал о вышедшей в Петрограде, в первой половине 1920 г., книге А. Белого «На перевале. III. Кризис культуры».

«Заглавие громкое. Но напрасно искать здесь ответы на вопросы: в чем состоит кризис культуры [...]. Сам А. Белый на 53 странице «Кризиса культуры» дал, думается, правильную характеристику своей книге и подобных

писаний. Вот она: «Увлечение Ницше и Ибсеном было подлинно в нас: на одно лишь мгновение захотели мы в горы; в горах оказались серыми и темными мы, [...] мы стали кретинами: в Ницше увидели мы не тело томимое духом: литературную форму: и стали мы ей подражать, гримасирую символом». Правильно. Не оспариваю».⁴⁸

О книге жены диктатора Петрограда Зиновьева — Златы Лилиной, (выпущенной Государственным коммунистическим издательством) «От коммунистической семьи к коммунистическому обществу» Сорокин отозвался:

«С агитационной точки зрения в среде людей незнающих она достигнет своей цели».⁴⁹

Вполне положительно Сорокин оценил в «Вестнике литературы» «Введение в историю» Л.П. Карсавина и «Основные вопросы гносеологии» Н.О. Лосского...

Красный террор (расстрелы, голод, холод, лишение работы и т.д.) заставили некоторых из интеллигенции сдаться.

В конце мая 1920 г. к Гредескулу, Рейснеру, Святловскому присоединился историк революционного движения в России М.К. Лемке. Под псевдонимом «Чужой» в трех номерах «Известий Петроградского Совета» он опубликовал статью «Наша высшая школа». Статья полна нападок на профессоров, студентов... Напечатана она была в «дискуссионном порядке», но противоположная сторона слова не получила... Вслед статье «Чужого» было напечатано еще несколько в том же духе и тоже под псевдонимами...

В начале июня во Дворце труда прошел первый диспут по проблемам интеллигенции и высшей школы. Резко и бескомпромиссно в защиту науки выступили П.А. Сорокин и Л.П. Карсавин. Им возражал Е.А. Энгель (сотрудник созданного Сорокиным Социологического института), представлявший Наркомпрос.

В конце июня на втором диспуте о высшей школе в защиту свободы науки и преподавания к выступлению П.А. Сорокина присоединились И.М. Гревс, Б.Д. Бруцкус... Второй диспут был гораздо более многолюдней чем первый и большинство открыто выступили на стороне Сорокина... Им возражал М.К. Лемке...

«Известия Петроградского Совета» продолжали печатать материалы в духе «дискуссионно-установочной» статьи Лемке вплоть до зимы 1920 г. Ученые (например, известный хирург В.А. Оппель) сквозь зубы отвечали на эту навязанную сверху по указанию Г. Зиновьева «дискуссию» исход которой был ясен заранее...

3 декабря 1920 г. СНК принял постановление о реорганизации преподавания общественных наук в высших школах РСФСР.. Преподавать отныне могли только доверенные лица по советским планам и программам...

Осенью 1920 г. вновь началась полоса многочисленных арестов. Большую группу студентов отправили в феврале 1921 г. в Холмогорский концлагерь в 80 километрах от Архангельска.

Осенью 1920-го года с «Открытым письмом» В.И. Ленину в эстонской газете «Rajalanõ» (Валга) выступил К.Ф. Жаков.

«Вы сидите на троне, а я странствую по просторам этого света и не связанный ни с чем, пишу Вам правду.

Вы — материалист и всю жизнь изучаете только Маркса. Мир для Вас — большой механизм и человек — маленькая машина. Материя меняется только через насилие. И Вы решили изменить жизнь человеческого рода насилием и убийством. Вы убили миллионы и готовите убийство еще миллионов, однако жизнь не изменит себя по Вашим желаниям. Вы попали в безвыходное положение. Вы или сами должны убивать, или сами будете убиты.

Мы, лимитисты, считаем, что мир и люди — не только механизм, но и нечто разнообразное — пространственное, временное, материальное, духовное, разумное, красивое и хорошее. Основой всего является всезнающая первоначальная потенциальность — Бог.

Если люди — не только машины, но разум, то и свобода нужна; если в людях есть нравственность, то должно быть и сочувствие, и любовь. Если есть Бог — первоначальная потенциальность, то наш образ жизни должен быть в согласии с его законами. Поэтому мы, как мыслящие существа, требуем, что людям следует учить друг друга и учиться.

Мы призываем к добровольному объединению, к большому знанию. Значит, мы работали одновременно. А Вы — односторонний мыслитель. Вы построили политику на материализме и Вы должны исчезнуть, так как политика — это искусство, которое должно основываться на разностороннем знании природы человека. На плохой философии основывается плохая политика, и Вы, Ленин, должны все снова и снова убивать людей или быть самим убитым. И мы, лимитисты, предлагаем Вам один путь спасения на основе разностороннего разума мира. Вы должны признать перед народом, что философия — материализм, который допускает насилие, погубила Вас. Признайте перед народом, это единственный путь спасения, тогда все поймут, что путь прогресса — не насилие, а обосновывание своих мнений, воспитание, терпение, самопожертвование. Это пути настоящего прогресса.

Если Вы это не признаете и не покаетесь, Вас уничтожат сразу, как только у Вас пропадет возможность уничтожать других тысячами и миллионами. Так неверен Ваш однообразный характер мышления, как будто мир — только механизм и человек в нем — только машина.

**Тарту.
28 октября 1920 г.⁵⁰**

Знаком ли был Сорокин с этим письмом своего Учителя?

В 1921 г. Сорокин продолжил работу над книгой «Голод как фактор». В январе этого года, в разгар крестьянского восстания под руководством Антонова, Сорокин на три недели выезжал в Тамбовскую губернию для изучения голода. В июле 1921 г. он вновь побывал там, для «изучения общественных результатов массового недоедания и для чтения лекций в Тамбовском университете».⁵¹

К этому времени относится его письмо к Седенко:

Дорогой Ферапонт Иванович,

Я завтра еду в Тамбов и Поволжье для изучения голода недели на две, на три. Хотелось бы повидаться с Вами. На всякий случай рукопись «Голода» оставляю у профес-

сора Немилова Ант. В. (Царское Село. Магази́нская ул., д. 98).

В случае, если холера унесет меня. — надеюсь этого не случится, рукопись (в чистом виде готово 2/3 рукописи остальные в черновике, но разборчивом, возьмите ее у него (он предупрежден) и делайте с ней. что хотите. Затем в виду отъезда в счет августа просил бы дать мне тысяч 60–70. Буду очень благодарен. Зайду завтра. Между 4 и 5 часами.

Ваш Питирим Сорокин.⁵²

Профессор-гистолог Антон Витальевич Немилов был соседом Сорокина по Царскому Селу. Знакомы они были еще с досоветских времен. В работе над «Голодом» Сорокин пользовался советами Немилова... Оба имели на эту проблему одинаковую точку зрения...

Статью Немилова «Очерки по физиологии голодания» была опубликована одновременно со статьей Сорокина «Голод и убеждения(идеология) человека» (Артельное дело. 1921 г. №9–16).

...Еще 15 декабря 1919 г. Совет Петроградского Университета принял обращение «К высшей власти» в связи с гибелью русских ученых от голода...

В мае 1921 г. с письмом к «образованному» миру выступил М. Горький — Призвал помочь четырем тысячам ученых Петрограда. В берлинской «Воле России» сообщалось:

«В ближайшие недели и даже дни наступит голодовка в буквальном значении этого слова. Сами ученые скорее умрут, чем попросят милостыню, а потому Горький зовет — Помогите».⁵³

Первыми откликнулись финны.* В самой Финляндии в 1921 году насчитывалось около 20 тысяч беглецов из Советской России. 21 мая из Гельсингфорса ушли первые вагоны с продуктами, собранными финскими учеными...

* В апреле 1921 г. петроградским литераторам и ученым было получено из Нью-Йорка 100 пудов пищевых продуктов...

Транспорт сопровождали представители комиссии помощи русским ученым при Гельсингфорском университете — выдающийся ученый, профессор В.П. Мансикка* и библиотекарь Университета А.В. Игельстром.

В Гельсингфорском университете была создана специальная комиссия помощи русским ученым. В июне Комиссия обратилась к отдельным ученым и научным учреждениям, университетам и академиям Европы с призывом прийти на помощь русским ученым.

В ответ на призыв в Париже был создан Комитет помощи русским ученым под председательством историка А. Олара, аналогичные комитеты возникли в Дании, Норвегии, Испании, Чехословакии (председатель В.М. Вершинин)...

Мансикка и Игельстром еще не раз привозили в Петроград продукты, собранные во Франции и присланные из других европейских стран... Большевики не мешали...

На одном из заседаний комиссии петроградских ученых в августе 1921 г. Игельстром сделал доклад в котором сказал, что большую помощь финскому комитету оказали французские ученые, Ф. Нансен, комитеты в Копенгагене и Мадриде... В ответ представители русских ученых:

«...указывали на огромное моральное для них значение помощи финских ученых и подчеркивали, что когда Россия встает во весь рост, в первую голову она поблагодарит представителей Финляндии, тогда уже по-настоящему она скажет спасибо Финляндии».⁵⁴

Возникшие в Европе и США мощные движения помощи гибнувшему от голода русскому народу заставило Ленина и Троцкого, пожалуй, впервые, после введения НЭПа еще раз чуть ослабить диктатуру.** В июле 1921 г. в Москве была разрешена деятельность «Общественного комитета помощи голодающим», в который вошли многие видные общественные деятели-большевики. В том числе и друг Сорокина — Н.Д. Кондратьев.

* Вилье Петрович Мансикка, как и П.А. Сорокин был членом уничтоженного большевиками в 1920 г. Архангельского общества изучения Русского Севера.

** В 1933 г. когда большевики организовали голод, унесший жизни миллионов, международная помощь не допускалась и наличие голода отрицалось. Голод был организован целенаправленно.

Имени Сорокина среди нескольких десятков членов Комитета, почетным председателем которого стал В.Г. Короленко не было. Он предвидел, что большевистская хватка ослабла ненадолго (Действительно уже 27 августа 1921 г. ВЧК арестовало руководителей Комитета. Последовало 6 смертных приговоров, отмененных только после вмешательства Ф. Нансена), и не хотел участвовать в санкционированной властями организации...

В Петрограде по инициативе П.И. Пальчинского тоже было возник аналогичный московскому Комитет, в который вошли: В.М. Бехтерев, А.С. Изгоев, Д.И. Заславский, Е.Л. Зубашев (бывший член Госсовета), Д.Д. Протопопов, А.Г. Рафаилович, профессор Д.С. Зернов и **«много других известных инженеров, техников и деятелей прежней русской общественности»**.⁵⁵

Спасало русский народ от голодной смерти и правительство Эстонии. Советский полпред в этой стране М.М. Литвинов заявил корреспонденту эстонской газете «Waba Maa»:

«Советское правительство глубоко признательно Эстонии за отправленные в Россию вагоны. Это – первая помощь русским голодающим из-за границы».^{55a}

Когда в августе Комитет «Дома ученых» решил организовать ряд лекций, посвященных неурожаю и голоду, то цикл открылся двумя лекциями Сорокина «Влияние голода на общественную жизнь»...

Материал для изучения был разумеется в большом количестве и в Петрограде Сорокин лично (в 1918/19 гг. в столовой Университета и Бестужевских курсов, в продовольственной лавке рабфака Петроградского университета, а в феврале — апреле 1921 года, когда выдача ученого пайка резко сократилась, в «Доме ученых») видел десятки и сотни протестов и волнений...⁵⁶

Еще в 1920 г. в вузы стали назначаться комиссары. В правила о приеме в вузы было внесено положение о классовом принципе, и впервые в 1921 г. на факультете общественных наук Петроградского университета среди принятых оказалось большинство коммунистов и комсомольцев. Продолжалась

также чистка студентов и преподавателей «от антисоветского элемента». Вопрос перед университетской профессурой был поставлен ребром: или отказ от убеждений, или увольнение, голодная смерть, расстрел..

В этой ситуации в 1920-ом году сдались большевикам академики Иван Павлов и Владимир Бехтерев. Павлов пошел на сотрудничество с большевиками в феврале 1920-го, а В.М. Бехтерев 24 июня 1920 г. опубликовал в «Петроградской правде» письмо «К русским ученым за границей» с призывом ... «Вернуться в Россию». (К 1920 г. из 46 членов старой Российской Академии наук 8 академиков находились в эмиграции. 10 умерло за годы революции).

Ответ Бехтереву дал академик М.И. Ростовцев и он достиг Петрограда, хотя и в передаче большевистской цензуры

«По словам «Ревельских новостей» (номер от 13 августа). «В одном из последних номеров «Последних новостей» профессор Ростовцев дал прекрасный и полный общественного значения урок академику Бехтереву не постеснявшемуся на столбцах большевистской «Правды» призвать представителей русской науки вернуться в Россию и приняться за творческую работу вместе с большевиками».⁵⁷

Во второй половине 1920-го около 300 профессоров Университета подали заявление о заграникомандировке).

В фонде П. Витязева (Ф.И. Седенко) в РГАЛИ в Москве сохранился документ.

«Ответ профессора Питирима Александровича Сорокина на анкету по вопросу о национализации частных издательств и отдаче всего издательского дела в государственное издательство».

«Заккрытие частных книгоиздательств и окончательное огосударствление их, с моей точки зрения, будет иметь совершенно определенные следствия и для науки, и для искусства, и для всей общественной жизни. Главные из этих последствий таковы:

1) еще большее падение издательского дела и дальнейшее увеличение книжного кризиса, ибо на место уничтоженных издательств не будет создано ничего, что бы заменило эту потерю (словесные обещания любителей «социализации» в счет не идут);

2) дальнейшее подавление научного творчества и распределения его результатов, ибо при ликвидации частных издательств не могут быть опубликованы и те работы, которые до сих пор издавались благодаря им;

3) рост «религиозной ортодоксии и догматизма» (хотя бы и коммунистического) за счет науки, ибо наука без свободы мысли, критики и борьбы мнений существовать не может, а государственные монополизаторы (будьте покойны!) издавать работы, противоречащие их догме и почему-либо им неудобные, не будут. В итоге, как в период «владельчески-попечительной опеки печати» (средние века, период Генриха VIII в Англии, эпоха Галилея и Рабле в Италии и Франции, у нас эпоха Грозного и Петра), все будет зависеть от «инквизиторов» государства. *Approbatio* папы заменится *approbatio* (государственного) чиновника. Он будет «живым носителем», «наместником» научности и истинности. Его мнение — законом. Научная оценка заменится решением комиссара печати, Критика — доносом. Словом, мы получим полную копию давно уже, казалось, пройденной эпохи Магницкого в России, средневековья — в Европе. Как тогда, все противоречащее католической церкви преследовалось, так и теперь все противоречащее учению «иже во святых отцов наших, вселенских учителей и святителей». К. Маркса. Ф. Энгельса и «иже во святых отцов наших — правоверных коммунистов российских» или им почему-либо не нужное не может быть напечатано.

«Катехизис» Филарета, хотя бы в виде «Азбуки коммунизма», займет место науки, вера и догма — место опыта и наблюдения, невежество — место просвещения и т. д. Впрочем, к чему будущее время, когда все это мы имеем уже в настоящем...

Обращаясь к данным опыта, мы теперь уже имеем основания для подтверждения этого прогноза. Усилилось ли издательское дело со времени национализации? Не издает ли весь аппарат Государственного издательства

меньше книг, чем издавало их раньше одно частное издательство, например Сытина? А какова научная ценность издаваемых книг? Научных книг почти не издается. И то, что издано, имеет случайный характер, говорящий не об научной высоте издаваемых книг, а об хороших отношениях автора с «апробаторами истины и власть имеющими». Большинство изданных до сих пор научных работ принадлежит «Чичиковым от науки».

«А судьи кто?» Если Кювье ошибся в оценке «Философии зоологии» Ламарка, то неужели же заведующий Государственным издательством и его коллегия такие гении, что безошибочно сумеют решить: что научно, что ненаучно, что заслуживает общественного внимания, что нет, что должно быть напечатано, что не должно. Мне несколько неловко за тех «смельчаков», которые берут на себя такую претензию. В XX веке она выглядит довольно странной... Заканчиваю словами Гальтона эти замечания:

«Наша раса остается существенно рабской. По своей природе мы склонны слепо верить в то, что мы любим, а не в то, что является наиболее истинным. Подобно дикарям, прибегающим к оружию, когда миссионер разбивает их фетишей, мы негодуем, когда другие исследуют наших идолов и критикуют их безнаказанно. Счастливы те, которые с детства приучаются к мысли, что научное исследование может быть абсолютно свободным, не будучи неуважительным, что уважение к истине есть отец свободного исследования, а фальсификация истины — величайший смертный грех».

По пути этой фальсификации мы далеко ушли за эти годы. Окончательная ликвидация частных издательств — только дальнейший шаг по тому же направлению.

Кому нравятся такие результаты — пусть поет «осанна!». Я не принадлежу к числу этих «Блажен, кто верует, тепло тому на свете!».⁵⁸

«Ответ» как и многие работы Сорокина того периода написаны красным карандашом на листах с обеих сторон...

Анкета была составлена Витязевым и послана ряду видных представителей русской интеллигенции. Ответ академика

И. П. Павлова датирован 9 февраля 1921 г. Ответ директора Публичной библиотеки и соседа Сорокина по Царскому селу Э.С. Радлова тоже 9 февраля 1921 г. Ответ Сорокина не датирован, но, вероятно был написан в эти же дни...

Сам Витязев в январе 1921 опубликовал «на правах рукописи» для раздачи членам СНК, ЦК РКП(б), ВЦИК, ВСНХ, Моссовета, Петросовета, редакциям «Известий ВЦИК» и «Правды» и др. книгу в которой писал:

«Вопрос о частных издательствах стоит сейчас особенно остро... Борьба ведется слишком неравная. У наших противников вся полнота власти, в их руках вся повременная и периодическая печать. Нам выносят смертный приговор не дают даже права сказать хотя бы одно слово в свою защиту... Вся политика Госиздата к этому и ведет. И если она продолжится хотя бы полгода, от частных издательств в Советской республике останется только воспоминание... Но победа эта будет Пирровой и для русской книги, и для всей русской литературы... Результаты этой политики советской власти уже стали сказываться самым роковым образом. Целый ряд издательств погиб безвозвратно... Все те литературные течения, которыми была всегда так богата наша художественная биллетристика и поэзия, почти вычеркнуты из нашей жизни. Критики, которая имеет такую славную историю в прошлых страницах русской общественности, сейчас совсем нет. Публицистика умерла в ту самую ночь, когда произошла Октябрьская революция. Всяким «новым исканиям» во всех областях нашего духа положен конец. Литературная работа как профессия начала исчезать в Советской России. А всякая русская литература, сдавленная тисками «советской цензуры», замерла на мертвой точке...»^{58а}

Русскую литературу убивал...

Кто убийцы?

Воровский разъяснил Витязеву, что печатать полное собрание Михайловского «несвоевременно»...

Лисовский объяснил, что сочинения Лаврова «старый хлам»... Он же, вместе с Заксом* запретил печатать работы Бакунина и Кропоткина... Цензор Вейс запретил сочинения Огарева и Левитова... Лисовский запретил печатать книги А. Белого, А. Ремизова, К. Эрберга, Вячеслава Иванова...

Что в итоге?

Виктор Чернов писал в 1921 году:

* Воровский заведовал Госиздатом до 07.1920. Его сменил С.М. Закс-Гледнев.

«Кладбищенская тьма простирает свои черные крылья над осиротелой землей. И в этой глубокой тьме по-прежнему со страниц всяких «Правд» и «Известий» монопольно «ухают» совы и филины советской прессы, гг. Стекловы, Мещеряковы и иные Смердяковы большевизма, вместе с переходящими порой на газетное поприще заплечными мастерами советского режима, такими новоиспеченными «писателями», как Лацис, Петерс. Это нашествие профессиональных убийц на арену очищенной от настоящих писателей литературы, как нельзя более символично для всего режима. Ибо, что такое вся эта власть, как не власть ночных убийц, убийц всякой свободы, всякой личной и общественной инициативы, убийц вольного творчества, – убийц великой русской литературы?»^{58б}

В начале 1921 г. в Университете до полной «победы» большевикам было еще далеко. Это видно даже из воспоминаний бывшего студента ФОНа о реакции слушателей на выступление Сорокина 21 февраля 1921 г. на годовичном акте Университета, проходившем в Большой физической аудитории:

«Хорошо запомнилось содержание его речи. Начал он с «критики» деятельности народного комиссариата просвещения («В школах нет тетрадей, пишут на обрывках бумаги, и то когда найдут. Один карандаш на несколько учеников»), затем перешел к критике советского руководства и все это под бурные аплодисменты аудитории».⁵⁹

Дилемму «отказ от убеждений или смерть» Сорокин исследовал в статье «Голод и убеждения человека»:

«Прочность убеждений, не меняемых по источнику и величине пайка, — самое достоверное свидетельство того, что этот социальный костюм, делающий человека человеком, надет на них не случайно, что кора культуры на них не тонка и не разлетается вдребезги при первом искушении голодом. Это те люди, которые не мягкотелы, которые способны и добывать и охранять свои права. Это те люди, которые нужны каждому народу. [...] История показывает, что только народы, крепко дорожившие

своими убеждениями, не менявшие их по воле ветра, не продавшие свои права, честь и совесть за «чечевичную похлебку», были и остаются великими народами».⁶⁰

Вывод статьи цензурой пропущен не был:

«Интеллигенция в массе не выдержала испытания: оказалась мягкотелой и цинично хамелеонской. [...] Если мы не поймем, что «совесть и убеждения» — это не пустяк, а главное условие счастья народа и даже материального благополучия и, если, поняв, мы перестанем быть моральными лицемерами, рептилиями, хамелеонами и умниками — шанс на возрождение и спасение есть. Если этого не будет — спасенья нет. Мы будем нищими телом и нищими духом, рабами других и печальным уроком для всех.* В этом случае нам останется только кутаться в лохмотья пышной исторической одежды прошлого и утешаться воспоминаниями».⁶¹

В собрании профессора социологии Тартуского университета и библиофила Юло Матьюса хранятся два тома «Системы социологии» Сорокина, купленные в феврале 1977 г. в букинистическом магазине города Тарту за 5 (!!!) рублей. На книге автографы Сорокина:

«Антону Ивановичу Пийпу в знак глубокого уважения от автора».

«Министру Иностранных дел Эстонской Республики профессору Антону Ивановичу Пийпу в знак глубокого уважения. От автора. 1921 г. 3 апреля.»

В 1913 году Антон Пийп был в группе, оставленных для подготовки к профессорству одновременно с Сорокиным...

Встретился ли Сорокин с ним лично, или передал через кого-либо свои книги неизвестно...⁶²

1 сентября 1921 г. «Петроградская правда» опубликовала очередной список расстрелянных интеллигентов. По «делу Таганцева». Среди 61 имени были фамилии профессора

Н. И. Лазаревского (рецензент Сорокинской «Системы социологии, проректор, и фактически ректор Университета), географа В. Н. Таганцева (на год моложе Сорокина), химика М. М. Тихвинского, поэта Н. С. Гумилева... Еще раньше умер залеченный Александр Блок. Прошел слух о самоубийстве Ахматовой... **«Только и осталось от Петербурга, что стихи Пушкина и Ахматовой»** — напишет Цветаева...

2 сентября 1921 г. Ленин подписал декрет «О высших учебных заведениях». Автономия высшей школы окончательно ликвидировалась. Все руководители вузов теперь назначались наркоматом просвещения. Ректором Петроградского университета назначили Н.С. Державина... Последний выборный ректор-академик Владимир Михайлович Шимкевич был уволен Луначарским с выборной должности. На следующий год Шимкевич, выдающийся биолог пополнил мартиролог русской науки...

Будущий Нобелевский лауреат по экономике студент Сорокина по Петроградскому университету и коллега по Гарварду Василий Леонтьев как раз в 1921 году поступил на социально-экономическое отделение факультета общественных наук (председатель Е. А. Энгель) Петроградского университета. Леонтьеву было всего 15 лет, но как вспомнил он много лет спустя:

«Мое обучение шло с небольшими перерывами, потому, что меня несколько раз на Гороховую (на Гороховой улице, дом 2 находилась Петроградская ЧК — Ю. Д.) забирали».⁶³

Когда в 1925 г. Леонтьев все-таки получил диплом, то в перечне лекций, семинаров и т. д. значилось, что Леонтьев сдал и «необязательный предмет» — социологию...

Осенью 1921 года исполнилось 100 лет со дня рождения Ф. И. Достоевского. В течение октября Вольная Философская Ассоциация провела несколько открытых заседаний по поводу юбилея. По воспоминаниям ученого секретаря Ассоциации А. З. Штейнберга, Сорокин читал доклад «Толстой и Достоевский»:

«Питирим Александрович, размахивал в воздухе указкой, как будто бы сам Толстой бил ею Достоевского, выпустил Льва Толстого, чтобы он проглотил Достоевского

* СССР и РФ действительно — «печальный урок» для всего мира.

с кожей и костями. Один из участников обсуждения его доклада сказал ему: «Если вы хотите противопоставить Достоевского — хищного зверя — Толстому, доброму и смиренному схимнику, то не забудьте, что Толстой не Ягненок, а Лев Толстой». Указка опустилась, и Сорокин заметил, что слишком разъярился».⁶⁴

Черновую запись доклада и прений сделал Д.М. Пинес:

Прения по докладу П.А. Сорокина
«Достоевский как социолог»

на открытом заседании ВФА 13 октября 1921 г.

Николаев-Бергин — Чувствую большое смущение, когда о Достоевском. — Непочатый край. Дебри не понуждают? общую схему наметить. Дельно, обстоятельно, сильно аргументировано у Сорочкина, но доклад не о Достоевском, а о Толстом. Вопрос о религии и христианстве поставлен так, что Достоевского нет. Вопрос о страдании плоско, тупо, мещански, обойден пункт важный: национально-православное христианство со страданием, с падалью, — Дневник писателя, «парадоксалист» (взгляд на войну). Все, что есть не только сущее, но и должное. Есть человек с войной, со страданием. Поната жизнеощущения — прекрасное удовольствие и страдание, счастье и несчастье. Нужна преисподняя. Человек идет по жизни, переваливаясь с ноги на ногу. Александра Федоровна — распутинская портянка. Танго — война. Сорокин обошел вопрос о ценности несчастья и страдания. Достоевский далек от мысли, что война приведет к счастью. По Достоевскому, Россия первая страна в мире, она выведет мир на чистый очистительный путь. Цивилизация — сплошной разврат. (Сон на 3^{не}...).

Чебышев-Дмитриев — Достоевский — защитник войны. Социальные загнивания происходят; нужна операция. Я сам защитник последней войны, но когда читаешь у другого, даже у Достоевского, где такая сила и глубина, — то противно. И все же когда Сорокин высказывается против пролития крови, то это наивно. — Основное у Достоевского — неверие (Ставрогин). Смердяков. Братство у Достоевского = славянство, родство по крови; но это мелко — сложная механика высокого мошенничества. «Бесы» — после революции и войны — обогащение.

Колобанов — У Толстого в «Конце века» доказывается, что революция 1905 г. не является началом разрушения государственности, а русская государственность — начало нового века (христианской морали), возможно. Почему Сорокин думает, что он невозможен.

Сорокин — Мною получена записка, что я думаю, что «ниже тоненькой былинки». — Я не проповедаю пассивности. Есть борьба и — борьба. Мученик, которого поджаривали — «пора перевернуть». Ставрогин (когда ударили). — Это не проповедь непротравления. Непротравление — не есть пассивность. Стоять на своем, не сдаваясь, — труднее. Оппоненты гово-

рили, что я неполно и неадекватно изложил Достоевского, но я и не задавался этой целью. Как философ, как художник. Я ограничился социально-политическим мыслителем, да и то мазками общими, широкими. Осечки у Достоевского есть, но нет ни одного мыслителя, абсолютно-логического. В идеальном плане — системы Достоевского и Толстого равны. Мещанин и интеллигентия, степень их рафинированности («оправдание мещанства»). Мещанин он создавал мир. Убить несколько сот миллионов — пожалуйста, но какая цель (смесь «Человека из подполья» с Иваном Карамазовым) — клопа не убьете). Показатель обогащения — кривая смертности и т.д. только мир залечивает. Колобанову ответ: раньше смотрел оптимистичнее, а теперь знаю, что кровопускание будет продолжаться. Кнституции и т.п. не помогут. Человека не так легко переделать.

Штейнберг — Упрекали, что Сорокин говорил не о Достоевском, а о Толстом. Он сам подтвердил, говоря об идеальном плане. Книги Мережковского, Белого. Сами Достоевский и Толстой (Достоевский — человек с заминкой? как рысак). С этой точки зрения доклад Сорокина — парадоксален, а оппоненты — по Достоевскому. Но «парадоксалист». История — диаволов водевиль (пьяная старуха — история, Ванька-всанька, сказка про белого бычка). Но тогда Сорокин согласен с Кирилловым. И доклад — не «апология мещанства», а апология интеллигенции. Обыватель пишет книг, и Сорокин выразитель «обывательского кризиса» (антиномия). Достоевского не было, и сегодня, как и раньше, выполнена ли наша задача, задача В.Ф.А. приблизить Достоевского (Гераклит Темный). Если это и не Достоевский, то в неудовлетворении, обратным путем, отрицательными определениями мы...

Сорокин — Так как не резюме. — Если суждено, только путем Толстого и Достоевского. — Если будут привиты новые — удастся. Но Толстой и Достоевский — не полюсы.^{64а}

Вольфила, в отличие от Дома Литераторов, была вполне лояльной большевикам организацией. К. Эрберг писал, что Сорокин в ней пришелся «не к месту».^{64б}

Секретарем Вольфилы был тот самый В.В. Бакрылов, на нападки которого в ноябре 1918 г. Сорокин отвечал в «Воле народа»...

Если пользоваться терминологией идущей от французской революции 1789 года, то Сорокин занимал в Вольфиле правый фланг, Иванов-Разумник — левый, А.А. Гизетти — центр.

Сорокин входил в Оргбюро Вольфилы по созыву в Петрограде «Первого всероссийского философского съезда». Идея съезда появилась осенью 1920 г. Получила одобрение властей. Но дальше планов дело не пошло...

14 июля 1922 г. Иванов-Разумник из Царского Села писал Эрбергу:

«<...> VIII Философский съезд.

1. Заседал с Васильевым, Лосским и Сорокиным Питиримом. Питирим едет осенью в Америку на год. Лосский тогда же – в Германию и Англию на полгода. Оба будут оповещать заграничных философов».^{64в}

В августе 1922 начались аресты...

В Оргбюро (февраль 1921) по созыву съезда входили:

- 1,2,3 – Вольфила. (Видимо, Иванов-Разумник, Эрберг, А.З. Штейнберг).
- 4 Васильев Александр Васильевич. Математик.
- 5 Сорокин П.А.
- 6 Аскольдов С.А.
- 7 Введенский А.И.
- 8 Павлов И.П.
- 9 Хвольсон О.Д.
- 10 Чугаев Лев Александрович (1873 Москва – 23.09.1922) – профессор химии Петроградского университета.
- 11 Магазиер Я.М.
- 12 Немилов Л.А.
- 13 Кареев Н.И.
- 14 Лазаревский Н.И.
- 15 Рожков Н.А.
- 16 Тахтарев К.А.
- 17 Буковецкий А.И.
- 18 Карсавин Л.П.
- 19 Мейер А.А.
- 20 Гинзбург Илья Николаевич.
- 21 Петров-Водкин К.С.
- 22 Фельтен Николай Евгеньевич.
- 23 Кристи М.П.
- 24 Радлов Э.^{65г}

Имена все известные.

На первом собрании Оргбюро (17.02.1921) присутствовали: Эрберг (председатель), Иванов-Разумник, Магазиер, Сорокин, Штейнберг.. Они и наметили список из 24 человек...

П.А. Сорокин в своих воспоминаниях «Дальняя дорога» Вольфилу не упомянул...

«Философский съезд» не состоялся, но летом 1922 г. прошли съезды агрономов, врачей, кооператоров... Делались политические заявления, выдвигались демократические требования...

Друг и коллега Сорокина профессор Н. С. Тимашев бежал из России вместе с семьей по льду Финского залива. Ему грозил арест по «делу Таганцева». В декабре 1921 г. тоже с семьей в Финляндию бежал другой коллега Сорокина С.И. Гессен.

В противовес провозглашенной большевиками доктрине об усилении, «классовой борьбы», Сорокин писал в статье «Заветы Достоевского»:

«Предводители пролетариата хотят устроить царство «свободы, равенства, братства» путем пролития рек крови, уничтожением ста миллионов, обреченных ради «счастья человечества», но «на путях насилия и вражды нет спасения. [...] Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений. Напишите какие угодно конституции, пересадите какие угодно учреждения, но раз люди безнравственны, раз в них и их поступках нет нравственной идеи любви, то никакого улучшения быть не может. [...] Есть только один путь спасенья — путь трудный, но единственно надежный и верный. Это путь религиозно-нравственной деятельной любви. Вне его — нет выхода».⁶⁵

Осенью 1921 г. Сорокин предполагал ехать на Международный социологический конгресс в Турин (по приглашению Института социологии при Туринском университете) и планировал остаться на два месяца в Западной Европе для установления научных связей с социологами Западной Европы и Америки. Но после сентябрьских расстрелов такая поездка уже не могла состояться... **«Мрак, мразь и кровь советской жизни».**

Каллистрат Жаков, учитель Сорокина, сумевший вырваться из Совдепии, учительствовал в это время в Валке (Эстония). В сентябре 1921 года ему исполнилось 55 лет. В Ревельской газете было опубликовано его письмо в редакцию:

«Я считаю жизнь свою уже ликвидированной. [...] Я стар и болен. Неизъяснимая тоска сжимает душу мою, что погибло все вместе с Родиной. Вся моя жизнь скорбь, но ничто не сравнится с печалью последних лет».⁶⁶

Через пять лет — 20 января 1926 года — «Зырянский Фауст», как называли К. Ф. Жакова, скончался в рижской городской больнице. Похоронили его на Покровском православном кладбище. В 1990 году его прах перевезли в Сыктывкар.

Предсмертные, проклинающие Ленина и большевиков за уничтожение России, статьи Жакова еще предстоит опубликовать...

В Москве ГУС провел заседание, на котором многим профессорам была запрещена преподавательская деятельность. В этот список попал и Сорокин. Социология была изъята из университетских курсов и заменена курсом «Развитие общественных форм». Преподавать его разрешалось только коммунистам.

Письмо А. Горнфельду поэта и прозаика А.А. Селиванова (вел литературные отделы в «Современном мире» и газете «Вечерний час»).

Селиванов находится в тяжелейшем положении и просит у Горнфельда хоть какой-нибудь работы...

«Единственная связь с городом у меня через Питирима Александровича Сорокина, который живет в наших лесах. Книгу моих сонетов он предложил издательству «Мысль». Расхвалили ее всячески, а рукопись вернули. < > Также подготовил сборник сказочек, а рукопись вернули...

22 декабря 1921 г.

**Детское село. Павловское шоссе, д. 32,
доктору В.В. Соколову для Селиванова А.А.**⁶⁷

Той же осенью глава петроградских большевиков Г. Е. Зиновьев на конференции Петроградской организации РКП(б) заявил, что для Советской власти существует опасность со стороны крамольного студенчества. ГПУ приняло заявление вождя к исполнению. Лидеры Совета старост Университета,

Военно-Медицинской Академии, Горного и Технологического институтов были арестованы.

25 декабря 1921 г. исполнилось 10 лет издательской деятельности кооперативного издательства — московской «Задруги». Юбилей в обстановке большевистских преследований был отмечен явочным порядком. Торжественное заседание (присутствовали около 300 человек, еще уцелевших от тифа, голода, тюрем, расстрелов) состоялось в гимназии Флерова, под почетным председательством В. М. Фигнер. Основатель «Задруги» — С. П. Мельгунов, вышедший в очередной раз из советской тюрьмы принимал поздравления. Среди полученных писем и телеграмм было и послание П. А. Сорокина.⁶⁸

В «Обзоре деятельности книгоиздательства «Задруга» от 6 декабря 1922 г., подписанном зампредом ОГПУ Иосифом Уншлихтом отмечалось:

«Это собрание ярко показало настоящее лицо «Задруги»... На это собрание сошлись все элементы московской общест-венности, начиная с Веры Фигнер и кончая кн. Шаховским. Все выступления и приветствия говорили о том, что вот тут собрались остатки русской общественности, основательно потрепанные советской властью, но не пригнутые к земле, не отступившие от своих принципов... Все выступления и приветствия носили ярко антисоветский характер»^{68а}

Перед Рождеством 1922 г., по воспоминаниям Н. О. Лосского, Сорокин выступал в театре Гайдебурова при Народном доме графини Паниной.

Десятилетия спустя Николай Онуфриевич Лосский красочно описал этот вечер:

«Когда я приехал в театр, оказалось, что перед началом спектакля будут говорить о значении драмы несколько лиц с различных точек зрения. Первую говорила товарищ Ядвига,* которая была в то время председателницей Союза безбожников. Она приехала в театр с целой свитой большевистских деятелей. Когда дошла очередь до меня, я начал говорить, что христианский идеал кажется неосу-

* Я. А. Нетунская - большевичка с 1906 г. В 1921 году завлитпросветом Петроградского городского отдела народного образования.

ществимым и потому бессмысленным тем лицам, которые воображают, будто весь мир состоит только из царства бытия, изучаемого физикою, химиею, физиологиею, и не допускают возможности более высоких форм бытия. Как только стало ясно, что я буду защищать христианскую идею Царства Божия как реализацию абсолютного добра, товарищ Ядвига и вся ее свита, с шумом поднявшись со своих мест, уехали из театра. После моей речи подошел к Гайдебурову социолог Питирим Александрович Сорокин и попросил слова. Он говорил о том, что задача русского народа состоит в том, чтобы осуществить идеал, начертанный святым Нилом Сорским, Достоевским, Львом Толстым».⁶⁹

Сын Н. О. Лосского — Борис Лосский так описал выступление Сорокина в театре Гайдебурова:

Тут появилась на помосте еще молодая фигура Питирима Сорокина, будущий знаменитый директор Департамента Социологии Гарвардского университета уже завоевал себе в интеллигентном мире довольно широкую известность свободолобивым духом своих публичных выступлений, на которых он не стеснялся в выражениях. Раз, говоря (по словам брата) перед каким-то собранием университетских студентов и услышав их одобрительный хохот на его сатирический выпад против негуманных и некультурных властителей, он обратил к слушателям слова гоголевского Городничего: «Что смеетесь, над собой смеетесь!», за чем последовали пессимистические аплодисменты и, будто бы, его не очень лестная реплика: «Что хлопаете, на свою глупость хлопаете!» Во вместительную кладовую его ума входили знания самого разнообразного характера, потому не стану размышлять, на этом ли вечере, как вспоминалось отцу, или при других обстоятельствах Сорокин ссылался на своего Нила Сорского. Здесь же помню его стоящим, держа в левой руке дрожащие листочки с набросанными на них заметками, взглядывающим поверх очков на публику, с протянутой к ней опрокинутой ладонью правой руки и ведущим свою речь к забытому отцом категорическому заключению: «а вместо чуда — дохлая ворона».⁷⁰

Религиозно-философские и социально политические взгляды Л. Н. Толстого, его идеи любви и мира в Советской России к 1922 году стали уже стопроцентной «контрреволюцией», Достоевского персонально ненавидел Ленин, тем более не ко «двору» был Нил Сорский, но Сорокин твердо стоял на своем...

В декабрьском номере «Вестника литературы» за 1921 г. Сорокин писал об известном ренегатском сборнике «Смена вех» (вышел в июле 1921 г. в Праге):

«Ни литературных достоинств, ни глубины мысли в сборнике нет. Авторы — люди весьма правые: колчаковцы. Сборник интересен как социальный симптом. «Смена вех» — это идеология спецов, кормящихся от власти. Им не важно — Романов, Колчак или Ленин, — главное, чтобы сильная власть. А свои интересы выдают за интересы народа. Сборник поддержат люди, живущие подачками власти».⁷¹

Ждать «смены вех» от самого Сорокина было, конечно, бессмысленно. Уцелевший от расстрела в подвале ЧК в Великом Устюге, он, казалось, лишился не только страха, но и элементарного чувства самосохранения...

Публичное выступление Сорокина 21 февраля 1922 г. в зале бывшего Дворянского собрания фактически стало его последним выступлением в России. И даже последним открытым протестом политика-интеллигента на долгие десятилетия вперед, вплоть до появления правозащитного движения, которое, впрочем, само не называло себя политическим... Не та генерация...

...В 1921–1922 годах Комитет Дома литераторов издавал журнал «Летопись Дома литераторов». Редактором его был Б.И. Харитон (отец одного из будущих создателей советской атомной бомбы Юлия Харитона).

1 февраля 1922 года Сорокин опубликовал в этом журнале рецензию на книгу Бориса Яковенко* «Философия Большевикизма» (Берлин. 1921):

«Неверны конечно тезисы Яковенко и по существу. Избитым местом является тезис экстремизма, будто бы

* С 2002 г. работы Б.В. Яковенко издаются в Российской Федерации.

своейственной национальной русской душе и проявляющийся с одной стороны в бесконечной покорности ее. С другой — в неукротимости освободительной борьбы. Пора бросить такую романтическую «философствующую социологию» <> Несмотря на сказанное, книжка Б. Яковенко все же интересна и ценна как одно из первых осознаний великих катаклизмов нашего времени».

3 марта 1922 г. ЦК РКП(б) заслушал заключение завполитотделом Госиздата Николая Менирякова о журналах «Вестник литературы» и «Летопись Дома литераторов» и постановил оба журнала закрыть.

Рецензия Сорокина на книгу Яковенко «проскочила» в предпоследнем номере «Летописи Дома литераторов», а последний номер «Вестника литературы» (1922. №2/3. Февраль–март. Вышел до 20 февраля) открывался статьей Сорокина «Начало великой ревизии. К выходу сборника: Освальд Шпенглер и закат Европы». (М., Берг. 1922).

Сорокин отрицает основной вывод Шпенглера и авторов сборника (Бердяев, Букшпан, Степун, Франк) о неизбежности гибели европейской культуры и взгляды «группы Бердяева» на миссионерскую роль России в возрождении современной культуры...

...21 февраля 1922 г. в зале бывшего Дворянского собрания состоялось празднование 103-ей годовщины Петроградского университета. В зале — тысячи студентов всех учебных заведений бывшей столицы. После выступления ректора В.М. Шимкевича – Сорокин — в черной косоворотке и русских сапогах. Речь имела эффект разорвавшейся бомбы.

... В полной тишине Сорокин говорил:

«Придется вам подумать и о том, кого взять с собой в спутники и руководители. Настало время от ряда бывших спутников отказаться: они завели нас в пропасть».

В качестве спутников Сорокин рекомендовал взять Нила Сорского, Сергия Радонежского, Льва Толстого и Достоевского. **«Такие «спутники», по моему мнению, не обманут».**⁷²

Через несколько дней после этого выступления Сорокин был в очередной раз подвергнут нападкам в большевистской прессе.

Н. А. Гредескул, коллега Сорокина по Университету, еще недавно занимавший крупный пост в кадетской партии (член ЦК), а ныне «левый профессор», писал в «Красной газете»:

... огромный зал филармонии, бывшее Дворянское собрание, переполнен, 2,5–3 тыс. человек [...]. Выступает профессор Сорокин. Все чувствуют, что это главный номер. Аудитория сосредоточивается. Внимание усиливается. Полная тишина [...]. Профессор Сорокин сам заметно волнуется. Голос чуточку охрип. Нет привычной уверенности [...]. Все хорошо знают, что ни Нилу Сорскому, ни Сергею Радонежскому Сорокин свечей не ставит. Публика в недоумении. Призыв к «чистой науке. Известно, что Сорокин был партийным человеком, эсером правого толка [...]. Даже с точки зрения друзей профессора Сорокина, выдвигающих его на роль «глашатая» и «пророка», его речь несуразна. И с точки зрения организаторов собрания Сорокин провалил их дело, которое они считали отлично налаженным».⁷³

Нечто подобное много лет спустя вспоминал советский физик, декан физического факультета ЛГУ в 1937–1947 гг. и член-кор. АН Сергей Фриш. Физмат Петроградского университета Фриш окончил в 1921 году.

...Раза два в месяц Общеуниверситетский совет старост устраивал собрания, где выступали писатели, актеры и т.д.

Фриш вспоминал:

«...вскоре выступления стали носить острый политический характер. Питирим Сорокин, бывший общественный деятель и социал-революционер, теперь профессор университета, восклицал:

– Не надо иметь ума, чтобы удерживать власть с помощью пулеметов!

Значительная часть аудитории аплодировала. Питирим Сорокин не рекомендовал, однако, прибегать к насилию, чтобы освободиться от узурпаторов. Он советовал пере-

страиваться духовно. Тогда социальные перемены станут реальными. Обращаясь к студентам, он спрашивал:

– Кого же взять вам себе в духовные отцы?

Перебрав различных исторических и литературных героев, он рекомендовал, наконец, взять в идейные руководители старца Зосиму из «Братьев Карамазовых».

Рассказав далее о выступлении Федора Сологуба Фриш резюмировал:

«Деятельность совета старост продолжалась довольно долго, но дело все же кончилось тем, что несколько человек из числа его наиболее активных организаторов было арестовано и выслано на Север. К Питириму Сорокину и некоторым другим профессорам тоже применили репрессивную, хотя и довольно странную, меру: по настоянию Луначарского их выслали в Германию».⁷⁴

«Мемуар» Фриша — это, конечно, советская пропаганда. Речь Сорокина врезалась в память многих. Недаром при Горбачеве ее перепечатавали около 10 раз в различных изданиях... А тогда, в 1922 году она была опубликована в журнале «Утренники». 19 апреля 1922 г. литературовед Н.М. Мендельсон записал в дневнике:

«Вышли «Утренники» (явная замена запрещенного «Вестника литературы»). Напечатана там замечательная речь Питирима Сорокина на акте Петербургского университета»^{74а}

Отрешенная от преподавания профессура в сентябре 1921 г. организовала при Петроградском университете Исторический исследовательский институт (директором которого стал профессор А. Е. Пресняков), объединявший в себе целых три института: исторический, философский и социологический. Уже на своем втором заседании 24 сентября 1921 г. Совет Института по предложению Е.В. Тарле возбудил ходатайство перед президентом Института о необходимости скорейшего освобождения из застенков ЧК, арестованного в очередной раз А.А. Гизетти (Он сидел там уже более полугода)...

Видную роль Сорокин сыграл и в этом недолго (уже в 1923 г. закрыт) продержавшемся детище старой интеллигенции. 2 февраля 1922 г. Совет Института заслушал и одобрил программу работы по социологии, составленную комиссией из Н.И. Кареева, П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева.

21 марта 1922 г. Совет заслушал на своем заседании отзывы Н.Н. Кареева, И.И. Лапшина и К.М. Тахтарева на «Систему социологии» П.А. Сорокина и постановил допустить Сорокина к публичной защите названного труда. Официальными оппонентами были назначены действительные члены института Кареев, Лапшин, Тахтарев.

Сохранилась краткая запись о защите, сделанная самим Сорокиным в «Журнале заседаний Совета Исторического института»:

«Публичное заседание Исторического Института при Петроградском Университете.

22 апреля 1922 года.

Председатель: И. М. Гревс. Присутствовали члены Института: Кареев, Тахтарев, Тарле, Лапшин, Пресняков, Рождественский, Добиаш-Рождественская, Беккер, Карсавин, Заозерский, Вульфийус, Гредескул, Васильев.

Профессор Петроградского университета и член Исторического института Питирим Александрович Сорокин защищал тезисы, извлеченные из его книги «Система социологии», 2 тома. Петроград, 1920 г. Официальными оппонентами выступили профессора -Кареев, Тахтарев, Лапшин.

Институт единогласно признал состоявшуюся защиту удовлетворительной, о чем и свидетельствует в настоящем протоколе.

Председатель Собрания Гревс. Члены Института: Кареев, Вульфийус, Васильев, Рождественский, Добиаш-Рождественская, Лапшин, Беккер Гредескул.»⁷⁵

Защита (или, как было сказано в отчете о нем, «диспут») проходила в физической аудитории Петроградского университета:

«при большом стечении академической публики — профессор и студенчества и продолжалась шесть часов».

Поскольку ученые степени большевиками были отменены и Сорокину невозможно было присвоить степень магистра, то, как говорилось в опубликованном отчете:

«...диспут закончился заявлением И. М. Гревс о единомысленном признании Историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной, и таким образом косвенным путем цель диспута была достигнута. Многочисленная публика наградила диспутанта долго несмолкающими аплодисментами».⁷⁶

Тайным голосованием Сорокин был признан достойным звания «профессора социологии».

Н.Н. Кареев в мемуарах, опубликованных в эпоху М. Горбачева, вспоминал:

«Упомяну для полноты о возобновлении заседаний Социологического общества имени М.М. Ковалевского, в котором после смерти Лаппо-Данилевского председателем выбрали меня. В 1919 году, когда в университете зашла речь о курсе социологии, кандидатом на него намечался я, но после слияния с университетом Психоневрологического института, где этот предмет преподавали П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев, весьма естественно было передать им этот предмет и в университете. Оба они были наиболее деятельными работниками Социологического общества. С его упразднением и с учреждением особой секции для социологии в Историческом исследовательском институте в нее К.М. Тахтаревым была перенесена социологическая работа. Мне было довольно и одного Исторического института с его двумя в месяц общими и секционными (по новой истории) собраниями при председательствовании в последних. В этих собраниях как бы воскресло прежнее Историческое общество, никогда, однако, так интенсивно не работавшее, как Исследовательский институт.»⁷⁷

Книги, статьи и выступления Сорокина, отнюдь не были глазом вопиющим в пустыне. Его научные теории широко обсуждались не только в журнальных рецензиях, но и применялись на практике. 30 мая 1922 г. Сорокин писал из Царского села своему бывшему ученику, Пантелеймону Пипунырову (коми по происхождению) в Усть-Вымь, где Пипуныров преподавал в педагогическом техническом училище:

«Спасибо за письма и вашу брошюру».* Она интересна и ценна. Но рядом с этим обладает рядом дефектов, которые позвольте указать Вам не в качестве (упрека? — Ю.Д.), а как полезный для Вас совет старшего товарища. 1) Она кишит грубейшими опечатками. Это не Ваша вина, а наборщиков, но отсюда вывод: надо корректору делать много раз. 2) Обратите внимание на Ваш стиль: местами он не выдержан грамматически. 3) Ваше применение моей общей теории в общем правильно, но для Вашей темы не необходимо. В научном отношении более интересна будет вторая часть Вашей работы < > буду ждать. < >. Во всяком случае хорошо, что Вы работаете и работаете над научным изучением родного народа. Желая Вам в этом успеха. Спасибо за доклад о моих работах. Как в этом случае, так и вообще, конечно, не следует обращать никакого внимания на таких ничего не знающих болтунов и полусумасшедших как Чеусов и Ко. Кроме забавной улыбки, что они могут еще вызвать! Крепко жму руку. Пишите о том, как продвигается Ваша работа и, что вообще нового у «коми».

Ваш П. Сорокин.⁷⁸

...Доклад П.Н. Пипунырова в Институте народного образования в Усть-Сысольске вызвал неудовольствие советского функционера А.А. Чеусова. В итоге Пантелеймон и его брат Василий были арестованы в августе 1923 г. как сподвижники «белогвардейца Сорокина». Следователь, ведший дело предлагал сослать обоим в архангельский концлагерь на два года, но по воспоминаниям дочери В.Н. Пипуныровой Л.В. Пипуныровой, кто-то из видных большевиков вступился за братьев и они были освобождены.⁷⁹

* Что за брошюра установить не удалось. В генеральном каталоге РНБ среди работ П.Н. Пипунырова она не значится.

Братьям-близнецам Пипуныровым было по 21 году. Пантейлемон был студентом IV курса Педагогической Академии в Петрограде, а Василий студентом исторического факультета Петроградского университета, куда он поступил с помощью Сорокина.

В «Заключении» следователя по их делу имя Сорокина встречается неоднократно:

«...было выяснено, что Пипуныровы действительно имели в 1922 г. тесную связь с Сорокиным и были его последователями < >. В том же году на областной конференции работников просвещения в городе Усть-Сысольске Пантейлемон Пипуныров выступал оппортунистом марксизма, отрицал правильность основ его и противопоставлял ему учение Сорокина, за что получил личную характеристику от присутствующих на Конференции Молодцова и Чеусова следующего содержания: «Нет бога кроме Сорокина и Пипунырова пророка его < > Агентурной разработкой, которая велась на Пипуныровых было установлено, что они проезжая 13 июля сего года на пароходе «Кольцов» к месту своего жительства, вели среди проезжающих крестьян-пассажиров агитацию, сводящуюся к тому, что советская власть не защищает интересов крестьян, что крестьяне организовались и выдвинув своих руководителей, должны дать власти соответствующий отпор. Аналогичную этой агитации проводили они и в своей Коквицкой волости, причем указывали на необходимость восстания и убийств видных руководителей советской власти, выдвинув на смену им Чернова и Сорокина.»⁸⁰

В том же 1922 году Сорокина, посетил приехавший из Москвы однокашник по Гамской школе и старый соратник по ПСР и антикоммунистической борьбе на Севере Дмитрий Батиев. Он возглавлял зырянский отдел Наркомата национальностей и приехал, как пишет советский историк, в Петроград:

«Для консультаций с Сорокиным об организации среди населения нижней Печоры плебисцита о присоединении нижнепечорских территорий (Печорский уезд Архангельской губернии) к Коми автономной области». Старая большевичка А.А. Потапова писала об этой идее Батиева: «Кто

надоумил, направить его на это? Не выглядывает ли тут контрреволюционная физиономия П. Сорокина».⁸¹

Как было на самом деле? Выяснить пока не удалось...

Повседневный быт в 1922 году несмотря на окончание Гражданской войны и введенную еще весной 1921 г. «Новую экономическую политику» не улучшился...

Профессор А.В. Немиллов писал из Детского села В.П. Мирюлюбову в Петроград.

4 февраля 1922 г.

«Переписка с Питиримом Александровичем пока не налаживается. Отчасти охлаждает то, что у нас с ним не так уж много разногласий, как это было бы нужно для живости переписки, а отчасти холод, тяжелые условия жизни и всякие житейские заботы. < >

В прошлую среду читал в Стебутовском институте при 3-х градусном морозе. На доске по краям иней, губка замерзла как камень и не стирает мела, студенты голодные и замерзшие с синими как у удавленников руками, с болячками от мороза... Грустно!

P.S. Получил несколько писем от иностранных биологов. Предлагают помощь и деньгами и продовольствием, но я отказался так как и у них несладко живется».⁸²

6 июля 1922 г.

«Метальников пишет (из Парижа — Ю.Д.), что несмотря на сытость и на возможность научно работать в Пастеровском институте он все-таки никак не может привыкнуть к жизни на чужбине и все время гнетет тоска по Родине. < >

В Академической среде тоже не очень хорошо. Охамление проникает и сюда, и здесь тоже происходит вытеснение более скромных и деятельных людей более наглыми и небрезгливыми ничем. Стоя в очередь в Доме Ученых такого слушаешься, что становится тошно. Каждый раз когда получаешь паек, и это у меня каждый четверг, настроение портится на целый день. Становлюсь все больше домоседом, лучше всего чувствую себя среди своих книг

за письменным столом и как-то не хочется никуда ходить < >. С Питиримом Александровичем видимся почти каждый день; он тоже был бы очень рад Вас видеть».⁸³

Сохранилось письмо Сорокина к Вере Фигнер в Москву. Относится вероятно к 1921-му или 1922 году. Скорее к 1922-му. (Фигнер 20 лет отсидела в Шлиссельбургской крепости при царизме. Авторитет имела большой. Взгляды ее были антибольшевистские). В какой аудитории, перед кем она предлагала Сорокину прочесть лекции неизвестно.

1 февраля

Глубокоуважаемая Вера Николаевна!

Спасибо за Ваше письмо. Моя поездка в Москву отпала. Но я мог бы приехать для прочтения лекций, а также повидаться с друзьями на срок 1–8–9 марта. Если этот срок для Вас подходит, то известите и я приеду. Темы лекций я мог бы предложить следующие:

1) Голод — как фактор, его влияние на поведение людей и социальные процессы. Содержание: 1) понятие голода, 2) его физиологические и психические эффекты, 3) депрессирование голодом стимулов: полового, самосохранения, 4) деформация психосоциального «я» индивида: его души, верований, убеждений, вкусов, право-нравственных воззрений под влиянием голода. Социальные эффекты: изменение состава населения: смертность, болезни, рождаемость. Голод и бунты. Голод и апатия. Голод и коммунизация. Голод и изменения общественного сознания. «Философия голода».

2) Две морали (мораль Толстого и мораль насилия). Характеристика моральной системы Л. Толстого. Принцип самооценки личности. Вывод из нее: непротивление злу, отрицание государства, права, всякого насилия. Мораль насилия (Ницше, Сорель, революционеры). Толстой и современность. Чем велика система морали Толстого.

3) Кризис современной семьи. Понятие семьи. Ее основные типы в наше время: патриархальная, индивидуальная, «огосударствленная». Социальная роль семьи в ряду других коллективов. Ослабление семьи как союза супругов. Ослабление ее как союза родителей и детей. Распадение

семьи как хозяйственного центра. Потеря семьей опекуноско-воспитательной роли. Причины кризиса. Его смысл. Будущее семьи.

4) Знание и верование (Наука и религия). Понятие знания и верования (науки и религии). Их взаимоотношение. Их источник и происхождение. Человек — *Homo credens*, а не *Homo sapiens* (неизбежность человеческой глупости). Падают ли верования и становятся ли люди более «знающими» и «менее верующими». Внеклассовость неприятия верований? Современные формы религии: идеологии социализма, коммунизма, демократизма, индивидуализма и т.д. Как верования. Социальная роль знаний и верований.

Если какая-нибудь из этих тем подойдет (я предпочитал бы 1 и 3, особенно первую, но все равно), то готов приехать и пробарабанить. Само собой разумеется, если нужны прения — пусть они будут. Если мое предложение подойдет Вам — немедленно известите о времени (дне) лекции и теме, и я приеду.

Крепко жму Вашу руку.
Глубоко уважающий Вас
П. Сорокин.

Адресуйте или Петроград, Вас. Остр., 8 линия, д. 31, кв. 5 (тел. 500–35) или Петроград, Детское Село, Агрономический институт, б, Семейный флигель, кв. 8

Н.В. Вот еще тема:

«Социальный отбор в эпоху войн и революций»

Борьба за существование и естественный отбор. Отбор и наследственность. Несходство людей. Какие элементы населения уничтожаются главным образом в эпоху войн и революций? «Жатва смерти». Социальное значение этого отбора. Почему война ведет к «социализму». Гибель народов и социальный отбор. «Философия и история».⁸⁴

Всю первую половину 1922 г. Сорокин усиленно работал над книгой о голоде. Опубликовал ряд статей на эту тему в «Артельном деле»,* «Экономисте» и других журналах.

* Редактором петроградского журнала «Артельное дело» был В.С. Миролюбов.

В «Голоде» Сорокин писал, что так называемой интеллигенции в начале октябрьской революции было очень стыдно идти работать на правительство и получать «подарки» из его «кровавых рук». Но когда с одной стороны, она столкнулась с голодом, а с другой с прекрасным пайком, то многие интеллигенты, профессора, журналисты, врачи, писатели, артисты, поэты, юристы и инженеры «пошли в Канносу» один за другим. Сначала осторожно, а затем открыто. Некоторые представители интеллигенции, отрицавшие возможность работы на коммунистов, стали добиваться назначений на хорошие должности. Когда их благополучие зависело от монархизма и национализма, они кланялись Деникину и царю, целовали руки княгинь и графинь, но когда их продовольственное снабжение стало зависеть от Советской власти, они стали страстными «интернационалистами» или «национал-интернационалистами». Если бы пицца пришла от папы Римского, они стали бы папистами...⁸⁵

Сдались не все и не сразу...

В декабре 1921 г. вышел первый номер журнала «Экономист», который был организован экономистом и литератором Д.А. Лутохиным и стал выходить вместо запрещенного ГПУ за «общее направление» «Вестника литературы». Лутохин привлек к участию в журнале остатки научных сил России — Н.С. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.Н. Потресова и многих других.

Кто такой Лутохин? В советское время его имя упоминалось в связи с М. Горьким, да, известный сталинский писатель Всеволод Кочетов в 1966 г., вдруг разразился статьей «К истории нескольких строк в ленинской статье» с нападками на Лутохина и Сорокина⁸⁶...

В конце 1980-х в Московских и Ленинградских архивах (ЦГАОР, ИРЛИ, ЦГАЛИ, отдел рукописей РНБ) я «перетряхнул» личные фонды Лутохина. Там немало Сорокинских материалов: писем, статьей... Ниже отрывок из моей статьи 1992 года:

...Далмат Александрович был на три года старше Сорокина. В 1903 году он поступил в Петербургский Технологический институт. Во время закрытия университетов учился в русской школе социальных наук, организованной в Париже М.М. Ковалевским. В 1906 году сидел в тюрьме по политическому делу. В 1907 году учился в Берлинском университете и одновременно был вольнослушателем в Берлинской высшей торговой

школе. Слушал лекции и работал в семинарах Шмоллера, Зомбарта, Зиммеля.

В 1908 году перевелся на юридический факультет Петербургского университета. Занимался теорией банковского дела и метеодологией социальных наук. В 1915 году издал свою кандидатскую работу «Витте как министр финансов». Затем изучал в Лондоне вопросы экономической политики. Вернулся в Россию в 1914 году и с 1915 года работал в различных банках. В мае 1918 года стал экспертом по финансовым вопросам в Главном комитете Бумажной промышленности и торговли и организовал его финнсово-экономический отдел. С января 1921 года был избран председателем XI промышленно-экономического отдела Русского технического общества.

По инициативе Д. Лутохина был организован целый ряд заседаний о социально-экономических последствиях войны и революции. Кроме того с конца 1921 года он возглавил «Вестник литературы», а с 1922 года, когда этот почти единственный несоветский журнал в Советской России был запрещен большевиками, он организовал выпуск журналов «Экономист» и «Утренники». Оба журнала сыграли значительную роль в судьбах русской интеллигенции. Вышло всего два номера «Утренников» и 5 номеров «Экономиста», но статьи, которые были там напечатаны в первую очередь статьи П. Сорокина, вызвали верховный гнев В. Ленина и повлекли за собой арест и высылку за границу значительной группы ученых, писателей, общественных деятелей... Д. Лутохин был арестован петроградской ЧК в августе и до конца февраля 1923 года сидел в подвале ЧК на Гороховой, а затем был выслан и оказался в Берлине. В том же году он опубликовал в издаваемом в Берлине И.В. Гессеном «Архиве русской революции» воспоминания, в которых подробно рассказал об истории обоих журналов и публикации в них статей П. Сорокина о том, какие схватки им приходилось выдерживать вдвоем в борьбе с советскими цензорами...

Узнав из газет о высылке Д. Лутохина, П. Сорокин написал ему в Берлин письмо — пригласил в Прагу, а когда в начале марта тот приехал, помог с устройством на работу и т.д.

Когда П. Сорокин в конце 1923 года по приглашению трех ведущих американских университетов отправился за океан — читать лекции, переписка между двумя друзьями продолжалась, однако идейно Д. Лутохин быстро эволюционировал в сторону большевиков... Когда П. Сорокин прислал ему свою книгу «Социология революции», в которой он в своей обычной резкой манере отзывался о новых властителях России, Д. Лутохин выступил с критикой этой книги в пражском эсеровском журнале «Воля России».

В 1927 году с помощью М. Горького он уехал в СССР. Жил в Ленинграде. Работал в различных госконторах. В конце 20-х — начале 30-х годов он часто обедал в Доме ученых и одному из его собеседников* запомнилась фраза Д. Лутохина, сказанная после убийства С.М. Кирова: «Трагедия 1 декабря — это начало новой эры». В марте 1935 г. был арестован и сослан у Уфу на 5 лет сам Д. Лутохин. В своей неизданной монографии «К критике буржуазной социологии» (1936 г.) он написал о

* Писатель Владимир Евгеньевич Львов (07.09.1904 Петербург — апрель ? 2000 Петербург). Автор первой в СССР биографии Эйнштейна (М., 1958). Кремирован 12 мая 2000 г.

своем бывшем друге П. Сорокине как об «одном из наиболее враждебных коммунизму ученых». Зло и несправедливо рассказал Д. Лутохин о П. Сорокине и в своих воспоминаниях об эмиграции «Зарубежные пастыри». В течение своей жизни Д. Лутохин хорошо знал многих выдающихся людей и о многих из них он написал.

Умер Д.А. Лутохин в 1942 году в блокадном Ленинграде.⁸⁷

Сорокин писал в первом номере «Экономиста»:

«Из всех войн худшая — это гражданская, она с особой неумолимостью уносит косою смерти лучших и одареннейших, будит низменные инстинкты [...] Мы обескровлены теперь умственно развитыми и квалифицированными элементами. Огромный процент их убит, часть покончила с собой (геолог Иностранцев, профессор Хвостов и другие), часть вымерла от голода, холода и тяжелых условий жизни (Шахматов, Тураев, Блок и другие)».

Гражданская война, развязанная большевиками, унесла лучших представителей населения, к которым Сорокин относил: а) биологически более здоровых; б) энергетически более трудоспособных; в) социально более моральных; г) психически более волевых, более талантливых, более одаренных и развитых интеллектуально.

О предшественниках большевиков Сорокин писал:

«Всей нашей историей, особенно при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма. [...] Поистине, трудно назвать другого человека, который причинил бы такой ущерб нашему населению. Своими непрерывными войнами и весьма пышными с виду преобразованиями, из которых, однако, пользы для народной массы вышло очень мало, он погубил весь цвет «лучшего» населения России, не менее 30 процентов всего его мужского работоспособного населения. Внешнее величие России он купил ценой, стоившей всей ее будущности. В последующем это и сказалось в усилении рабства, в столетнем топтании на месте в культурном развитии масс и во многом другом, вплоть до нашего времени».⁸⁸

Одновременно с «Экономистом» Лутохин стало выпускать журнал «Утренники». В первом номере его была опубликована речь Сорокина на Торжественном акте в честь 103-ей годовщины Петроградского университета в Дворянском собрании. В этом же номере «Утренников» Сорокин разъяснил суть «англо-саксонской» позиции, которой должна придерживаться интеллигенция в отношениях с Советской властью.

Впервые положение об «англо-саксонской» позиции Сорокин выдвинул в статье о «Смене вех» в «Вестнике литературы» (в декабре 1921 г.). Это была первая статья оппонентов Советского режима против сборника, отмечает историк Хильда Хардеман.⁸⁹ Оба журнала долго не просуществовали.

Зиновьев объявил редакцию «Экономиста» штабом контрреволюции, а по поводу «Утренников» в докладе на конференции РКП(б) по вопросу «О возрождении буржуазной идеологии и задачах партии» сказал:

«Выходили у нас «Утренники». «Утренники» — заглавие невинное, почти детское [...]. Долго мы в них не заглядывали».

Далее в качестве примера, демонстрирующего ненависть интеллигенции к Советской власти, Зиновьев привел Питирима Сорокина, который

«выступает с заявлениями в том духе, что русская интеллигенция должна занять по отношению к Советской власти «англо-саксонскую позицию», которая заключается в том, чтобы участвовать в строительстве России, не обращая внимания, не взирая на Советскую власть, несмотря на то, что она существует [...]. И, вот такая «англо-саксонская позиция» открыто проповедуется со страниц печати в России».⁹⁰

Многие материалы для второго номера «Утренников», представленные Лутохиным в цензуру ГПУ, были запрещены. Статья Сорокина «Верую, Господи, помоги моему неверию» оказалась запрещенной, поскольку «проникнута необычайным пессимизмом по отношению к будущему России». Лутохин и Сорокин

ходили объясняться к цензору, предлагая опубликовать «контр-статью» в оптимистическом тоне, но безрезультатно.⁹¹

Под псевдонимом «Н. Чаадаев» во втором номере «Утренников» удалось опубликовать только статью Сорокина с резким отзывом о «сменовеховцах»:

«Состоя из посредственностей, наделенные способностью быть бесстержневыми, плюс с богатством элементарно-лакейского духа, они были и будут всегда у сильных мира сего «приживальщиками»»⁹²

Значительная часть статьи посвящена М. Горькому.

«...он и раньше, а особенно теперь выражает это презрение к русскому народу — *expressis verbis*. Мне трудно передать это впечатление, испытанное при чтении его статьи «Русская жестокость». <...> Мы знаем немало бичующих народ и Россию статей, начиная с писем Чаадаева. Но там нет и тени этого презрения и ненависти и адресовались они самому русскому народу и русскому обществу. А здесь вся статья переполнена какой-то садической ненавистью к русскому мужику и написана специально для иностранцев в иностранной газете. ** <...>

Я не удивлюсь, если на Западе Горький будет возведен в современные святые. Столь виртуозную духовную спекуляцию на революции и народе способны вести немногие! Мольеровский Тартюф и его махинации — сама добродетель по сравнению с таким поведением».

В утвержденных 10 августа 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) списках антисоветской интеллигенции для высылки за границу значилось:

«14. Чаадаев Н. (Псевдоним П. Сорокина). Литератор из сборника «Утренники». Автор гнусной статьи в журнале «Утренники»»^{92а}

* 3 июля 1922 г. сменовеховцы Ю. Ключников и Ю. Потехин выступили на диспуте «Русская интеллигенция на распутье» в зале бывшей Городской Думы. 5 июля 1922 г. в Доме Литератора Ключников и Потехин сделали доклады «Интеллигенция и смена вех», «Эмиграция и эмигрантщина».

** Горький М. Русская жестокость. «Politiken». (Копенгаген). 1922. 2 апреля; То же: ж. «Новая Россия» (Петроград) 1922. №2.

В «Утренниках» (№2) и две последние написанные в России рецензии. Одна — на книгу профессора А.А. Жижиленко «Преступность и ее факторы» (СПб. 1922). Вторая — на книгу известного историка Е.В. Тарле «Печать при Наполеоне» (Пг. 1920 г.). Тарле помогал Сорокину в работе над «Голодом». Что такое цензура Сорокин знал и сам... Аллюзии автора и рецензента несомненны, но, вот, «проскочила» рецензия... Сорокин и Лутохин действовали по принципу «завалить цензора материалами и хоть что-то будет напечатано». Напористо, почти не скрывая чувств писал Сорокин...

«Ярко основательно и мастерски обрисовал в своей книге автор положение печати при Наполеоне: «В огромной Империи и в зависимой Европе (в итоге политики Наполеона) водворилась гробовая тишина. В газетах писали о чем угодно, кроме того, что всех интересовало».

Перед читателем разворачивается детальная картина способов и мер подавления Наполеоном независимой мысли, издевательства над нею, бесцеремонного использования печати исключительно в качестве орудия проведения своих личных целей, полной опеки и регулирования духовной жизни общества в желательном направлении и т.д.

Книги нашего выдающегося историка ценный вклад в историческую науку (о чем более конкретно скажут историки). Она интересна для читателя не специалиста ибо показывает ему те разнообразные приемы, которыми можно подменять и фальсифицировать общественное мнение. Книга полезна даже для всех продолжателей наполеоновского метода: она познакомит их со многими приемами «обуздание печати» до которых они сами не могли додуматься. Наконец, она важна и для социолога, подтверждая лишней раз правильность индукции о связи войны и военного общества с «принудительно-этактическим» типом социальной организации, где власть опекает и регулирует не только тело и поведение поданных, но и их душу, мысли, чувства и идеологию».⁹³

После второго номера «Утренники» были закрыты большевиками, а в журнале «Под знаменем марксизма» (март 1922 г.,

№ 3) со статьей против «Экономиста» выступил сам Ленин, обозвав авторов журнала «крепостниками», «реакционерами», «дипломированными лакеями поповщины», «растлителями юношества»... Особенно крепко досталось от большевистского вождя Питириму Сорокину за статью «О влиянии войны»...⁹⁴ Предвидя неминуемый арест и тюремное заключение, Сорокин повсюду носил с собой одеяло и подушку...

13 июля 1922 г. Лутохин получил извещение от Петроградского ГПУ, в котором сообщалось, что по распоряжению из Москвы, издание журнала «Экономист» прекращается. Вслед за Лениным и Зиновьевым со статьями против Сорокина выступил и ряд крупных большевиков — Андрей Бубнов,⁹⁵ Карл Радек⁹⁶ и др.⁹⁷

13 августа 1922 г. был расстрелян по «делу митрополита Вениамина» еще один из друзей и коллег Сорокина — профессор Ю. П. Новицкий.⁹⁸ По этому делу были также осуждены профессора: В. Н. Бенешевич, И. А. Карабинов, М. Ф. Огнев... Одним из общественных защитников был профессор А. А. Жижиленко.

В Москве большевики затеяли один из своих первых политических «показательных процессов» — «суд» над членами Партии социалистов-революционеров. Председатель трибунала — студентский товарищ Сорокина по университету — Ю. Пятаков... 7 августа 12 человек были приговорены к расстрелу. Среди подсудимых были члены Архангельского правительства Михаил Лихач и Владимир Игнатъев. Из-за протестов общественного мнения на Западе расстрел пришлось отменить...

Судилище проходило в «Доме Союзов» (бывшее Благородное Собрание). П. Е. Мельгунова вспоминала:

«Я слышала речь свидетеля Н. Д. Кондратьева; он к этому времени еще больше опустил по той наклонной плоскости, по которой покоился с момента ареста по делу Такт(ического) Центра. Он, бывший эсер, говорил о своей преданности Советской власти и о том, что ничего общего с этими людьми (подсудимыми — Ю. Д.) не имеет».⁹⁹

В письме от 16 июня 1922 г. из Детского села в Прагу украинскому социологу Н. Е. Шаповалу Сорокин писал:

«Моральное состояние прежнее, особенно теперь. Каждый день — боль, каждый день — тревога. Но ... уже привыкли [...]. На днях пошла в типографию моя книга о голоде как факторе. Сильно пришлось окорнать ее, но радуется, что хоть в таком виде она родится. Подал заявление о заграничной командировке. Не знаю: отпустят ли? Денег я не прошу. Готов ехать, надеясь лишь на свои мускулы и голову. Если дадут — поеду, вероятно, в Америку. Туда тянет [...]. Хочется год-два побыть за рубежом и научно подковаться, других посмотреть, да и себя показать. Тем более, что наш опыт идет к концу и для социолога больше не интересен. Между тем, через год-два предстоит огромная работа по возрождению России [...]. Если удастся уехать, то не раньше сентября-октября...».¹⁰⁰

Имя Никиты Ефимовича Шаповала, «Украинского Сорокина» еще не раз встретится на страницах этой книги. В своих мемуарах Сорокин упоминает его только один раз, да и то косвенно, не называя имени...

Поэтому о нем более подробно.¹⁰¹

Шаповал был известным украинским общественным и политическим деятелем, ученым, поэтом, публицистом, критиком...

Родился он в селе Сриблянцы Бахмутского уезда Екатеринославской губернии 8 июня 1882 года. Его жизненный путь во многом сходен с жизнью Питирима Сорокина.

Отец Шаповала — шахтер, мать — неграмотная казачка. С малолетства Никита Шаповал сам зарабатывал себе на кусок хлеба. В семь лет самоучкой научился читать. В 1898 году окончил двухклассную школу, а в 1900 г. — Ново-Глуховскую лесную школу.

В 1901 году стал членом Революционной партии. С 1904 года учился в юнкерской школе в Чугуеве, которую закончил весной 1906 года. За революционную пропаганду был арестован и помещен в Варшавскую тюремную цитадель. Суд состоялся 26 марта 1907 года. Шаповал был оправдан, но с военной службы его уволили.

В 1907 году он познакомился со студенткой Ольгой Павловской, ставшей вскоре его женой. Вместе они едут в Харьков,

где Шаповал поступил на историко-филологический факультет университета. Там он слушал лекции по истории Украины у Б. И. Багалея. Шаповал стал одним из организаторов студенческого движения. Его статьи печатались в газете «Рада», в «Хлеборобе».

В 1908–1917 годах Шаповал опубликовал три сборника стихов. Из-за преследований полиции Шаповал был вынужден переехать в Киев, где весной 1909 года вместе с П. Богацким стал издавать журнал «Украинская хата», ставший значительной вехой в культурной и политической жизни Украины.

С 1914 года он работал лесничем в имениях М. И. Терещенко. Одновременно писал статьи в «Украинскую хату» (журнал существовал до начала войны, заработанные в качестве лесничего деньги Шаповал тратил на поддержку журнала).

В годы революции и гражданской войны Шаповал возглавил Все-украинский лесной союз, был заместителем председателя Киевской земской управы, министром почт и телеграфа Украинской центральной Рады, одним из создателей украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) и лидером ее Центрального комитета. Депутатом Всероссийского Учредительного Собрания...

В 1918 году, в период правления гетмана Скоропадского, Шаповал стал одним из организаторов и генеральным секретарем «Украинского национального союза», который поднял восстание против Скоропадского и привел к власти Директорию во главе с В. К. Винниченко. Шаповал стал в ней министром земледелия.

В 1919–1920 годах Шаповал возглавлял дипломатическую миссию Украинской народной республики в Будапеште.

С 1920 года и до смерти в 1931 году Шаповал жил в Праге, где играл видную роль в среде украинской политической, научной и культурной эмиграции.

Отмечу, что, хотя Прага и была центром «русофильства» в то время, энергия Шаповала обеспечила ему поддержку президента Чехословакии Т. Масарика. В 1921–1925 годах Шаповал возглавлял «Украинский общественный комитет» в Праге, участвовал в создании различных украинских учебных и научных учреждений: Украинской хозяйственной академии, Украинского педагогического института имени М. Драгоманова, etc. В созданном 19 августа 1921 г. в Праге Российском

общественном комитете помощи голодающим русским ученым, Шаповал занимал пост товарища председателя.

Н. Шаповал всю свою жизнь оставался непримиримым противником большевизма. (Два его брата — Антон и Александр — расстреляны большевиками). Он возглавлял «пражскую группу» УПСР (лидер «Венской группы» М. Грушевский в 1924 году вернулся в СССР), редактировал ежемесячный журнал «Новая Украина» (1922–1928 гг.) — мощный противовес коммунистической пропаганде.

Еще на Украине Шаповал был одним из составителей «Четвертого универсала», провозгласившего независимость Украинской народной республики (1917 г.). В эмиграции он возглавил созданную УПСР и другими партиями «Народную украинскую Раду». Целью Рады была координация действий украинской эмиграции по воссозданию государственности на всех этнических территориях.

В 1933 году С. Косиор на ноябрьском пленуме Компартии Украины заявил о раскрытии «Всеукраинского эсеровского центра», которым руководила из Праги эсеровская группа во главе с Шаповалом. На Украине прошла волна арестов бывших эсеров и всех, кто когда-либо был связан с ними.

Часть материалов бывшего КГБ Украины находится теперь в Центральном государственном архиве общественных объединений в Киеве, и в показаниях арестованных будущей биограф Шаповала найдет обильный материал о нем, его деятельности в УПСР, «Украинском общественном комитете» и т. д.

Многогранной и эффективной была деятельность Шаповала по организации и пропаганде украинской социологии. В 1923 году в Праге по его инициативе было создано Украинское социологическое общество, а в 1924 году Шаповал осуществил свою давнюю мечту — организовал и возглавил Украинский институт социологии.

Под редакцией Шаповала институтом было издано несколько номеров сборника «Суспільство» («Общество»). Шаповал поддерживал обширные контакты с западными социологами. Благодаря ему, Украинский институт социологии участвовал в международных социологических конгрессах.

Н. Шаповал написал более 50 работ. В научных библиотеках Киева можно найти только половину из них Нет в Киеве

сборников «Суспильство»... Умер Никита Ефимович Шаповал в Ржевницах под Прагой. Там и похоронен...

В последние годы на Украине наблюдается интерес к личности и трудам Шаповала. Реопубликованы его работы «Социология украинского возрождения» (Киев, 1994 г.) и «Общая социология» (Киев, 1996 г.).

Его называют «отцом украинской социологии». И это справедливо. Шаповал первым из украинских ученых стал почетным доктором и профессором социологии. Эта степень и звание присудил ему Ученый Совет Украинского социологического института в Праге в 1929 году...

Судя по переписке, заочное знакомство Сорокина и Шаповала относится к марту 1922 года.

I

8 марта 1922 г.

Глубокоуважаемый господин Шаповал!

Простите, имени, отчества Вашего не знаю. Получил сегодня Ваше письмо и немедленно отвечаю. Прежде всего оно меня искренне и глубоко обрадовало. Зарубежные письма не часто приходится получать нам, и тем более письма, свидетельствующие о том, что кто-то там интересуется нами и нашими работами. Спасибо Вам за письмо и за доброе мнение. Мы по-прежнему оторваны от западной научной литературы по социологии. А тоска по ней огромная.¹⁰² Я до сих пор не имею даже книги Шпенглера и, конечно, не слышал ничего о социологии Халупного и Фаустки. В таком же положении находятся и другие социологи. Если они живут в Праге же, то, может, Вы передадите им мою горячую просьбу о высылке их работ голодающим духовно русским социологам. Исключительные обстоятельства, надеюсь, извиняют меня за такую просьбу. Хотелось бы также иметь некоторые социологические журналы. С 1918 года я оторван от литературы и науки Запада. С аналогичной просьбой через Вас обращаюсь ко всем социологам Чехословакии. Может

быть, Вы бы взяли на себя труд передать мою просьбу им. Когда-то я был знаком с Ф. О. Масариком и даже имел его подарок — его труд по истории общественной мысли в России, но теперь, конечно, моя просьба до него дойти не может. Издали я только урывками слышу о его великой работе и желаю ей полного успеха. О телесном голоде не пишу: шлю только глубокое и сердечное спасибо ученым Чехословакии за их великодушную помощь. Она не забудется нами. Еще раз спасибо за письмо, оно повлияло на меня как глоток чистого воздуха в душной комнате. Трудно нам сейчас живется... и дышится. Трудно работать, но раз жизнь требует напряжения, оно должно быть сделано...

II

24 апреля 1922 г.

... благодарю за письмо. Я чрезвычайно тронут тем, что Вы, незнакомый мне человек, высылаете посылки и книги [...] житейские дела осложнены сейчас еще болезнью жены [...]. На днях получил несколько книг по социологии из Америки от американских профессоров. Если бы Вы знали, какая это была для меня радость. И сейчас еще она живет во мне. С такой же радостью буду ждать и Ваши книги. [...] В «Утренниках» я поместил свою речь на университетском акте, очень нашумевшую [...]. В последнее время кое-что из социологических работ Запада крохами стало попадаться. Усиленно все это поглощаю, тем более, что от работы над системой в связи с указанными условиями пришлось отказаться [...]. Огромное спасибо за то многое, что Вы сделали.

III

1 июля 1922 г. Детское село. Агрономический институт.

... Вчера я получил высланные Вами 4 тома Халупного, Бочковского, Старосельского.

Я не мог выслать свои книги, так как не получил разрешения, а остальные, хотя и были после хлопот разрешены, но одни пошлины оказались равными 20 млн. рублей. В ближайшее время постараюсь ознакомиться с книгами (хотя чешский язык для меня и новинка, которую надо будет преодолеть) и напишу рецензию в «Экономист» (большой журнал, вышло уже 4 книги), если достанете — рекомендую взглянуть, а затем либо я, либо Н. И. Кареев сделаем об них отчеты в «Русском социологическом обществе».

Ну, живу я по-прежнему. Много работаю — благо лето. Значит и тепло и светло. [...]. За последние 2–3 месяца завязались небольшие отношения с американскими социологами, о бельгийском социологическом институте, а на днях от профессора Cosentini получил приглашение на социологический конгресс в Вене. (1–20 октября этого года) с предложением дать доклад на нем о революции и ее причинах, [...]. Доклад не в состоянии выслать, хоть он и готов. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

В связи с этим приглашением и приглашением читать лекции в Иллинойском университете в Америке начинаю ходатайство о выезде за рубеж, но в успех его не уверен, хотя денег я не прошу (и своих не имею, но надеюсь все же не умереть с голоду за рубежом, какую-нибудь работу — хотя бы — физическую, вероятно, найду, чтобы иметь фунт хлеба и какой-либо угол).

Сейчас занят печатанием книги о голоде, кой-какими статьями и подготовкой, помимо 3 тома «Системы социологии», двух монографий.

1. О влиянии войн на состав населения, общественных организаций и общественную жизнь (Абрис ее я напечатал в виде 32-страничной статьи в «Экономисте» и другой — в «Артельном деле»).

2. О коммунистическом обществе, его основных чертах, его истории в прошлом, его причинах и следствиях. (Идет речь о фактах, а не об идеологиях).

Это займет все лето. А осенью, если получу разрешение, уеду. Если нет — буду корпеть над 3 томом «Системы», коли будет свободное время.

IV

17 июля 1922 г. Петроград.

Спасибо Вам за письмо, книги и посылку. У меня к Вам две просьбы.

По предложению университета я получаю командировку за границу. Народный комиссариат Просвещения ее подтвердил. Сегодня прошение о ней передано в Государственное политическое управление. Недели через три выяснится, будет она разрешена или нет. Командировку получает и моя жена.

1. Нельзя ли Вам получить от Чешского правительства визу, разрешающую въезд мне и жене, и нельзя ли эту визу прислать прямо сюда по почте?

2. Так как я не испрашиваю никаких субсидий от властей — то могу ли я рассчитывать в Праге найти какой-либо заработок, чтобы существовать и хоть 3–4 часа в день иметь свободного времени для научной работы?

Имя Сорокина в 1922 году уже настолько известно, что он становится, как некогда В.С. Миролюбов, героем художественных произведений.

Борис Пильняк, автор первого романа о революции («Голый год». 1921), дебютировал в литературе в 1915 году в «Ежемесячном журнале» (возможно не без содействия помощника В. С. Миролюбова — Сорокина...). К 1922 году Пильняк уже один из самых читаемых авторов... В первой половине этого года он тесно сотрудничал с Лутохиным.

В письме к нему от 3 мая 1922 г. из Коломны Пильняк писал, что прочел «Утренники» — речь Сорокина студентам: «резанула ...большой болью и нежностью».¹⁰³

В Коломне «...в жаре, в муках, в комарах...» Пильняк 10 июля закончил повесть «Третья столица». 14 июля он писал Лутохину:

«Спасибо за «Утренники», спасибо за «Экономист» [...]. Я очень пользовался им, когда писал о Третьей Столице (вещь эта экономическая), о мировом кризисе, о смертях, о Лондоне, Берлине, изгоях и скифах». И в конце письма Пильняк добавил «...поклонитесь Питириму Александровичу».¹⁰⁴

Безусловно, что чтение статей Сорокина в «Экономисте», и вероятно, личные беседы с Сорокиным, стали отправной точкой для монолога Сорокина на ночном совещании в Колонном зале польской миссии, которое изобразил Пильняк в «Третьей столице».

— Милостивые государи, — не забудьте, что в Европе восемь лет подряд была война. Шар земной велик: не сразу вспомнишь, где Сиам и Перу. В мире кроме белой, есть желтая и черная человеческие расы. Последние две тысячи лет мир на хребте несла Европа, человеческая белая раса, обнаженная мужская культура. Людей белой расы не так уж много. — Милостивые государи! Война унесла тридцать три миллиона людей белой расы, — желтая и черная расы почти невредимы. Тридцать три миллиона — это больше чем половина Франции, это половина Германии, это Сербия, Румыния и Бельгия вместе. Но это не главное: не главное, что вся Европа в могилах, что нету семьи, где не было бы крена, — не главное, что мир пожелтел от войны, как европейцы пожелтели в прежнеевременной дряхлости от страданий и недоедания. — Милостивые государи! — Равенство полов нарушилось, ибо война мужской агрегат, и гибли мужчины, — носители мужской европейской культуры за счет одиночества, онанизма, проституции и иных половых извращений. Но война унесла в смерть самых здоровых, самых работных — и физически и духовно, — оставив жить человеческую слякоть, идиотов, преступников и шарлатанов, скрывавшихся от войны. Но война унесла, кроме самых лучших

физических и духовно, и мозг народов; — это касается не только России, — Россия — страна катастрофическая; Англия — богатая страна, — на тысячу населения в Англии два университетских человека, — едва ли после войны осталось на тысячу полчеловека: студенты Кембриджа — все пошли на войну офицерами — и к маю 1915 года живыми из них осталось лишь 20 %. Европа обескровлена. Мозг ее высушен. Остались жить и плодиться: больные и калеки, старики, преступники, шарлатаны, трусы безвольные. Но это не все. «По векселям войны платят после нее», это говорил Франклин, и он был прав. Есть в мире закон, который гласит: Каковы семена, таковы и плоды, такова и жатва. Война уничтожает не только лучших, но и их потомство. Война унесла не только лучших, но вообще мужчин. Новые семена будут сеяться в дни развала семьи, половых извращений. Те мужчины, что вернулись с фронтов, навсегда понесут в себе разложение смерти. Где-то Наполеон сказал об убитых в сражении: «Одна ночь Парижа возместит все это». — Her Sir был не прав: тысяча ночей Парижа, и Лондона, и Рима не возместят эту гибель лучших производителей, — количественное возмещение — это не значит еще — качественное, а новый посев будет посевом «слякоти». Милостивые государи! Вы все знаете старую истину, что совершенство государственной организации, исторические ее судьбы, находятся в исключительной, в единственной зависимости от культуры, быта и особенностей народности этого государства: каков поп, таков и приходит русский император Николай II в Англии должен был бы быть парламентским королем, а английский Георг VII стал бы в России деспотическим императором восстанавливаются разрушенные фабрики, заводы, села и города, задымят трубы, но человеческий состав будет окрашен человеческой слякотью. — Милостивые государи! Мало нового под луной. В Европе много могил, если помнить историю Европы, под Лондоном, Римом, Парижем гораздо больше человеческих костяков, чем живых людей, но за две тысячи лет гегемонии Европы над миром, впервые теперь центр мировой культуры ушел из Европы в Америку и к желтым японцам. В Европе много кладбищ. В Европе не хватает моргов. Вы знаете об этом жутком

помешательстве Европы на танцах дикарей. И еще надо сказать о России. Эстония, Латвия, Литва — отпали от России. Вместе с Россией они несли все тяготы, но у них нет советов, разрухи и голода, как в России, потому что у них нет русской национальной души, русско-сектантского гипноза. Я констатирую факт».¹⁰⁵

И еще одну примечательную тираду вложил Пильняк в уста Сорокину:

«Да, моя родина, моя мать — Россия, — сказал профессор: — каждому русскому Россия нищая, разутая, бесхлебная, кладбищенская — величайшей скорбью была — и радостью величайшей, всеми человеческими ощущениями, доведенными до судороги, — ибо те русские, что не были в ней в эти годы, забыли об основном человеческом — о способности привыкать ко всему, об умении человека применяться: — Россия вшитая, сектанская, распопья, распопьи-упорная, миру выкинувшая Третий Интернационал, себе уделившая большевистскую смуту, людоедство, национальное нищенство».¹⁰⁶

Но «Экономист» читал не только Борис Пильняк...

Ленин, забыв, что всего четыре года назад он опубликовал в «Правде» о Сорокине большую статью, назвал его «неким Сорокиным» и обрушился на него и на журнал с уже упомянутой статьей:

«Некий г. П.А. Сорокин помещает в этом журнале обширные якобы «социологические» исследования «О влиянии войны». Ученая статья пестрит учеными ссылками на «социологические» труды автора и его многочисленных заграничных учителей и сотоварищей. Вот какова его ученость.

На странице 83-й читаю:

«На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 развода — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 были продолжительностью менее одного года, 11 % — менее одного месяца, 22 % — менее двух месяцев, 41 % — менее 3–6 месяцев и лишь 26 % — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные отношения и даю-

щая возможность любителям «клубнички» «законно» удовлетворять свои аппетиты» («Экономист» № 1, стр. 83-я).

Нет сомнения, что и этот господин, и то русское техническое общество, которое издает журнал и помещает в нем подобные рассуждения, причисляют себя к сторонникам демократии и сочтут за величайшее оскорбление, когда их назовут тем, что они есть на самом деле, т. е. крепостниками, реакционерами, «дипломированными лакеями поповщины». [...]

Если г. Сорокину 92 развода на 10 000 браков кажется цифрой фантастической, то остается предположить, что либо автор жил и воспитывался в каком-нибудь настолько загороженном от жизни монастыре, что в существование подобного монастыря едва кто-нибудь поверит, либо что этот автор искажает правду в угоду реакции и буржуазии. [...]

Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образовательных» крепостников. Вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста.

Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место.¹⁰⁷

Это была одна из последних статей Ленина.* В советское время ее называли «философским завещанием» Ленина... Ленин умрет в январе 1924-го. Сорокин будет в это время уже в США и откликнется на его смерть статьей в журнале «Современная история»...¹⁰⁸

* Эта статья Сорокина, вызвавшая предсмертный гнев Ленина, вероятно, послужила стимулом для Андрея Платонова к написанию одного из первых его рассказов «Антисексус»... Платонов мог и лично знать Питирима Сорокина по Тамбову-Воронежу. Впоследствии и писателя и социолога привлекала «философия общего дела» Николая Федорова...

«Фанатик и антисоциальный экстремист»

Два месяца назад вскоре после моего прибытия в эту страну на ужине на котором присутствовало несколько выдающихся американских ученых мне было задано много вопросов относительно России. Среди них был вопрос относительно здоровья Ленина.

«Ленин безнадежен и может умереть в любой момент. Самое большое он может прожить год или два», — ответил я.

«Почему? Газеты пишут, что его здоровье улучшается и что скоро он сможет вернуться к политической деятельности».

Я улыбнулся и сказал, «Человек, который находится в последней стадии прогрессивного паралича, человек, который более чем два года не способен писать, говорить и двигаться — такой человек может вернуться только в землю, которая произвела всех нас».

Когда газеты сообщили о смерти Ленина один из присутствовавших на том ужине напомнил мне об этом моем заявлении. Это «пророчество» о смерти Ленина было сделано на основе характеристики болезни Ленина, которую приватно дали мне в 1922 году в Москве два выдающихся медицинских специалиста, которых приглашали лечить его.¹⁰⁹

Был ли Ленин жертвой тяжелой болезни которую они подозревали, или некоторой другой формой прогрессивного паралича, его беспомощное состояние было известно не только коммунистам, но великому множеству русских людей.

Обострение ленинской болезни началось в конце 1921 года. На одной из конференций того времени его речь была настолько запутанной и нелогичной, что его коллеги были вынуждены прервать его посередине речи и увести. Позже, две или три из его предполагаемых речей на митинге металлургических рабочих и других митингах были опубликованы в большевистских газетах, но мы знали, что Ленин не присутствовал на этих митингах и что его речи были написаны другими коммунистами.

Вскоре распространился слух, что Ленин сошел с ума, что со словами «Боже мой! Что я сделал с Россией и

русским народом» обхватив голову руками он бегал по Кремлю. Вскоре после этого его увезли в Горки, рационализированное поместье русского фабриканта С. Морозова, расположенное под Москвой.

Высокие стены были возведены вокруг дома и идиллическое и мирное окружение из цветов, садов, собак, коз, птиц и ульев было создано для этого отнюдь не мирного человека. Новая стена укрыла мир от Ленина и мир от него. Его настоящая жизнь была окончена. Здесь этот полуидиот, который не мог ни говорить, ни писать, ни даже, что-то понимать, исключая нескольких моментов в период сравнительного улучшения, провел последние два года своей жизни в безнадежном и беспомощном состоянии...

«Сам бог наказал его», — так понимали лучшие элементы русского народа состояние Ленина в последние годы его жизни. Теперь эта агония закончилась. Она была символична и значительна.

Зловещая личность Ленина.

Какого рода человек был Ленин? Я не сомневаюсь, что есть большое множество людей такого же типа как Ленин, которые молятся ему как богу или «спасителю человечества». Ясно, что многие наивные и неумные люди, слушая высокопарные надгробные слова рассматривают Ленина как величайшего позитивного героя своего времени.

Я уверен также что среди будущих историков найдутся некоторые «умные» ученые которые говоря словами Тэна «сделают из этого крокодила божество». Давайте отбросим все эти фантастические концепции и сделаем анализ Ленина с более прозаической, но более научной точки зрения.

Биологический и психиатрический аспекты его природы ясны. Мания величия, оптимизм несмотря на ужасное состояние русского народа в период последних лет его правления, навязчивая вера в неизбежность мировой революции, неспособность понять реальные результаты своих действий — эти черты являются характеристикой прогрессивного паралича на последнем этапе болезни.

Это означает, что Ленин со времени своего возвращения в Россию был больным человеком.

Посмотрите на лицо Ленина. Разве это не лицо которое можно найти в альбоме «Врожденных преступников» Ломброзо? Крайняя грубость, выраженная в безжалостных убийствах, в безжалостных резолюциях разрушить весь мир по своей личной прихоти, свидетельствуют об этих зловещих чертах.

Полное отсутствие у Ленина всех моральных, религиозных и социальных принципов, его абсолютный цинизм, у крашенный звонкими фразами о «буржуазных предрассудках» и так далее являются характерными антисоциальными стигмами. Его дикая энергия в разрушении, его практика «прямого действия», его фантастическая производительность в распространении ненависти и его полная неспособность следовать любой творческой активности являются дальнейшим олицетворением антисоциальных и опасных склонностей Ленина.

Почитайте работы Ленина. В его первой работе «Развитие капитализма в России» и в его последних памфлетах и статьях мы находим только унылое, ограниченное и неоригинальное повторение двух или трех основных идей Маркса, сопровождаемое резкой бранью по адресу его оппонентов. Односторонность, неспособность схватить главное в ситуации, проявляющиеся в его интенсивной ненависти являются главными чертами его книг и статей.

Я помню две статьи написанные им против меня в 1921 году опубликованные в «Правде» и в журнале «Под знаменами марксизма» (1922 №3 — Ю. Д.). В этих статьях Ленин клеймил меня как «идеолога реакции», «прислужника попов», «защитника рабства», «лидера всей реакционной интеллигенции и контрреволюционного крестьянства» и так далее...

Его и его последователей эгоистическая природа были очень явно выражены Бухариным в беседе с одним из моих друзей¹¹⁰ в 1921 году: «Мы достигли нашей цели. Мы вошли в историю и оставили наши следы в ней. Все остальное не важно». Но как декларируемую Лениным преданность интересам рабочего класса, стремление освободить его,

его высокие идеи как можно все это примирить с подлинной природой его фантастических мечтаний?

Любой серьезный исследователь человеческой природы может, однако, легко объяснить это противоречие. Все эти цветистые «речевые реакции» и бешеные «супер-идеалистические» выражения в них являются ничем иным как «прекрасной вуалью», которой такой тип человека обычно маскирует свои бессознательные, примитивные животные импульсы.

В таких типах так называемых супер-идеалистов скрытые антисоциальные экстремисты являются наиболее опасными. В нормальные времена такие люди не очень опасны и не могут приобрести серьезного влияния. В патологические эпохи революций, однако, эти типы поднимаются на вершину социальной пирамиды и становятся главарями дезорганизации и разрушения социальной жизни.

Это объясняет почему Ленин с его явной тенденцией к грубым репрессиям и массовым убийствам стал героем второго периода революции в России и почему русские революционеры выбрали своим лидером физически больного и умственно несбалансированного человека.

Результаты деятельности Ленина и его компаньонов полностью подтверждают эту интерпретацию. Разрушение всей экономической жизни в России, нечеловеческие страдания людей, умственное и моральное банкротство, полное пренебрежение интересами людей, особенно рабочих и крестьян, лишение их всех политических прав и кровопролитие бесконечное кровопролитие — таковы объективные результаты их «преданности интересам людей», и таковы результаты этого «спасителя человечества» Эта оценка звучит сурово, но она истинна.

Советское правительство обречено.

Каков будет эффект смерти Ленина на стабильность Советской республики? Все свидетельства указывают на то, что она ускорит уже неизбежную катастрофу. Смерть Ленина произошла в очень критический момент. Я имею ввиду не только борьбу, которая идет внутри коммунисти-

ческой партии, но и общую ситуацию в России в настоящее время. Когда меня спрашивают о стабильности Советского правительства я отвечаю: «Оно может пасть в любой момент, но вероятно, будет агонизировать некоторое время. Едва ли дольше 2–3 лет».

Это заявление может показаться парадоксальным в тот момент, когда лейбористское правительство Великобритании фактически признало Советское правительство, когда другие правительства собираются сделать это и когда мы говорим, что «Советское правительство сильно как никогда».

Мой взгляд основан на следующем.

1. 95–99 процентов русского населения ненавидит существующее правительство более интенсивно чем оно ненавидело старый режим.

2. Экономические условия повелительно требуют, чтобы большевики сделали необходимые уступки в сфере политической жизни и дали юридические гарантии. Если они этого не сделают экономический кризис сметет Советское правительство. Если большевики выберут первую альтернативу, они будут разбиты на первых же реальных выборах и это приведет к полному поражению компартии.

3. Русское население собирает свои силы после опустошения произведенного мировой войной, революцией, голодом и болезнями. Им теперь уже нельзя командовать также как в период 1918–1922 годов.

4. Объективные результаты революции, которые теперь вполне ясны существенно неблагоприятны для Советского правительства. Беспрецедентный рост религии, чувства национализма, сильная враждебность к коммунизму и социализму, одобрение частной собственности и многое другое в развитии национального сознания невозможно совместить с принципами на которых основано советское государство.

5. Советское правительство за последние годы истратило все национальное богатство весь золотой государственный запас около 200.000.000 золотых рублей и все частные и церковные ценности. Теперь оно бедно. Оно может получить деньги для своих огромных затрат только

безжалостными налогами и пошлинами. Эта политика увеличит ненависть крестьян к Советскому режиму.

6. Более чем половину Советской государственной машины составляют старые царские бюрократы, генералы, чиновники. Эти «редиски» как их называют в России поскольку они красные снаружи и белые внутри ожидают только первого удобного случая избавиться от нынешних правителей.

7. Красная армия по своим симпатиям в сущности «белая». Она теперь Национальная русская армия с теми чувствами к правительству что и крестьянство.

8. Коммунистическая партия представляет теперь «ледяной поток» по весне. Они расколоты не на 2–3 партии, а на многие. Ее лидеры физически истощены. Некоторые из них больные люди. Троцкий, как сообщается, заболел раком и после конфликтов с другими лидерами ушел в отставку. Партия потеряла свою прежнюю дикую энергию, бешеный энтузиазм и больные надежды создать новый порядок общества.

Подобно Ленину она вошла в последнюю стадию «прогрессивного паралича». Часть, ее членов теперь нормальные «буржуи», которые поддерживают отношения со старыми группами и которые вместе с ними могут уничтожить своих «левых» товарищей. Другая часть требует возвращения к «военному коммунизму» 1918–20 годов, который невозможен. Третья часть требует реальной демократизации политической системы, которая может привести только к концу коммунистического правительства.

Там есть, наконец, маневрирующий «Центр», правящий теперь Россией. Такое состояние дегенерации и распада не может долго существовать.

Смерть Ленина ускорит падение.

Смерть Ленина является одним из факторов, который усилит и ускорит эти процессы. Ее эффект не будет непосредственно ощутим, но ее влияние будет в конечном счете очень важно. Ленин был единственный лидер, который имел исключительный авторитет среди членов коммунистической партии. Он предотвращал глубокие и острые разногласия среди них.

Он был силой, которая связывала их вместе и не позволяла им пожрать друг друга. С другой стороны Ленин был единственный человек, имевший некоторую популярность среди русского народа. Эта сравнительная популярность была до некоторой степени обязана его русскому происхождению. Хотя нерусские лидеры коммунизма едва ли хуже чем Ленин, психология русских масс ведет их к прощению русскому Ленину многих преступлений, которые они не прощают правителям нерусской крови.

Существование Ленина и его лидерство дало Советскому правительству видимость русской диктатуры и русской власти.

Калинина, так называемого «Президента» Советской республики во время его поездок по России крестьяне часто упрекали в том, что Советское правительство состоит из нерусских людей. Его обычным ответом был: «Вы ошибаетесь вы забыли о нашем Ленине».

Теперь это оправдание невозможно. Все в России знают, что Сталин-кавказец, что Дзержинский-поляк, что Троцкий, Каменев, Зиновьев, Радек и Литвинов — еврейского происхождения. Русские лидеры Рыков, Бухарин, Пятаков и Чичерин играют второстепенную роль. Нецарское происхождение современной олигархии ясно всем в России. Нерусский характер Третьего Интернационала также ясен всем.

Такое правительство в нынешнем огромном подъеме национальных чувств русской нации в глазах последней является «иностранным» правительством. Эта олигархия иностранцев возбудила и возбуждает глубокое разочарование даже среди коммунистов русского происхождения, ставшими националистами.

Из этого легко понять, почему смерть Ленина, будет иметь серьезный эффект в будущем, почему нынешнее правительство теряет почву под ногами и почему раскол коммунистической партии увеличивается и будет неизбежно увеличиваться. Факты, которые я привел, объясняют мое убеждение почему Советское правительство не может быть прочным.

Приближается время, когда это убеждение будет реальностью, которую не смогут отрицать даже те, кто сегодня

лелеет самые ошибочные представления о современной ситуации в России. Смерть Ленина не только безвозвратная потеря для Советского правительства, но катастрофа, которая объединившись с другими факторами, приведет к ниспровержению большевистского режима».

26 июля в Доме Ученых (ул. Миллионная, 27) Сорокин пишет письмо (по-русски) американскому социологу, профессору Висконсинского университета Эдварду Россу в Мэдисон:

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ КОЛЛЕГА!

Позволю себе послать Вам мою небольшую заметку* о Вашей прекрасной книге, случайно попавшей в Петроград, и любезно предоставленной мне для прочтения глубокоуважаемым г. Кини, представителем Христианского Союза молодых людей.

Вместе с этим позволю обратиться к Вам и через Вас к другим американским социологам с большой просьбой: мы, русские социологи, до сих пор оторваны от американской и европейской социологии, — книг и журналов. Этот духовный голод чувствуется нами острее, чем материальный. Я лично, выпустивший за эти годы два тома «Системы социологии» (много томная работа) и «Голод как фактор», не имею литературы зарубежной, вышедшей после 1916/17 гг. (кроме немногих книг, в частности книг профессора E. C. Hayes 'а, любезно им присланных недавно).

В таких условиях, быть может, Вы не найдете нетактичной просьбу: прислать свои труды за последние годы и попросить других американских социологов и, в частности — «The American Journal of Sociology» сделать великодушно то же.

Этим Вы очень обрадуете нас и принесете большую пользу. Лично я, как проводник американской социологии в России (и вообще чрезвычайно высоко ставящий Американское общество), был бы чрезвычайно признателен Вам.

* Рецензия Сорокина на книгу Росса «The Principles of Sociology» N. 1920 г. была опубликована в «Экономисте», 1922. № 4-5

Если правительство России даст мне разрешение — то я намерен через месяца два-три прибыть в Америку и пробыть в ней год или два, чтобы хорошо изучить американскую социологию, многому научиться, а с другой стороны — поделиться и с вами знаниями и, в частности, большим опытом и выводами, полученными из нашего великого трагического эксперимента.

Если Вы позволите — я очень бы желал посетить Вас и поучиться у Вас.

В заключение позвольте еще обеспокоить Вас одной просьбой. Вам, конечно, известно, что революция сделала и ученых бедными. Я еду в Америку без субсидий государства, рассчитывая только на свой мозг и мускулы. Для существования я должен буду искать какой-нибудь работы. Не были бы добры как-нибудь помочь мне в этом отношении? Я готов делать какую угодно работу, не исключая и мускульной, лишь бы она была мне по силам и не была морально унижительной. Я молод (еще 32 года) и жена — преподавательница ботаники в Агрономическом институте (26 лет), и потому мы можем — если не найдется интеллектуальной работы — работать физически.

Вы очень обязали бы нас, если бы помогли нам в этом отношении. Простите за просьбу — нормально не очень тактичную, но наши исключительные ненормальные условия вынуждают к ней и делают в известной мере извинительными.¹¹¹

Хотя книга «Голод как фактор» была сдана в типографию в середине июня, в конце августа Сорокин и издатель «Голода» Ф. И. Седенко все еще «воевали» с цензурой». Записки и письма Сорокина сохранили накал и динамичность этой борьбы за «Систему социологии» и «Голод»...

I

7 апреля 1922

Дорогой Ферапонт Иванович,

Письмо по предложению Федора Яковлевича*, Вам пять первых листов второго тома (*речь идет о «Системе Социологии» — Ю.Д.*), с тем, чтобы Вы уже сами отослали их в типографию < >. Теперь еще одно дело. Вы бы сделали хорошо если бы приехали к нам встретить Пасху.

Адрес. Федоровский городок. Около Федоровского Собора. Спросить бывший семейный флигель. Квартира 8. Баратынской.¹¹²

II

Без даты

Дорогой Ферапонт Иванович,

Принес бумагу Социобиблиологического Института. Видел только Васильеву (*корректор — Ю.Д.*) < >. Лисовскому (*зав. Петропечати — Ю.Д.*) бумагу от Социобиологического института не стану отправлять. (Он институт не очень «жалует». Бумага от «Книжного центра» им получена. В дальнейшем действие как сочтете нужным.

Ваш Сорокин.¹¹³

III

18 июля

Дорогой Ферапонт Иванович,

Я вчера на бегу поймал Воровского (*бывший шеф Госиздата — Ю.Д.*). Но из этого разговора ничего не вышло. Он обещал поговорить с Вами. Я был в «Книжном центре» и подал заявление о содействии в снятии запрета < >. Но главное, вот, в чем. В связи с реорганизацией Отдел Печати слился с комиссариатом Народного Просвещения. Во главе

* Федор Яковлевич Шевченко — сотрудник издательства «Колос».

последнего Гринберг. Лисовский у него под началом. (Одно слово неразборчиво — Ю.Д.). Все зависит от Гринберга. Я спросил замолвить слово одного его хорошего знакомого. Буду говорить с ним сам. (Он приедет в воскресенье). Советую поговорить и Вам.

Это пожалуй наилучший путь. Завтра, быть может я на неделю еду в Витебскую область. Если нужна будет рукопись III тома или что черкните жене — она доставит.

Крепко жму руку

Ваш Питирим Сорокин¹¹⁴

IV

Без даты

Есть ли какая-то надежда на печатанье II тома в другой типографии?¹¹⁵

V

21 июля

Дорогой Ферапонт Иванович,

«Книжный мир» посылает бумагу в Москву и сюда о снятии запрета с моей книги. Можно получить копию его постановления и на руки. Его выдают в среду. Лучше около 11–12 часов зайти туда, Сенат (неразборчиво — Ю.Д.), где и Кристи (М.П. Кристи — заведующий Академцентром — Ю.Д.) в том же этаже.¹¹⁶

VI

27 августа 1922 г.

Дорогой Ферапонт Иванович,

Возвращаю корректуру листов и гранки. Очень жаль, что Бородина (политический редактор Главлита в Петрограде — Ю. Д.) выбросила из главы о преступности все данные России

за эти годы (хотя все они официальные данные). Нельзя ли объяснить с ней и сказать, что так не годится и что тут же политики нет. Если можно поговорить — хорошо. Если нельзя — черт с ней. Пусть идет без этого. Жаль, конечно, и начала главы о революции, но ... делать нечего»¹¹⁷

Письмо это было написано накануне отъезда Сорокина в Москву. Дело в том, что в ночь с 16 на 17 августа по всей России прошла волна арестов интеллигенции. В Петрограде был арестован Далмат Лутохин, профессора: Е.Л. Зубашев, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и десятки других известных ученых, писателей... Сорокин был вынужден скрываться, а затем выехать в Москву. Там его арестовали. Чекисты объявили Сорокину о высылке его из России. До самого последнего дня ученый надеялся на выход книги, но напечатанный её тираж был уничтожен большевиками.

И еще письма Сорокина Ф.И. Седенко.

VII

14/IX. 1922

Дорогой Ферапонт Иванович!

Спасибо за письмо. Вчера был в ГПУ, где объявили о высылке в 10 дней. Завтра надеюсь получить паспорт. Корректуры все посылаю Вам. Так как я пробуду здесь еще 10 дней, то шлите корректуру.

Затем прошу: 1) прислать все напечатанные листы «Голода», 2) сверх них — все сверстанные, 3) сверх них — дальнейшие дубликаты гранок (я их не имею, кроме 20-й формы). Все это я беру с собой (разрешено). Ради бога, сделайте это. Не забудьте. Далее, по выходе книги прошу Вас отправить ее: 1) в Ара (Питер) д-ру Walker`у, м-ру Кеен`у и м-ру Свану, 2) в московский центр «Ара» (3 экземпляра), 3) в миссию Нансена (по 2 экземпляра) в Питер и Москву. Не забудьте это сделать. А в общем, вышлите мне по будущему адресу.

Горячий привет Александре Ивановне* (*Доброхотова — Ю.Д.*), всем девицам. Пока, крепко жму руку. Обнимаю. Ваш Питирим.

P.S. Пишите о тамошних делах.

Николай Дмитриевич (*Кондратьев — Ю.Д.*) с 8 месяца все сидит.¹¹⁸

VIII

17 сентября 1922

Дорогой Ферапонт Иванович!

Сегодня же возвращаю корректуру.

И снова убедительно прошу Вас срочно выслать мне:

1) все напечатанные листы «Голода», начиная с 9-го, 2) сверх них — все дальнейшие сверстанные листы, 3) сверх сверстанных листов — все дальнейшие дубликаты гранок. Мне они нужны с собой. Очень прошу Вас это немедленно сделать.

Я уезжаю 23-го в субботу.

Благодаря Вам и «Колосу» набрал денег на дорогу до Праги. А там видно будет. Спасибо Вам большое за все, за все.

Пожалуйста, не забудьте: 1) составить список главных опечаток, 2) по выходе отправить по 2–3 экземпляра в петроградское и московское Ара (в Петрограде: мистеру Кини, д-ру Walker`y, Swan`y) и в миссию Нансена (в московское и петроградское отделения). Свой адрес я дам потом. Получив его, постарайтесь выслать мне 25 экземпляров «Голода», а то и больше (на продажу).

Горячий привет Александре Ивановне, Федору Яковлевичу, всем девицам, Разумнику Васильевичу и всем друзьям вообще. <>

P.S. Повоюйте в меру возможностей с цензурой¹¹⁹

* А.И. Доброхотова. Эсерка. Сотрудница «Колоса». До революции учила русскому языку М.И. Цветаеву в Италии в 1902. В 1937-ом была арестована в Ленинграде и этапирована в Архангельск, где ее привлекли к делу «контрреволюционной организации Северного края». Расстреляна 14 декабря 1937 г. по постановлению Особой тройки УНКВД Ленинградской области.

IX

Без даты

Мне сделано — пока еще не окончательно — предложение перевести мою работу о «Голоде» на английский язык и издать ее на английском языке в Америке.

Не знаю, выйдет отсюда что-либо или нет, но на всякий случай хотел бы иметь копию с рукописи или рукопись с тем, что если вопрос решится положительно, то передать текст для увоза, перевода и печати.

Посему, нельзя ли несколько ускорить переписку? Буду Вам весьма признателен.

Любящий Вас П. Сорокин.

P.S. Оказывается, у меня на квартире здесь был Неккер, но я был в Царском.

Ваш П. Сорокин.¹²⁰

В эти же последние дни Сорокин пишет записку сотрудникам «Колоса» В.П. Бровкину и Ф.Я. Шевченко:

X

Дорогие Федор Яковлевич или Владимир Петрович, очень просил бы вас выслушать моего товарища С.М. Лунина* и, если есть возможность, выполнить его просьбу.

Привет. Ваш П.С.

P.S. Как обстоят дела с печатаньем?¹²¹

Вопрос об аресте и высылке интеллигенции обсуждался в ЦК РКП(б), Политбюро и Оргбюро ЦК с мая 1922 г.

19 мая 1922 г. Ленин писал председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому.

Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

* Лулин Степан Михайлович (1883–1971) — автор рецензии в «Откликах Кавказа» на «Преступление и кара...» Сорокина.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий. [...]

Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о питерских двух изданиях:

«Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыта? [...]

Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд. XI отдела Русского технического общества. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (только третьем!!! это *nota bene!*) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу.¹²²

16 июля Ленин писал:

Т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, н[ародных] социалистов, кадетов и т[ому] п[одобных] я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решительно «искоренить» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др[угих]. По-моему всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

Тоже А. Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и мн[огие], мн[огие] другие). [...] Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др[угих] должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Насчет Лежнева (бывший «День») очень подумать: не выслать ли? Всегда будет коварнейшим, насколько я могу судить по прочитанным его статьям.

Озеров, как и все сотрудники «Экономиста», — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте господа!

Всех авторов «Дома литераторов», питерской «Мысли»; Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас «заграница». Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.¹²³

По-ленински. Полуоправившись от инсульта: «Всех их — вон из России».

В 1922 году Сорокин заполнил «Анкету о самоопределении мыслящих людей нашего времени». Кто проводил анкетирование — неизвестно. Среди отвечавших — писатель Шмелев, Осип Мандельштам, Петр Орешин, Лежнев, Тан... В анкете Ивана Шмелева, у которого большевики убили сына, написано — «ненавидит пролетариат»... В анкете Сорокина:

«Пролетариат как социальный класс во всех отношениях ниже других»¹²⁴

Найти бы эти анкеты...

Одни — расстреливали, высылали, морили голодом... Другие спасали. Типично американская черта — всех спасать. Тогда — Россию. Сегодня — Ирак. Завтра — Кубу, Северную Корею...

29 июля 1922 г. в годовщину дня, когда Горький в 1921 г. обратился к Г. Гуверу с просьбой о помощи он направил ему новое письмо в котором писал:

«В прошлом году Вы спасли от голодной смерти 3½ миллионов детей, 6½ миллионов взрослых, 15 тысяч студентов. К этому мы должны прибавить еще 200 или более русских ученых»¹²⁵

18 сентября 1922 г. зампреда ОГПУ Г.Г. Ягода шлет Ленину списки высылаемых. В списке «Анτισоветской интеллигенции в Петрограде» под номером первым значится П.А. Сорокин, который «**арестован и ожидает депортации**». Под четырнадцатым номером – «Чаадаев», который «**не разыскан**».¹²⁶

Сохранились материалы ГПУ-ФСБ о высылке Сорокина за границу в связи с антисоветской деятельностью.

I

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу 15962 о гр. Сорокине Питирим Александровиче.

Арестован 19/9 1922 года. Находится на свободе.

По наведенным справкам о прежней судимости Уч.Р.О.ГПУ не проходит.

1922 года августа ___ дня, Я, сотрудник для поручений IV Отделения СОГПУ — Шешкен, рассмотрев дело за №15962 нашел: что гр. Сорокин Питирим Александрович с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних для РСФСР затруднений, свою контрреволюционную деятельность усиливал.

А посему, на основании п.2. лит.Е Положения о ГПУ от 6/11 -с.г.: в целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Сорокина полагаю выслать его из пределов РСФСР за границу БЕЗСРОЧНО.

Принимая во внимание заявление, поданное гр-ном Сорокиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, — для устройства личных и служебных дел дать 7 дней, с обязательством явки в ГПУ по истечении указанного срока и после явки немедленно выехать за границу.

20/9-22 г.

Пом. Нач. IV Отделения СОГПУ В.Шешкен

Согласен - Зарайский
Утверждаю - Ягода¹²⁷

II

ПОДПИСКА

Дана сия мною, гражданином Сорокиным Питирим Александровичем Государственному Политическому Управлению в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Советской Власти.

Ст. 71-я Уголовного Кодекса РСФСР, карающая за самовольной возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания мне объявлена, в чем и подписуюсь Питирим Александрович Сорокин.

13 сентября 1922 года¹²⁸

III

Подписка

Дана сия мною гр. Сорокиным Питирим Александровичем IV отд. СОГПУ в том, что обязуюсь согласно постановлению ГПУ в 10-дневный срок ликвидировать свои служебные и личные дела и выехать на свой счет за границу. По истечении срока перед отъездом обязуюсь с полученными документами явиться в IV отделение к нач. отд. тов. Зарайскому для сообщения времени отъезда.

13/9-22 г.

Питирим Александрович Сорокин.¹²⁹

IV

Выписка из протокола

Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 26 сентября 1922 года.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело №15962 Сорокин Питирим Александрович, обвин. в анти-советской деятельности. Находится на свободе. Доклад тов. Шешкена. Утвердил тов. Ягода	На основании п.2 лит.Е Пол. о ГПУ от 6/11-с/г. выслать из пределов РСФСР за границу. Предоставить 7 дней для устройства личных и служебных дел, обязав явкой по истечении указанного срока в ГПУ и выезда за границу.

Секретарь Коллегии ГПУ Езерская

V

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу № 15962 о гр. Сорокине Питириме Александровиче.

Освобожден 26 сентября 1922 г.

Я, сотрудник IV Отделения СОГПУ - Шешкен, рассмотрев дело за № 15962 о гр. Сорокине П.А., нашел:

Сорокин П.А., по постановлению Президиума ГПУ от 26/9-с/г., в целях пресечения его антисоветской деятельности, выслан за границу, и дело следствием закончено, а посему полагаю: дело сдать в архив.

Сотрудник IV Отделения СОГПУ (подпись) В. Шешкен
7 октября 1922 года

Согласен. Н. Зарайский.

Согласен 13/Х-22 Дзержинский

VI

Выписка из протокола

Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 23 октября 1922 года

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело №15962 Сорокин Питирим Александрович. По постанов. Коллегии ГПУ от 26/9-22 г., - выслан за границу. Доклад т. Шешкена. Утвердил тов. Уншлихт	Дело прекратить и сдать в архив

Секретарь Коллегии ГПУ Езерская¹³²

22 сентября 1922 г. Сорокин отправил свое последнее письмо из Москвы в Петроград Ф. И. Седенко:

«...Спасибо Вам огромное за все, за все. Не нужно говорить, что я увожу с собой о вас, да и о всем «Колосе» прекраснейшие воспоминания и чувства. Не согласен только с тем, что мы расстаемся навсегда. Я твердо верю, что через 2–3 года мы встретимся. [...] Завтра выезжаем. И если не будет сюрпризов, в понедельник будем в Риге. В Риге, кстати, предлагают мне и другим профессорам профессорство. Но я пока не имею охоты оставаться там. В заключение еще просьба. На городской квартире я оставил часть книг. Если бы это не оказалось для Вас очень трудным, то при случае я очень просил бы Вас эти книги взять к себе или в «Колос». Для этого достаточно будет показать Евгению Эмильевичу Мандельштаму или М.Н. Дармолатовой это письмо. Адрес: Васильевский остров, 8-я линия, д.31, кв.5. Очень обяжете меня, если возьмете на себя этот труд. Если же Вам сделать это трудно — не беспокойтесь. Горячий привет Вам от Лены, от обоих — всему «Колосу». Крепко обнимаю Вас и жму руку. Ваш Питирим.

P.S. Часть изданий «Колоса» (не распроданных) для образца я захватил и буду демонстрировать за рубежом. О результатах напишу. Будьте здоровы. Ваш Питирим».¹³³

23 сентября Сорокин с женой покинули Россию. Навсегда.

С собой он увозил, написанные после освобождения из Велико-Устюгской тюрьмы рукописи:

1. «Революция. Социологическое исследование революции». 12–14 печатных листов.
2. «Коммунистическое общество, его примеры в истории, его сущность, причины и следствия. (Критика коммунизма)». 15 печатных листов.
3. Третий том «Системы социологии» (Посвящен учению о социальных силах). 30 печатных листов.
4. «Класс пролетариата в ряду других социальных классов. (Антропология, психология и социология пролетариата)». 20 печатных листов.
5. «Война как социальный фактор». 5 печатных листов.
6. «Оправдание мещанства и обывательщины». 6 печатных листов.
7. «Социологические этюды. Сборник статей». 15 печатных листов.

Всего полгода назад, откликаясь на сборник Бердяева, Букшпана, Степуна, Франка «Освальд Шпенглер и закат Европы», который Ленин назвал «литературным прикрытием белогвардейской организации»¹³⁴ Сорокин отрицал вывод Шпенглера и авторов сборника о кризисе и гибели европейской культуры.

«Говорить о закате Европы и наступлении Средневековья пока что еще рано. <> Экономический кризис изживается. Работа налаживается. Духовная жизнь уравнивается. Был и есть пока что кризис — бесконечно менее острый, чем наш, — о закате же пока говорить не приходится. Только плохо информированное воображение многих русских интеллигентов рискнет представить себе Европу уже конченной, все ее основы опрокинутыми, «буржуазную культуру» погибшей. Плохо ли, хорошо ли это, но Европа, а тем более Америка — живы, собираются жить и показывают ясные признаки оздоровления. <> Мечтать, что новое Возрождение придет из России приятно. <> В общую сокровищницу ценностей она внесла свои вечные. Но к чему же отсюда делать ее «монопольной обладательницей» их в будущем и «реквизировать» у Запада всю его творческую роль? Такой большевизм наизнанку, пусть простят меня уважаемые авторы, наивен и нескромен. «Проклятая Европа» жива еще, а мы... вымираем... Не к лицу нам такая

нескромность, как не к лицу и полное отрицание своего достоинства.

Великая переоценка ценностей начинается, но едва ли она приведет к тем «экзотично-романтическим» путям, на которые указывают авторы сборника.¹³⁵

Тираж книги «Голод как фактор» был уничтожен большевиками в типографии. Случайно сохранилось два экземпляра. Один из них ныне находится в РГБ, другой в библиотеке Института Научной Информации по общественным наукам (Москва).

После смерти Сорокина Елена Сорокина, по просьбе профессора Ф. Олена из университета Вирджинии, перевела её на английский язык, и в 1975 г. книга была опубликована в издательстве университета Флориды. В Петрограде с 1917 г. по июль 1920 г. умерли от голода тысячи людей. Сорокина, лично все это пережившая, отмечала, что

«...единственным светлым воспоминанием того периода, осталась помощь, которую АРА Гувера оказала миллионам голодающих людей. Эта помощь никогда не должна быть предана забвению русской памятью».¹³⁶

В предисловии Сорокин выразил благодарность

«за многие ценные комментарии и другую помощь во время работы над книгой: Ф. И. Витязеву-Седенко, С. А. Жебелеву, Н. И. Карееву, Н. Д. Кондратьеву, А. В. Немилову, И. П. Павлову, Е. В. Тарле и многим другим».

Он посвятил книгу:

«Американской администрации помощи, миссии доктора Ф. Нансена, Христианскому Союзу Молодых людей, ученым, студентам, рабочим Европы и Америки и всем кто спасает великий русский народ от голодной смерти в эти трагические годы его истории...»¹³⁷

С представителем американской АРА и ИМКА в России, Сэмом Кини Сорокин был хорошо знаком. Он просил Седенко после выхода книги направить 2–3 экземпляров в петроградс-

кое отделение АРА для «мистера Кини». Хорошо знаком с Кини был и Корней Чуковский, в дневнике которого от 13 февраля 1923 г. есть запись:

«Очень милые многие люди в АРА, лучше всех Кини (Кееру). Я такого человека еще не видал. Он так легко и весело хватается за жизнь, схватывает все знания, что кажется иногда гениальным, и между тем, он обыкновенный янки. Он окончил Оксфордский университет [...]. Узнав о голоде русских студентов, он собрал в Америке среди Young Men Christian Association изрядные количества долларов, потом достал у евреев (Hebreu Students) небольшой капитал и двинулся в Россию, где сам, не торопясь, великолепно организовал помощь русским профсоюзам, студентам и т. д. Здесь он всего восемь месяцев, но русскую жизнь знает отлично — живопись, историю, литературу. Маленький человек лет 28, со спокойными веселыми глазами, сам похож на студента, подобрал себе отличных сотрудников, держит их в дисциплинированном виде, они его любят, слушаются, но не боятся его».¹³⁸

Кини оказывал персональную помощь Ахматовой, Сологубу...

В своих воспоминаниях Сорокин писал, что покинул Россию в костюме, пожертвованном Американской администрацией помощи, и **«в туфлях, присланных чешским ученым»**¹³⁹ (*«чешский ученый» — вероятно, — Н. Е. Шаповал*)...

На следующий год после высылки Сорокина и других интеллектуалов Советское правительство запретило деятельность АРА и ИМКА, обвинив их в «шпионаже».¹⁴⁰

Участвовал ли сам Сорокин в подпольных антисоветских организациях после своего «покаяния» в Великом Устюге?

Известно, что на академика И. П. Павлова в архиве Петербургского управления ФСБ только доносов хранится 5 томов.¹⁴¹ Конечно же, и на Сорокина там хватает «материала». Под рубрикой «Активные контрреволюционеры» его имя стоит одним из первых...

Советский исследователь Г. Ф. Барихновский писал:

«Бывшие эсеры А. Аргунов, С. Маслов и П. Сорокин еще в декабре 1920 г. решили создать в Россию организацию «Крестьянская Россия», но «практически сделать ничего не смогли и были выдворены из страны».¹⁴²

Членом «КР» стал так же Н. Д. Кондратьев. Что касается Маслова, то в 1921 г. по направлению «Крестьянской России» он смог выехать за границу для пропаганды идей группы и создания партии...

С высылкой Сорокина Петроградский университет стал окончательно большевистским.

В январе 1923 г. юный петроградский историк Александр Молок писал своему учителю Бруно Борисовичу Беккеру (Беккер — один из членов Совета Исторического института, где проходил «магистерско-докторский» диспут Сорокина), уехавшему в августе 1922 года в Амстердам:

«Вчера был 104-й юбилей Университета. Торжественное заседание в Таврическом Дворце под председательством Н. С. Державина привлекло массу студентов. Но праздник прошел совершенно под другим знаком чем в прошлом году. Тогда было два цвета: красный и розовый. Была оппозиция, гремел Питирим Сорокин, Яновский и другие. Теперь оппозиции этой больше нет, и цвет один: красный».¹⁴³

Завершу рассказ о российском периоде жизни Сорокина небольшим отступлением...

Часто бывает, ищешь одно — находишь другое. Хотя это другое как раз то... В октябре 1996-го я прилетел в Амстердам, чтобы «перетряхнуть» местные архивы. Интересовали меня материалы о Питириме Сорокине, М. М. Ковалевском, партии социалистов-революционеров, меньшевиков, etc.

Архив знаменитого Международного института социальной истории (IISH) был «обработан» довольно быстро и затем я переключился на библиотеку института Восточной Европы Амстердамского университета. Времени до отъезда было много...

Как-то раз в разговоре со мной один из профессоров института Восточной Европы Марк Янсен сказал:

«А, Вы знаете, Юрий, что основал наш институт русский эмигрантский профессор Петроградского университета — Бруно Борисович Беккер? Сохранился его архив. Хотите взглянуть?»

Беккер, один из тех 14 членов Исторического института присудивших Сорокину звание «профессор» социологии...

Русский профессор (по происхождению немец, невозвращенец, 1922 г.) Б. Б. Беккер сделал Амстердамский университет одним из сильнейших в мире центров славянских исследований. Сейчас уже ученики учеников Беккера продолжают традиции, заложенные изгнанником: Марк Янсен, например, сказал о себе: «Я ученик Яна Беземера».

Среди учеников Беккера — крупнейшие нидерландские слависты — И. М. Мейер, К. Реве, Г. Ф. Фоогт-Стоянова, К. П. Эбелинг, Я. Ван дер Энг..

Я. Беземер и К. Реве были в свое время создателями знаменитого «Фонда имени Герцена». Карел ван хет Реве в 1949 году опубликовал исследование «Пушкин и Гейне». В 1968 году он был корреспондентом нидерландской газеты в Москве. Через него попала на Запад, и сначала на нидерландском, а потом уже на английском и других языках мира была опубликована знаменитая работа А. Д. Сахарова: «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»...

Т. Ф. Фогд-Стоянова перевела на нидерландский язык «Охранную грамоту» Б. Л. Пастернака. Она падчерица одного из немногих друзей А. Блока — поэта Владимира Пяста. Живет в центре Амстердама в пяти минутах ходьбы от Института Восточной Европы. Татьяна Филипповна вспоминает:

«Беккер был по-русски авторитарным учителем. Я тоже. А, сейчас не то, преподавателей студенты называют по имени — «Таня». На первой лекции Беккер обычно говорил студентам: «Работы для вас после окончания Университета не будет».

Строгость Беккера отмечали все его ученики. Профессор Мариус Брукмайер сказал:

«Сегодня мне приснился Беккер. Никогда такого не было. Мы обнимались!!! Он был строгим учителем».

Питирима Сорокина, в США тоже часто обвиняли в авторитаризме. А, один из мемуаристов даже написал:

«Я не уверен, что Сорокин хорошо понимал, что такое демократия».¹⁴⁴

В архиве Беккера сохранились бесценные россыпи писем к нему С. Франка, Р. Порталья, А. Гакеля, Л. Зандера, Э. Ло Гатто... Много писем от его учеников: нидерландских и тех, что остались в России (А. А. Введенский, А. И. Молок...)

В генеральном каталоге питерской «Публички» нет ни одной книги Беккера. Между тем, вместе с другим профессором Университета А. М. Ловягиным Беккер был единственным в Петрограде знатоком нидерландского языка, который он изучил по староголландским рукописям. «Героем» Беккера был нидерландский мыслитель-свободолюбец Дирк Коонгерт (1522–1590).

В политическом отношении Б. Б. Беккер сочувствовал меньшевикам, хотя в партии никогда не состоял. В молодости Беккер был в Лондоне и изучал там работы К. Маркса. Через много лет один из его учеников — Ян Беземер писал своему учителю:

«В последнее время я больше всего работал в Британском музее. И думал о том, как Вы там сидели в 1905 году и читали Бакунина».

Из писем учеников явственно проступает образ Учителя. В первоначальном смысле слова.

Жанна Лидмайер.

**Многоуважаемый профессор
... Ведь я не хочу только «марать» бумагу. Я уважаю науку и знаю, что для этого требуется...»**

Ян Беземер

«...Надо сказать, что Париж — настоящий рай. Если комбинировать 5–6 библиотек, где есть русский фонд, то получится обширнейшая документация...»

... В августе 1922 года профессор Петроградского Университета Б. Б. Беккер выехал в научную командировку в Голландию. Как оказалось навсегда...

В октябре 1924 года он был уволен из Университета. 20 октября 1924 года ректор Университета Н. С. Державин в письме к Б. Б. Беккеру сообщал:

«Историческая наука — думаю — временно, — попадает в неблагоприятные условия, для своего развития, так что пока Вы в Голландии изучаете свою науку, она у нас оказалась в нетах...»

На ФОНЕ в этом году началась коренная реформа и планов, и личного состава, что вызвало со стороны старой профессуры, конечно, протест и притом сплоченный, организованный. Но дело уладилось — кое-кого «ушли», чтобы очистить атмосферу»

В эту «очищенную атмосферу», в которой задохнулся Блок, расстреляли Таганцева, Гумилева, «ушли» гордость русской и мировой науки — старых профессоров Университета Беккер возвращаться не стал. Тем более, что и его самого «ушли»...

Поразительна многолетняя переписка Беккера с его учеником А. Молоком. При Советской власти Молок много лет заведовал кафедрой новой истории в ЛГУ. В 1951 году был переведен в Москву в Институт Истории Академии Наук. В сущности был обычным номенклатурным приспособленцем.

Письма Молока к Беккеру обширны. Часто по 15–20 страниц содержат богатейшую информацию о жизни историков Ленгосуниверситета в 1920-е годы. В архиве много инвентарных карточек (с различными выписками Беккера) с надписью «Для Молока». Их хронологические рамки 1924–1964 гг. Сколько эпох прошло, а Учитель все также делал выписки для ученика...

Еще один фрагмент из письма Молока 30.XII.1922 года. Он писал:

«Работники просвещения оплачиваются хуже всех, они получают содержание равное 12 % прожиточного минимума! Это говорит министр (А. В. Луначарский) и ему приходится верить. Другие цифры не менее ужасны».

За две недели до этого, в письме от 14.XII.1922 г. Молок писал Беккеру:

«...Так как я голодал в октябре-ноябре сего года, я больше не в силах».

«Россию в Нидерландах изучали и до Беккера», — сказал мне Лео ван Россум, куратор по Восточной Европе в Институте Социальной истории. Да, это так.

Но главная заслуга Б. Б. Беккера заключается, говоря словами итальянского слависта Ло Гатто, в том, что он:

«Создал великолепную школу, которая является в ее результатах одной из самых лучших в мире».¹⁴⁵

Прекрасен адрес, который преподнесли Беккеру его студенты, ставшие классиками нидерландской славистики:

Дорогой Бруно Борисович!

Как хороши, как свежи воспоминания: воспоминания о юных днях, с которыми мы навек простясь, все же остались так тесно связаны. Воспоминания часто бывают немного грустны, однако, Бруно Борисович, я не хочу печалить Вас ничем: пусть они нас больше не тревожат, ведь в мире печали и слез они в нашей душе молодой остались — без слов, но живые. Всегда так будет и бывало, таков издревле белый свет: кто старое помянет, тому глаз вон, но в то же время вспоминать бывает все-таки и сладко. Мы все помним, как мы в первый раз пришли на Ваши лекции. Что меня касается — я сказать Вам принужден, пришел, увидел, побежден. Это факт, а не реклама!

Да — Ваши лекции! Где моя кухня? Она в театре. Опять в театре. Что, она. Всегда в театре, в кино, на концерте — что за скандал! Вот Вы видите, эти Ваши лекции для нас незабвенны. Я хорошо помню, что на первой же Вашей

лекции русского языка, это было в октябре 1941 года, я узнал, кто такой Рейхлин: «Эразм и Рейхлин — гуманисты». На второй лекции я узнал, что «Цемент» — роман Федора Гладкова, что в Мадриде — бой быков, а в Сахаре вой шакалов. Значит: да и нет не говорите, черного, белого не покупать, головой не мотать, эти лекции были для нас весьма поучительны, а иногда даже потрясающие, вот например: драма — вилла — граммофон — танго — яд. Или вот: сон — экзамен — жаба — кредиторы — крысы. Но, к сожалению, Бруно Борисович, все это прошло, мы все ушли с университетских скамей, не давая себе отчета, что мы покинули в краю родном: мы все ищем бури, как будто в бурях есть покой. Мы все вошли в жизнь, нам зашумело в голове и мы чуть в обморок не упали, однако, со временем мы привыкли, мы все стали зажиточными, дородными: щи да каша уже не пища наша, мы уже друг к другу не летим и друг другу не кричим: Слушай, где б нам отобедать, как бы нам о том поведать?

Вот за всю эту духовную пищу, которую Вы нам давали, Бруно Борисович, мы сегодня желаем Вас отблагодарить вот этим (не банкнотом, а банкетом. Спасибо Вам за хлеб, за соль, за щи, за кашу, за милость Вашу! А это — не ирония!

Если позволите, то я хотел бы теперь присутствующим прочесть маленький отрывок из Вашей автобиографии, или исповеди: на одной из первых же Ваших лекций Вы нам дали записать следующее:

«Я хочу рассказать студентам, что я делал сегодня утром. Я читал газету и письма. Газета меня очень волнует. Война в Европе, Африке и Азии, судьба Индии, бой на море и в воздухе и т. д. — шумит в голове, если подумаешь, как люди живут на белом свете. Приятели советуют мне не читать газет: лучше думать о науке и работать. Я хотел бы следовать их совету, но я не могу: историк должен знать, о чем пишут газеты. — Я долго беседовал с другом и забыл, что сегодня у меня лекция. Я хотел думать о лекции, что мне делать со студентами, что спрашивать, что диктовать»...

Мы долго думали о том, что Вам в этот день преподнести как подарок: сборник статей, как мы сделали десять

лет тому назад или банкет, как мы сделали пять лет тому назад. Мы в конце концов остановились на банкете.¹⁴⁶

И еще. Ни об одном из великих учителей Сорокина на родине в России до сих пор не написана книга. Трудно представить — кто мог бы осилить это дело. В Петербурге существует «Социологическое общество им. М. М. Ковалевского», но это чисто формальная, бюрократическая структура, которых всегда было с избытком. В Петербурге с 1995 года проходят «Кареевские чтения», а детальной биографии историка, социолога, политического и общественного деятеля Н. Н. Кареева нет. (Кареева не выслали и не расстреляли как многих. Его затравили...) Нет полновесных биографий Ковалевского, Де Роберти, Петражицкого (книгу о влиянии последнего на польскую социологию лет десять назад я неожиданно получил бандеролью из Люблина, от ее автора — профессора Кшыштова Мотыки), Жакова...

Между тем большие архивы Ковалевского, Кареева, Де Роберти находятся в Москве и Петербурге и доступны для исследований. Архивы Петражицкого и Жакова, за российский период находятся в каком-нибудь из бесчисленных российских «спецхранов», а за период эмиграции (если сохранились) — при желании тоже можно найти...

Лео ван Россум (ныне уже, к сожалению, покойный) сказал мне, когда я стал говорить о материалах Ковалевского:

«...А я и не знал, что он такой большой ученый...»

Для биографа знаменитого русского социолога эти материалы бесценны.

Они находятся в фонде «Общества охранения русских ценностей (АССР) в коллекции семьи Ковалевских.

Условно все материалы М. М. Ковалевского можно разделить на четыре части: 1. «Воспоминания» М. М. Ковалевского; 2. Письма М.М. Ковалевскому от российских и иностранных коллег-ученых;

3. Деловые бумаги, связанные с продажей имения в Харьковской губернии, удочерением дочери С. В. Ковалевской; 4. Письма М. М. Ковалевского к С.В. Ковалевской.

Бесспорно, что самого скорейшего опубликования требовали воспоминания М. М. Ковалевского, написанные им незадолго до смерти. Это хорошо понимали в российских эмигрантских научно-общественных кругах. Недаром ряд пространных фрагментов из мемуаров М. М. Ковалевского опубликовал один из ведущих журналов эмиграции «Возрождение» (Париж). Несколько публикаций о М. М. Ковалевском было в нью-йоркском «Новом журнале», а выдержки из воспоминаний М. М. Ковалевского о посещении США были переведены на английский язык и опубликованы в ведущем американском руссиеведческом журнале «Russian Review». В СССР был со значительными купюрами опубликован фрагмент из воспоминаний М. М. Ковалевского, относящиеся к периоду после 1905г. («История СССР». 1969. №№ 4–5).

Е.В. Спекторский в статье в «Encyclopedia of the Social Sciences» (Vol. 8) писал, что М. М. Ковалевский оказал значительное влияние на все научные дисциплины, в которых работал, но не оставил школы..

Если под «школой» понимать нечто узкое, субординационное, то, возможно, это так... Но...

«Ни одна аудитория Московского университета не вмещала желающих его слушать. Читал в актовом зале умирал, как и жил, прежде всего учителем».

«Русский народ, конечно не знал Ковалевского, но русская интеллигенция редко кого так любила, он был для нее не профессором Ковалевским и тем более не членом Государственного совета, а Максимом Максимовичем».

«Со времени смерти Л. Толстого русское общество не переживало такой крупной потери».¹⁴⁷

Питирим Сорокин, над раскрытой могилой сказал:

«Любите истину и никогда ни за что не уступайте ее», — вот то, чему учил нас Максим Максимович... И мы, ученики его, прощаясь навек с дорогим для нас учителем, не забудем этой заповеди, которую сам Максим Максимович ни разу в жизни не нарушил».¹⁴⁸

Даже если бы М. М. Ковалевский имел одного такого «ученика», как П. А. Сорокин, ставшего классиком социологии XX в., то можно считать, что «школа» М. М. Ковалевского состоялась... Это уникальная «школа» российской интеллигенции, последние представители которой сошли со сцены в 1980-е.¹⁴⁹

Именно в этом значении я и понимаю термин «Школа». Чтобы понять, что такое «школа Ковалевского», надо понять и ощутить воздух эпохи, чаяния времени...¹⁵⁰

Царская власть изгоняла с кафедры и из страны М. Ковалевского и П. Милюкова, запрещала лекции Владимира Соловьева, но как пишет студент той поры:

«Не разбираясь в научной ценности профессоров, их политических программах, юные, почти дети, мы определяли их каким-то особенным внутренним чутьем и шли за изгнанниками в Народный университет имени Шанявского, шли слушать князя Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева и других, шли улавливать их особый тон, особую сердечность, — шли не только за научной истиной, но и за движением общества и страны».¹⁵¹

В предисловии к мемуарам М. М. Ковалевский писал:

«...О себе самом я говорю немного... С какой же целью написана эта книга [...] я живу под свежим впечатлением внезапно развернувшихся событий, а они развиваются с головокружительной быстротой, ЧУДИТСЯ наступающий упадок вековой культуры. Не пора ли припомнить, чем была эта культура в разных странах, в которых мне пришлось жить по годам? Не время ли также показать, в какой степени односторонность или недостаток самой этой культуры и подготовили тот ужасный катаклизм, среди которого погибнет Европа?».¹⁵²

В написанных за два года до смерти воспоминаниях ему было что и о чем вспомнить и сказать. Структурно воспоминания разбиты на десять глав.

1. Детство и юность. Семья и школа. Университет. Первые странствия.

2. Прага и Вена. Берлин.

3. Париж и Лондон.
  4. Московский университет в 70-х годах прошлого века.
  5. Поездка на Кавказ»
  6. Преподавание в Стокгольме, Оксфорде и Париже, Научные работы в Болье и летние странствия, по архивам и библиотекам.
  7. Поездки в Америку.
  8. Опять на родине. Земские съезды. Редактирование газеты «Страна». Государственная Дума 1-го призыва.
  9. Пять лет, проведенные в Государственном Совете.
  10. Война 1914 и 1915гг. Ее действительные причины. К психологии германского народа во время войны»
- Три первые главы (169 машинописных страниц) — сведения из первых рук о становлении М. М. Ковалевского как человека и ученого, гражданина. О своей «Alma mater» (Харьковском университете) М.М. Ковалевский писал:

«Даже для специальности необходима возможно широкая общая подготовка. Она особенно нужна там, где как в России, средняя школа оставляет значительный пробел. Харьковский университет оказал мне ту услугу, что позволил мне заполнить эти пробелы, дал мне направление для моей дальнейшей деятельности. И это, пожалуй, более воспитательное, чем общеобразовательное влияние, я сохранил о нем добрую память».

Учителем (в высшем смысле этого слова) М. М. Ковалевского в университете был Д. И. Каченовский. После пребывания за границей Д. И. Каченовский вернулся в Россию и отдался ученому и нравственному служению в Харьковском университете. Несколько страниц воспоминаний М.М. Ковалевского посвящено учителю.

«Он воспитал длинный ряд поколений в идеях гражданского равенства, публичной свободы, народного самоуправления. <> Один только душеприказчик Каченовского — Григорий Николаевич Вырубов, пошел дальше Каченовского в понимании того, чем был для нас Герцен, провозгласив его нашим Вольтером, т.е. воспитателем целых поколений, а не ограниченным временем и пространством политиком —

вождем партии. <> Каченовский умер на моих руках. Я провел с ним последний день его жизни. С Каченовским исчез человек в значительной степени определивший мою дальнейшую судьбу, — зародивший во мне первые семена политического свободомыслия, давший мне сведения о конституционных порядках западноевропейских стран, вызвавший во мне желание посвятить себя проповеди тех начал гражданской свободы, местного самоуправления, народного (слова неразборчивы — Ю. Д.) он так умело излагал в своих лекциях об английской конституции».

М. М. Ковалевский был оставлен при Харьковском университете для получения профессорского звания уже после кончины учителя, но по его рекомендации. Представляет интерес ремарка М.М. Ковалевского, сделанная при описании «оставленных», которых ему приходилось встречать за границей; нечасто оставленные при университетах в России могли повторить гордые слова Чацкого: **«Служить бы рад, прислуживаться тошно»...**

После окончания университета, в возрасте 21 года, М. М. Ковалевский уехал за границу. Слушал лекции в Берлине, Париже, Лондоне.

«Моя умственная жизнь была особенно деятельна в годы ученичества в Лондоне и Париже, т. е. между 23 и 30 годами жизни, когда были намечены почти все темы, которые я разрабатывал и разрабатываю по настоящее время».

В Париже М. М. Ковалевский некоторое время занимался в Ecole des Chartes. П. Г. Виноградов отмечал впоследствии в некрологе, что М. М. Ковалевский:

«...не усвоил себе строгой техники в издании и критике источников, которой школа главным образом обязана своей славой — кропотливая работа, точная до мелочей, была несвойственна нашему ученому, стремившемуся скорее к широким обзорам и обобщениям социологического характера, однако близость к одному из главных очагов французской эрудиции внушила Ковалевскому на

всю жизнь интерес к первоисточникам и стремление ознакомиться с сырым материалом из первых рук».¹⁵³

Сам М. М. Ковалевский писал в воспоминаниях:

«...моя литературная и научная жизнь не раз встречала ожесточенных противников и нигде более как в России меня упрекали в легкомыслии, верхоглядстве, «импрессионизме».

Интересная деталь. Этот «недостаток» — впоследствии отмечали и у ученика М. М. Ковалевского П. А. Сорокина его оппоненты в России и за границей.¹⁵⁴

Не церемонился с оппонентами другой учитель Сорокина — К.Ф. Жаков. (А об одном случае сообщала «Речь». Профессор выступал на заседании лингвистической секции филологического общества Санкт-Петербургского университета. Доказывал родство японского и зырянского языков. Видные лингвисты среди которых был и Л.В. Щерба высказались против. Председатель собрания — Бодуэн де-Куртенэ, подводя итог, согласился с ними. В ответ Жаков обвинил участников собрания в некомпетентности и ушел)...

Сорокин наследовал от учителя манеру не ходить «вокруг да около», а выражаться прямо.

Значительное место М. М. Ковалевский уделил воспоминаниям о пребывании в Лондоне (160 листов), Бельгии (39 листов).

М. М. Ковалевский был среди первых иностранных профессоров, приглашенных читать лекции в эту страну: «За мои 18 лет заграничной жизни столица Бельгии сделалась мне до некоторой степени родной», — пишет он. Там у М. М. Ковалевского было много друзей...

Обычно считается, что бельгийская социология отражала влияние германской, французской и англосаксонской школ и в результате развития появилась как независимая школа.

Бельгийский институт социологии был создан в 1902 г. на деньги крупного бизнесмена Эрнеста Сольвея (1838–1922).¹⁵⁵ Из воспоминаний М.М. Ковалевского видно, что он стоял у истоков институцирования бельгийской социологии:

«Бывая в Брюсселе, я стал посещать общество Сольвея, так как в нем принимали участие самые близкие мне люди. Сольвей в молодости был рабочим и живо принимал их интересы и имел свою гипотетическую систему решения социального вопроса. В общество вошли Дени, Гильом де-Греф, Вандервельде. (Де-Греф ректор нового Университета) — он автор многих книг по социологии и экономике...»

Красочно и подробно описал М. М. Ковалевский своего друга, знаменитого Э. Вандервельде.

Значительный исторический интерес представляют последние главы воспоминаний, где М. М. Ковалевский описывает свою общественно-политическую деятельность в России после возвращения из-за границы в 1905 г. Эта важная тема фактически до сих пор остается вне серьезного исследования. М. М. Ковалевский основал либеральную партию демократических реформ, и ее партийную газету, был избран в первую Государственную Думу, а затем, в 1907г., в качестве университетского представителя — в Государственный Совет, в котором стал лидером небольшого либерального меньшинства...

Один из учеников М. М. Ковалевского по Петербургскому университету Макс Лазерсон так же как П. А. Сорокин, Е. В. Спекторский и многие другие, оказавшийся в эмиграции, отмечал такой аспект в многогранной деятельности М. М. Ковалевского:

«Количество речей в Государственном Совете, в которых Ковалевский обращается к Соединенным штатам как к модели, необходимому прецеденту или источнику важной информации изумительно, дательное изучение стенографических отчетов Совета с марта 1907 г. до марта 1916 г., когда он умер, показывает упоминание Соединенных Штатов в связи с совершенно разными областями; конституционное право, самоуправление, включая земства, конституционные права и автономия Финляндии, уголовное судопроизводство, отсрочка приговора, местное судопроизводство, аграрная реформа и защита русской деревенской общины» экспансия России в Приморье, Амурском регионе и на границе с Манчжурией, подоходный налог,

контракты в нефтедобывающей отрасли, реформа экономики, технология русской железнодорожной системы, порто-франко и таможенных пошлины, программа курсов при университете и даже такие абстрактные предметы, как академическая свобода и свобода религии. Когда мы читаем его речи о расширении земского самоуправления в Сибири, взаимосвязи между политическим сознанием местной культурой и плотностью населения, иллюстрированных примерами колониальной Америки и Соединенными Штатами, то чувствуем, будто находился на потрясающе богатой лекции, построенной на сравнительном экскурсе в прошлое Америки и России...»¹⁵⁶

Уже только этот аспект деятельности М. М. Ковалевского требует тщательного изучения и осмысления. Иногда кажется, что воспоминания М. М. Ковалевского написаны сегодня и применительно к современности:

«Представительный строй, особенно при тяготении к парламентаризму, возможен только при условии резкого противоположения правительства и оппозиции».

«Русским политическим деятелям чуждо еще представление о том, что единственным истолкователем мысли главы государства должны быть члены правительства или Совета Министров».

В воспоминаниях даны портретные зарисовки многих видных деятелей России того периода. Много страниц посвящено С. Ю. Витте, неославянскому движению в России вызванному приездом К. Крамаржа; деятельности С-Петербургского «Общества мира» председателем которого был Ковалевский.

В фонде АССР хранятся письма к М. М. Ковалевскому от В. Грабаря (30.01.1899), И. В. Гессена (24.04.1902. СПб); Анны Митрофановны Аничковой (Б.м.Б.д), В. М. Соболевского (три письма от 25.06, 29.08. 7.10.1901 г.), П. Б. Струве (26.11.1901 Мюнхен), б.д. Париж, 11.03.1902 Монтре, 18.10.1902 Штутгарт, а также профессоров; А. С. Яценко (19.06.1907 Ставрополь), С. А. Котляревского (5.06 б.г. и м.), Н. А. Гредескула (28.04.1902. Харьков), М. П. Ясинского (15.09.1903. Киев), А. Д. Градовского (23.11.1876, СПб), А. Лаппо-Данилевского (02.05. б.г. Рим),

М. В. Бернацкого (11.06.1910. СПб), А. Н. Пыпина (11.11. и 12.12.1983 СПб, 23.11.1884 СПб), Е. В. Аничкова (б.м. и д.), В. Ф. Дерюжинского (13. 23.03.1895. Юрьев), Н. И. Кареева (7.01.1962. Париж, 18/30 марта 1892. СПб, 10/23 декабря 1902. СПб., 16.01, 1903 СПб), Д. Дриль (25.11.1875. СПб).

Письма никогда не публиковались, и вслед за «Воспоминаниями» М. М. Ковалевского* необходимо ввести в научный оборот эти человеческие и исторические документы.

«Штутгардский рыцарь» П. Б. Струве (как назвал его Ричард Пайпс) писал М.М. Ковалевскому:

«Многоуважаемый Максим Максимович, не имея чести лично знать Вас, позволяю обратиться к Вам по следующему поводу. Уже давно у меня возникла мысль о желательности создания за границей солидной нейтральной (беспартийной) библиотеки-музея, хранилища книг и периодических изданий о России, как на русском так и на других языках. Желательно, чтобы это дело было поставлено сразу» если не широко, но солидно. Я слышал, что бельгийский деятель задумал в Брюсселе основание социального музея. Нельзя ли было бы создать библиотеку Rossica, как отделение этого музея? И самое главное: в какой форме Вы согласились бы принять участие в пропаганде и осуществлении мною вышеназванной идеи? Согласились бы Вы — если удастся получить согласие на основание русской библиотеки при Брюссельском musee Socia написать вместе со мной — соответствующие обращения для напечатания в русских газетах? Пишу Вам из Германии, но на днях отправляюсь обратно в Россию, куда просил бы направить мне ответ,

С искренним уважением. Готовый к услугам П. Струве.

Адрес мой: СПб. Знаменская, 15.

Петру Бернардовичу Струве.

Профессор М. В. Бернацкий, будущий министр финансов в правительствах А. Ф. Керенского, А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, хлопотал перед М. М. Ковалевским за будущего известного

* Ковалевский М.М. Моя жизнь., М., 2005. Воспоминания опубликованы по рукописи, переданной родственником М.М. Ковалевского П.Е. Ковалевским в архив советской Академии Наук в Москве. Автор исторического предисловия к воспоминаниям — Н.Б. Хайлова.

большевика, а в 1910 г. студента Технологического института Георгия Сафарова:

«Это почти мальчик. Арестован по подозрению в принадлежности к социал-демократам. Принято решение выслать его под негласный надзор полиции на 2 года в Вологодскую губернию. Думаю, что его вина лишь в том, что читал рабочим лекции (легально) по политической экономике. Все его интересы в области научной. Он стоит заступничества. Не представляю, как этот хилый и неокрепший мальчик перенесет это путешествие. Может» сможете повлиять на Столыпина».

Через 12 лет этот «почти мальчик» говорил на пленуме II-й Василеостровской районной коммунистической партийной конференции в сентябре 1922 г., когда ВКП(б) приступила к решительной «чистке» Университета:

«В указаниях товарищей было много истины. Кафедры которые нужно заменить в первую очередь, — это кафедры гуманитарных наук. Нужно изгнать из наших факультетов старых и обветшалых мракобесов вроде профессора Карсавина...».¹⁵⁷

Редактор «Русских ведомостей» В. М. Соболевский писал:

«Прощайте, дорогой Максим Максимович, счастливо оставаться вне пределов отечества, куда теперь возвращаюсь с таким чувством, с каким спешат к труднобольному, боясь того, что застанут. [...] Я, как видите, уже в подмосковной слободе Вене, завтра еду дальше».

Десятки писем М.М. Ковалевскому сгруппированы по папкам с надписями: «Итальянские ученые, общественные и политические деятели», «Французские ученые, общественные и политические деятели», «Английские ученые, общественные и политические деятели». В папке «Varia» письма из США, Канады...

Питирим Сорокин, который последние шесть лет жизни М. М. Ковалевского был его секретарем, писал в одном из опубликованных им некрологов М. М. Ковалевского.

«Можно немало рассказать о западных друзьях Ковалевского. Когда-нибудь биографы и историки расскажут об этой хорошей и интересной странице нашего научного и социального общения с Западом».¹⁵⁸

Определенный интерес представляет третий блок документов М. М. Ковалевского в коллекции АССР. — «Деловые бумаги».

И, безусловно, значительный интерес для биографов М. М. Ковалевского и С. В. Ковалевской и историков российской науки представляет переписка двух выдающихся ученых. Эта переписка — важный источник для понимания сложности их личных взаимоотношений. Ценность данной переписки для «истории сердца» М. М. Ковалевского уникальна еще и тем, что в воспоминаниях «Моя жизнь» эту сторону своей жизни автор вовсе не затронул...

В многочисленных публикациях периода «гласности» при М. С. Горбачеве о высылке большевиками в 1922 году большой группы русской интеллигенции имя Сорокина упоминалась среди тех, кто находился на одном из «философских» пароходов отплывавших из Петрограда.

На самом деле он покинул Россию поездом из Москвы. Вместе с ним выехали: А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Ф.А. Степун, И.Ю. Баккал с семьями, деятели кооперации: А.А. Булатов, М.Д. Шишкин, И.П. Матвеев, Н.И. Любимов, А.И. Сигирский, член разогнанного Помгола Н.Е. Смирнов...

Уезжали из Москвы, вероятно, с Виндавского (ныне Рижский) вокзала...

«Хмурым днем 23 сентября 1922 года первая группа высланных собралась на московском вокзале. Я внес два саквояжа в латвийский дипломатический вагон. «Все свое ношу с собой». Это я мог бы сказать и про себя. В туфлях, присланных чешским ученым, костюме, пожертвованном мне Американской организацией помощи, с пятьюдесятью рублями в кармане я покидал родную землю».¹⁵⁹

Там где раньше была Россия — остались друзья. В земле — как Зепалов. Придушенные — как Кондратьев.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая. «Если найдется жив человек»

1. Шергин И.А. Богатства Севера. Путевые заметки, очерки и рассказы — СПб. 1909. с.25.
2. Сорокин П.А. Современные зыряне. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1911, №24, с.948.
3. Чаадаев Н. Предтеча. Посвящается Е.П. Баратынской // Ежемесячный журнал, 1917, №4, столбцы 79,80,81.
4. Там же. Столбцы 84,85.
5. Момотова З.С. Воспоминания. Рукопись. Архангельск. 1992 // Архив автора.
6. Старцев Г. Прошлое Гамской волости. // Записки общества изучения Коми края. Выпуск 1. Усть-Сысольск, 1928, с.112.
7. Сорокин Питирим. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992, с.35.
8. Фонд 290. Дело 55 (Дневник П.А. Сорокина), лист 1// РО ИРЛИ (Пушкинский дом).
9. Фонд 770. Опись 1. Дело 338, лист 1 // Государственный архив Ивановской области.
10. Осоргин, Михаил. Времена. Воспоминания. М., 1989, с.42.
11. Чаадаев Н. Предтеча // Ежемесячный журнал, 1917, №4, столбец 91.
12. Там же. Столбец 99.
13. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... с.47.
14. Фонд 234. Опись 1. Дело 62. Лист 30 // Велико-Устюгский филиал Вологодского областного государственного архива.
15. Веселовские, Александр и Алексей. Вологжане-краеведы. Источники словаря. Вологда. 1923. с.24.
16. Чаадаев Н. Предтеча // Ежемесячный журнал, 1917, №4. Столбец 104.
17. Фонд 234. Опись 1. Дело 62. Листы 25-26 // Велико-Устюгский филиал, Вологодского областного государственного архива.
18. Там же. Дело 59. Лист 44.
19. Там же. Дело 62. Лист 23
20. См. материалы фонда 115 (Психоневрологический институт), а также «Личное дело студента П.А. Сорокина» (Фонд 115. Опись 2. Дело 8799) // ЦГИА СПб
21. См. фонд 14. (Санкт-Петербургский университет) Опись 3. Дело 56272 (Личное дело студента П.А. Сорокина на 42 листах) // ЦГИА СПб.
22. Там же. Кроме того, в этой же описи находится «Дело об оставлении П.А. Сорокина в университете для подготовки к профессорскому званию» (дело 19917 на 127 листах) и «Материалы о сдаче П.А. Сорокиным магистерского экзамена» (дело 14605 на 86 листах).
23. Письмо Питирима Сорокина Всеволоду Исаеву (англ. язык) от 5 декабря 1955 года // Архив автора. Копия.
24. Лазерсон, Макс. Двойной юбилей Л.И. Петражицкого (60-летие рождения и 35-летие научной деятельности) // «Сегодня» (Рига), 12 апреля 1927.
25. Письмо Питирима Сорокина Всеволоду Исаеву (англ. язык) от 26 июня 1956 года // Архив автора. Копия.
26. Впервые эта статья была опубликована только с началом «ренессанса» П.А. Сорокина при М.С. Горбачеве. См. «Колонизационные вождения». Материал подготовили А.Липский, В.Сапов // «Социологические иссле-

- дования», 1990, №2, с. 134-138. Рукопись статьи хранится в РГАЛИ (Фонд 16. Опись 1. Дело 2179. Листы 1-10).
27. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Т.2. СПб. 1912, с.113
  28. См. Сорокин, Питирим «Колонизационные вождения»...
  29. Сорокин, Питирим. Застывшая музыка. (Скульптура Ин. Н. Жукова) // Вятская речь. 18 ноября 1910 года. № 246.
  30. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... с. 61-62. Переводчик воспоминаний П.А. Сорокин на русский язык А.В. Липский пишет в примечаниях: **«После возвращения из-за границы Сорокин написал и опубликовал путевые заметки «Проезжая по Европе», чем изрядно повеселил друзей, знавших, что Сорокин проехал туда и обратно, практически не выходя из вагона»** (с.269). К сожалению, Липский не смог указать мне где и когда были опубликованы эти заметки П.А. Сорокина...
  31. Журавский, Андрей. Письмо в редакцию // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 15 мая, 1911, № 10, с. 837-838
  32. Сорокин, Питирим. Предтеча // Ежемесячный журнал. 1917, №4, столбцы 92-93.
  33. Письма Питирима Сорокина к Елене Михайловой хранятся в личном фонде П.А. Сорокина (фонд 602) в ГАРФе в Москве. См. также: Юрий Дойков. Елена Михайлова — архангельский адресат Питирима Сорокина // журнал «Важкая область» (г. Шенкурск, Архангельская область), 1993, № 7-12, с. 6-13
  34. «Петя» — это земляк и, друг П.А. Сорокина — Петр Николаевич Зепалов. Социал-демократ. Имя П.Н. Зепалова упоминается в конспиративной переписке Большевистского Центра в Женеве. На адрес Зепалова в Великом Устюге (улица Успенского, дом Зепалова) большевики слали свои газеты «Пролетарий», «Социал-демократ» и т.д. (См.: Письма Н.К. Крупской М.В. Кобецкому. О связях Большевистского центра с Россией в годы реакции. Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // «Исторический архив» (Москва), 1959, № 1, с.45). В 1910 г. в Велико-Устюгской гимназии Зепалов сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на юридический факультет Петербургского университета. За участие в «Толстовских днях» из Университета был исключен. Продолжал учебу на юридическом факультете Московского университета.
  35. Сообщение К.П. Гемп (Архангельск, март, 1993 год)
  36. Мартюков, Александр. Дело Питирима Сорокина // газета «Советская мысль» (Великий Устюг), 21 февраля 1990 г.
  37. Фонд 602. Опись 1. Дело 50. Лист 1, оборот // ГАРФ
  38. Там же. Лист 4 // ГАРФ
  39. Там же. Дело 46. Лист 1 // ГАРФ
  40. РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Опись архива П. А. Сорокина была составлена в 1934 году и включала 110 единиц хранения. В 1936 году все материалы архива П. А. Сорокина были сданы в Центральный архив. Ныне большая часть этих материалов составляет личный фонд П. А. Сорокина в Государственном архиве Российской Федерации. Я благодарю заведующую Рукописным отделом Пушкинского Дома Татьяну Сергеевну Царькову за предоставленную мне возможность первыми из исследователей приступить к изучению этих материалов П. А. Сорокина, которые временно

- значатся как фонд 290. Цитируемое стихотворение находится в деле № 58, лист 13.
41. См. фонд 1. Опись 3. Дело 200. (на 9 листах) // Архив Санкт-Петербургского государственного университета.
  42. Там же.
  43. Фонд 602. Опись 1. Дело 1. Лист 33 // ГАРФ
  44. Ремизов, Алексей, Иверень. Загогулины моей памяти // Север (Петро-заводск), 1991, № 4, с.58.
  45. Шаламов, Варлам. Четвертая Вологда. Вологда. 1994. с. 10-11
  46. Там же с. 109
  47. П.А. Сорокин. Дневник путешествия на Удору. 1911. Публикуется по рукописи. Фонд 290. Дело 54 (на 10 листах) // ИРЛИ (Пушкинский дом). «А, вот, что писал путешественник через 65 лет после Сорокина.
— **Только не на Удору, а на Удору,- поправляют меня друзьями.**
Что за Удора такая? Это — край земли коми, расположенный по верхней Мезени и притоку ее — реке Вашки. В XV веке коми пришли на низкие берега Вашки и заселили ее. По-местному называлась она Ву-река, а те, кто живет по ее берегам,- вудор. От этого слова видимо, и произошло название Удор, Удора, Удорский край. Расселение шло медленно, только в начале XVI века появились первые поселения на Мезени. Деревни коми в это время растут вниз по реке, русские деревни — снизу вверх; там, где они встретились, и прошла северная этническая граница удорских коми.
Была прежде Удора одним из самых глухих уголков Севера. Глухим был и Печорский край, но была там великая река и влекли людей ее полноводье, и богатство. На Удору же путь был либо с низовой Мезени, встречу воды, и чем выше, тем мельче река, либо волоком с Выми, притока Вычегды, по речке Ёлве и через волок в Ирву, приток Мезени. Летних же дорог не было, только зимние. И жителей было в обширном крае, размерами под стать иному государству, так мало, что хватило бы всех на одно село в обжитых местах: в XVII веке мужского населения на Удоре насчитывалось менее трехсот человек.
Забытая была сторонка, задвённая.
Теперь как исторический курьез, с улыбкой читаешь в старом путеводителе: «Путешественник, намеревающийся ехать по северным рекам... направляется в далекий, малоизвестный, таинственный, край». На прежде недоступную Удору сейчас можно попасть не только самолетом, но и поездом: специальный вагон «Москва — Кослан» следует с воркутинским экспрессом до узловой станции Микунь, а далее вагон прицепляется к другому, более тихоходному составу на ветке Микунь — Кослан, и в итоге через тридцать часов вы оказываетесь на Мезени.
< > Центр Удорского района — село Кослан на Мезени сравнительно невелико...»
(Гунн, Генрих. Две реки — два рассказа. М., 1976. С. 117-118, 119
  48. Сорокин Питирим. К основанию социологической секции Исторического общества при СПб Университета. // Запросы жизни 1912, № 48, с.2768-2770.

49. Фонд 290. Дело 43 // ИРЛИ. Два письма Т.Райнова Питириму Сорокину. от 4 и 24 августа 1913.
50. Цит. по: Сорокин Питирим. Преступление и кара. Подвиг и награда. СПб. 1999. С.32.
51. См. «Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 год», СПб, 1914. С. 350.
52. Чернов В М. Научное построение идеалов и чистое познание // Заветы. 1913. № 12. С. 142-183.
Виктор Чернов жил в 1913 г. в Италии в местечке Fezzano под Специей. В начале февраля 1914 г. Сорокин писал ему:
«От души благодарю Вас за Ваше хорошее и сердечное письмо. Если мое письмо доставило Вам нравственное удовлетворение, то Вы поймете ту большую и живую радость, которую вызвало во мне Ваше чуткое письмо, подчеркиваю Ваше, потому что «капля Вашего меду» во мне, говоря откровенно, гораздо больше, чем Вы предполагаете... Поэтому вступить с Вами в непосредственную переписку — о чем когда-то только мечталось, конечно, факт психологически для меня далеко не безразличный ...»
(ГАРФ. Фонд 5847. Описание 1. Дело 97. Лист. 1799. Цит. по: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 151) Гизетти А. А. Новый труд по социологии // День. 1914. 18 ноября. Гизетти — социолог, критик, публицист. Арестован и погиб в период сталинского террора.
Вестник Европы. 1914. Кн. 1. С. 413-415. Автор рецензии — товарищ Сорокина по юридическому факультету и по партии эсеров. И. А. Михайлов писал: **«Книга господина Сорокина не может не увлечь читателя... Нельзя не отметить разнообразной и многоязычной начитанности молодого социолога, ясности мысли и мастерства изложения- столь же отчетливого, сколь и увлекательного... Молодость автора проявляется и в том, что он больше ищет врагов, чем друзей. Поэтому он не очень склонен соглашаться... Закрываешь книгу с чувством благодарности к молодому ученому».**
И. А. Михайлов, сын известного народовольца А.Ф. Михайлова, впоследствии, как и Сорокин, сотрудник Временного правительства А.Ф. Керенского. Сражался с большевиками (в Сибири). Министр финансов у Колчака. Находился в эмиграции (в Китае). После Второй мировой войны захвачен чекистами и казнен.
Юридический вестник 1913. Кн. 4. С. 298-303. Автор рецензии — Т.И. Райнов (1888-1958) библиограф и историк науки.
Кроме того, рецензию написал Н.Д. Кондратьев (Научно-Исторический журнал. 1914. №3. С.64-65).
Гизетти, Михайлов, Райнов, Кондратьев — это студенты, друзья-приятели Сорокина... Откликнулись и профессора: А.Л. Погодин («Речь», 1913, № 303). Н.М. Тоцкий («Право», 1913, №44). Появились рецензии в («Отклики Кавказа» (Армавир) и «Утре» (Харьков). В московском «Вестнике права» (1914. 9 февраля. №6) рецензию опубликовал А. Дембский...
53. См. Дерунов. К. Указатель книг, выпущенных в 1913 г. // Ежегодник газеты «Речь» за 1914 год. СПб. Без даты.
- 53а. Фонд 287. Оп. 1. д. 23. // РГАЛИ.

54. Эти сведения о Седенко-Витязеве приводятся по его биографии, составленной неизвестным автором и хранящийся в РГАЛИ. (Фонд 106. Описание 3. Дело 5. Машинопись. На 13 листах).
55. Фонд 106. Описание 1. Дело 157. п. 1-2 оборот // РГАЛИ.
56. Ремизов, Алексей. Иверень. Загогулины моей памяти // Север (Петрозаводск). 1991, №4. С.61.
57. Фонд 185. Описание 1. Дело 1043. п. 3-4 // ИРЛИ
58. Фонд 122. Описание 1. Дело 1264. // РГАЛИ
59. Лучинская А. Рецензия // Северные записки. 1914. Октябрь-ноябрь. С.322
60. Ф.122. Описание 1. Дело 1264. Л.3 (почтовая карточка) // РГАЛИ
61. Ф. 602. Описание 1. Дело 41. Л.1 // ГАРФ
62. Речь. 1913 №303. П.А. Сорокин не остался в долгу и опубликовал рецензию на книгу А.Л. Погодина «Язык как творчество» (Харьков. 1913) в «Вестнике психологии, криминалистике, антропологии и гипнотизма» (1913 г. Выпуск 4. С.117-121).
63. Право 1913, № 44.
- 63а. Цит. по: Пржиборовская Галина. Лариса Райснер. М., 2008. С.97.
64. Иванов А.А. — студент исторического факультета университета. В 1917 г. избран депутатом Учредительного собрания от Архангельской губернии. Вместе с Сорокиным руководил антибольшевистским движением на Севере. Член Северного правительства Н. В. Чайковского в Архангельске. Расстрелян в Суздальском политизоляторе. Один из лучших знатоков европейского Севера России. Автор многочисленных книг и статей.
65. В мае 1917 г. Н. М. Кузьмин вместе с Сорокиным входил в состав исполкома Всероссийского Совета Крестьянских депутатов. См. также его полемику с Сорокиным: Кузьмин Н. М, «Великое и обыденное. По поводу статьи П. А. Сорокина «Две бездны нравственности (Ежемесячный журнал. 1916. № 2) и ответ Сорокина «Мораль застоя и туманная мораль высоких слов» (там же).
Известно, что в 1918 году Кузьмин неоднократно арестовывался ЧК. Несколько месяцев сидел в тюрьме. Имя Кузьмина мелькнуло в «Материалах по делу контрреволюционной Трудовой крестьянской партии и группировки Суханова-Громана. (Из материалов следственного дела ОГПУ» (М., 1930).
«Расколовшийся» в который уже раз с 1920 года Н.Д. Кондратьев показал чекисту Я.С. Агранову на допросе 27 июля 1930 года, что после снятия с поста директора Конъюнктурного института с 1928 году, единственным выходом считал для себя нелегальную эмиграцию. С этой целью Кондратьев через приехавшего из Ленинграда осенью 1929 года С.М. Лунина обратился к своему давнему знакомому Н.М. Кузьмину, который счел замысел Кондратьева авантюрой... (РГАСПИ. Ф.17. Описание 71. Дело 30. Лист 7).
Известно, что находясь в США Сорокин предпринимает все, что можно для спасенья своего друга Н.Д. Кондратьева... Пытается нажать на американские рычаги. В 1929 году тайную поездку в СССР совершил соратник Сорокина по «Воле народа» и антибольшевистской борьбе 1918 года В.И. Лебедев... Н.М. Кузьмин известен также, как поэт драматург... Упомянутые выше следственные материалы были изданы в 1930 году по указанию Сталина для «внутрипартийного служебного показывания»

66. Фонд 102 (Департамент полиции) // ГАРФ
67. Фонд 102 Дело 2-73 (1913). Лист 100. Ванин и Максимов ранее уже ссылались в Архангельскую губернию.
68. Алисов Леонид Владимирович в 1917 г. был секретарем военной комиссии Петроградского комитета ПСР, членом Правления и заведующим технической частью кооперативного издательства «Колос», которое возглавлял Витязев-Седенко. См. также рецензию Алисова на «Систему социологии» П.Сорокина (Вестник литературы. 1920. № 6, С.13).
69. Фонд 102 (Департамент полиции) // ГАРФ
70. Фонд 103 (М.М. Ковалевский) // СПб филиал архива РАН.
71. Рукопись этой статьи П.А. Сорокина хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН в фонде М.М. Ковалевского (Фонд 103. Опись 1. Дела 442-444). «Рабочий вопрос» не был закончен и опубликован. Рукопись представляет собой 8 тетрадок, записанных с одной стороны листа. Всего — 117 листов. Сорокин разбирает в статье историю рабочего законодательства, положение рабочего класса, страховых обществ, обществ взаимопомощи, etc. Имеются дополнения Ковалевского.
72. Сорокин, Питирим. Воспоминания // Речь. 1916. 24 марта. № 82
73. Речь. 1916. 25 марта. № 83
74. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С.122
75. Сотрудничество с вологодской прессой Сорокин начал еще в 1911 г., когда в «Вологодском листке» (июнь-сентябрь) опубликовал серию своих дорожных впечатлений от поездок по Северу под общим заголовком «Пестрое кружево». Эти статьи реопубликованы мной в журнале «Звезда». (1998 г., №3).
76. Сам Жаков об Архангельске отзывался так: **«Хоть холодно в Архангельске, но чувствуется, что это единственный центр на Севере, где какая-то мысль работает, а кругом на бесконечном пространстве, покрытом лесами и безлесном, рассеяны маленькие деревеньки и городки»** (Эхо. 1913. 18 августа)
77. Эхо. 1913 26 июля
78. Сорокин, Питирим. Письма к сельской интеллигенции // Эхо. 1913. 11 сентября.
79. Эхо. 1913. 18 августа
80. Эхо. 1913. 8 сентября
81. Эхо. 1913. 14 сентября
82. Эхо. 1913. 25 сентября
83. Эхо. 1913. 8 ноября. Кроме этих четырех стихотворений Сорокин опубликовал в «Эхо» еще одно «Паладин далекого Востока...», посвященное П.Н. Зепалову (Эхо. 1913. 23 августа). Оригинал стихотворения находится в РО ИРЛИ (Фонд 290). Самые первые стихотворения: «Я хочу веселья, радостного пенья Буйного разгула стиха и острот». датировано 23 августа 1906 года. Одно из стихотворений «Колокол» подписано — «Скиталец» среди других стихотворных набросков «Кубок» и «Веселые мальчики» (октябрь 1912), «В саду любовных менуэтов» (ноябрь 1912), «Созидатель» (23.XI. 1912), «Осень» (24.XI.1912), «Песня вьюжного беса» (Великий Устюг, январь 1913), «В тихий час заката» (Великий Устюг, 4 августа 1913), «Под шум осеннего ветра» (10 августа 1913) и т.д.
К 1913 году относится видимо и этот фрагмент:
«Ну что ж, не любите — не надо

- Я счастлив тем уже, что сам я Вас люблю
Пусть жизнь полна мучениями ада,
Но имя я всегда благословлю...»**
...Русские любят своих поэтов. Они почти все сами поэты. Сорокин не исключение.
84. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939 гг.). Praha. 1998. С.48
85. Сведения о «Заветах» изложены по: Постников С.П. Мои литературные воспоминания. К истории одного журнала. Архангельск. 2007.
86. Заветы. 1913. № 8. С.196. Не в бровь, а в глаз нынешним российским «патриотам». Впрочем, разве у них есть души...
87. См. Тимашев Н.С. Три книги о П.А. Сорокине // Новый журнал. 1963. Т. 74. С.269-275.
88. Розин Николай Николаевич — один из организаторов партии народной свободы в Томске. По ее спискам избран в депутаты II Думы (1907). С декабря 1912 года — ординарный профессор по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства Петербургского университета. С сентября 1913 — секретарь юридического факультета. Умер от голода в большевистском Петрограде.
89. Фонд 14. Опись 1. Дело 10917. п. 17,21 // ЦГИА СПб
90. Научный-исторический журнал. 1914. № 3, С. 64-65. Не послужила ли эта заметка Кондратьева толчком к написанию Сорокиным «Рабочего вопроса?»
91. А.Ф. (Изюмов). Исторические статьи в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера//Научный-исторический журнал. 1914. № 3.
Всего в «ИАОИРС» Сорокин в 1910-1911 г. г. опубликовал 10 статей и рецензий. Это были его первые научные труды. В Архангельске же была напечатана и первая из известных мне публикаций Сорокина — статья «Рыт Пукалом» (Вечерние посиделки) (Архангельские губернские ведомости. 1910. № 203). Правда, сам Сорокин, как уже отмечалось, в анкете, заполненной в 1922 г. для Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, на вопрос, когда и где он начал литературную работу ответил: **«В 1908г. в «Вестнике знания».** (Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939). Зденек Сладек, Любовь Белошевская и коллектив авторов. Прага. 1998. С.48).
92. Фонд 602. Опись 1. Дело 39. Лист 1 // ГАРФ
93. Салина Н.В. Жизнь и сцена. Л-М. 1941. С.134-135.
- 93а. Скиталец. В.С. Миролубов. // Скиталец. Избранное. М., 1988. С.484-485, 488-489.
94. От этой поездки лета 1914 года остались статьи П.А. Сорокина в вологодской газете «Эхо» — «Листки дорожного блокнота» (11, 13 июля 1914). Описав свои впечатления от поездки на поезде «Петербург-Вологда» и от новой встречи с Вологдой Сорокин подводит общий итог: **«Бедная Россия и бедная страна! Недаром приезжающие иностранцы не могут понять нашей «пастырской» логики. Многие из нашей жизни, например, не мог понять и Вандервельд, недавно посетивший нас. И когда ему, наконец, кое-что разъяснили, он непроизвольно ответил на это словами: «Бедная великая Россия»** (Эхо. 1914. 13 июля).

И действительно. Ничего в Вологде с 1913 года не изменилось. Все тот же грязный, оборванный извозчик везет Сорокина от вокзала к пристани. Не подходящая в России почва для таких понятий как «культура» и «самоуправление». С тех пор прошел уже не год, а почти сто лет, но диагноз Сорокина остается неизменным...

Летом 2005 года корреспондентка московской «Литературной газеты», посетившая Вологду писала:

«Число самоубийств в области далеко превысило критический уровень, а каждый второй вологжанин нуждается в психологической помощи». (Людмила Мазурова. Суицид нашего времени. // Литературная газета. 2005. 26 июля. № 29).

«Критический уровень» установлен Всемирной организацией здравоохранения и составляет 23 человека на 100 тысяч. В Вологде ныне 38 самоубийств на 100 тысяч... Превышение критического уровня почти в 2 раза. а президент РФ привычно наставляет депутатов «Государственной Думы» — «Главная суперзадача — повышение уровня жизни граждан» (Владимир Путин вручил госнаграды группе парламентариев // Российская газета. 2006. 21 апреля).

Среди награжденных: Жириновский, Бабурин, Косачев, Ковалев (бывший председатель КГБ/ФСБ), Хинштейн («журналист»)...

Книгу П.А. Сорокина 1913 года «Самоубийство, как общественное явление», надо бы опубликовать в его родной Вологде, Москве или Петербурге... Но, как уже отмечалось, она опубликована в Стокгольме в 2002-ом году.

Осенью 1914 года вологодское «Эхо» опубликовало статьи Сорокина «Жертвы войны в прошлом и теперь» (5 сентября. № 193), «Причины меньшей смертности современных войн» (7 сентября. № 194), «Социальная роль и будущие войны» (12 сентября. № 196). Все три статьи — это перепечатка из Петербургского «Вечернего звена». Кроме того, «Эхо» опубликовало статью Сорокина «Жертвы войны» (№ 143). Статьи серьезные... Но, по нынешним, же опять временам (апрель 2007 года) их трудно представить опубликованными, не только в современной российской провинциальной прессе, но и в центральной... Так, что изменения есть. Только не в ту сторону... Собственно говоря и прессы как таковой нет. Как тут не согласиться с Эмилем Вандервельде — «Бедная Россия...».

95. Журнал «Северный гусляр» — орган молодой надпартийной интеллигенции. Редактор Антон Ковш (А. А. Васильев). Первый номер журнала вышел 12 октября 1914.
96. Римус (П. А. Сорокин). Счастливое поколение. // Северный гусляр 1914. 28 ноября. № 4. С. 2., 4, 6.
97. Римус (П. А. Сорокин). Немножко о партиях и беспартийности, невежестве и знании // Северный гусляр. 1914, 6 декабря. № 5. С. 10,11,13,15
98. См.: Римус (П. А. Сорокин). Проблема новой социальной педагогики (Нечто утопическое, но могущее быть реальным, быть может, бесполезное, но наводящее на размышление. // Северный гусляр. 1915. 15 января. № 1. С. 17,25
99. См. Северный гусляр: 1915. № 2. С. 14
100. Крайний, Антон (Зинаида Гиппиус). Наше будущее. // День. 1915. 25 ноября
101. Смелин Н. Гусляры. // День. 1915. 25 февраля. № 50

102. Критиковал Сорокин, разумеется, не только книги большевистских вождей. В архиве сохранились две неопубликованные рецензии Сорокина на работы его коллег Е. А. Энгеля и Н. И. Кареева. Причем последний учитель Сорокина... Однако «Платон — друг, но истина еще больший друг...».

О книге Энгеля «Социология» (СПб. 1919 г.) Сорокин писал: **«Согласно заголовку эта книга предназначена быть учебником социологии для средних учебных заведений. Предназначена, но для этой цели совершенно не годна, ибо по недоразумению названа «Социологией». Кроме вводной главы в ней нет никакой социологии, а есть комментарии к советской Конституции. Прочтя, учащийся познакомится с основами Конституции РСФСР, но абсолютно ничего не узнает о социологии. Словом — в качестве учебника социологии книга совершенно не годится»** (см.: ИРЛИ. Ф. 439. (В. Ф. Боцяновский). Оп. 1. Д. 833. Л. 1).

Об «Общих основах социологии» («СПб. 1919) Н. Н. Кареева Сорокин отозвался еще резче: **«...человек, не знакомый с социологией, по книге не получит элементарного знакомства с ней, ибо в ней нет сведений ни об истории науки, ни о школах социологии, ни об ряде основных проблем этой дисциплины. «Исследованием» ее также трудно назвать: ни по величине, ни по манере изложения, ни по глубине анализа, она не похожа на «исследование». Ее возможное назначение — это книга для чтения по некоторым вопросам социологии, характеризующая взгляды Н.И. Кареева».** (ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 883. Л. 2)

103. Пастернак, Борис Леонидович. Доктор Живаго. Роман. Societe d Edition et d Impression Mondiale. 1959 г. С. 95
104. Туфанов А. В. Журналист, поэт — заумник. Руководил литературной частью «Северного гусляра». В годы гражданской войны жил в Архангельске. Уроженец Петербурга. Детство провел на архангельском севере. Умер от голода в Галиче в 194? году...
105. См.: Римус (П. А. Сорокин). Современная любовь // Северный Гусляр. 1915. 16 февраля. № 4. С. 9, 12-16. Ответную статью А. Туфанова «Символическое творчество и любовь. По поводу выступлений против В. Брюсова и К. Бальмонта» см. «Северный гусляр» (1915. № 5, 6).
106. Рыкачев А.М. Выпускник Петербургского университета. Корреспондент «Нашей жизни» на Русско-японской войне. Был в административной ссылке в Саратове, где работал в земских учреждениях. Ушел добровольцем на Первую мировую войну и погиб.
107. Сорокин. Только ли поклонение иконам? Ответ г. Рыкачеву // Русская молва (СПб). 1913, 23. 01 (05.02). № 43.
108. Рыкачев А.М. От сектанства к идеалу культуры // Русская молва. 1913.24,01 (06.02). № 44.
Полемика была продолжена в № 48 [28.01(10.02)] Junior (М.О. Гершензон — Ю. Д.). На разные темы.
109. Сорокин П. А. Византийский лик или европейская машина? // Вечернее звено. 1914. 3 сентября. № 15.
110. Сорокин П. А. Роль истинного национализма и его задачи // Вечернее звено. 1914.26 августа. № 7. Газета «Вечернее звено» была органом

- независимой либеральной мысли и единого славянства. Редактор-издатель — А. Н. Брянчанинов.
111. Римус (П. А. Сорокин). Carthaginem Delendam Esse! // Вечернее -звено. 1914. 27 августа. № 8.
112. П.С. (Сорокин П. А.). Очередная задача // Вечернее звено. 1914, 18 сентября. № 29.
113. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1915. 1 марта. № 49 Ж С. 7.
114. Трудно представить в 2007 г. не только столько подписей, но и сам факт публикации коллективного письма в защиту, скажем, независимости Ичкерии, против фашизации страны и т.д.
115. См.: Утро России (Москва). 1915. 28 апреля. № 115. В Психоневрологическом институте Де Роберти был единственным преподавателем, чьи лекции Сорокин посещал. В ГАРФе сохранилась корректура статьи П.А. Сорокина «Памяти лидера неопозитивистов Е.В. Де Роберти». Была ли где-то напечатана эта статья Сорокина, мне неизвестно.
116. Берберова Н. И. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. -Харьков, 1997. С. 200.
117. Со ссылкой на Нину Берберову заносит Сорокина в свой «Словарь российских масонов с царствования Николая II до Второй Мировой войны» «патриот-публицист» Олег Платонов. См. его книгу «Криминальная история масонства». 1731-2004 гг. (М., 2005 г. С. 457).
118. ГАРФ. Ф. 102 6-е делопроизводство. 27-88 (1915). Л. 2
119. ГАРФ. Там же. Л. 25 (Об.). Отмечу, что Сорокин был автором обоих упомянутых в донесении «масонских органов». Полицейскую переписку о пребывании Ковалевского и Сорокина в имении «Куты» см. также в материалах Центрального государственного исторического архива Украины (Киев). Ф. 307. Оп. 1. Д. 107.
120. Фонд 134. Опись 3. Дело 1599. Лист 1 // ИРЛИ
121. Александр Гизетти, сын экономиста и историка А.В. Гизетти. В 1913 году закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Эсер. Неоднократно арестовывался в царское и советское время. На мой запрос о судьбе этого друга Сорокина из управления ФСБ по Самарской области пришел ответ:
Гизетти Александр Алексеевич родился 28 февраля 1888 года в Петрограде, из дворян, член ПСР с 1908 года, член учредительного собрания, работал научным сотрудником в центральной библиотеке, до ареста проживал как административно-ссылный в г. Куйбышев.
Привлекался к ответственности за контрреволюционную деятельность в 1920, 1929, 1931, 1933 годах. В 1931 году был выслан в Среднюю Азию г. Коканд на 3 года. Постановлением Особого Совещания ОГПУ от 28.06.1933 года осужден в места лишения свободы, подведомственные ОГПУ (конкретных данных нет), сроком на 3 года. Постановлением Особого Совещания НКВД от 20.01.1936 года было разрешено проживание в г. Куйбышеве.
По данному делу арестован 11 января 1938 года. Обвинялся в том, что являлся участником контрреволюционной эсеровской меньшевистской организации; проводил активную контрреволюционную деятельность; поддерживал организационную связь с контрреволюционным эсеровско-меньшевистским подпольем в

- Москве, Ленинграде, Уфе и с заграничной делегацией ПСР; создал и непосредственно руководил двумя террористическими группами, готовившими террористические акты против членов правительства; являлся немецким шпионом; проводил контрреволюционные совещания с участниками организации, на которых давал установки по созданию диверсионно-повстанческих групп, т.е. в преступлениях предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.**
Гизетти Александр Алексеевич умер во внутренней тюрьме 7 октября 1938 года. Место захоронения неизвестно.
В Самаре одним из мест захоронений жертв политических репрессий является детский парк им. Ю.Гагарина, где установлен памятный знак. // Справка УФСБ по Самарской области от 06.03.2006 г. в архиве автора.
122. Гаврилов И.Г. На Выборгской стороне в 1914-1917 году. // Красная летопись. 1927 год. № 2. Цит. по: Крушение царизма. Воспоминание участников революционного движения в Петрограде (1907-февраль 1917). Научный редактор — доктор исторических наук Л.М. Спирин. М., 1986. С. 163-164
123. Бережков, Василий. Питерские. Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербург. М., 2005. С. 144.
124. [Постников С.П. Из моих литературных и общественных воспоминаний. Годы мировой войны] Фонд 6065. Опись 1. Дело 1. Лист 20 // ГАРФ
125. Сорокин, Питирим. На распутье трех дорог. Война и отношение к ней русской общественной мысли. // Ежемесячный журнал. 1915. № 9-10. С. 508
126. Старый революционер В.Л. Бурцев в своем письме писал: **«В данный критический момент мы можем победить реакцию, но только если не будет драк между народниками, большевиками и меньшевиками, а у них у всех — с кадетами. Перед нами стоит большая общая задача. Мы ее можем решить только общими усилиями»** (В. Бурцев. Письмо в редакцию // Народная мысль. 1915. № 1. С. 64.).
127. РГАЛИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 123. Л. 1.
128. Авторство рецензии установлено по рукописи, хранящейся в фонде В.С. Миролубова в ИРЛИ (Ф.185. Оп. 1. Д. 1715).
129. Абрамов М. Критерий поведения. — Фонд 185. Опись 1. Дело 1445. Лист 1, 19 // ИРЛИ. См. также. Маст. Виктор. Несколько слов по поводу статьи Питирима Сорокина. «Две бездны нравственности». Там же Дело 1303.
130. В «Самозащите» участвовали: В. И. Засулич, А. Н. Потресов Иван Кубиков (И. Н. Деметьев), П. П. Маслов, К. Дмитриев (П. Н. Колокольников), Ан (Н. Н. Жордания), Вл. Вольский (В. М. Шах) Евг. Маевский (В. А. Гутковский), В. Левицкий (В. О. Цедербаум) А.П. Бибик, В. Л. Рогачевский.
131. Сорокин, Питирим. Война и ориентация русской социалистической мысли. // Биржевые ведомости. 1916. 12 января. Утренний выпуск. № 15318.
132. Владимир Николаевич Трапезников — фигура недюжинная. Из его биографии, опубликованной в советские времена в Перми следует, что родился он 11 июля 1874 года. Сын пермского мещанина, участник революционного кружка гимназистов. Читали в основном работы Лаврова и Михайловского. С 1893 года студент юрфака Казанского университета, где по его словам «сразу попал в марксистки настроенную среду». Читали уже Каутского, Бебеля, Плеханова, Струве. Закончил университет и с лета

1897 года — помощник присяжного поверенного в Перми. Вскоре в городе возникла марксистская группа освобождения рабочего класса, лидером которой и стал Трапезников. Вместе со своей женой Р.П. Поморцевой вел пропаганду в рабочих кружках. Под влиянием этой пропаганды в железнодорожных мастерских прошла успешная экономическая забастовка. Трапезников тяготел к легальным формам работы. Являлся фактическим редактором первой частной пермской газеты «Пермский край» (издавалась с декабря 1900 г.). Трапезников пропагандировал марксизм, но не идеи «Искры». Был под влиянием зубатовской идеи. Попытка в 1901 году создать легальное «Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства». Был осужден за это «Искрой». 13 марта 1902 года арестован за принадлежность к тайному сообществу и сидел в тюрьме до августа 1902 года. За это время написал много корреспонденций в «Пермский край» и большой труд «История Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV-XVII вв.)...» (См. Хитрово П.И., Трапезников В.Н. // Революционеры Прикамья. 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье. Пермь. 1966. С.643-648).

Эта статья Трапезникова была опубликована в «Известиях АОИРС» (1911, № 23,24) вместе со статьей Питирима Сорокина «Современные зыряне». Вероятно, с этого времени и началось их знакомство. Если не очное, то заочное.

Из тюрьмы за недостатком улик Трапезников был освобожден. Летом 1902 г. Трапезников организовал Пермский комитет РСДРП.

2 марта 1903 г. он был вновь арестован и после скитаний по тюрьмам отправлен в ссылку в село Емецкое, Архангельской губернии. В июле 1904 года туда же была сослана и его жена Р.П. Трапезникова. Занимался адвокатской практикой и вел научную работу. Такой уж была царская ссылка... В начале 1905 года Трапезников получил разрешение переехать в ссылку в Самару. Там он примкнул к меньшевистскому большинству Восточного Бюро ЦК РСДРП. Из Самары сотрудничал с либеральным петербургским журналом «Образование» (1905. № 6,7). С ноября 1905 г. вновь в Перми.

Во время декабрьской стачки произносил речи перед мотовилихинскими рабочими. После подавления восстания сумел скрыться, но в январе 1906 года арестован в Нижнем Новгороде. Выпущенный до суда под гласный надзор (это по делу о вооруженном восстании!), активно участвовал в избирательной кампании по выборам во Вторую Думу! За это его выслали в Вологду. С 1907 года Трапезников значится присяжным поверенным в Вологде, а его жена секретарем консультации присяжного поверенного... Как защитник Трапезников приобрел большую популярность и был известен далеко за пределами Вологды. На суд по делу о вооруженном восстании в Перми он не явился трижды и в конце-концов был оправдан! Очерк о Трапезникове его советский биограф закончил трафаретной фразой тех лет, дескать после Октябрьской социалистической революции В.Н. Трапезников участия в политической деятельности не принимал. Жил в Перми. Занимался юриспруденцией. Умер в 1938 году...

Году в 1992-ом, когда архивы КГБ приоткрылись, архангельский чекист-архивист сказал мне: «**Вы собираете материалы о Питириме Сорокине. Взгляните это дело. Будет интересно**». На обложке значилось: «**Питирим Александрович Сорокин. МГБ. СССР. Центральный архив.**

Следственный фонд. Приложение к архивному фонду № 574193. Дело-П-8181 по обвинению Трапезникова Владимира Николаевича...»

Так прояснилась судьба В.Н. Трапезникова. Из материалов чекистского дела следовало: После Февральской революции В. Трапезников вновь активно включился в политическую деятельность. Блестящий оратор, он становится лидером –плехановской группы «Единство», выдвигается от нее в местные органы управления в члены Учредительного собрания. Он пользовался большой симпатией у рабочих, при помощи которых «в период керенщины скрывался от репрессий и был ими сопровождаем под охраной с митингов».

В 1918 году В.Н. Трапезников был избран заместителем председателя Общества изучения Северного края. В этом же году в Вологде вышла его книга «Наш край».

Покинуть Вологду, летом-осенью 1918 года Трапезников скорее всего был вынужден, когда эмиссар Ленина на Севере Михаил Кедров издал приказ об его аресте.

Из Вологды Трапезников уехал в Москву. Жил с семьей на Арбате, работал юрисконсульт. Однажды встретил вологодского знакомого и передал ему свою статью «Твердые цены в 17 веке». Вскоре она была опубликована в «Вологодском вестнике народного хозяйства» и послужила основанием для обвинения В.Н. Трапезникова в контрреволюционной агитации...

3 февраля 1922 года состоялось судебное заседание президиума ВЧК. Выписка из протокола:

«Слушали № 13226. Гр. Трапезников Владимир Николаевич обвинен в агитации против Советской власти. Арестован 10 января с. г. Содержится в тюремном п/отделе МЧК. Доклад товарища Лавриненко. Утвердил тов. Уншлихт. Постановили: Выслать на один год под гласный надзор ЧК в Архангельскую г., Печорский уезд, село Усть-Цильма. Секретарь Президиума ВЧК Езерская».

Вслед за отцом добровольно последовала в ссылку его 20-летняя дочь Валентина; младшая –Юлия — осталась в Москве.

Хотя Трапезников был выслан в Печорский уезд, но на основании, распоряжения Уншлихта он был оставлен в Архангельске. У советской власти не хватало специалистов. Работал в «Северолесе» сначала делопроизводителем, затем управделами; состоял в коллегии защитников.

Вскоре после ареста и, ссылки мужа Р.П. Трапезникова была уволена с работы в Госстрахе, вероятно, как жена ссыльного антисоветчика и по примеру старшей дочери приехала в Архангельск.

В феврале 1923 года срок ссылки кончился, но 28 марта Трапезников вновь был арестован чекистами Архгуботдела ГПУ. На первом допросе об имущественном положении он ответил — никакого. О своих политических убеждениях заявил — социалист-марксист.

Обвинили его на этот раз в «подпольной работе среди членов антисоветских партий и связях с политзаключенными в концлагерях Архангельской губернии».

11 апреля следствие было закончено и принято решение об отправке Трапезникова в Москву для привлечения к ответственности. В деле хранится, написанное им заявление с просьбой о возвращении отобранных у него работ Маркса, Энгельса, Плеханова...

11 мая в Москве состоялось заседание комиссии НКВД по административной высылке. Докладывал чекист Дерibas. В заключении по делу говорилось, что Трапезников привлечен к ответственности «в связи с приездом в Архангельск, в Пертоминский концлагерь, представителей от общества помощи заключенным анархистам и подозрению в оказании последней помощи в сношении с лагерем». Поскольку «связи никакой из материалов дела не усматривается», говорилось в заключении, то «дело о привлечении гражданина Трапезникова В. Н... прекратить, гражданина, Трапезникова освободить».

Комиссия запретила ему проживание в Москве, Петрограде, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону сроком на два года и обязала регистрироваться по месту жительства в ОГПУ.

На следующий день постановление было объявлено Трапезникову, и он дал подписку, что местом жительства избирает Архангельск.

В Архангельске занимался адвокатской практикой и изучением Севера. Вступил в созданное в 1923 году А. А. Евдокимовым «Архангельское общество краеведения» и стал одним из самых активных его членов. В отделе «Хроника» Вологодского журнала «Север» в 1924 г. сообщалось, что в АОК:

«Секцией культуры был заслушан весьма обширный доклад В. Трапезникова «Север на заре истории». Этот последний доклад собрал большую аудиторию слушателей» (Север. 1924. № 1. С. 151)

В «Севере» развернулась даже целая дискуссия о личности и роли Трапезникова... Один из участников дискуссии писал:

«Следует признать, однако, что т. Трапезников был выдающимся политическим деятелем — прекрасным оратором, широко образованным человеком, с большой инициативой, но обладал крайне упрямым, не «артельным» характером».

(Тарутин А.Н. К истории революционного движения и политссылки в Вологде. По поводу воспоминаний А.В. Луначарского и И.Е. Ермолаева // «Север». 1924. № 2. С.5)

Архангельск в начале 1920-х годов был уже стольным градом советской ссылки... Холмогорский, Пертоминский, Соловецкий концлагеря...

Известно, что 22 ноября 1924 года Трапезников был вновь арестован. Сохранилось заявление его дочери Юлии в ОГПУ с просьбой вызвать отца в Москву. Она была уверена, что после пересмотра его дела в Москве он будет освобожден.

Сохранилась также копия телеграммы жены Трапезникова с автографом Е. Пешковой: **«Москва. Кузнецкий мост, 16. Пешковой. Из Архангельска. Два месяца отказывают в свидании, срочно выхлопочите свидание Трапезникова».** Далее рукой Е. Пешковой: **«Тов. Андреевой. Прилагаю копию полученной телеграммы, прошу разрешить Трапезникову свидание с женой 26.01.25 г, Ек. Пешкова».**

Хлопоты помогли, Трапезников был освобожден. В том же 1925 году в журнале «Каторга и ссылка» опубликованы его воспоминания о революционной деятельности при царизме...

Сохранилось выразительное свидетельство В. Н. Трапезникова о Перми 1930-х годов. Это письмо к В. Н. Фигнер, написанное 5 октября 1934 года.

«Здесь, в Перми, громадные возможности для культурной работы, но культурной революции еще вовсе, можно сказать, не было, и работать очень тяжело, потому что местная власть не признает никакой ценности за культурой. Музей, который Вы знаете, теперь доведен до — самого жалкого состояния. Архивы, чрезвычайно ценные, свалены в такие помещения, где ими пользоваться нельзя, и они постепенно изгниют. Краеведческая библиотека превращена в состояние, при котором ею нельзя пользоваться, растащена, расхищена и т. п. Приходится со всем этим бороться, драться, ругаться, что многим кажется контрой. «Во глубине России», особенно на Урале, где с центральной властью считаются неохотно, — не то, что в Москве. По своему сварливому характеру я все же замыслил довести до сведения центральных органов о гибели культурных ценностей в Перми и послал докладные записки в Наркомпрос и Центроархив».

(Фонд 1185. Опись 1. Дело 768. Лист 1 // РГАЛИ)

9 декабря 1937 года В. Н. Трапезников как «участник «контрреволюционной повстанческой организации эсеров в г. Перми» Постановлением тройки УНКВД по Свердловской области по ст. 58, п. 10, ч. 1, п. 11 УК РСФСР осужден к высшей мере наказания. Постановление приведено в исполнение 9 декабря 1937 года в г. Свердловске. Постановлением Президиума Пермского областного суда от 10 декабря 1969 года В.Н. Трапезников «реабилитирован»...

133. Письма цитируются по: Панов Л.С. Переписка Ф.И. Витязева и В.Н. Трапезникова // Послужить Северу ... Вологда. 1995. С. 134-135. В телефонном разговоре 23 апреля 2006 г. вологодский историк-краевед Леонид Панов сказал мне, что у него уже несколько лет как готова рукопись книги о В.Н. Трапезникове. Местное отделение то ли «Союза правых сил», то ли «Яблока» «обещали профинансировать...».
134. Сорокин, Питирим. Упрощенное западничество // Биржевые ведомости. 1916. 11 марта. № 15434.
- 134а. Соколов, Борис. Наука в Советской России. Берлин. 1921. с. 5.
135. Руманов, Аркадий. М.М. Ковалевский. // Время и Мы. 1987. № 95. С. 225-226
136. Туган-Барановский М.М. Встречи. Воспоминания. // Север (Петрозаводск). 1990. № 10. С.113.
137. Летопись жизни и творчества А.М. Горького. Выпуск 2. 1908-1916. М., 1958. С. 552.
138. Там же. С. 562
139. Александр Сергеевич Черняев. Биографический очерк. Составлен слушателями Петроградских общеобразовательных курсов А.С. Черняева В. Кораблевым и А. Никитиным. Петроград. 1916.
140. Сорокин в связи со смертью учителя опубликовал ряд статей: Памяти дорогого учителя и обожаемого друга (Русские ведомости. 1916. 24 марта), Воспоминания (День. 1916. 24 марта), Последние дни М.М. Ковалевского (Биржевые ведомости. 1916. 24 марта), Исповедь М.М. Ковалевского (Биржевые ведомости. 1916. 28 марта), М.М. Ковалевский и его западные друзья (Русские ведомости. 1916. 30 апреля), М. М. Ковалевский как профессор (Путь студенчества. 1916. №№ 2, 3), Теория факторов М. М. Ковалевского в сборнике «М. М. Ковалевский — ученый,

государственный и общественный деятель, и гражданин» (Петроград. 1917 г.).

Осталась в свое время неопубликованной статья Сорокина «Духовный облик М. М. Ковалевского» (ГАРФ. Ф. 602. Оп. Д. 13). Публикация состоялась только к столетней годовщине Сорокина (Социологические исследования. 1989. № 3). Перед высылкой из Советской России в 1922г. Сорокин предполагал написать (и уже анонсировал публикацию в «Биографической библиотеке» издательства «Колос») книгу «М. М. Ковалевский».

75 лет спустя, несмотря на то, что «могила охраняется государством», с памятника Ковалевского в Александро-Невской лавре были сорваны крест и даты жизни ученого. В журнале «Аврора» была опубликована фотография обезображенной могилы (см.; Кочанов. А. Идеолог либеральной буржуазии. Аврора. 1991. №6).

Смерть М.М. Ковалевского сопровождалась скандалом, о котором пишет Согомонов:

«Не обошлось при этом и без скандала. В «Биржевых ведомостях» за подписью Сорокина печатается небольшая заметка, озаглавленная «Исповедь М. М. Ковалевского». В ней автор утверждал, что в день смерти покойный профессор исповедовался исключительно «ради памяти своей матери». После ухода священника он был озабочен случившимся и интересовался: «Скажите, очень ли ругают меня приятели за то, что я позвал священника?» Ибо, как пишет Сорокин, «ни о загробной жизни, ни о церкви речи не было». Православное общественное мнение не могло пройти мимо этого обескураживающего свидетельства. Уже на следующий день после выхода заметки «Голос Руси» (29 марта 1916 г.) обозвал сорокинские воспоминания «гнусностью», отмечая, что, «если все это фантазия гос. Сорокина, то она весьма характерна для определения личности автора». С аналогичными нападками на христоотступника Ковалевского и его секретаря обрушилась и газета «Земщина» (Е.П. Перед лицом смерти. // Земщина. 1916. 2 апреля — Ю.Д.). Однако буря вскоре утихла и об этом случае все позабыли». (Согомонов А.Ю. П.А. Сорокин и М.М. Ковалевский. // Социологические исследования. 1989. № 3. С.106).

141. См. Фонд. 448 // «Дом Плеханова». Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
142. Леонов Макс. Русские самородки. LVI. Питирим Сорокин//Северное утро. 1916. 1 сентября. № 194. В этом очерке находим описание знакомства Сорокина с Ковалевским: **«Впервые он познакомился с ним на одном из научных заседаний по социологии. Там он возражал и довольно резко М. М. Ковалевскому. Другой бы разгневался, но М. М. Ковалевский через неделю при посредничестве Е. В. Де Роберти предложил Сорокину место своего секретаря. Он с радостью согласился [...]. Обязанности Сорокина в качестве секретаря М. М. Ковалевского мало имели общего, что зовут секретарем. Они скорее являлись, общей совместной научной и общественно-политической работой с Максимом Максимовичем, и Сорокину много дала эта работа».**
143. В статье Сорокин описывает впечатления от поездки на Север: **«Взятничество теперь пышным цветком расцвело у нас и стало полноправным «бытовым» явлением [...] Хищничество стало более чем**

когда-либо популярно». Но...мы так много ноем и так привыкли видеть только плохое и говорить только о «пятнах» [...] Коротко говоря, Север пробуждается и не только пробуждается, — он начинает уже работать. В добрый час! Пора, давно пора!»

144. История коми-литературы. В трех томах. Том 2. Сыктывкар. 1980. С. 91-92.
145. Фонд 185. Опись 1. Дело 1100. // ИРЛИ
146. Там же.
147. Чубинский М. П. Сын знаменитого украинского этнографа и фольклориста, автора национального гимна Украины «Ще не вмерла Украина» Павла Платоновича Чубинского, находившегося в 1862-1869 годах в административной ссылке в Пинеге и Архангельске. Профессор юридических факультетов в Харькове и Петербурге. Член ЦК кадетской партии. В его дневнике за 1917 г. есть запись: **«Заканчиваю порядочно запущенное делопроизводство делопроизводителем группы Белавиным дела по Союзу криминалистов при энергичной помощи делопроизводителя П. А. Сорокина»** (см.: Фонд 5881. Опись 2. Дело 807 // ГАРФ.).
148. Сорокин, Питирим. Под флагом общественности (письмо в редакцию по поводу статьи «Жаковцы»//Северное утро. 1916.15 ноября. №254).
149. Тарановский Ф. В. В 1908-1917 гг. — профессор истории русского права юридического факультета Императорского Университета в Юрьеве (Тарту). В фонде Тарановского в отделе рукописей научной библиотеки Тартуского университета хранится книга Сорокина с его дарственной надписью: Тарановскому (Ф. 82. Оп. 1. Д. 52).
150. Фонд 602. Опись 1. Дело 48 // ГАРФ
151. О истории возникновения социологического общества сохранилось несколько мемуарных источников см. например: Тахтарев К.М. Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского // Социо-библиографический вестник. 1919. № 4-6.
152. Институт рукописей центральной научной библиотеки Национальной Академии Наук Украины. Ф. III. №56800. Лист 3. Цитируется по: Михальченко С.И. Неопубликованные письма ученых школы истории «Западно-русского» права в архивах России и Украины. // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998. С. 297.
153. Кроме того, Сорокин преподавал социологию в Психоневрологическом институте и работал над многотомной «Механикой человеческого поведения».
154. Попов Д. Я. Коми-поэт и общественный деятель. Депутат Государственной Думы от Усть-Сысольского уезда. Идеолог «Партии зырянской автономии». В 1917-1918 г.г. — левый эсер. С 1919г. — «сочувствующий РКП(б)».
155. George Caspar Homans. Coming to my Senses. The Autobiography of a Sociologist. 1968. p. 129.
156. Холопов А. В. Один из создателей Дворцового моста в Петербурге. В 1925-1931 гг. жил в Архангельске. Проектировал здания Северолеса, Экспортлеса, памятник «Жертвам интервенции» на острове Мудьюг в Белом море. С 1931 г. жил в Ленинграде. Умер в блокаду. В 1918 г. в доме Холопова на окраине Усть-Сысольска (Сыктывкара) Сорокин прятал от большевиков жену Керенского Ольгу с сыновьями Олегом и Глебом.
157. Налимов В. П. В 1907-1912г.г. — студент Московского университет. Коми-этнограф. Профессор. Умер в Сыктывкарской тюрьме в 1939 г.

158. Сидоров А. С. Из крестьянской семьи. Родился в селе Палевицы Яренского уезда Вологодской области. С 1926 г. работал в различных институтах (в том числе в пединституте имени Герцена) в Ленинграде. В 1937-1940 гг. находился под следствием по делу коми-националистов в Ленинграде.
159. Slonim Mark. An Autobiographical Fragment: the birth of Socialist Revolutionary//Sbornik. №4. Study Group on the Russian Revolution. Leeds. Winter 1978-79. P. 71-72.
160. См. Telberg, Georg. Autobiography // Georgi Gustavovich Telberg Papers. Manuscript Division. Library of Congress (Washington. District of Columbia).
161. Фонд 602. Опись 1. Дело 45. Лист 1 // ГАРФ
162. Фонд 185. Опись 1. Дело 1839. // ИРЛИ

Глава вторая. Гибель России

1. Фонд 602. Опись 1. Дело 34. Лист 1// ГАРФ
2. Первое письмо — от 3 января 1917 г. было послано из Тамбова в Великий Устюг.
3. Фонд 602. Опись 1. Дело 33. Лист 9// ГАРФ
4. Там же. Л. 27 (Об.).
5. Там же. Л. 28, 29.
6. Там же. Л. 30.
7. Там же. Л. 35.
8. Там же. Л. 42.
9. Там же. Л. 47.
10. Фонд 602. Опись 1. Дело 20. Лист 6// ГАРФ
11. Фонд 602. Опись 1. Дело 33. Лист 51// ГАРФ
12. Сорокин. П. А. Семья в прошлом, теперь и в будущем//Спутник кооператора на 1917 год. Петроград. 1916. С. 58.
13. Сорокин П. А. Дальняя дорога... С. 77, 80-81
14. Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта. №2
15. Питирим Сорокин. Нельзя запаздывать//Воля народа. 1917. 20 июня. № 44.
16. Питирим Сорокин. Ничему не научившиеся//Там же. 13 августа. № 91.
17. См.: Фонд р-6065. Опись 1. Дело 2. Листы 34-39 // ГАРФ
18. П. А. Сорокин активно участвовал в деятельности Особого Совещания. 28 мая 1917 года на общем заседании Особого Совещания он выступил с докладом от комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права. П. А. Сорокин защищал точку зрения меньшинства комиссии, которое, как он говорил: «...настаивало на том, чтобы избирательный обилий возраст был для всего гражданского населения — 20 лет, а для воинских частей иной, пониженный. В силу изложенного, от лица этого меньшинства мы предлагаем ввести примечание, гласящее: «Воинские части, призванные во время войны к несению обязанностей службы, пользуются избирательным правом безотносительно к их возрасту. К этому я должен добавить, что я по этому вопросу выступал в качестве докладчика в Исполнительном Комитете Совета Крестьянских депутатов и что

- Совет Крестьянских Депутатов огромным большинством высказался за этот принцип, за это решение»** (См.: Стенографический отчет Особого Совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание второе. 28 мая. 1917. С. 58-59) Поправка, предложенная Сорокиным, была принята. П. А. Сорокин выступал на Особом Совещании также 31 мая (Там же. С. 219-221), 9 июня (Там же. С. 605-606), 15 июня (Там же. С. 117-118).
- Любопытна полемика П. А. Сорокина с известным адвокатом, кадетом В. А. Маклаковым. П. Сорокин: **«Член совещания В. А. Маклаков говорит: «Как же вы хотите, чтобы человек, не умеющий распоряжаться своим добром, мог бы распоряжаться судьбами государства?» Это не аргументация. Тогда, подобно Маклакову, можно было бы спросить: «Как же вы хотите, чтобы человек, не умеющий подписать векселя, мог бы подписать свои обязательства, связавши себя на всю жизнь — я разумею брак. Если смотреть на брак так, как иронически его изображает Ницше, говоря, что люди, покупая лошадь, заглядывают в зубы, а когда берут жену, не всегда это делают...» Маклаков: «Лучше брачного вопроса не касаться.» Сорокин: «Да, лучше этого вопроса не касаться...»** (Заседание 11-е. 15 июня. 1917. С. 118).
- 18a. Дело народа. 1917. №24. 14 апреля. Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 3. Часть 1. Февраль-октябрь 1917 г.
  19. Северо-Двинский край. 1917. 28 мая. № 2
  20. См.: Вольный голос Севера (Вологда). 1917. 13 июня. С.3. См. также статьи Сорокина в этой газете: «Формы правления» (27 марта. 1917) и «Что такое социализм?» (14 апреля. 1917).
  21. Фонд 6065 (С.П. Постников). Опись 1. Дело 2. Лист 36 // ГАРФ
  22. См. ее изложение в «Деле народа». 1917. 6 апреля. С. 1.
  23. См. ее изложение в «Деле народа». 1917- 14 апреля. С. 2.
  24. Всероссийский съезд крестьянских депутатов//Воля народа. 1917. 19 мая. № 18. С. 3.
  25. См.: PSR. nr. 840 (Протоколы заседаний ЦК ПС-Р. 1917. 8/VI — 22/XI // International Institute of Social History. Amsterdam
  26. Третий съезд ПСР. Петроград. Издание ЦК ПСР. 1917. С.295
  - 26 a. См. Meeting of VTsIK and the All — Russian Executive Committee of Peasants' Soviets During the Night of July 3-4. [Izvestiia № 108, July 4, 1917. pp. 2,3,5,6] // The Provisional Government. 1917. Documents. Selected and edited by Robert Paul Browder and Alexander F. Kerensky. Volume III Stanford, California. 1961. pp. 1347-1348
  27. Питирим Сорокин. Революционная демократия и буржуазная // Воля народа. 1917. 8 июля. № 86. С.1.
  28. Sorokin, Pitirim. Leaves from a Russian Diary. 1950. p.57-58
  29. Вольный голос Севера. 1917. 5 августа. С.3.
  30. Третий съезд Всероссийского Крестьянского Союза. Курган. 1918. С.26. В исторической литературе иногда ошибочно пишут, что представителем ПСР на съезде Всероссийского крестьянского Союза был Питирим Сорокин. Сорокин фамилия распространенная. Среди депутатов Всероссийского Учредительного Собрания было четыре Сорокина, ... это ввело в заблуждение даже такого опытного американского историка,

- как Александр Рабинович... Еще большую путаницу (при работе в Интернете) вносит, появившийся в последние годы в РФ «писатель» Владимир Сорокин...
31. Журнал заседаний и постановлений Первого съезда крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. 10 августа. 1917. Усть-Сысольск. 1917. С. 21.
  32. Вольный голос Севера. 1917. 29 августа. С. 4.
  33. Волна (Великий Устюг). 1917. 3 сентября.
  34. Цит. по: «Я могу только просить, умолять товарищей...» // Московские новости. 1990. 18 ноября. №46.
  35. См. Swain, Geoffrey. The Russian Civil War. 1996
  36. Мозм, Сомерсет. Подводя итоги. // Мозм, Уильям Сомерсет. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. М., 1994. С. 381.
  37. См.: Фонд 1826 в ГАРФе.
  38. Фонд 1698. Опись 1. Дело 35. Листы 17-21 // ЦГИА Спб
  39. См. Мандельштам, Осип. Соборы. Вступительная заметка и публикация Н. Чесноковой // Нева. 1990. №3. С. 206-207. Архивистка Чеснокова пишет, что «Соборы» датированы автором 1916 годом, но ни в «Воле народа» в 1917, ни в выходивших в 1916-1917 гг. публикациях Мандельштама в России и в СССР «Соборы» не обнаружены... Интересно знать как «Соборы» попали в западные публикации Осипа Мандельштама? Через Сорокина?
  40. Единство. 1917. 13 сентября. № 139
  - 40a. Дело народа. 1917. №152. 12 сентября. Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 3. Часть 1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 2000. С. 760.
  41. Сорокин, Питирим. На распутье // Воля народа. 1917. 21 сентября. № 124
  42. Речь П.А.Сорокина//Воля народа. 1917. №122. 19 сентября.
  43. Питирим Сорокин «Славянофильство наизнанку». Воля народа. 1917. 12 сентября.
  44. Беседа с П. А. Сорокиным //День. 1917. № 177. 30 сентября. С. 2.
  45. Чаадаев Н. (П.А. Сорокин) Мимиходом. 1) Маклеры и словоблуды революции // Воля народа. 1917. 30 сентября. № 132. С.2.
  46. Цит. по: Известия Архангельского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. 25 октября.
  47. Питирим Сорокин. Совершено великое преступление//Воля народа. 1917. № 154. 25 октября. С. 1.
  48. Рид, Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 96.
  49. Чаадаев, Н. Мне стыдно // Воля народа. 1917. 28 октября.
  50. Кузьмин, Сергей. Политические письма. Вор у вора шапку украл. // Республиканец. 1917. № 32. С. 3,4.
  51. См. Воля народа. 1917. 19 ноября. № 176.
  52. Новая речь. 1917. № 1. 28 ноября. С. 4.
  53. «Газета — протест Союза русских писателей». Петроград, 1917 Воскресенье. 26 ноября.
  54. Михайло Михайлов писал:
«Нелегко сказать — была ли Россия так уж полностью не подготовленной в 1917 году к демократическому строю. На единственных во всей русской истории демократических выборах подавляющее

- большинство народа не поддавалось экстремистской пропаганде, как это случилось с германским народом, отдавшим 37% голосов за национал-социалистов, а подало свои голоса за самую разумную и умеренную эсеровскую программу, поэтому и принятую Лениным в демагогических целях».** (Михайлов, М. Своевременные мысли. О «Письме вождям Советского Союза» А. Солженицына. // Михайлов, М. Планетарное сознание. Ardis. 1982. С. 87.)
- Далее Михайлов писал:
«... конечно, свобода не добытая кровью, страданием легко теряется, и без духовного возрождения никакие политические перемены не сделаю людям свободными».
55. Народ. 1917. 12 ноября. Утренний выпуск. № 19
  56. Sorokin, Pitirim. Leaves from a Russian Diary... p.59
  57. Воля народа. 1917. 28 декабря
  58. Пайпс, Ричард. Создание однопартийного государства в Советской России. 1917-1918 // Минувшее. М., Том 4. 1991. С.126
  59. Там же. С. 126
  60. Об активности крестьян при выборах в Учредительное собрание сохранилось немало воспоминаний в бывших архивах обкома КПСС Архангельской области, Коми республики, Вологодской области. Даже в местной периодике 1960-х годов проскальзывало имя Питирима Сорокина... За год до его смерти Яренская газета «Маяк» (орган Ленского райкома КПСС и райсовета депутатов трудящихся) опубликовала целую полосу с критикой П.А. Сорокина и эсеров! Из воспоминаний Н.А. Голенева, видно, что преобладание эсеров было полным:
«В июне 1917 года собрался съезд учителей Яренского уезда. На него приехал уроженец деревни Римья Жешартской волости Яренского уезда приват-доцент Петербургского университета, один из лидеров эсеровской партии, личный секретарь Керенского Сорокин Питирим Александрович. Он и раньше приезжал отдыхать на свою родину, а теперь приехал как автор многих книг и брошюр политического содержания и как видный политический деятель. Эсеровский уездный совет во главе с Егоровым и его окружение хорошо приняли Сорокина, и он активно участвовал на учительском съезде. Я слушал речь этого высокого, тонкого с длинным некрасивым лицом человека, но мало тогда что понял. Сорокин все время был окружен большой группой учителей. Скоро П.А. Сорокин выступил с публичной лекцией в помещении столовой яренской казармы на тему о политическом положении. Он расхваливал политику партии эсеров и всячески охаивал большевиков. Присутствовавший на лекции коммунист Ф.С. Коковкин послал Сорокину записку о том, чтобы он прекратил лекцию или изменил тему. Сорокин огласил записку и продолжал лекцию, но стал меньше нападать на большевиков. Летом развернулась избирательная кампания; приближались выборы в Учредительное собрание. Всюду рекламировались П. А. Сорокин и врач К. Е. Добряков. Кандидатов от большевиков не было.

Народ бросал шары за тех, за кого велел старшина волостного правления. Так членом Учредительного собрания от Яренска прошел П.А.Сорокин».

(Н. Чукичев. Сорокин в Яренске // Маяк (Яренск). 1967. 22 апреля.

Редакционное предисловие партийного официоза разъясняло: «Сегодняшний газетный разворот — это рассказ о великой преобразующей силе марксистско-ленинского учения и о несостоятельности политики, которую пытались проводить эсеры в первые годы советской власти. Судьба нашего земляка Питирима Сорокина, о котором мы рассказываем, — яркий пример того, что ждет политического деятеля, если его не поддержит народ».

Кто такой Питирим Сорокин? Это бывший видный деятель партии эсеров, член учредительного собрания от яренского и усть-сыольского земств. В 1917 году он был редактором эсеровской газеты «Воля народа». Состоял личным секретарем Керенского. В 1922 году эмигрировал за границу».

Решающей силой летом-осенью 1917 года в России были крестьянские Советы... Не появившись Ленин с компанией... Цифры, имена, даты опровергнуть невозможно. По Яренску их сохранил краевед А.А. Цембер. Выше уже сказано, что Второй съезд Крестьянских Депутатов Яренского уезда проходил 6-7 августа 1917 года.

Цембер писал:

На съезд прибыли представители:

1. От Софроновской волости	В.В. Крюков.
2. От Жешартской волости	П.И. Коковкин.
3. От Серегово-Горской волости	А.А. Айбабин.
4. От Серегово-Горской волости	П.С. Полещиков
5. От Кузьминской волости	П.А. Бильков.
6. От Сереговской волости	Н.В. Буткин
7. От Суходольской волости	Е.И. Кобычев.
8. От Разгортской волости	А.Д. Попов.
9. От Селибской волости	И.Ф. Коновалов.
10. От Турьинской волости	А.Ф. Канев.
11. От Ертомской волости	В.С. Качин.
12. От Глотовской волости	Г.А. Доронин.
13. От Чупровской волости	П.Д. Кочев.
14. От Щецецкой волости	Д.Г. Борисов.
15. От Важгортской волости	И.С. Сивков.
16. От Палевицкой волости	И. С. Торлопов.
17. От Ленской волости	С.М. Сыромятин.
18. От Онежской волости	И.Т. Щанов.
19. От Слудской волости	С.А. Марков.
20. От Айкинской волости	М.И. Калимов.
21. От Княжпогостской волости	Е.И. Подоров.
22. От Иртовской волости	В.П. Селиванов.
23. От Устьвымской волости	Н.П.Зиновьев,
он же председатель от Исполнительного Комитета партии социал-революционеров.	
24. Председатель Исполнительного Комитета Совета Крестьянских депут	С.П. Гулынин.

25. Член Исполн. Ком. Сов. Кр. Деп. А.А. Черепанов Председателем Совета избирается Н.П. Зиновьев, его товарищем П. Гулынин, секретарями: С.А. Марков и Н.В. Буткин Далее С.П. Гулынин знакомит совет с кандидатурами в учредительное собрание, намеченными от партии социалистов-революц. и указывая на симпатии Яренского Совета крестьянских депутатов партии с.-р. с своей стороны предлагает наметить кандидатом в учредительное собрание от Яренского Уездного Совета Крестьян. Депутатов Питирима Александровича Сорокина, как уроженца Жешартской волости Яренского уезда и вместе с тем деятельного, общественного, научного и партийного работника. Председатель Совета Крест. Деп. Н.П. Зиновьев дает краткую биографию о жизни и деятельности П.А. Сорокина, состоящего в настоящее время приват-доцентом Петроградского Университета. Заслушав предложение Совет единодушно высказывается за кандидатуру П.А. Сорокина.

Председатель собрания предлагает Совету выразить свое мнение тайным голосованием. Предложение принимается. Подано 25 записок

Результат подсчета: за кандидатуру П. А. Сорокина подано 25 голосов

(Цембер А.А. Некоторые документы из жизни города Яренска в революционные годы. // Коми Му. 1926 № 9 (31). С. 32-33)

Сорокин мог бы многое рассказать своему коллеге по Гарварду Пайпсу о русской революции...

61. Шаламов, Варлам. Четвертая Вологда... С.108
62. Сорокин, Питирим. Граждане! Нарушены права Учредительного собрания. // Воля народа. 1917. 24 ноября. № 179. С. 1
63. Бакрылов, Владимир. Молчать совесть не позволяет. Письмо в редакцию // Знамя труда. 1917. 24 ноября.
64. См. Воля-вольная. 1917. 26 ноября. № 1. Эпизод с Бакрыловым подробно описан в книге Эдгара Сиссона. См. Sisson, Edgar. One Hundred Red Days. A Personal Chronicle of The Bolshevik Revolution. New Haven. Yale University Press. 1931. pp. 43-49
65. См. Краткий отчет о работе Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. 25 ноября-5 декабря 1917. Пг. 1917
66. Петроградский ВРК. Документы и материалы в трех томах. Том 3. М., 1967. С. 590
67. Фонд 18. Опись 3. Дело 184. Лист 82 //(Коми-республиканский архив общественно-политических движений и формирований). Письмо было захвачено чекистами в конце 1920-х годов, когда сын мельника оказался под «колпаком» ОГПУ. К письму кем-то сделана приписка: «**Письмо знаменитого С.Р. идеолога Питирима Сорокина, бежавшего за границу**».
68. Обращение членов Учредительного Собрания к избирателям // Северо-Двинский край. 1917. 19 октября.
69. Сорокин, Питирим. Предпраздничное. // Воля народа. 1917. 24 декабря. № 202.
70. Сорокин, Питирим. Долгая дорога... С.102

71. Огановский Н.П. Дневник члена Учредительного Собрания // Голос минувшего. 1918. № 4-6. С. 143
72. См., например, Пришвин, Михаил. Убивец. // Воля народа. 1917. 31 октября. № 159
73. См. Сергеев, Б. Рецензия на Pitirim Sorokin. A Long Journey // Грани. 1965. №57. «Б.Сергеев» — это псевдоним Бориса Сергеевича Пушкарева, будущего председателя НТС.
74. Огановский Н.П. Дневник ... С.148
75. Фонд 337. Описание 1. Дело 4. Лист 11. // ГАРФ
76. Фонд 337. Описание 1. Дело 4. Лист 14. // ГАРФ
77. Пришвин, Михаил. Дневник. Том 2. 1918-1919. М., 1994. С.7
78. Аргунов, Андрей. Без свободы // На чужой стороне (Берлин). 1925. Книга XIII. С.104-105
79. Фонд 337. Описание 1. Дело 4. Лист 17. // ГАРФ
80. См. Грэхэм, Лорен. Призрак казненного инженера. СПб. 2000. С. 48
81. Фонд 506. Описание 1. Дело 1а. Лист 1. // ЦГА СПб
82. См. Памяти Ф.Ф. Кокоскина и А.И. Шингарева. Письмо из Праги // Дни (Берлин). 1923. 31 января. № 77. С.2
83. Цит. по: Юбилей «Русского Богатства» в 1918 году. Публикация К.Шмидта. // Минувшее. Исторический альманах. Том 1. М., 1990. С.306. «К. Шмидт» — это псевдоним Арсения Борисовича Рогинского, отправленного за его историческими изысканиями в тюрьму и лагерь.
84. Фонд 337. Описание 1. Дело 3. Лист 1. // ГАРФ
85. Гиппиус, Зинаида. Дневники... М., 2002. С.197
86. О помощи старого революционера Крамарова без указания его инициалов писал сам Сорокин в «Дальней дороге». Возможно, это был член РСДРП — ВКП (б) Г. М. Крамаров (См.: Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1930).
87. Гиппиус, Зинаида. Дневники... М., 2002. С.204
88. Фонд 1. Описание 3. Дело 3. Лист 7. // Архив С-Петербургского государственного университета.
89. Митинг в клубе судоходцев// Северо-Двинский край. 1918. 11 июня (29 мая), 18 июня (5 июля)
90. Всенародное собрание граждан Великого Устюга // Северо-Двинский край. 1918. 13 июня (30 июля)
91. См.: Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. 1918. 14 (4) июня.
92. Фонд Р-749. Описание 1. Дело 2. Лист 16 // Велико-Устюгский филиал Вологодского областного архива.
93. Фонд Р-749. Описание 1. Дело 2. Лист 111 // Велико-Устюгский филиал Вологодского областного архива.
94. Из сохранившегося «дела» об аресте О.П. Керенской следует, что арестовали ее по приказу из Котласа:

ПРОТОКОЛ

1918 года Августа 20 дня. Член Чрезвычайной Следственной Комиссии с контр-революцией, спекуляцией и саботажем по Устььсыольскому уезду М. Ляпунов, согласно полученной телеграммы, из Котласа в с. Кочпом Устььсыольского Уезда в присутствии Начальника Городской Милиции производил обыск в квартире Ольги Львовны

- Керенской, причем подозрительной как переписки так и из имущества не найдено, но взято три письма на имя матери Барановской. Кроме того, найдено один фунт табаку 2 сорта. По заявлению ее матери Барановской, табак этот привезен из Петрограда и что из семейства Керенского курящих не имеется. О вышеизложенном: ПОСТАНОВИЛ: записать в настоящий протокол, табак в количестве одного фунта, реквизируют за законную плату, как находящийся у не курящих лиц, каков подать на распоряжение в Городскую Милицию, а три письма в Следственную комиссию на рассмотрение. Член Чрезвычайной Следственной Комиссии — Председатель Чрезвычайного Революционного штаба ЛЯПУНОВ Начальник Городской Милиции А.СИВКОВ Присутствовала гражданка Петроградской губ. Зайдеман (Дело КП-5176 «По обвинению Ольги Львовны Керенской ...») // Архив Управления ФСБ Республики Коми.**
95. Цембер А.А. Материалы по истории революции в Коми крае. Город Устьь-Сыольск в 1918 году // Коми Му. 1924. № 1-2. С. 79
- В начале июня 2006 г. я получил письмо из Петербурга от внука расстрелянного А.В. Веллинга — В.А. Веллинга.
- Владимир Алексеевич писал:
- «В Российском государственном военном архиве (РГВА), в архивном фонде «Революционный Военный Трибунал Котласского укрепленного района» имеется на хранении судебно-следственное дело в отношении Митюшева Николая Ивановича, Петроканского Ивана Платоновича, Веллинга Александра Васильевича, Ленина Леонида Александровича, Харьюзова Андрея Александровича, Клочкова Степана Николаевича. В описи фонда отмечено, что дело было начато 13 сентября и закончено 31 октября 1918 г. Основание: РГВА, ф.31723, оп.1, д.3, л.1-100. <...> 23.09.1918 г. революционный трибунал при штабе Командующим Котласским районом (в составе: председатель - Новов*, члены - Р.Рихтер, Башмаков, секретарь - А.Варганов) обвинил их в «свержении Советской власти, агитации за Временное правительство и явный саботаж» и «приговорил расстрелять». «Приговор объявить за час до исполнения. Настоящий приговор препоручается т. Рихтеру привести в исполнение 24 сентября с/г». «Исполнено 24-го сего сентября 1918 года 8 часов утра. Член полевого трибунала Р. Рихтер (подпись)».**
96. Истинную историю России, Коми республики имена многих ее персонажей сохраняют архивы ЧК-ФСБ. Только в одном протоколе допроса в одном архивно-уголовном деле, хранящемся в архиве Управления ФСБ в Сыктывкаре сохранились десятки имен...

Из протокола допроса обвиняемого Коюшева Ивана Григорьевича От 16 января 1938 года.

... Формирование и деятельность к-р бурж. национ. организации в Коми АССР относит свое начало примерно к 1918-19 годам.

* Новов М.С. (1879–1959) - в 1923 г. отозван на работу в ГПУ в Москву. Похоронен на Новодевичьем кладбище. В честь его названа улица в Архангельске...

Развертыванию работы, контрреволюционные организации и ее борьбы с Соввластью способствовало то положение, что с первых дней революции в России все руководство революционным движением в Коми области находилось в руках эсеровских организаций, направляющих активность масс в русло буржуазного национ. движения. Наиболее крупные эсеровские организации существовали в бывшем Яренском и Устьсысольском (Сыттыкварском) уездах... Наиболее многочисленной и активной из всех националистическо-эсеровских контрреволюционных организаций была Яренская... которая заняла ведущее место. Идеологом Яренской организации являлся профессор СОРОКИН Питирим, каковой до революции преподавал в Петербурге социологию, а также принимал участие в краеведческой работе Архангельского общества изучения Севера. В период февральской революции СОРОКИН был выдвинут национ. эсеровскими организациями Яренского и Устьсысольского уездов на всероссийское учредительное собрание и работал секретарем КЕРЕНСКОГО. У себя на родине в Жешартском совете СОРОКИН создал всероссийскую ячейку, куда вошли: учитель БАТИЕВ, бывшие офицеры: МИНИН М.П., КОКОВКИН и друг, которые впоследствии составляли руководящее ядро всей контрреволюционной буржуазной национ. организации в Коми АССР. После Октябрьской революции на Уездном Съезде в г. Яренске СОРОКИН призывал к свержению советской власти, за что ....приговаривался к расстрелу, но по ходатайству перед центром членов контрреволюционной организации: КОКОВКИНА Ф.С., БАТИЕВА Д.А., МИНИНА М.П., СЕЛИВАНОВА Д.И. и других — СОРОКИН был помилован и выехал в Ленинград, а руководство эсеровской буржуазной национальной контрреволюционной организации перешло к БАТИЕВУ, которым ... была создана из эсеров контрреволюционная организация «Коми-Котыр» (коми партия)...Признавая невозможность прямого свержения соввласти организация повела другую тактику, направленную на захват руководства в Советах, развернув одновременно широкую контрреволюционную агитацию против Красной Армии, обвиняя таковую в мародерстве, приписывали Красной Армии умышленные поджоги деревень... Организовали саботаж и срыв заготовок продовольствия и фуража для красноармейских частей, саботирование проведения контрибуции на кулаков, отдельные репрессии кулаков пропагандировались как расправа на трудящимися крестьянами, всемерная компрометация партийных и советских работников и т.д. Этими методами контрреволюционная организация ослабляла советскую власть и помогала наступающим белогвардейско-интервентским бандам. Осенью 1919 года, когда белые занимали Удорский район, контрреволюционная организация «Коми Котыр» во главе с БАТИЕВЫМ на Яренском Съезде советов, в противовес коммунистической фракции организовала свою ... «крестьянскую фракцию»... каковая в руководящие органы съезда ввела членов контрреволюционной организации и в течении работы съезда проводила контрреволюционную работу ... по настоянию этой фракции было принято решение о закупках хлеба непосредственно за границей...

... В это время в Яренскую контрреволюционную буржуазно-национальную организацию входили следующие лица: СОРОКИН Питирим, ЗИНОВЬЕВ Николай Прокопьевич, БАТИЕВ Дмитрий Александрович, СЕЛИВАНОВ Дмитрий Ильич, МИНИН Михаил Петрович, КОКОВКИН Федор Степанович, СИДОРОВ, ИСАКОВ Василий (агроном), БУТКИН Николай Васильевич, АЙБАБИН Алексей Александрович, АИБАБИН Александр Алексеевич, КОНОВАЛОВ Степан Фирсович, КОНОВАЛОВ (сейчас преподаватель Пединститута, поддерживавший связи с БАТИЕВЫМ до 1937 г., предупреждавшей его о необходимости лучшей конспирации связей (ЛЯПУНОВ Михаил) в 1932 году сбежал с семьей в Манчжурию), СТАРЦЕВ Григорий, ПОЛЕЩИКОВ Павел Степанович (техник строитель), КОКАНИН (врач), КОЗЛОВ Дмитрий, КОЗЛОВ Степан Иванович (проживает в Москве), КАЛИНИН М.И., КУКЛИН Степан Дмитриевич, МИТРОШИН Иван Петрович и другие. По мере укрепления советской власти и ликвидации фронтов... руководящее ядро контрреволюционной организации снова меняет свою тактику, для проведения контрреволюционной деятельности в изменившихся условиях вступает в коммунистическую партию, снова захватывая в местной Яренской организации руководящее положение. В компартию вступили следующие члены контрреволюционной организации: СЕЛИВАНОВ Д.И., КОКОВКИН Ф.С., МИНИН М.П., БАТИЕВ Д.А., АЙБАБИН Алексей А., АЙБАБИН А.А., КОНОВАЛОВ С.Ф., ЛЯПУНОВ М., СТАРЦЕВ Г., ПОЛЕЩИНОВ П.С., КОКАНИН И., КОЗЛОВ С.И., КУКЛИН С.Д., КАЛИНИН М.И. и ряд других.

Другой контрреволюционной эсеровской организацией, впоследствии слившаяся с Яренской, была Устьсысольская (Сыттыкварская), руководителем и организатором являлся бывший член Государственной Думы — священник ПОПОВ Дмитрий Яковлевич, который образцом бывшего и самостоятельного развития Коми государства считал путь развития Японии, в обосновании возможности самостоятельного развития Коми государства по Японскому образцу, Попов выдвигал наличие в Коми крае громадных запасов лесов и других естественных богатств, эксплуатация которых с привлечением иностранного капитала и специалистов должна была создать материальную и финансовую базу нового государства. Актив этой к-р организации состоял из следующих лиц: ПОПОВ Д.Я., МАРТЮШЕВ А.М., БОГДАНОВ А.Ф., КОНАНОВ В., МАТЮШЕВ С.Ф., ЧЕУСОВ А.А., НАЛИМОВ Василий Петрович, ПОПОВ Василий Филиппович, ВЕЖЕВА Евдокия Фил., МОЛОДЦОВ В. Андреевич, МОЛОДЦОВА Антонина Александровна, ЦЕМБЕР Андрей Андреевич, ЮРКИН Василий Петрович, НАПАЛКОВ Егор Александрович, ЕЛЬНИН Павел Николаевич, КАРМАНОВ Н.М., ОПАРИН Степан (Устькуломский УИК), САВИН Виктор Алексеевич, ШАХОВ Николай Алек., ЕЛФИМОВ Василий Харламович, ТРОФИМОВ Семен, КОЛЛЕГОВ М.И., КОЛЕГОВ Н.С., ПОТАПОВ Г.В., ЕЛЬКИН Ив.Мих., СТЕНИН А. Всеволодович, СОСНИН Николай (К.), БУЛЫШЕВ Ф.И., ПОПВАСЕВ И.Д., РОЧЕВ С.М. и другие...

...Устьсысольский Исполком, находящийся в руках организации, председателем которого был один из руководителей организа-

ции — **МАРТЮШИН**, срывал все мероприятия советской власти, как то: упорное сопротивление организации комбедов, стремление к созданию земств, защита интересов купечества и буржуазии и т.д.

По мере укрепления советской власти эта к-р организация также меняет свою тактику. Организация переименовывается в «Общество обновления зырянской жизни», почти весь вышеперечисленный актив организации вступает в компартию (не порывая однако с организацией), где продолжает свою к-р деятельность, оказывая громадную помощь наступающим тогда на Коми область бело-гвардейским войскам, путем организации восстания, через купцов **ЧУДОВА** и **КОНОНОВА** в Пажге, Керчимье и др., а также прямого участия членов организации на стороне интервентов, как например: **КАЛИНИН М.И.**, **КОКОВКИН Ф.С.**, **ТИМУШЕВ Д.** и др.

Летом 1920 года по инициативе Яренской к-р организации — **БАТИЕВА**, **СЕЛИВАНОВА** и др., под видом учительской конференции ... была создана объединительная конференция Яренской и Устьысольской к-р организации, которая в основном занялась вопросом совместных действий по созданию государственного образования Коми в форме АССР ... были выделена объединительная делегация в составе: **БАТИЕВА Д.А.**, **МОЛОДЦОВОЙ А.А.**, **ЕЛФИМОВА В.Х.**, которые при настойчивом содействии члена Губисполкома **МИШАРИНА Е.М.**, получили от Северо-Двинского губисполкома официальные мандаты, как представители Коми народа, делегация была зарегистрирована Наркомнацем, как Коми Отдел Наркомата. Этим Коми отделом, секретарями которого были члены организации — **ПОПВА-СЕВ И.Д.**, затем **СТАРЦЕВ Г.** прежде всего, было исходатайствовано разрешение на созыв конференции РКП (б), каковая была создана в январе 1921 г., и фактически продолжала буржуазную национ. деятельности, приняв решение о создании коми автономной республики, права которой превышали не только права автономной, но и союзной республики, ...предусматривалась передача всех недр лесов и других богатств в непосредственное владение данной республикой... предусматривалось создание самостоятельного государства, по инициативе **БАТИЕВА**, было приступлено к созданию большого государственного аппарата, был организован большой экономический совет, куда были вовлечены десятки к-р черносотенных специалистов, белогвардейцев и всяких авантюристов, которые подбирались проф. **НАЛИМОВЫМ**. Разрабатывались обширные планы хозяйственно-финансового и транспортного строительства, с самостоятельным выходом на внешний рынок через порт «Индиго». Было приступлено к созданию журнала на французском языке для популяризации за границей нового государственного образования. Было запрещено коми-пермякам сдавать хлеб государству и выполнять распоряжения органов Советской власти».

Дело П-2165 (...по обвинению Старцева Георгия Афанасьевича...) // Архив УФСБ по республике Коми.

97. Сорокин, Питирим. На лоне природы. // Современные записки (Париж). 1923. Том 15. С. 272.
98. Крестьянские и рабочие думы. 1918. 4 сентября.

99. Фонд Р-749. Опись 1. Дело 3. Листы 41-42 // Велико-Устюгский филиал Вологодского областного архива.
100. Там же. Лист 53.
101. Там же. Лист 59.
102. Трагически сложилась судьба профессора С.В. Познышева, крупного ученого, ставшего при Советской власти «бывшим» профессором Московского университета. Автор классической книги по тюремоведению, переизданной при Соввласти в 1924 году под названием «Основы пенитенциарной науки» и многих других работ. Познышев при большевиках ничего не написал и не преподавал в ВУЗах. Не «перековался» и не стал «марксистом» как некоторые. Например, менее талантливый юрист М.Н. Гернет до революции «марксистом» тоже не был, а после нее стал. В 1941 году, когда Германия напала на СССР, Познышев был безработным, фактически голодал. По настоянию М.М. Исаева и Б.С. Утевского, чтобы как то поддержать ученого ему поручили перевод английского классического учебника уголовного права Блэкстона, но было поздно. В 1942 году, в возрасте 68 лет Познышев умер... (см. Б.С. Утевский. Воспоминания юриста. Из неопубликованного. М., 1989. С.285-287.
103. Фонд 520. Опись 1. Дело 74. Лист 12. (Воспоминания Коковкина) // Коми-республиканский архив общественно-политических движений и формирований.
104. Крестьянские и Рабочие Думы. (орган Северо-Двинского губисполкома). 1918. 29 октября. № 75
105. Вечер в честь Ленина // Правда. 1918. 22 ноября.
106. Ленин, Н. Ценные признания Питирима Сорокина. // Правда. 1918. 21 ноября. № 252
107. Фонд 2. Опись 1. Дело 9. Лист 12 // Архив новейшей политической истории (Вологда)
108. Фонд 130. Опись 2. Дело 1106. Лист 396. // ГАРФ
109. Разговор по прямому проводу члена Вологодского исполкома Ш.З. Элиавы (из Москвы) с председателем Вологодского губисполкома М.К. Ветошкиным (Вологда) 26 ноября 1918 г. // Исторический архив. 1962. № 1. С.24-25.
110. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 122
111. Фонд 237. Опись 2. Дело 5. Листы 18-18 оборот // Велико-Устюгский филиал Вологодского областного архива.
112. Маслов С.С. Россия после 4 лет революции. Том 1. Париж. 1922. С.154. Тоже самое мы видим и в современной «Российской Федерации». «Государственная Дума» имеет доверие только у 3 % населения! (2006) Что уж говорить о системе «народного образования». Вся она — «Велико-Устюгский университет» образца 1920 года...
113. Дело: П-8181. Лист 1.//Архив УФСБ по Архангельской области
114. Ныне утеряны следы даже воспоминания Якова Брука. По крайней мере, так следует из справки управления ФСБ по Самарской области: **«Записей воспоминаний Брука Я.М., его роли в освобождении из Велико-Устюгской тюрьмы Сорокина П.А., материалов о пребывании Брука Я.М. на Севере в архиве УФСБ РФ по Самарской области не имеется»** (архивная справка от 06.03.2006 // архив автора).
115. См. «Дело № 617 о заключенном Питириме Александровиче Сорокине. Началось 30 октября 1918 года. Кончилось 28 ноября 1918». Фонд Р-20.

Опись 2. Дело 107. // Велико-Устюгский филиал Вологодского областного архива.

116. В частности Жерихин писал:

«В январе месяце 1918 г. прибыл из Москвы в г. Великий Устюг, где и был назначен начальником отряда Красной гвардии, а позднее в конце мая или в начале июня месяца по распоряжению Северо-Двинского губкома и губисполкома мне было поручено организация Чрезвычайной Комиссии. К середине июня месяца Чрезвычайная Комиссия была организована, где я остался работать в качестве члена Чрезвычайной Комиссии и заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией. К тому времени в г. Великом Устюге положение было очень тяжелое, контрреволюция насаждала серьезно и мне, как зав. отделом, пришлось серьезно поработать.

Нам удалось обезглавить местных организаторов правых и левых эсеров и задержать и арестовать их руководителей Петра ЗЕПАЛОВА и ДВУЖИЛЬНОГО. Зепалов был арестован под Архангельском около фронта, намереваясь перейти фронт. Кроме того, удалось задержать и арестовать бывшего секретаря Керенского — Питирима Александровича Сорокина и бывшего командующего Казанским военным округом генерала Сандецкого и других бывших офицеров. Журавский, Уатт, все они входили в контрреволюционную организацию. Дело Питирима Сорокина на основании телеграммы за подписью В.И.Ленина было направлено в ВЧК г.Москвы в распоряжение т. Дзержинского.

Дело генерала Сандецкого согласно телеграммы т.Дзержинского направлено в распоряжение ВЧК, а дела Журавского, Уатта и др. направлены в Вологодское ЧК, т.е. некоторые люди проходили по делу, связанные с Вологодой.

В июле месяце уже была открытая борьба на Северной Двине с белогвардейцами и англо-американцами».

(Фонд 8660. Опись 7. Дело 77. Лист 5 // Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области).

117. Sorokin Elena. My Life with Pitirim Sorokin // International Journal of Contemporary Sociology. 1975. Vol. 1. № 1-2. P. 15.
118. Потапова А.А. Из истории гражданской войны в Коми АССР. Фонд 859. Опись 3. Дело 484. Листы 3-4. // Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области
119. Угрюмов, Олег. От забвения к иконе. В вычегодском крае отметили 110 годовщину со дня рождения своего знаменитого земляка Питирима Сорокина. // Правда Севера (Архангельск). 1999. 2 апреля.
120. Sorokin, Pitirim A. Russia and the United States. New York. 1944. P. 17.
121. См. Сорокин, Питирим. На лоне природы. // Современные записки (Париж). 1923. Том 15. С. 262-280
122. Архивная справка на С.А. Николаевского. // Архив автора.
123. Дело П-9547 «По обвинению Николаевского С.А.» Листы 3-7 // Архив УФСБ по Архангельской области.
124. Добавлю еще об Елене Михайловой. Ее отец — Иван Михайлович Михайлов свою педагогическую деятельность начинал в Онеге. Затем был переведен в Архангельскую гимназию (Архангельская гимназия была старейшей рус-

ской гимназией, уступающей на Севере только казенной Императорской, Вологодской и Петербургской 2-ой гимназии. В 1911 году ей было присвоено название Ломоносовской). История этой старейшей гимназии до сих пор не написана. Между тем, здесь учился А. Е. Малахов — организатор Северной кооперации и многие другие люди, оставившие заметный след в истории Севера и России). Выпускник Петербургского университета, И. М. Михайлов стал ее директором. Уже при советской власти ему удалось отстоять название гимназии «Ломоносовская» от самозванных хозяев, захотевших дать ей имя одного из «вождей» — если не ошибаюсь, Косиора. В 1923 году Михайлов был членом Архангельского общества краеведения. Далее его следы теряются. Елена Михайлова, после переезда семьи из Онеги в Архангельск училась в женской Мариинской гимназии (при большевиках Марианская гимназия была объединена с Ломоносовской), а затем на историко-филологическом факультете Бестужевских курсов. Хотя детство ее прошло в Онеге, она увлеклась историей Украины, и после окончания курсов встал вопрос об оставлении ее при кафедре истории Украины для подготовки к профессорскому званию. Но уже шел 17-й год и Елена Михайлова вернулась в Архангельск. Без сомнения, из нее получился бы хороший историк. Бестужевские курсы — это марка... Кафедру истории Украины возглавляла «одна из самых выдающихся русских женщин нашего времени» (как называл ее академик С. Ф. Платонов) — Александра Яковлевна Ефименко (выпускница Архангельской гимназии, она погибла в гражданскую войну).

Е.И. Михайлова в 1916 году вышла замуж за сына холмогорского священника А.Н. Грандилевского (1875-1914) Сергея Грандилевского, студента Петербургского университета (ему прочили хорошее будущее историка). 2 января 1919 года у нее родился сын. Сама Елена Михайлова умерла 1 марта 1919 г. (Сообщение в архангельской газете «Отечество» 1919. 4 марта). Похоронили ее на Немецком кладбище по главной дороге справа

(сообщено автору К. П. Гемп в марте 1993 года).

125. Фонд 170. Опись 1. Дело 2. Листы 36-37 // ГАРФ
126. Неясными остаются и судьбы братьев Питирима Сорокина. В Велико-Устюжском филиале Вологодского областного архива в списке лиц, содержащихся в Северо-Двинском губернском исправительном доме зафиксирован красноармеец местного караульного батальона Василий Сорокин, арестованный Северо-Двинской Губ. ЧКа как значится в графе «причина ареста» — за кражу, и поступивший в тюрьму 5 декабря 1918 года. (см. ВУФ ВОГА Фонд 20. Опись 1. Дело 1.) Не брат ли это Питирима Сорокина, который за неделю до этого — 28 ноября был из этой же тюрьмы отправлен в Москву. Относительно Прокония Сорокина известно, что в 1929 г. он жил в Великом Устюге.
127. Платонов Олег. Русское сопротивление. Война с антихристом. М., 2006. С. 211–212.

Глава третья

«Не прекращал своей антисоветской деятельности»

1. Сохранилось удостоверение Сорокина от 24 декабря 1918 года. Бланк Союза Коммун Северной области.

Удостоверение

Настоящим удостоверяю, что товарищ Питирим Сорокин приглашен к сотрудничеству комиссариатом Народного просвещения и по делам, связанным с принятыми им на себя обязанностями, должен выехать в город Тамбов на некоторое время и возвратиться к месту службы в Петроград. Товарища Сорокина сопровождает супруга.

Нар. ком. по просв. А. Луначарский
Секретарь А. Аронова

(Фонд 602. Описание 1. Дело 1. Лист 20 // ГАРФ)

2. Мандельштам, Евгений. Воспоминания. // Новый мир. 1995. № 10. С. 150-151. В архиве Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме в Петербурге сохранились воспоминания Надежды Дармолатовой с упоминаниями Елены Баратынской (Сорокиной).
3. Фонд 602. Описание 1. Дело 42. Лист 1. // ГАРФ
4. Фонд 113. Описание 2. Дело 68. // Санкт-Петербургский филиал архива РАН
5. Фонд 602. Описание 1. Дело 43. Лист 1. // ГАРФ
6. Фонд 292. Дело 79. Лист 2. // РО ИРЛИ РАН
7. Еще два удостоверения, сохранившиеся в архиве.

I

25 декабря 1918 года.

Удостоверение

Питирим Сорокин. Сотрудник Комиссариата Народного Просвещения командирован в Тамбов.

Тов. Нар. Ком по прос. З. Гринберг
Секретарь А. Аронова

(Фонд 602. Описание 1. Дело 1. Лист 21 // ГАРФ)

II

25 декабря 1918 года.

Удостоверение

I-ый Петроградский Университет

Преподаватель Питирим Сорокин уволен в отпуск в город Тамбов с 26 декабря сего года по 20 января 1919 года.

Ректор

(Фонд 602. Описание 1. Дело 1. Лист 23 // ГАРФ)

8. В.И. Клушин в 1971 году ссылаясь на Фонд 2555 (Санкт-Петербургское отделение главного управления научных учреждений Академического центра Наркомата просвещения РСФСР) (Описание 1. Дело 97. Листы 26-27) в ЛГАОРСС (ныне ЦГА СПб) привел имена...
«Весной 1918 года Наркомпрос проводил всероссийскую перепись ученых в области философии, социологии, права и политической экономии. Эта перепись показала, что около 70 процентов всех философов и социологов России работают и живут в Петрограде. В петроградском списке философов значились: С.А. Алексеев, А.А. Бардовский, В.А. Беляев, А.И. Введенский, А.В. Владимир-

ский, В.А. Волкович, Л.Е. Габрилович, С.И. Гессен, А.И. Гребенкин, С.О. Грузенберг, К.Ф. Жаков. А.А. Крогиус, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Д.П. Мартов, А.А. Мейер, В.М. Нарбут, А.П. Нечаев, С.И. Поварнин, Э.Л. Радлов, И.Г. Рождественский, Н.Е. Румянцев, В.С. Серебrenников, Г.Я. Трошин, С.Л. Франк, В.Н. Сперанский. В качестве социологов в Петрограде были зарегистрированы: Н.Н. Андреев, Н.А. Гредескул, С.К. Гогель, В.А. Дубянский, С.Я. Загорский, А.А. Исаев, Н.А. Кареев, Н.Д. Кондратьев, М.И. Кулишер, М.Я. Лазерсон, Г.А. Ландау, П.И. Люблинский, Я.М. Магазинер, В.А. Мякотин, Р.М. Орженцкий, М.Я. Остроградский, К.А. Пажитнов, А.В. Пошеонов, Н.А. Рожков, В.В. Святловский, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Н.С. Тимашев, Б.А. Фингер и И.В. Чернышев».

а, далее в обычном советском стиле писал:

«Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство петроградских философов и социологов являлись представителями враждебных марксизму идеалистических школ в направлении. За малым исключением все они не поняли исторического смысла социалистической революции и заняли по отношению к ней резко отрицательную позицию. Засилие идеалистов и мистиков среди петроградских обществоведов было весьма значительным по сравнению с Москвой или какими-либо другими культурными центрами России, что явилось также одной из серьезных причин крайней ожесточенности идейной борьбы в городе трех революций».

(Клушин В.И., Первые ученые марксисты Петрограда. Л., 1971. С.24-25)

9. Сорокин, Питирим. Состояние русской социологии за 1918-1922 гг. // Новая русская книга (Берлин). 1922. № 10. С.9.
10. Деятельность Сорокина в Социологическом обществе в Социологическом институте изложена по: Тахтарев К. Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского // Социологический вестник (Петроград) 1919 №4 (апрель-июнь). С. 17,18 и «Деятельность института» // Там же. С.20,21,22.
См. также Сорокин, Питирим. Докладная записка о необходимости организации летних курсов преподавателей социологии (Фонд 602. Описание 1. Дело 30. Листы 1-4 // ГАРФ). Опубликовано в журнале «Социологические исследования» (1999) № 10. С.125-129; Сорокин Питирим. В комиссариат народного просвещения. Краткая докладная записка о необходимости учреждения социально-этнографического отделения при отделе Родиноведения (Фонд 602. Описание 1. Дело 29. Листы 1-1 оборот // ГАРФ). Опубликовано там же. С. 129-130.
Обе записки опубликованы А.Н. Медушевским. О Социологическом институте см. также: «Дела и дни». (Петербург). 1920. Книга первая. С. 518-519 и брошюру «Социологический и социологический институт» (Петроград, 1919). В 1919 г. Сорокин также прилагал усилия к созданию в Петроградском университете социологического факультета.
11. См. Сорокин П.А. // Наука в России. Справочник. Данные к началу 1922 г. Составлен Комиссией «Наука в России» при Российской АН. Под наблюдением Непременного Секретаря РАН академика С.Ф. Ольденбурга. Научные работники Петрограда. ГИЗ. М-П. 1923.

На декабрь 1922 года «Домом Ученых» было зарегистрировано в Петрограде более 4 тысяч ученых. В 1920-1921 гг. Дом Ученых собирал анкеты и автобиографии петроградских ученых, использованные при составлении этого справочника. К моменту его публикации многих ученых уже не было в живых...

12. Сорокин, Питирим. Как мы жили. // Дни. (Берлин) 1922. № 3. 1 ноября.
13. Sorokin, Elena Sorokin, Pitirim, A. Hunger as a Factor in Human Affairs. University of Florida Book Gainesville. 1975. P. 143
14. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С.132
15. О «безответной любви» мне сказал мандельштамовед С.В. Василенко (сентябрь 1994. Вашингтон, округ Колумбия). Любимый человек Веры был арестован и сидел в чекистском подвале...
16. О репрессиях против печатного слова см.: Витязев, Петр. Частные издательства в Советской России (1921) и его же «Библиографические материалы о кооперативном книгоиздательстве «Колос» (1924).
17. Сорокин, Питирим. Система социологии. Том 1. Социальная аналитика. Петроград. Издательское товарищество «Колос», 1920 с. XIV Предисловие оканчивается словами:
«Трагедия человечества продолжается: лучшие сыны земли продолжают распинаться во славу обоготворенных идолов и подмалеванных фетишей. Но... не будем говорить об этом. Не сказано ли: «не плакать, не смеяться, а понимать?» Последуем удобному рецепту Спинозы и забудем о «горестных заметах сердца». Если плакать нельзя, а смеяться невозможно, то постараемся хоть понимать. В заключение приношу глубокую благодарность моей жене, Е. П. Баратынской, брату и ряду друзей, бескорыстно помогавших мне в безмерно тяжелые для меня месяцы 1918 г. Их помощь позволила мне приступить к опубликованию «Системы социологии». Выражаю свою признательность книгоиздательству «Колос», давшему возможность напечатать эту книгу в тяжелые годы переживаемого времени.

Автор.

Петроград, февраль 1919 г., январь 1920 г.»

Политзэк хрущевско-брежневских времен С.К. Пирогов рассказывал мне в 2003 году в Мюнхене, что в лагере в Шожме под Архангельском у него была эта книга Сорокина... Пирогов купил ее в 1950-х годах у книжных спукулянтов, когда был студентом исторического факультета ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова...

18. Фонд 1565 (1923). Опись 1. Дело 117 (Доклад председателя Комиссии по обследованию ГУСа Г.М. Кржижановского) Лист 1. // ГАРФ
19. Фонд 474. Дело 247. Лист 1 // РО ИРЛИ РАН
20. Одоевцева, Ирина. На берегах Невы. М. 1989. С. 14, 21, 65
21. Фонд 1565. Опись 3. Дело 69. («Историческая справка. Отчет за первое полугодие 1920-1921 учебного года и списки профессоров и преподавателей Петроградского Института Живого Слова). Листы 11, 12, 41, 42 // ГАРФ
22. Отзыв И.Ф. Цызырева. См. в книге Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности) Самара. 1992. С. 104-119. Оригинал отзыва профессора И.Ф. Цызырева «О научных трудах П.А.

- Сорокина», см. Фонд 14. Опись 1. Дело 10917. Листы 107-114 // ЦГИА СПб
23. Фонд 14. Опись 1. Дело 10917. Лист 100. Отзыв М.И. Боголепова от 11 января 1920 г. // ЦГИА СПб
24. Там же. Лист 102. Отзыв Н.И. Лазаревского // ЦГИА СПб
25. Там же. Лист 106. // ЦГИА СПб
26. Там же. Лист 114. // ЦГИА СПб
27. Сорокин, Питирим. Система социологии. Том 1. С.304
28. Маслов, Сергей. Россия после четырех лет революций. Том 1. Париж. С.167
29. Об академике Иване Павлове Сорокин вспоминал:
«Один из самых великих ученых, И.П. Павлов, показал, до каких высот нравственности и научных идеалов поднимался дух ученых России в те ужасные дни. Как двое наиболее часто выступающих с критикой коммунизма ученых, мы с Павловым крепко сдружились в те годы. Вместе с ним мы организовали Общество объективных исследований человеческого поведения, где я был действующим, а Павлов — почетным председателями. Не иначе как в целях пропаганды своей политики за рубежом Советское правительство в 1921 году издало декрет специально о Павлове, в котором заявило о публикации всех его работ и создало комиссию, куда вошли Максим Горький и Луначарский, для решения неотложных проблем его лаборатории. Павлов ответил заявлением, что он не торгует своими знаниями и не примет ничего из рук, уничтоживших русскую науку и культуру.»
(Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 134)
30. Фонд 238. Опись 1. Дело 46. П. 11 // СПб филиал архива РАН. Это обращение П.А. Сорокина в «Научное общество марксистов» было опубликовано в 1989 году В.М. Зверевым и В.С. Соболевым с характерным началом предисловия:
«Печально-известные страницы политической биографии П.А. Сорокина, талантливого социолога и одного из лидеров правого крыла партии социалистов-революционеров, отступили ныне в прошлое перед его вкладом в развитие социологической науки.»
(См. ж. «Социологические исследования». 1989. № 2. С. 124)
31. См. примечание Питирима Сорокина к русской рукописи «Социологии революции». Фонд 3563 (Шаповал Н.Е.). Опись 1. Дело 116. Листы 154-155// Центральный государственный архив высших органов государственной власти и органов государственного управления Украины (Киев). Не знаю как сейчас, но в 1987 году это дело в описи значилось так:
«Рукопись книги неведомого автора, выявленная в фонде Шаповала про влияние революций на общество».
32. См. Мельгунова П.Е. Пятый арест. // Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Выпуск II (Часть третья). Париж. 1964. С. 69
33. Сорокин, Питирим. Социология революции. Том 1... С. IX
34. Рейснер, М. Рецензия // Печать и революция (Москва) 1921. Книга 2. С. 155-161
35. Боричевский И.А. Ортодоксальный марксизм и российско-американская резиновая социология. // Книга и революция (Петроград). 1922. № 4 (16) март. С.22

Иван Боричевский рецензирует здесь книги: К.М. Тахтарев «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии» (Пг. 1919) и П.А. Сорокин «Система социологии» Том 2 и называет их главными творениями официальной социологии за последние четыре года. Это не рецензия, а обычное развязное «марксистское» зубоскальство. Боричевский, например, пишет:

«В заключение отметим, что первый из упомянутых профессоров (Тахтарев — Ю.Д.) состоит членом Научного Общества марксистов. Если полное незнакомство с Марксом может служить основанием для вступления в такое общество, то надо полагать и второй упомянутый профессор (Сорокин — Ю.Д.) скоро последует примеру своего коллеги». (Ук. соч. С. 19)

По возрасту Боричевский годится Тахтареву в сыновья... Кроме того, Константин Михайлович Тахтарев — один из первых русских социал-демократов... Боричевскому был всего один год, когда Тахтарев уже руководил революционной группой рабочих завода Семенникова за Нарвской заставой. Затем входил в ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», работал в плехановской группе «Освобождение труда» в Женеве, был делегатом II съезда РСДРП в Лондоне в 1903 году... Апполиария Якубова, которую любил Ленин, предпочла его Тахтареву... В 1907 г. Тахтарев вернулся в Россию преподавать социологию в различных учебных заведениях Петербурга, а после смерти Евгения де Роберти стал его приемником по кафедре социологии в Психоневрологическом институте... Н.И. Кареев, который прекрасно знал и Сорокина и Тахтарева, считал, что Сорокин был талантливой и оригинальной Тахтарева... (См. Фонд 980. Опись 1. Дело 16 (Кареев Н.И. Очерки по истории социологии в России) Лист 282 // СПБ филиал архива РАН).

Свою «рецензию» Боричевский заканчивает приговором:

«Оба научных исследования местами переходят в злостный памфлет против коммунистической партии». (Ук. соч. С. 22)

И.В. Боричевский умер в 1942 году в блокадном Ленинграде. Сохранилось 69 блокнотов его дневниковых записей за 1916-1941 гг. Почерк плохой. Не разобрать... (См. ОР РНБ. Фонд 93. Опись 69а).

36. Мякотин, Венедикт. Отзывы о книгах: Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Том 1. Социальная аналитика. Часть 1 // Задруга (Москва), 1921. № 1. Декабрь. С.14.
37. Лазерсон Макс. Проф. критика и библиография. Проф. П.А. Сорокин. Система социологии. Том 1. (1920). Том II (1921) // Современные записки (Париж). 1921. Том 8. С. 389.
38. См. Соколов, Борис. Наука в Советской России. Берлин. 1921
39. Соколов, Борис. Книги в Советской России. (Книги по социологии) // Воля России (Берлин). 1921. 3 февраля. № 119
40. Там же.
41. Либ. Новый труд по социологии // Красноярский рабочий. 1921. 21 января. № 11.
Либ — это псевдоним Г.И. Поршнева. Георгий Поршнев, г.р. 1887 Олонечкая губерния. Северянин как и Сорокин. Их судьбы схожи. В 11 лет Поршнев уже бурлак на Онеге. Окончил два класса сельской школы и Архангельское Двухклассное училище. С 1901 г. «мальчик» в книжной лавке

в Петербурге. В 1905 г участник революционных событий в Иркутске. В 1906-1907 гг. 6 раз арестовывался и 2 раза предавался суду. В 1913 году окончил курсы по библиотечному делу народного университета имени А.Л. Шанявского в Москве. В 1916 г. в армии. В 1917-1918 гг. организовал иркутский отдел Российской книжной палаты. В 1920 г. — сотрудник отделения Цетротепчати в Красноярске. С 1923 года работал в Москве в Госиздате... В январе 1931 года арестован. Осужден. Умер журналист, библиограф, книговед, краевед Поршнев 29 октября 1937 года на Беломорканале...

Сохранился его архив. (Личный фонд Г.И. Поршнева в государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения РАН в Новосибирске).

42. Солунова С.С. Поступь жизни. // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Под редакцией заслуженного деятеля науки, профессора В. В. Мавродина. Л., Изд-во ЛГУ. 1971. С. 41.
43. Амфитеатров, Александр. Горестные заметы. Очерки Красного Петрограда. Берлин. «Грани». 1922. С.68.
44. Чуковский, Николай. Литературные воспоминания. М., 1989. С.50-51
45. Замятин, Евгений. Уэллс. // Вестник литературы. 1920. № 11. С. 16-17
46. К счастью — не осуществились. Но в 1922 г. они поставили перед университетом памятник Герцену и Огареву. Узнав об этом, жившая в Лозанне дочь Герцена — Наталья Александровна сказала:
«Памятник, сделанный моему отцу большевицкой Россией, — то же самое, как если бы Эстерган поднес букет г-же Дрейфус. Кроме того, восхищенье, которое большевики высказывают Герцену, слишком корыстное. Они искажают истину, весь характер моего отца, всю его деятельность. Это возмутительно. Я желала бы, чтобы этот из грязи сделанный памятник упал».
Цит. по: Родичева, А.Ф. Заметка о Герцене // Русская мысль (Париж). 2005. № 5 (4538). 10-16 февраля. С. 10. Впервые опубликовано к 80-летию кончины Герцена 1 февраля 1950 г.
В июле 2000 года я пришел во двор старого здания Московского университета. Памятник Герцену и Огареву в полуразрушенном состоянии... Мимо пробегают нынешние «студенты» и «профессоры»... Нужен им Герцен? В мае 2003 года в архангельской областной библиотеке имени Н.А. Добролюбова (!!!) списали «за ненадобностью» первое российское издание сочинений Герцена... Доживи Герцен и Добролюбов до 1917 года большевики и их поставили бы «к стенке» и расстреляли... А, Лев Толстой и сам встал бы к стене рядом с ними.
47. Сорокин, Питирим. Свободный человек. // Колокол. Однодневная газета. (Петроград). 1920. 21 января.
48. Сорокин, Питирим. Еще об Андрее Белом // Вестник литературы. (Петроград). 1920. №8 (20). С.7.
49. См. Вестник литературы. 1920. № 8. С. 8-9.
50. См. «... Пишу Вам правду...» Открытое письмо Калистрата Жакова Владимиру Ильичу Ленину // «Парма» (Сыктывкар) 1992 № 1. С. 39. Впервые письмо Жакова Ленину было напечатано эстонской газетой «Rajalanè» («Приграничный житель») 4 ноября 1920 г. Именно этого номера газеты

- не оказалось в подшивке газеты в собрании Эстонского Литературного музея в Тарту, когда в мае 2007 г. я искал первопубликацию...
51. Фонд 14. Опись 1. Дело 10917. Лист 121 (Командировочное удостоверение П.А. Сорокина от Петроградского университета // ЦГИА СПб.)
52. Фонд 106. Дело 157. Лист 16 // РГАЛИ
53. См. Воля России (Берлин). 1921. 10 мая. См. также: Isakov S.G. М.Горький, Кубу и финляндский комитет помощи русским ученым. // *Studia Slavica Finlandensia*. (Helsinki) 1985. Tomus II. с.49-80.
54. См. Воля России (Берлин). 1921. 23 августа
55. См. Воля России (Берлин). 1921. 25 августа.
- 55а. Цит. по: Ужасы голода в России. // *Последние известия*. (Париж). 1921. 28 августа. №209.
56. Сорокин, Питирим. Голод как фактор. М., 2003. С. 346-347
57. Из белой прессы. Твердокаменные. // *Петроградская правда*. 1920. 27 августа. С.1
58. Фонд 106. Опись 1. Дело 157. Листы 34-36 // РГАЛИ.
- 58а. Витязев Петр. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С.2, 25.
- 58б. Чернов Виктор. Убийство русской литературы. // *Революционная Россия* (Прага). 1921. №10. Июль.
59. См.: На штурм науки... С. 48. Писатель В. Е. Львов учившийся в Петроградском университете в начале 1920-х гг. и бывший членом «Общества революционного студенчества и левых профессоров» в 1990 г. рассказывал мне, что партком посылал молодых студентов и его в том числе в бывшую Императорскую филармонию с целью сорвать один из докладов П. А. Сорокина «Сергий Радонежский и современная молодежь». Метод использовался простой. Во время доклада студенты затыгивали «Интернационал». Много лет спустя в фильме А.Вайды «Человек из мрамора», чтобы заглушить голос Матеуша Биркута, члены коммунистического президиума запевают «Гимн демократической молодежи». Львов был «последним из могикиан», кто видел и слышал Сорокина в России и дожил до наших дней...
60. Сорокин, Питирим. Голод и убеждения человека // Артельное дело (Петроград) 1921. № 9-16. С. 15-16
61. Фонд 155. Опись 1. Дело 1714. Лист 7 // РО ИРЛИ.
62. Фонд Р-945 (Жаков К.Ф.) Опись 1. Дело 37 (Ксерокопии автографов Сорокина) // Национальный архив республики Коми. (Сыктывкар). Пийп, Антс. г.р. 1884. В 1913 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1916 г. приват-доцент международного права в Петроградском университете. В 1919-20 гг. зам и исполняющий обязанности министра иностранных дел Эстонии. В 1920-1921 гг. премьер-министр и военный министр Эстонии. В 1941 г. арестован НКВД. Умер в 1942 г. в Ныробской тюрьме. (Молотовская область).
63. См. Калядина С.А., В.В. Леонтьев и репрессии 1920 годов. Интервью с В.В. Леонтьевым. // *Репрессированная наука*. Выпуск II. СПб. 1994. С. 188
64. Штейнберг, А. Друзья моих ранних лет. Париж. 1991. С.64.
- 64а. Белоус Владимир. Вольфила. [Петроградская Вольная Философская ассоциация] 1919-1924. Книга первая. Предистория. Заседания. М., 2005. С.632-635.

- 64б. Фонд 474 (Сюнненберг К.А.). Дело 53. Лист 105. // РО и РЛИ.
- 64в. Белоус Владимир... Книга вторая. М., 2005. С.365.
- 65г. Там же. С.108-109.
65. Сорокин, Питирим. Заветы Достоевского // *О Достоевском*. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. Сб. статей. М., 1990. С. 248, 249, 251.
66. См. Последние известия. (Ревель). 1921. 10 октября
67. Фонд 155. (А. Горнфельд) Опись 1. Дело 469 // РГАЛИ
68. См.: Юбилей «Задруги» // *Вестник литературы*. 1922. № 2-3. С. 34.
- 68а. Архив Президента Российской Федерации. 3.34.25.
69. Лосский, Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб. 1994. С. 234-235
70. Лосский, Б.Н. Наша семья в эпоху лихолетья. 1914-1922 гг. // *Минувшее*. Исторический альманах. М. — СПб. 1993. Том 12. С. 104-105
71. См.: Сорокин, Питирим. «Смена вех», как социальный симптом. // *Вестник литературы*. 1921. № 12
72. См.: Сорокин, Питирим. Отправляясь в дорогу. // *Утренники*. (Петербург). 1922. Книга I. С. 10-13
73. Гредескул Н.А. Прошлое и будущее (По поводу университетского дня) // *Красная газета*. 1922. 26 февраля.
- До большевистского переворота Питирим Сорокин, действительно, ни Нилу Сорскому ни Сергию Радонежскому свечей не ставил... Почти вся русская интеллигенция была атеистической... После октября 1917 года, как реакция на большевизм началось обращение к религии... Тот же Николай Гредескул писал:
- «Религия вошла в моду среди интеллигенции. Петроградская старая профессура праздновала свои университетские годовщины, начиная их, уже не по велению начальства, а по собственному произволению, с митрополичьих молебнов, а один из «молодых» профессоров, представитель кафедры «социологии», бывший активный «социалист-революционер» (Сорокин), провозглашал в своих речах, обращенных к молодежи, что своими учителями и наставниками она должна почитать Сергия Радонежского и Иосифа Волоколамского. И это все происходило и говорилось еще в 1922 г.»**
- (Гредескул, Н.А. *Россия прежде и теперь*. М-П., Госиздат. 1926. С. 175.
74. Фриш, С.Э. Сквозь призму времени. Воспоминания. М., 1992. С. 102-103
- 74 а. Из дневника Н.М. Мендельсона от 20 апреля 1922 // РГБ. 165.1.9. Цитируется по: *Литературная жизнь России 1920-х годов*. Том 1. Часть 2. М., 2005. С. 386
75. См.: Фонд 193 (Пресняков А.Е.). Опись 3. Дело 3 (Совет Исторического Института. На 146 листах) Лист 18. // Архив института истории РАН в Санкт-Петербурге
76. См.: Диспут профессора П.А. Сорокина. // *Экономист*. 1922. № 4-5
77. Кареев Н.Н. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 285-286
78. Дело КП-7288 «По обвинению Пипуныровых П.Н. и В.Н. Лист 47. (Подлинник письма П.А. Сорокина) // Архив Управления ФСБ республики Коми. (Сыктывкар).
79. Запись беседы автора с Л.В. Пипуныровой 21 декабря 2001 г. в Москве.

80. Дело КП-7288 «По обвинению Пипуныровых...». Лист 80
81. Таскаев М.В. Вхождение русскоязычных нижнепечорских волостей в состав Коми АО (1921-1929 гг.) // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспектива. Материалы международной научной конференции (Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г.) Сыктывкар. 2000. С.357
82. См.: Фонд 185. Опись 1. Дело 846 // РО ИРЛИ
83. Там же
84. Фонд 1185 (В. Фигнер). Опись 1. Дело 733. Листы 1-2 // РГАЛИ
85. Сорокин, Питирим. Голод как фактор... С.225
Десятилетия «отрицательного отбора» еще больше со времен Питирима Сорокина усугубили дело. Ныне нет не только интеллигенции, но и псевдоинтеллигенции. О русской нации рабов писал еще Белинский в XIX веке. О прирожденном рефлексе рабства на русской почве — академик Павлов в XX-ом. Все так и осталось. История русской интеллигенции началась с Радищева, народников и закончилась ее уничтожением при большевиках.
86. Кочетов, Всеволод. К истории нескольких строк в ленинской статье. // Кочетов, Всеволод. Кому отдано сердце. М., 1970. С. 287-282. Статья Кочетова помечена — «апрель 1966». Питириму Сорокину осталось жить 20 месяцев... Десятилетиями не смолкали клевета и нападки на знаменитого социолога. С 1988 г. началось обычное. Как пел Александр Галич: **«Разобрали венки на венки».**
87. См. Дойков, Юрий. Две судьбы (Питирим Сорокин и Далмат Лутохин). // ж. «Важская область» (г. Шенкурск, Архангельская область), 1992. 6 (22) июнь. С. 17-21. Здесь же опубликованы мною пять писем Сорокина Лутохину за 1924-1925 гг.
См. также. Лутохин, Далмат. Школа жизни. Мемуары. 1885-1935 гг. Фонд 1345 (Коллекция рукописей). Опись 1. Дело 327 // РГАЛИ;
Монографию Далмата Лутохина «К критике буржуазной социологии». См. Фонд 445 (Д.А. Лутохин). Дело 71 // ОР РНБ.
В предисловии к монографии, высланный из Ленинграда Лутохин писал:
«Уже более 30 лет автор предлагаемой вниманию читателей работы, будучи по основной специальности экономистом, изучает проблемы социологии. С этой целью он, между прочим, использовал библиотеки Лондона, Парижа, Праги, Берлина, Ленинграда <...> Уфа. 24 января 1936 г.»
«Критика» Лутохина имеет интерес. Еще более важен приложенный к ней именной справочник «Буржуазные социологи Запада» (около 350 имен). О многих, ныне забытых и на самом «Западе», социологах можно найти сведения в этом указателе.
88. См.: Сорокин Питирим. Влияние войны на состав населения, «его свойства и общественную формацию // Экономист. 1992. № 1. С. 77-107
89. См.: Hardeman, Hilde. Coming to terms with Soviet Regime. The «Changing signposts» movement among Russian Emigres in the Early 1920 s. Decalb: Northern Illinois University Press. 1994. P.103.
90. См.: Петроградская правда. 1922. 11,12 августа

91. Через 70 лет, я опубликовал эту статью в московском журнале «Отечественные архивы» (1992. № 2. С. 47-53). Т.И. Заславская, прочитав, сказала: **«Как будто сегодня Сорокин ее написал»...**
92. Чаадаев Н. (Сорокин Питирим). О псевдореволюционерах, приемлющих революцию // Утренники. 1922. № 2. С.20
- 92а. Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Часть 2. Москва и Петроград. 1921-1922 гг. Ответственный редактор - А.Ю. Галушкин. М., С.489.
93. См.: Утренники (Петроград). 1922. № 2. С. 20
94. См.: Ленин В.И. О значении воинствующего материализма.//Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 45. М., 1978, С. 23-33
95. Бубнов, Андрей. Возрождение буржуазной идеологии//Коммунистическая революция. 1922. 1 августа. № 8 (32)
96. Петроградская правда. 1922. 7 августа
97. Кто только не издевался над Сорокиным, начиная с Ленина, Троцкого, Зиновьева и кончая Гредескулом, какими-то: Кедр-Ливанским (См.: «Об экономистах из «Экономиста» и интеллигенции за границей» («Книга и революция». 1922. № 7. С 13-15), И. Сосисом (См. его «рецензию» на статью Сорокина «Война и милитаризация общества» все в той же «Книге и революции» (1922. № 9-10. С. 83-84) и так далее... Даже в далеком Ново-Николаевске уже после закрытия «Экономиста» и высылки Сорокина, Бруцкуса и других продолжили топтать уже мертвый журнал и его авторов (См. В. Немчинов о 1,2,3,4,5 книгах «Экономиста» в «Сибирских огнях». 1922. № 5. Ноябрь-декабрь).
98. Новицкий Юрий Петрович. (г.р. 1882) Родился в Умани.(Город Суровцово-Олицкой...) Профессор уголовного права Петроградского университета. Специалист по цензуре. В 1920 г. организовал и возглавил Общество православных приходов Петрограда и губернии. Арестован в мае 1922 г. Расстрелян вместе с Митрополитом Вениамином, Архимандритом Сергием, юрисконсультom Александрo-Невской Лавры, И.М. Ковшаровым на станции Пороховые по Ириновской железной дороге. В 1992 г. Архиерейским собором Новицкий причислен к лику святых.
Питирим Сорокин подробно описал гонения большевиков на церковь, «суд» над митрополитом Вениамином и другими священниками и верующими в своем дневнике — «Leaves from a Russian Diary» (1924. New York, p.p. 292-296).
99. Мельгунова П.Е. Пятый арест // Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Выпуск II. Часть третья. Париж. 1964. С. 78. Н.Д. Кондратьева ждала страшная судьба. Его вычеркнули из списка высылаемых в 1922 г. ученых. С 1927 г. по инициативе Зиновьева началась травля Кондратьева. Вновь его арестовали в 1930 г., заставили давать «показания» на очередном сфальсифицированном «суде» (процесс союзного Бюро Меншевилов). По постановлению ОГПУ приговорили к 8 годам и отправили в Суздальский политизолятор. Расстреляли Н.Д. Кондратьева на «спецобъекте» НКВД «Лоза» по Москвой в 1938 году...
100. Фонд 3563 (Н.Е. Шаповал) Опись 1. Дело 200. Лист 25. // ЦГАВО Украины
101. См. также: Дойков, Юрий. Питирим Сорокин и Никита Шаповал. // Социологический журнал (Москва). 1999. № 3,4. С. 215-227.
102. Сорокин вспоминал:

«У нас не было новых книг по социальным наукам, экономике, психологии, истории, философии, праву. У нас был только «The Outlook» за 1919 г., несколько экземпляров «The Edinburgh Review» за 1917-1918 гг., два старых экземпляра — «The Economic Review», один экземпляр «The Historical Review» и больше ничего. В 1922 г., когда я получил несколько социологических работ от чехословацких ученых и от профессора Э. Хайеса, мы все с жадностью читали их».

(Sorokin, Pitirim. *Leaves from a Russian Diary...* p. 246)

103. См.: Письма Бориса Пильняка В.С. Миролубову и Д.А. Лутохину. (Публикация Н.Ю. Грякаловой) // Русская литература (Ленинград) 1989. №2. С. 226
104. Там же. С. 228
105. Пильняк, Борис. Третья столица. Альманах артели писателей «Круг». Книга 1. Москва-Петербург, 1923. С. 249
106. Там же. С. 218. Борис Пильняк будет расстрелян в 1938 году на том же самом расстрельном полигоне НКВД «Лоза», что и Н.Д. Кондратьев.
107. См.: Ленин В.И. о значении воинствующего материализма. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 45. М., 1978. С. 31, 32, 33.
108. Впервые опубликована на русском языке в моем переводе. См.: Сорокин, Питирим. Ленин. Фанатик и антисоциальный экстремист. // Новое время. (Москва). 2002. № 3. С. 34-36
109. Кто лечил и консультировал В.И. Ленина в 1921-1922 гг. малоизвестно. Наиболее подробно длительную болезнь и смерть Ленина изложил Н. Петренко (Б.Н. Равдин), но он начинает изложение с середины мая 1923 г. (см. Петренко. *Ленин в Горках — болезнь и смерть. Источниковедческие заметки // Минувшее. Том 2. М., 1990. С. 143-287.*) Реестр лечивших Ленина в этот период врачей составил десятки имен. (Ук. соч. С. 176-183). Возможно характеристику болезни Ленина дал Сорокину академик Бехтерев, но считается, что Бехтерева привлекли к консультациям только в 1923 году. У большевиков все — всегда тайна... Известно, что и сам Бехтерев неожиданно скончался 24 декабря 1927 года. Вскоре после проведенного им медицинского освидетельствования И.В. Сталина. Многие исследователи считают, что Бехтерев умер насильственной смертью (См. Акименко М.А., Шерешевский А.М. *История института имени В.М. Бехтерева на документальных материалах. СПб. Часть 1. (1999). Часть 2 (2000).*)
110. Кто этот друг Сорокина? Возможно Карахан или Пятаков, друзья Сорокина со студенческих лет. Перед высылкой Сорокин встречался с обоими.

«Один из последних визитов я нанес Пятакову, одному из руководителей коммунистов, человеку, с которым был дружен в студенческие годы. Я пришел к нему с просьбой за нашего общего друга, который сейчас был в тюрьме и серьезно заболел там. Пятаков обещал сделать все, что в его силах, и после завершения деловой части визита мы разговорились. Он сообщил, что собирается писать статью в ответ на мою критику труда Бухарина «Теория марксизма».

(Сорокин, Питирим. *Дальняя дорога...* С. 143)

Рецензия Сорокина на труд ведущего большевистского теоретика Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма» (М. 1922) была опубликована в «Экономисте» (1922, № 4-5. С. 143-148). Ленин в своем «завещании» охарактеризовал Бухарина и Пятакова «самыми выдающимися силами» из шести большевистских лидеров, явно намекая, что один из этих двоих должен стать его приемником...

Найти бы, если она была написана, статью Пятакова, о которой он говорил Сорокину. В биографии Пятакова много «белых пятен». Известно, что в 1920 году он возглавлял разведслужбу Красной Армии, затем осуществляя массовый Красный террор в Крыму тесно работал с Дзержинским. В 1923 г. поднимал восстание в Германии, был дипломатом во Франции в 1927 г. В 1936 г. арестован. Стал главным обвиняемым на показательном «суде» в Москве в 1937 г. Вспомнил ли он, как сам «судил» в 1922 г. в этом же Доме Союзов правых эсеров? О сталинском процессе над Пятаковым и другим 12 ленинцами писала пресса всего мира. Сорокин, конечно, читал эти отчеты. Расстреляли Пятакова 1 февраля 1937 года все на том спецобъекте НКВД «Лоза» под Москвой...

111. The State Historical Society of Wisconsin. The Edward A. Ross Papers. Sorokin to Ross. 1922. July 26. Это было второе письмо Сорокина Россу. Первое, он отправил 15 декабря 1921 года через своего друга по Психоневрологическому институту Павла Викула, обосновавшегося еще до мировой войны в Филадельфии. В сопроводительном письме Сорокин писал:

«Как видишь, я работал очень упорно и опубликовал за последние несколько лет много работ. Многие мои друзья удивляются, как я могу работать при наших условиях (холод, голод, отсутствие бумаги, преследования большевиков). Я объясняю это так. Наука для меня, как для многих других здесь, является единственным средством интоксикации и забвения окружающей атмосферы. Мои нынешние стандарты жизни гораздо ниже чем они были в наши студенческие дни».

112. Фонд 106. Опись 1. Дело 157. Лист 32 // РГАЛИ
113. Там же. Лист 18
114. Там же. Лист 24
115. Там же. Лист 25
116. Там же. Лист 27
117. Там же. Лист 9
118. Там же. Лист 10
119. Там же. Лист 14
120. Там же. Лист 31
121. Там же. Лист 30. Семь из этих девяти писем Сорокина были опубликованы ранее. См. Батюто С.А. *Об одном неосуществленном издательском замысле. (Письма П.А. Сорокина к П. Витязеву) // Русская литература. 1993. № 1. С. 182-190*
- Имя Ф.И. Витязева-Седенко выходит из забвения. Опубликована его переписка с Густавом Шпетом. Витязеву мы обязаны появлением целого ряда работ Сорокина. Он заказал ему и опубликовал «Систему социологии». «Голод как фактор» — тоже его идея... Витязев заказал Сорокину и опубликовал две статьи о П.Л. Лаврове. Подвижническая жизнь Витязева заслуживает памяти о нем и книги. Его героическое издательство «Колос» печатало в те годы труды последнего поколения

русской интеллигенции. «Колос» был последним заслоном от коммунистической фальсификации...

3 августа 1921 г. Шпет спрашивал Витязева в письме:

«Злые девки пускают по Москве, что Питирим Сорокин записался в казенную партию — сколько верст до правды?»

(См. Щедрина, Татьяна. Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 475)

Злых «девок» и «мужиков» с тех пор меньше не стало. Верст, тем более... И все лесом... А, таких людей и издателей как Витязев и вообще больше нет. Расстрелян Ф.И. Витязев-Седенко 14 июня 1938 года на полигоне НКВД «Лоза» под Москвой.

122. В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922 гг. М., 1987. С. 540
123. В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 544-545
124. См.: Пришвин М.М. Дневники. Подготовка текста Л.А. Рязановой. Комментарий Я.З. Гришиной. Под редакцией И. Геника. М., 1995. С. 264.
125. Письмо М. Горького — Г. Гуверу. // Голос России (Берлин). 1922. 10 августа
126. Revelations from the Russian Archives. Documents in English Translation. Edited by Diane P. Koenker and Ronald D. Bachmar. Washington. 1997. P. 233.
127. Дело Н-1525. Лист 4. // Центральный архив ФСБ РФ. Ксерокопия архивно-следственного дела П.А. Сорокина прислана мне в мае 1991 года, в ответ на запрос председателю КГБ СССР В.А. Крючкову.
128. Там же. Лист 1 // ЦА ФСБ
129. Там же. Лист 2 // ЦА ФСБ
130. Там же. Лист 3 // ЦА ФСБ
131. Там же. Лист 6 // ЦА ФСБ
132. Там же. Лист 5 // ЦА ФСБ

Трудно поверить, что в «АСД» по высылке в 1922 г. П.А. Сорокина всего шесть листов! Еще более загадочно, почему для «реабилитации» Сорокина понадобилось девять лет!

«Поскольку репрессия применена по политическим мотивам, Сорокин П.А. реабилитирован 6 июля 2000 года Генеральной прокуратурой Российской Федерации на основании ст. 5 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

(Справка Генпрокуратуры РФ Дойкову Ю.В. от 29.07.2003 г.)

А «дело» Сорокина об его аресте в январе 1918 года ленинградские прокуратура и УФСБ так и «не нашли»... «Не нашли» и «дело» об аресте Сорокина в Великом Устюге осенью того же года.

Еще более дивный ответ пришел с Лубянки 2 (Центральный архив ФСБ). В ответ на мою просьбу прислать копию «Заключения» Генпрокуратуры РФ о реабилитации П.А. Сорокина. Начальник ЦА ФСБ А.В. Тюрин пишет:

«Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября высылка исследователем копий архивных документов не предусмотрена».

(Письмо начальника архива ФСБ РФ А.В. Тюрина Ю.В. Дойкову от 07.03.2006 г.)

133. Фонд 106. Опись 1. Дело 157. Лист 33-33 оборот. Книги из библиотеки П.А. Сорокина, многие с дарственными надписями находятся ныне в библиотеке ИРЛИ в Санкт-Петербурге

134. Ленин в секретной записке управделами СНК писал 3 марта 1922 г. о сборнике:

«т. Горбунов о прилагаемой книге, я хотел бы поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на литературное прикрытие белогвардейской организации. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет секретно, а книгу вернет».

(Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 54. С. 198)

135. См. Сорокин, Питирим. Начало великой ревизии. // Вестник литературы. 1922. № 2-3 (38-39). Февраль-март. С. 2,3. На этом номере «Вестник литературы» был закрыт большевиками. Четверо участников дебатов о «закате Европы» — Сорокин, Бердяев, Степун, Франк — были высланы в Европу. Пятый — экономист Яков Букшпан расстрелян в 1939 году на спецполигоне «Лоза»
136. См.: Sorokin, Pitirim. Hunger as a Factor in Human Affairs... p. 197. В российском издании «голода как фактор» (М., 2003) «издатели» и «составители» эти слова Елены Сорокиной убрали...
137. Это посвящение Сорокина все те же современные цензоры Сорокина тоже убрали... Представляю, как Питирим Сорокин «благодарил» бы их за это... Да, и как, могут, используя выражение Питирима Сорокина, нынешние «редиски» объяснить, что антибольшевик Герберт Гувер стал главным организатором спасения от голодной смерти 10 миллионов русских людей? Особенно в условиях нынешней антиамериканской и антиевропейской истерики. А голод был страшный. Умерло 5 миллионов человек. Прошедшая через колымские лагеря Елена Тагер, тем не менее говорила, что ничего более страшнее, чем голод в Поволжье в 1921 г. она не видела. В 1922 году за принадлежность к АРА Елена Тагер вместе с мужем Н.С. Авдеевым была арестована и сослана в Архангельск.
(Письмо М.Н. Тагер автору от 23.03.1996 г.)
138. Чуковский, Корней. Дневник. // «Новый мир» (Москва) № 5. С. 170. Другой представитель АРА в России, (которого вместе с Кини Сорокин упоминает в письме к Витязеву-Седенко от 14 сентября 1922 года) это, вероятно, Альфред Сван, бывший толстовец. В Сов. России он был вместе с женой Екатериной, написавшей впоследствии книгу об этих годах. (см. Swan, Jane «The Lost Children: A Russian odyssey». Pennsylvania, 1989). Книга осталась недоступной для меня...
139. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 144
140. Деятельность Американской администрации помощи в России Фритьюф Хансен лауреат Нобелевской премии мира за 1922, назвал **«благородным поступком двадцатого столетия»**. Русской памятью все это предано забвению. В США недавно опубликовано исследование Бертрана Патеноде. См.: Patenaude B.M. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921 (Stanford, California. Stanford University Press. 2002 - 817pp). Вклад миссии Хансена в спасение русского народа оценивается в 5-7% от американской помощи.
141. Сообщено автору Ю. А. Виноградовым, в Петербурге, в августе 1999 г.
142. Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белой эмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921 — 1924). ЛГУ. 1978. С. 148.
143. А.И. Молок — Б.Б. Беккеру. Письмо от 23 января 1923 // Molok file. В.В. Becker Collection. Ost-Europe. Institute. Amsterdam.

144. Homans, George Caspar. Coming to my Senses. The Autobiography of a Sociologist, 1968. p. 131.
145. Ло Гатто, Этторе. Мои встречи с Россией. Издательство «Круг» М., 1992.
146. Все цитированные выше письма и этот «адрес» Б.Б. Беккеру хранятся в его фонде в Институте Восточной Европы амстердамского Университета.
147. См.: М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Сб. статей. ПГ. 1917 г.
148. См.: Вилич В. Умер М. М. Ковалевский//Вестник знания. СПб, 1916 г. №3. С. 222.
149. Последним, вероятно, был историк С. Г. Пушкарев. Университетское образование получил в дореволюционной России. Умер в 1984 г. в США. В течении многих лет сотрудничал с Сорокиным.
150. П.А. Сорокин в «Contemporary Sociological Theories» (1928 г.) трактует понятие «школы» как группы, могущей быть разделенной во времени и пространстве, но с общим подходом, теорией или методом, даже если представители этой группы никогда не контактировали. Сам П. А. Сорокин завету своего учителя следовал всю жизнь. Упомянутый выше С. Г. Пушкарев окончил Харьковский университет (Alma Mater Ковалевского), был разделен с Ковалевским «пространством», но под сорокинское и мое понимание «школы» попадает.
151. См.: Сочивко С. К. Шестая симфония//Памяти русского студенчества. Сборник воспоминаний. Париж. 1934. С. 17-35
152. Воспоминания надиктованы М. М. Ковалевским в австрийском курорте Карлсбад, где его застало начало первой мировой войны. Будучи интернирован, он имел массу свободного времени...
См.: Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания // SH (International Institute of The Social History) Amsterdam ACCR (Association Pour La Conservation Des Valeurs Culturelles Russes — Общество охранения русских культурных ценностей), №90. Л. 1. Далее все цитаты воспоминаний Ковалевского и писем к нему П.Б. Струве и М.В. Бернацкого приводятся по этому фонду.
153. М. М. Ковалевский. Некролог. (Составлен академиком П. Г. Виноградовым и читан на заседании общего собрания Императорской Академии Наук. 9 мая 1916 г.//Известия Императорской Академии наук. 1916 г. С. 1170.
154. В постсоветской «сорокиниане» наблюдается противоположный крен. Если в советские времена он был «любимым» объектом критики, то теперь личность и труды ученого преподносятся не критично. См., например, П. А. Сорокин. Системы социологии. М., Наука. 1993 г. Составители этого издания опубликовали в «Приложении» только положительные рецензии на «Систему социологии». Негативная рецензия В. Мякотина в данное издание не вошла...
155. Об истории Сольвейского института см.: Crombois, Jean Francois. L'Univers de la Sociologic en Belgiguede 1900 a 1940. Bruxelles. 1994.
156. Laserson Max M. The American Impact on Russia Diplomatic and Ideological. 1784-1917. The Macmillan Company — New York. 1950, P. 384-385.
157. Фонд 4. Опись 1. Дело 45. Лист 7 // Государственный центральный архив историко-политических документов (С-Петербург)
158. Сорокин, Питирим. М.М. Ковалевский и его западные друзья. // Биржевые ведомости. 1916 г. 30 апреля (13 мая).
159. Сорокин, Питирим. Дальняя дорога... С. 144

1. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПИТИРИМА СОРОКИНА

В Пушкинский дом архив Сорокина передал Ф. И. Седенко (Петр Витязев) в 1927 году. В 1993 году я ознакомился с описью и остатками материалов П. А. Сорокина. Ныне они значатся как фонд 863.

Ниже приводится полная опись материалов Сорокина, составленная в феврале 1934 года в Пушкинском Доме. В 1936 году материалы Сорокина за исключением семи дел были переданы в Центральный архив (ныне ГАРФ) в Москве. В аннотированном указателе «Личные фонды рукописного отдела Пушкинского Дома» (Спб., БЛИЦ, 1999) эти материалы Сорокина не указаны, поэтому, отмечу, что в публикуемый ниже описи они значатся под номерами — 54, 55, 57, 58, 59, 60, 105.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№	Наименование единицы хранения письма	Год	Кол-во предметов	Кол-во листов
ПИСЬМА				
1.	Андропова. Открытка к Кондратьеву Н.Д.	1913	1 открытка	1 л
2.	Баратынская Е. П. - Сорокину П. А.	1912	34	61 л
3.	Баратынский П. К. - Сорокину П. А.	1917	1	2 л
4.	Борат (неразборчиво). К Сорокину П. А.	б/д	1	2 л
5.	Башлыков А. Д. К Сорокину П. А.	1921	1	2 л
6.	Бенедиктова Е. Сорокину П. А.	б/д	1	2 л
7.	З(оя) Сорокину П. А.	1916	1 п, 1 откр	2 л
8.	В. Павел Сорокину П. А.	1909	10 откр	1 л
9.	Васильев А. (профессор) Сорокину П, А	1916	1 откр	1 л
10.	Веселов Б. Кондратьеву Н. Д.	1916	1 откр	1 л
11.	Гернет М. Н. (проф.) Сорокину П, А	1918	1	2 л
12.	Гонтович Н. Сорокину П. А.	1918	1	2 л
13.	Доминин И. Расписка, выданная им Сорокину П. А.	1904	1	1 л
14.	Доманская А. Сорокину П. А.	б/д	1	
15.	Dirkheim. Е. Сорокину П. А.	1914	1	2 л. и конв.
16.	Дьякон... (неразб.) Сорокину П. А.	1916	1 откр	1 л
17.	Жакова Г. Сорокину П. А.	1910	1 откр	1 л
18.	Женя. Телеграмма Мандельштаму	1916(?)	1	1 л
19.	Заозерский А. Сорокину П. А.	1916	1 откр	1 л
20.	Зепалова О. К. Сорокину П. А.	1914	1 откр	1 л
21.	Кареев Н. И. Сорокину П.А	1913-1914	3	3 л

22.	Книпович Н. Сорокину П. А	1916	1 откр	1 л
23.	Кобылинский М. Сорокину П. А	1913	1	1 л
24.	Два автографа (подпись Кондратьева Н. Д.)	1916	1	2 л
25.	Кони А. Ф. Кондратьеву Н. Д	1916	1 откр	1 л
26.	Котляровский С. Сорокину П. А	1919	1	1 л
27.	Лаппо-Данилевский А. С. Сорокину П. А	1919	1	1 л
28.	Лисенко Сорокину П. А	1913	1 откр	1 л
29.				
30.	Малышевская Марфа Сорокину П. А	1910	1 откр	1 л
31.	Марфутов Алексей, ученик VI кл. реального училища Сорокину П. А	б/д	1	1 л
32.	Метальщиков С. Н.К.	1916	1 откр	1 л
33.	Мокиевский П. Н.К.	1916	1	1 л
34.				
35.	Муравьев Николай Конст. Присяжный поверенный Сорокину П.	1917	1	1 л.
36.	Мякотин В.А. Сорокину П. А	1916	1 откр	1 л
37.	Нечаев А. (проф.)	1916	1 откр	1 л
38.	Ольга Сорокину П. А	1914	4	4 л. три откр.
39.	Павлов. Открытка Сорокину	1914	1	1 л
40.	Павлов И. Кондратьеву Н. Д	1918	1 откр	1 л
41.	Пешехонов А. Кондратьеву Н. Д	1916	1 откр	1 л
42.	А. Р. Сорокину	1913	1	2 л
43.	Райнов Т. Сорокину П. А	1914	1 откр	1 л
44.	Робаовские (неразб.) Н. и А. Сорокину П.А	1914	1 откр	1 л
45.	Де-Роберти Е. Сорокину П. А	1911-1914	11 пр	14л., 9 п., 1 откр., конверт
46.	Соловьев Вс. Доверенность на имя С. Э. Радлова	1921	1	1 л
47.	Сорокин П. А. Михайловой Е. И	б/д	10	12л.
48.	Струве П. Б. Кондратьеву Н. Д	1916	1 откр	1 л
49.	Сусанина Сорокину П. А	1910	10 откр	1л
50.	Тарановский Ф. Сорокину П. А	1911	1	1л
51.	Чупров А. Кондратьеву Н. Д	1916	1 откр	1 л
52.	Яльцева А. Сорокину П. А	1909	1 откр	1л
53.	Письма неизвестных лиц (неразбор, подп.) Сорокину П. А		17	20 л. 8 откр

ЧЕРНОВИКИ СТАТЕЙ, ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ, ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ДНЕВНИКИ СОРОКИНА П. А. и других				
54.	Сорокин П. А. Дневник путешествия по Удору	1911	1	10л
55.	Сорокин П. А. Дневник его		1	40л
56.	Два стихотворения неизв. напеч. на машинке с надписью «Талантливому лектору вместо цветов»		1	3+1 л
57.	Сорокин П. А. Черновые наброски стихотворений		8 л	
58.	Сорокин П. А. «Рифмованная ерунда» две тетради с черновыми набросками его стихотворений		2 тетради	16+4 л
59.	Сорокин П. А. Перед полднем (роман)		1	198 л
60.	Сорокин П. А. Аккорды жизни («Записки одного ненормального человека». Рукопись. Автограф Сорокина П. А.)		1	18л
61.	Печатные тезисы, доклады Сорокина П. А. на тему «Мотивационное и воспитательное влияние кар и наград в связи с их социальной ролью»		1	4л
62.	Сорокин П. А. Теория факторов М. М. Ковалевского		3 тетр	42 л
63.	Сорокин П. А. 1. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство. (Печатная работа). 2. Рукопись (черновая) одной из его работ по социологии		2	13+14 л
64.	Сорокин П. А. Новый труд о Бентаме (о книге П. А. Покровского «Бентам и его время»		1	30 л
65.	Сорокин П. А. Корректурa его статьи «М. М. Ковалевский как профессор» Напечатано в 1916 в журнале «Путь студенчества», май	1916 г	1 пр.	1 пол. (коррект.)
66.	Тезисы доклада П. А. Сорокина на тему «Основные проблемы эволюции и прогресс» - в кружке политической экономии проф. М. И. Туган-Барановского с черновым пис. и пометками П. А. Сорокина	1912	2 экз	3 л (1 экз.)
67.	Тезисы доклада П. А. Сорокина «Возможность социологии как науки, ее объект и метод»		1 пр	1 л
68.	Сорокин П. А. Отрывок одной из его работ			4 л
69.	Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья (чернов., рукописи, автограф)			7 л
70.	Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции			14 л
71.	Социологические границы политической экономии и др. обрывки рукописи			86 л

72.	Социологический концепт прогресса (Сравнительно-критическое изложение вопроса о прогрессе О Конта, Герберта, Спенсера, Г. Тардта, Михайловского, Лаврова, Л. Уорда, Де Роберти (черновик рукописи. Автограф П. А. Сорокина)	1 пр	93 л
73.	Принципы и методы современной науки о нравственности и другие рукописи. Черн. автограф П. А. Сорокина		35 л
74.	Тезисы доклада П. А. Сорокина на тему «Принципы и методы современной науки о нравственности»		9 л
75.	Научно-популярные письма «Историческая необходимость».	1 пр	17 л
76.	Эволюция и прогресс. Рукопись. Автограф П. А. Сорокина		8 л
77.	Сорокин П, А. Механика человеческого поведения (социология)		17л
78.	Сорокин П. А. Корректуры его работ 1) Памяти лидера неопозитивистов Е. В. де Роберти. 2) Две бездны нравственности — о романе Винниченко «Божки». 3) Программа преподавания социологии		3 пр., 12 коррект. полос, 8+2+2
79.	Сорокин П. А. «Духовный облик М. М. Ковалевского как мыслителя». Черновая рукопись-автограф	2 пр	15+3 л
80.	Газетные вырезки о статьях П. А. Сорокина	13 пр	13 л
81.	Сорокин П, А. Социологический семинарий М. М. Ковалевского под его руководством	1 пр	8 л
82.	Сорокин П. А. Черновые заметки, наброски, отрывки рукописей и проч.		80 л
83.	Павлов К. Новые горизонты социологии	1 пр	8 л
84.	Мелкие черновые записи и проч.		8 л и 2 конверта
85.	Сорокин П. А. Докладная записка о необходимости организации летних курсов для преподавателей социологии	1 пр	4 л
86.	Отклики на выступление в печати П. А. Сорокина по поводу смерти М. М. Ковалевского	10 газетн. вырезок	
87.	Из отдела библиографии. Рецензия на кн. П. А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. С предисловием М.М. Ковалевского		2 коррект. полосы
88.	Записные книжки Сорокина П. А	4	32 л
89.	Записные книжки Е. П. Баратынской - Сорокиной	1	17 л

90.	Материалы Е. П. Баратынской - Сорокиной (Черновые записи, наброски и т. п. естественно-научного характера)			113 л
91.	Лекции по социологии человеческого поведения. (Записи П. А. Сорокина)			8 л + вкладной лист
92.	Сорокин П. А. Тетрадь для английского языка		1 пр	16 л
93.	Сорокин П. А. Выписки по философии			8 л+1 вкл. лист
94.	Сорокин П. А. Этнографические материалы			39л+11 л
95.	Различные работы, выписки, конспекты и пр. П. А. Сорокина по социологии (по общей теории права, уголовному праву, тюрьмоведению, социологические заметки и пр.		69 тетр.	629 л
96.	Документы Ел. Петр. Баратынской - Сорокиной	1918-1919	8 пр.	
97.	Различные документы Сорокина П. А	1901-1911	54 пр.	
98.	Библиографические заметки по уголовному праву		20 + 2 л	
99.	Материалы, относящиеся к фонду им. Е. К. Брешко-Брешковской		21	33 л и конв.
100.	Стенографическая запись заседания Государственной Думы	15.02.1917	1	8л
101.	Протоколы заседаний Р.ГМ.С.К. за 1915 г. и копия адреса поднесенная Р.ГМ.С.К. - В. К, Случевскому			9 л + 8. Все материалы печатные
102.	Оттиски отд. работ М. М. Ковалевского		12 пр.	
103.	Оттиски подаренные П. А. и Е. П. Сорокиным авторами и др.		5 пр.	
104.	Копия № 48 газеты «Русский Север», издающейся в Вологде		1	2л.
105.	Зырянские песни. Нотная запись		1	1 л
106.	План Петербурга на 1915			
107.	Фотографические карточки и корректура		37	
108.	Визитные карточки			36
109.	Varia			21
110.	Горький А. М. Письмо Сорокину П. А	б/д	1	1 л

2. КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПИТИРИМА СОРОКИНА*

В фондах библиотеки Пушкинского Дома (филиал БАН при ИРЛИ) имеется целый ряд книг, связанных с именем П.А. Сорокина.

1. На книге П.А. Сорокина «Л.Н. Толстой как философ» (Год и место не указаны) сохранился автограф: **«Семену Афанасьевичу в знак глубокого уважения и искренней признательности от автора. 1913 г. февраль».**

2. Седенко Ф.И. Витязев П. Ссылка П.Л. Лаврова в Вологодской губернии его занятия антропологией: Изд. Вологодского общества изучения северного края, Вологда, 1915.

С автографом: **«Дорогому Питириму Александровичу в благодарность за минуты умственного наслаждения, доставленные работой «Преступление и кара, подвиг и награда» от искренне преданного автора. 10.X.15 г. Петроград».** В тексте пометы и исправления автора.

3. Его же. Чем обязана русская общественность П.Л. Лаврову. «Ежемесячный журнал», изд. В.С. Миролюбовым. 1915, № 2, 3. С. 14. С автографом: **«Питириму Александровичу на память от автора. 10.X.15 г. Петроград».**

4. Его же. П.Л. Лавров в воспоминаниях современников// Голос минувшего. 1915, №9 с. 132-145. С автографом: **«Питириму Александровичу в знак преданности от уважающего П. Витязева. 10.X.15 г. Петроград».**

5. Ковалевский М. Русская Правда Пестеля//Минувшие годы. 1908. №1. С. 1-19. С многочисленными пометами читателя.

6. Ковалевский М. Баденский период жизни Тургенева (б.м., б.г.).

7. Ковалевский М. Руссо — гражданин Женевы//Голос минувшего. 1913. №1. С. 8-19.

8. Ковалевский М. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия//Вестник Европы. 1915. X. С. 123-163. С многочисленными пометами.

9. Ковалевский М. Шеллингианство и гегельянство в России: К истории немецких культурных влияний//Вестник Европы. 1915. XI. С. 133-173. С многочисленными пометами.

10. Ковалевский М. Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-х и 40-х годов// Вестник Европы. 1915. XII. С. 163-201. С многочисленными пометами.

11. Ковалевский М. Массонство во времена Екатерины// УВестник Европы. 1915. X. С. 95-115.

12. Ковалевский М. Памяти Всеволода Федоровича Миллера//Этнографическое обозрение. 1914. С. 11-20.

13. Кондратьев Н.Д. М.И. Туган-Барановский. Б.м., б.г. С автографом: **«Дорогому другу Питириму Александровичу Сорокину от автора».** М., 2 окт. 1919.

14. Гизетти А. Забытый мыслитель; Жизнь и сочинения Юлия Базена//Вопросы философии и психологии. Журнал основанный проф. Н.Я. Гротом и А.А. Абрикосовым. Г. XXIII/1912/Кн. III/№ 3/С. 35-89.

С автографом: **«Товарищу и единомышленнику П. Сорокину от автора».**

15. Литературное обозрение из журнала «Вестник Европы», 1916, №8. С. 374-393

Рецензия П. Сорокина на книгу: Б.А. Кистяковский. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.

16. Список книг, брошюр и статей Н.И. Кареева (1868-1913): Отдельный оттиск из сб. «К 40-летию профессорской деятельности Николая Ивановича Кареева». б.м., б. г., с, 1-13.

Кроме того в библиотеке П. Сорокина были книги:

17. Кондратьев Н. Разложение устно-коллективной поэзии//Историч. обозрение, 1914. Т. 19. С. 40-53. С автографом: **«Дорогому другу Питириму в знак сердечной любви и преданности от автора».** Спб., 1914.

18. Яценко А. П.А. Покровский//Юридический вестник, б.г., с 36-61.

19. Сорокин П. Третья школа и спор «классиков» с «социологами» в уголовном праве//Юридический вестник. 1915. Кн. XI. №3. С. 20.

20. Сорокин П. Что такое социализм? Бм. Б.г.

21. Он же. Категория должного и ее применимость к изучению социальных явлений. Оттиск.

22. Он же. Основы будущего мира//Серия политико-социальных брошюр. №3. Б-ка «Копейка». Пг., 1917.

23. Литературное обозрение//Вестник Европы. 1916, №5. С. 423-425: Рец. П. Сорокина на кн.: М.Н. Гернет. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией об-ва. СПб. 1915.

24. Сорокин П. Сущность социализма. Пг. 1917.

25. Он же. Проблема социального равенства. Пг, 1917.

26. Он же. Новый труд о Бентаме, Б.м., б.г.

* Благодарю библиотекаря Пушкинского Дома Н.Н. Шаталину за сведения приведенные в этом разделе.

3. ДАТЫ ЖИЗНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

1889, 23 января — Питирим Сорокин родился в селе Турья, Яренского уезда Вологодской области.

1899 - 1890 — Бродяжничает в качестве реставратора церквей по северным селам.

1891, весна — окончил одногодичную церковно-приходскую школу в селе Палевицы.

1901 - 1904 — Учится в двухклассной церковно-приходской школе в селе Гам.

1904 - 1906 — Учится в церковно-учительской школе в селе Хреново, Кинешемского уезда Костромской губернии. Исключен из нее за революционную деятельность.

1906 — Вступил в члены партии социалистов-революционеров.

1906, декабрь — Арестован и четыре месяца был в заключении в тюрьме, в Кинешме.

1907, апрель - июль — Революционный агитатор в поволжских городах и селах.

1907-1909 — Учится на общеобразовательских Черняевских курсах в Петербурге.

1908, лето — В качестве статистика участвует в работе экспедиции П.И. Соколова по изучению Печорского края

1909, лето — В качестве статистика участвует в работе экспедиции П.И. Соколова по изучению Печорского края.

1909, май - июнь — Сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Велико-Устюгский мужской гимназии.

1909- 1910 — Учится в частном Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева.

1910, лето — Научная экспедиция с К.Ф. Жаковым в Коми край по сбору фольклорного, этнографического и социально-экономического материала (Мезень, Вашка).

1910 — Первая научная публикация в «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера». № 12. 15 июня.

1910, 4 августа — Принят в число студентов юридического факультета Петербургского университета,

1910, ноябрь — Участвует в студенческих волнениях в связи со смертью Льва Толстого.

1911 — Во избежании ареста уезжает в Подолию. Затем в Вену и Италию. (две недели живет в Сан-Ремо. В Вене поку-

пает только что опубликованную книгу Г. Зиммеля – «Социология»).

1912, февраль — Задержан полицией на нелегальном собрании в Петербурге.

1912 — Знакомится с будущей женой — Е.П. Баратынской.

1912, лето — По направлению Императорского Географического общества выезжал с этнографическими целями в Архангельскую и Вологодскую губернии.

1913-1915 — Соредатор сборников «Новые идеи в социологии».

1913 — В рижском издательстве « Наука и жизнь» изданы первые брошюры Сорокина: «Брак в старину», «Преступность и ее причины», «Самоубийство как общественное явление».

1913, февраль — Арестован. Две недели провел в Спасской части. Освобожден по ходатайству М.М. Ковалевского.

1913, осень — В петербургском издательстве Я.Г. Долбышева издана первая монография П.А. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда».

1914, 15 сентября — Оставлен при кафедре уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского университета для подготовки к профессиональному знанию.

1914 — приват-доцент кафедры социологии в Психоневрологическом институте.

1915- 1916 — Роман с Е.И. Михайловой.

1915 — Поездка в Румынию.

1915 — Сдал магистерский экзамен.

1915, осень — вместе с А.А. Гизетти и Ф.И. Седенко выпустил два номера оборонческого журнала «Народная мысль».

1915 — Опубликовал «Л.Н. Толстой как философ»

1916 — профессор Психоневрологического института.

1916 — Организатор Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского.

1916, январь — Приват-доцент Петроградского университета по кафедре уголовного права.

1917 год

2 марта – делегат первой Петроградской конференции ПСР – составляет «Политическую резолюцию» конференции. От

имени конференции вместе с С.П. Постниковым подписывает «Приветствие» Керенскому.

март - апрель — Редактор «Дела народа»

3-5апреля – делегат второй Петроградской конференции ПСР. Вместе с А.И. Гуковским выходит из петроградской организации ПСР. Член Особого совещания по созыву Учредительного собрания.

апрель-декабрь — Редактор «Воли народа», «...**издаваемой под редакцией членов партии социалистов-революционеров Е.К. Брешковской, А.А. Аргунова, П.А. Сорокина, Е.А. Сталинского, при участии: Л. Арманд, Б.Г. Билита, Л.П. Буланова, П.А. Вихляева, В.А. Вознесенского, Б.Н. Воронова, А.И. Гуковского, В.И. Иохельсона, С.Н. Каллистова, Е.Е. Колосова, Н.Д. Кондратьева, П.А. Куликовского, Е.Е. Лазарева, В.И. Лебедева (Александрова), И.И. Майнова, С.Л. Маслова, С.С. Маслова, Н.Д. Миронина, И.А. Михайлова, В.М. Никотина, Н.П. Огановского, Ф.М. Онипко, В.С. Панкратова, Э.К. Пекарского, Г.К. Покровского, А.П. Прибылевой, А.В. Прибылева, М.М. Пришвина, С.А. Раппопорта (С. Ан-ского), Б.В. Савинкова, (В. Ропшина), Я.Л. Сакера, Э.А. Серебрякова, А.С. Сигова (Погорелова), И.С. Сигова, Андрея Соболя, Ф.А. Степуна, Д.А. Страхова, Ф.И. Седенко (П. Витязева), Н.С. Тютчева, В.В. Успенского, В.Н. Фингер, А.М. Хирьякова, Л.К. Чермака, Вл. М. Чернова, П.С. Ширского, Вяч. Шишкова, Л.Я. Штернберга, М.М. Энгельгардта, Е.К. Яковлева.**

В иностранном отделе принимали участие де-Брукер, Эмиль Вандервельде, майор Жерар, Альберт Тома».

9-11 апреля — Председатель президиума конференции социалистов-революционеров семи северных губерний в Вологде.

май — Избран членом Исполкома Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов.

25 мая - 4 июня — Делегат III съезда ПСР в Москве.

июль — Секретарь председателя Совета Министров А.Ф. Керенского.

30 июля — Председатель губернского съезда ПСР в Вологде.

14-22 сентября — Участник Демократического совещания. Избран членом Совета Республики.

25 октября — Участник молчаливого шествия от здания Городской думы к Зимнему Дворцу в знак протеста против большевистского переворота.

ноябрь — Избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания по Вологодскому избирательному округу по списку № 1 (крестьянский).

26 ноября — на большом митинге Союза писателей в кино-театре «Солейль» произносит речь в защиту свободы печати.

28 ноября — У решетки Таврического сада произносит речь перед 10-ти тысячной демонстрацией, приветствующей депутатов Учредительного собрания.

Декабрь – член комиссии «Первого дня» фракции ПСР Учредительного собрания

24 декабря – член бюро фракции ПСР Учредительного собрания.

1918 год

2 января — Арестован за «подготовку покушения на Ленина» и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

23 февраля — Освобожден.

7-16 мая – делегат нелегального VIII совета ПСР в Москве.

май — Редактор газеты «Возрождение» в Москве.

июнь - 30 октября — По заданию Союза Возрождения России руководит подготовкой восстания против большевиков в районе Великий Устюг-Котлас-Архангельск.

2 августа — Свержение власти большевиков в Архангельске.

13 июля — Яренск. Прочитал учителям лекцию «О текущем положении».

30 октября — Сдался ЧК в Великом Устюге.

ноябрь — Приговорен к расстрелу.

21 ноября — В «Правде» опубликована статья В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина».

декабрь — Под конвоем привезен в Москву и освобожден.

1919 год

Избран вице-президентом Русского социологического общества им. Ковалевского.

1920 год

18 января – объявлено выступление П.А. Сорокина на заседании Вольфилы, посвященном 30-летию со дня смерти А.И. Герцена (помещение издательства «Колос», «Дом Мурузи». Литейный пр., д. 21, кв. 14).

27 января – объявлен отъезд в «ближайшие дни» в Витебск группы писателей и ученых для чтения лекций на литературно-общественные темы. В составе группы: кроме Сорокина: А. Введенский, В. Водовозов, Ф. Сологуб, Л. Урванцев и др.

31 января — Избран профессором Петроградского университета.

8 февраля – выступает на заседании памяти П. Лаврова в Вольфиле.

20 февраля – Красная Армия взяла Архангельск.

2 мая – выступает на диспуте «Солнечный град» (об Интернационале) в Вольфиле (Николаевский зал Дворца искусств, бывший Зимний). Председатель диспута – А. Белый.

Июнь – выступил на двух дискуссиях в защиту свободы науки.

лето — Полулегально опубликованы два тома «Системы социологии».

20 сентября — Антибольшевистская речь на обеде в честь Г. Уэллса в «Доме Искусств».

октябрь — Попытка ареста. Скрывается и нелегально живет в Царском Селе.

1921 год

17 февраля – участвует в первом собрании Организационного бюро по созыву первого Всероссийского философского съезда. (Съезд не состоялся).

13 октября – доклад Сорокина «Достоевский как социолог» на вечернем открытом заседании Вольфилы.

Создано «Общество изучения объективного поведения». (Почетный председатель- академик И. Павлов. Действующий председатель — П. Сорокин).

Лишен права преподавать в университете.

Зима — Трехнедельная поездка в Тамбовскую, Самарскую, Саратовскую губернии для научного изучения массового голода.

«...память об услышанном и увиденном там сделала меня совершенно бесстрашным в борьбе с революцией и чудовищами губившими Россию» (П.А. Сорокин. Дальняя дорога. М. 1992. С. 140).

1922 год

Вместе с О. Мандельштамом, П. Орешиним и др. отвечает на анкету «О самоопределении мыслящих людей нашего времени».

21 февраля — Антибольшевистская речь на собрании в честь 103 годовщины С.-Петербургского университета в здании бывшего Дворянского собрания.

весна — получил приглашение от Э.Хейса приехать в США для чтения лекций в Иллинойском университете.

март — В журнале «Под знаменами марксизма» опубликована статья Ленина с резкой критикой Сорокина.

22 апреля - диспут в Совете Исторического института в Физической аудитории Петроградского университета. Сорокин единогласно признан достойным звания «профессора социологии».

июнь — приглашение от Ф. Козентини выступить с докладом о русской революции на социалистическом конгрессе в Вене (1-20 октября)

сентябрь — В типографии уничтожен тираж книги Сорокина «Голод, как фактор»

23 сентября — поездом «Москва-Рига» навсегда уезжает из Советской России.

4. АДРЕСА ПРОФЕССОРОВ ФАКУЛЬТЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Факультет общественных наук.

Канцелярия факультета: Университет. Наб., 7-9. Ректорский флигель.

Президиум.

Председ. презид. Е.А. Энгель - Знаменская, 20.

Заместитель председ. Н.С. Державин - Екатерингофский, 73.

Замест. предс. М.М. Цвибик - Михайловская ул., 2-й Дом Совета, к. 399.

Председатели отделений.

Правового - М.В.Серебряков - Просп. Володарского, 41.

Экономич. - В.В. Святославский - просп. Фридриха Адлера, 6.

Этнолог-лингвистич. - Л.В. Щерба - В. О. -, 11 линия, 44.

Обще-педагог. - Л.П. Карсавин - Университ. Наб., 11.

Литерат-художест. - В.П. Зубов - Исаакиевская площ., д. 5.

Секретари отделений.

Правового - В.С. Мартынов - просп. Фридриха Адлера, 41.

Экономич. - М.И. Аронов - Пушкинская, 18.

Этнолог-лингвистич. - А.И. Малейн - Университ. Наб., 11.

Обще-педагогич. - Б.Б. Беккер - Пет. Стор., Церковная, 2.

Литерат.-худ. - Е.М. Придик - Воскресенская Наб., 22.

Профессора этнолог-лингвистического отделения.

Д.И. Абрамович - Саперный пер., 10.

С.А. Адрианов - Торговая, 3.

В.М. Алексеев - просп. Карла Либкнехта, 1.

В.Г. Богораз - Лесной, Большая Объездная, 6-А.

Б.Я. Владимирцов - В. О., 19 линия, 8.

Н.К. Гельвих -

Н.С. Державин - Екатерингофский пр., 73.

М.Г. Долобко - Александровский пр., 21-а.

В.М. Жирмунский - Горный Институт, кв. проф. Яковлева.

Ф.Ф. Зеленский - Университетская Наб., 11.

А.И. Иванов - В. О., 6 линия, 41.

Л.К. Ильинский - Пет. Стор., Малый пр., 7.

Е.Ф. Карский - В. О., 7 линия, 2.

А.В. Клер - В. О., 5 линия, 52.

В.К. Коковцев - 3 рота, 11.

П.Л. Котвич - Петр. Стор., Гулярная ул., 17.

И.Ю. Крачковский - Петр. Стор., Гатчинская, 21.

В.А. Лавров - Петр. Стор., Зверинская, 44.

А.И. Малейн - Университетская Наб., 11.

Н.Я. Марр - В. О., уг. 7 линии и Ник. наб., д.2.

С.Ф. Ольденбург - В. О., Университетская Наб., 5.

И.А. Орбелли - В. О., 11 линия, 44.

В.Н. Перетц - Мойка, 21.

А.Л. Петров - Петр. Стор., - 1-я ул. Дерев. бедноты, 10.

Д.К. Петров - В. О., 12 линия, 31-б.

А.А. Ромаскевич - Съезжинская, 16.

В.Д. Смирнов - Петр. Стор., Гулярная, 16.

Н.М. Соколов - Колпинская, 17.

И.И. Толстой - Песочная, 26.

Н.Н. Томасов - Университетская Наб., 11.

А.А. Фрейман - Петр. Стор., Зверинская, 42.

Л.Я. Штернберг - В. О., Университетская Наб., 5.

Л.В. Щерба - В. О., 11 линия, 44.

М.К. Лемке.

Профессора Литературно-Художественного Отделения.

Д.В. Айналов - Фонтанка, 34.

А.А. Брок - Улица Красных Зорь, 75.

О.Ф. Вальдгауэр - Проспект Маклина, 8-10.

В.А. Головань - Исаакиевск. 5.

В.П. Зубов - Исаакиевская Площадь, 5.

М.И. Максимова - Эрмитаж.

В.К. Мейерхольд.

Е.М. Придик - Воскресенская Наб., 22.

Н.П. Сычев -Надеждинская, 27.

Б.В. Фармаковский - Дворцовая Наб., 6.

Д.А. Шмидт - В. О., 18 линия, 15.

Б.М. Эйхенбаум - Саперный пер., 16.

Профессора Общественно-Педагогического отделения.

Ив.Дм. Андреев - Александровский пр., 7.

В.В. Бартольд - Университетская наб., 5.

А.А. Васильев - Улица Красных Зорь, 26.

А.И. Введенский - В. О., 9 линия, д. 46.

А.Г. Вульфийус - Улица Желябова, 10.

И.М. Гревс - Тучкова Наб., 12.

Н.А. Гредескул - Б. Монетная, 21.

Б.Д. Греков - Чернышев пер., 9.

О.А. Добиаш - Рождественская - Университ. Наб., 7-9, Физ. Инст.

С.А. Жебелев - В. О., 4 линия, 7.

А.И. Заозерский - В. О., 14 линия, д. 5.

Д.А. Золотарев - Инженерная, 4.

Г.Г. Зоргенфрей - Черныш. пл., Торгов. пер., бывш. 6 гимназия.

* Новая русская книга (Берлин). 1922. №6. Июнь. С. 37-38.

Н.И. Кареев - В. О., пр. Фридриха Адлера, 24.
Л.П. Карсавин - Университетская Наб., 11.
Б.Н. Кораблев - Пл. Александр. Театра, 9.
И.И. Лапшин - Кирочная, 7.
А.М. Ловягин - Университетская Наб., 11.
П.Г. Мижув - Международный пр., 26.
С.Ф. Платонов - Улица Красных Зорь, 75.
Д.М. Поздеев - Троицкая, 15-17.
С.И. Поварнин - Б. Зеленина ул., 26-б.
А.Е. Пресняков - Надеждинская ул., 11.
М.Д. Приселков - Улица Халтурина, 12.
Э.Л. Радлов - Садовая, 18.
С.В. Рождественский - Петер. Стор., Малая Посадская, 25.
Н.А. Рожков - Б. Сампсоньевский пр., 84-б.
В.С. Серебренников - Просп. 25 Октября, 182.
П.А. Сорокин - В. О., 8 линия, 31.
А.А. Спицын - Петр. Стор., Провиантская, 8.
В.Н. Строев - Улица Воинова, 34.
В.В. Струве - Улица Веры Слуцкой, 68.
Е.В. Тарле - Лиговка, д. бывш. Перцова.
К.М. Тахтарев - Лесной, Институтский пр., 18.
А.И. Тюменев.
Г. Цыперович - Дворец Труда, Совет Союз.

Профессора Правового отделения.

С.С. Абрамович-Барановский - В. О., Средний пр., 11.
А.А. Боголепов - В. О., 5 лин.
М.М. Боровитинов - Кирочная, 8.
А.В. Бородин - Съезжинская, 8.
Ф.А. Вальтер - Фурштадтская, 18.
В.В. Водовозов - В. О., Тучкова Наб., 2.
В.А. Григорьев - Ямская, 38.
Десницкий-Строев - Улица Красных Зорь, 66.
С.Н. Драницын - Шпалерная, Дворец Урицкого, кв. 2.
А.А. Жижиленко - В. О., 2-я линия, 21.
И.А. Ивановский - Просп. Карла Либкнехта, 76-78.
П.И. Люблинский - Кирпичный пер., 3.
Я.М. Магазинер - Советский Проспект, 30.
А.Н. Макаров - В. О., 2-я линия, д. 1.
В.С. Мартынов - Просп. Фридриха Адлера, 24.
Л.П. Карсавин - Университетская Наб., 11.
В.М. Нечаев - В. О., 12 лин., 27.
Ю.П. Новицкий - Сергиевская, 60.
П.А. Останков - Знаменская, 25.
М.Я. Пергамент - Вас. Остр., Средний пр., 56.

М.В. Серебряков - Просп. Володарского, 41.
И.Ф. Цызырев - Бульвар Проф. Союзов 1.
Е.А. Энгель - Знаменская, 20.

Профессора экономического отделения.

М.И. Боголепов - просп. Фридриха Адлера, 55.
А.И. Буковецкий - Петр. Стор., Церковная, 1.
И.М. Кулишер - В. О., 3 линия, 20.
Н.С. Лавров.
К.А. Пажитков - Петр. Стор., Рыбацкая, 10.
В.В. Святловский - Просп. Фридриха Адлера, 6.
Б.И. Словцов - Б. Сампсоньевский пр., 4.
А.М. Смирнов - Екатерининский канал, 34.
С.И. Солнцев - В. О., 2 линия, 43.
В.В. Степанов - Петр. Стор., Пушкарская, 65.
Я.Н. Таргулов - Екатерининский канал, 30/32.
В.Н. Твердохлебов - Политехн. Инст., кв. проф. В.Э. Дена.
А.Ю. Финн-Енотаевский - Екатерининский кан., 107.
В.И. Шарый - Ул. Слуцкой, 19.

Кабинеты при Научно-Исследовательском Институте Сравнит. Истории литератур и языков Запада и Востока имени А.Н. Веселовского.

Фонетический, зав. - Л.В. Щерба - В. О., 11 линия, 44.
Романо-Германский, зав. - Д.К. Петров - 12 линия, 31-б.
Славянский, зав. - М.Г. Долобко - Петр. Стор., Александр. пр., 1
Восточный, зав. - А.А. Ромаскевич - Съезжинская, 16.
Русский, зав. - Д.И. Абрамович - Саперный пер., 10.

Исторический Научно-Исследовательский Институт.

Исторический семинарий, зав. - проф. И.М. Гревс - Тучкова наб., 12.
Кабинет Вспомогательных Истор. Дисциплин,
зав. - проф. О.А. Добиаш-Рождественская - Университ. Наб., 7-9.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ

АМСТЕРДАМ

1. Институт Восточноевропейских исследований.
Фонд Бруно Борисовича Беккера.
2. Международный институт социальной истории.
Фонд Общества охранения русских культурных ценностей за рубежом.
Фонд Партии социалистов-революционеров.
Фонд Международной социологической ассоциации

АРХАНГЕЛЬСК

3. Архив регионального управления ФСБ по Архангельской области.
Дело: П. - 8181. («По обвинению Трапезникова В. И.»)
Дело: П. - 9547. («По обвинению Николаевского С.А.»)
4. Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области.
Ф. 1. Архангельский губком ВКПб.
Ф. 859. Партийный архив Архангельского обкома КПСС
5. Личный архив Дойкова Ю. В.
Архивные справки ЦА ФСБ РФ и других региональных управлений ФСБ; Главного информационного центра МВД РФ и других областных управлений МВД.
Воспоминания Момотовой З. С. (Архангельск, 1990).
Запись бесед с Гемп К. П. (Архангельск, 1991).
Письмо М.Н. Тагер автору (Тосно, Ленинградская обл., 1996).
Письма Малахова Г. А. автору (Канск, Красноярский край, 1992-2000 гг.).
Письма Сорокина С. П. автору (Бостон, Массачусетс, 1995).
Василенко С. В.(сообщение, 1998. Вашингтон, округ Колумбия, 1994).
Виноградов Ю. А. (Петербург, сообщение, 1999).
Записи бесед со Львовым В. Е. (Ленинград-Петербург, 1987-2000).
Записи бесед с С.К. Пироговым (Москва-Архангельск ,Петербург-Мюнхен, 1994-2005).
Запись беседы с Тхоржевским С.С (26.06.1997 г., Петербург).
Запись беседы с Кудриным М.Н. (6.12.2001. Великий Устюг).
Запись беседы с Л.В. Пипуныровой (22 декабря 2001 г. Москва).
6. Отдел «Редкая книга» Архангельской областной библиотеки имени Н.А. Добролюбова.

ВАШИНГТОН. ОКРУГ КОЛУМБИЯ. США .

7. Библиотека Конгресса.
Georgii Gustavovich Telberg. Papers.

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ, ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

8. Велико-Устюгский филиал государственного архива Вологодской области.
Ф. 749. Северо-Двинская губернская чрезвычайная комиссия
Ф. 234. Велико-Устюгская мужская гимназия.
Ф. Р-983. Батагов Н.П. Оп. 1. Д. 7(рукопись «Установление Советской власти в г. Великий Устюг и районе»).
Ф. 237. Северо-Двинской государственный университет.
Ф. Р-20. Северо-Двинской губернский лагерь принудительных трудовых работ в Великом Устюге.

ВОЛОГДА

9. Архив регионального управления ФСБ по Вологодской области.
Дело: П-8975 «По обвинению Маслова С.С. и других.»
10. Архив новейшей политической истории.
Ф. 2. Северодвинский губернский комитет РКП(б).
11. Государственный архив Вологодской области.
Ф. 108. Вологодское губернское жандармское управление.
12. Научный архив Вологодского Государственного историко-архитектурного и художественного музея заповедника.
Ф. 52. Вологодское общество изучения Северного края.

ИВАНОВО

13. Государственный архив Ивановской области.
Ф. 770. Кинешемский уездный исправник Костромской губернии.

КИЕВ

14. Институт рукописей центральной научной библиотеки национальной академии наук Украины им. В.В. Вернадского.
Ф. III (переписка) № 56800
Ф. 145. (Синайский Василий Иванович).
15. Центральный государственный архив высших органов государственной власти и органов государственного управления Украины. (ЦГАВО)
Ф. 3563 (Шаповал Никита Ефимович)
16. Центральный государственный исторический архив Украины.

Ф. 307. (Помощник начальника Харьковского губернского жандармского управления).

КОСТРОМА

17. Государственный архив Костромской области.
Ф. 133. Опись 31. Д. 875. (Алфавитный список лиц, участвующих в антиправительственной агитации и пропаганде).

МОСКВА

18. Архив Президента Российской Федерации
19. Государственный архив Российской Федерации.
Ф. 102. Департамент полиции МВД.
Ф. 130. Совет народных комиссаров.
Ф. 170. Сибирское Временное правительство. МВД,
Ф. 337. Революционный трибунал печати.
Ф. 602. Сорокин П. А.
Ф. 636. Лутохин Д. А.
Ф. 1074. Революционный трибунал при Петроградском Совете Рабочих и Красноармейских Депутатов.
Ф. 1565. (1923). Главное управление профессионального образования наркомата просвещения РСФСР.
Ф. 1811. Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное Собрание.
Ф. 2306. Наркомат просвещения.
ФР.-574. Союз русских евреев в Германии.
Ф. 5847. Чернов В. М.
Ф. Р-5868. Гучков А. И.
Ф. 5881. Коллекция отдельных материалов эмиграции. (Воспоминания Дм. Мейснера, дневники М.П. Чубинского и др.)
Ф. Р-5891. Пушкарев С. Г.
Ф. Р-6065. Постников С. П.
Р-9586. Остроухов П.А.
Именной указатель к картотеке белогвардейских фондов
20. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
Ф. 119. Кареев Н. И.
Ф. 683. Рогожин Н. П.
21. Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 5. Секретариат В. И. Ленина.
Ф. 17. Центральный комитет КПСС.
Ф. 124. Всесоюзное общество старых большевиков.
22. Российский государственный архив литературы и искусства.
Ф. 106. Витязев Петр (Седенко Ф. И.)

- Ф. 122. Горбунов - Посадов И. И.
Ф. 155. Горнфельд А.Г.
Ф. 157. Гаккенбуш - Горелов М. М.
Ф. 1345. Коллекция рукописей XVIII-XX вв. Оп. 1, д. 327. (Лутохин Д. А. Школа жизни. Мемуары).
Ф. 769. Кондратьев Н. Д.
Ф. 287. Лезин Б.А.
Ф. 306. Мстиславский С. Д.
Ф. 1337. Оп. 3, д. 40. (Постников С.П. Мои литературные воспоминания).
Ф. 1666. Редакция газеты «Речь»
Ф. 2474. Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии
Ф. 1185. Фигнер В. Н.
23. Российский государственный архив экономики.
Ф. 769. Кондратьев Н.Д.
24. Российский государственный военный архив
Ф. 31723. Революционный Военный трибунал Котласского Укрепленного района.
25. Центральный архив ФСБ.
Дело Н-1525. (О высылке П. А. Сорокина. 1922 г.)
- ### МЭДИСОН, ШТАТ ВИСКОНСИН, США
26. The State Historical Society of Wisconsin.
Edward A. Ross. Papers.
- ### САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
27. Архив Санкт-Петербургского государственного университета.
Ф. 1. Санкт-Петербургский университет.
28. Архив РНБ.
Ф. 16. Ксерокопии следственных дел репрессированных сотрудников РНБ.
29. Архив Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета.
Konecny Peter. Conflict and Community at Leningrad State University. A Thesis submitted in conformity with requirements for the degree of Doctor Philosophy Department of History. University of Toronto. 1994.
30. Государственный центральный архив историко-политических документов.
Ф. 4. Василеостровский обком КПСС
31. Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом). РАН.
Ф. 79. Иванов-Разумник (Иванов Р.В.)
Ф. 98. Дом Литераторов

- Ф. 134. Кони А.Ф.
 Ф. 185. Миролюбов В. П.
 Ф. 290. Сорокин П. А.*
 Ф. 292. Сперанский. В. Н.
 Ф. 377. Венгеров С.А.
 Ф. 439. Боцяновский В. Ф.
 Ф. 474. Сюннерберг К.А.
 Ф. 592. Лутохин Д. А.
32. Архив Института истории РАН.
 Ф. 193. Пресняков А. Е.
33. Петербургский филиал архива РАН.
 Ф. 103. Ковалевский М. М.
 Ф. 113. Лаппо-Данилевский А. С.
 Ф. 238. Научное общество марксистов.
 Ф. 259. Павлов И. П.
34. Отдел рукописей РНБ.
 Ф. 93 [Опись 69а] Боричевский И.А.
 Ф. 283. Жижиленко А.А.
 Ф. 445. Лутохин Д.А.
 Ф. 448. Люблинский П.И.
35. Российский государственный исторический архив
 Ф. 1085. Де Роберти Е.В.
36. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
 Ф. 506. Ленинградское областное отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.
 Ф. 2555. С.-Петербургское отделение главного управления научных учреждений Академического центра Наркомата просвещения РСФСР.
 Ф. 7240. Санкт-Петербургский государственный университет.
37. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
 Ф. 14. Санкт-Петербургский государственный университет
 Ф. 115. Психоневрологический институт
 Ф. 1698. Редакция газеты «Воля народа»

СЫКТЫВКАР

38. Архив управления Федеральной службы безопасности республики Коми.
 а) КП-5176. «По обвинению Керенской Ольги Львовны...»
 б) К-9692. «По обвинению Латкина Степана Осиповича...» в трех томах.
 в) КП-7289. «По обвинению Пипуныровых Василия Николаевича и Пантейлемона Николаевича...»
 г) П-2165. «По обвинению Старцева Георгия Афанасевича...»

39. Коми республиканский государственный архив общественно-политических формирований
 Ф. 18. Коми Республиканский комитет коммунистической партии РСФСР
 Ф. 520. Историко-партийная комиссия при обкоме ВКПГ(б).
40. Архив музея истории просвещения Коми края Сыктывкарского госуниверситета.
41. Национальный архив республики Коми.
 Ф. 254. Коллекция метрических книг о рождении, браке и смерти по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам Вологодской губернии и Печорскому уезду Архангельской губернии.
 Ф. Р-945. Жаков К. Ф.
 Ф. Р-2165. Комитет государственной безопасности СССР. Оп. 2. Д. 1409 («По обвинению Налимова Василия Петровича...»).

ТАРТУ

42. Отдел рукописей научной библиотеки Тартуского университета.
 Ф. 82. Тарановский В.Ф.
43. Исторический архив Эстонии.
 Ф. 1433. Жаков К.Ф.

ПЕРИОДИКА

I. Журналы

АРХАНГЕЛЬСК

1. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (Журнал жизни Северного края) — 1910-1911.
2. Позиция - 1991 .

БЕРЛИН

3. Архив русской революции. 1923.
4. Белое дело. 1927.
5. На чужой стороне. 1925.
6. Новая русская книга. 1922.
7. Революционная Россия. 1923.

ВОЛОГДА

8. Известия Вологодского общества изучения Северного края. 1917.

* В 2002 г. личному фонду П.А. Сорокина присвоен № 863. В этой книге я пользуюсь старой нумерацией.

9. Север. (Орган научного краеведения). 1924.

ЛИДС. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

10. Sbornik. №4. Winter 1978-79. Study Group on the Russian Revolution.

ЛОНДОН.

11. European Studies Review. 1976. № 6.

12. Soviet Analyst. 2002.

МОСКВА

13. Вестник права. Еженедельный журнал. Орган адвокатуры, нотариата, суда. 1914. (Редактор И.С. Уринсон.)

14. Вопросы философии. 1999.

15. Задруга. 1921.

16. Исторический архив. 1959, 1962.

17. История СССР. 1969.

18. Книга и революция. 1922.

19. Коммунистическая революция. 1922.

20. Новое время. 2002.

21. Наш современник. 1994.

22. Новый мир. 1991, 1995.

23. Печать и революция. 1922, 1924.

24. Российский литературоведческий журнал. 1996.

25. Социологические исследования. 1969, 1990, 1998.

26. Социологический журнал. 1999.

27. Юридический вестник. 1913.

НОВНИКОЛАЕВСК

28. Сибирские огни. 1922.

НЬЮ-ЙОРК

29. Время и мы. 1987.

30. Записки Русской академической группы в США. 1968, 1974, 1986.

31. Новый журнал. 1948, 1963, 1983.

32. Current History. 1924.

33. New-York Gerald Books Review. 1941.

ПАРИЖ

34. Возрождение. 1968.

35. Современные записки. 1921, 1923.

ПЕТЕРБУРГ — ПЕТРОГРАД — ЛЕНИНГРАД

36. Аврора. 1991.

37. Артельное дело. 1921.

38. Вестник Европы. 1914.

39. Вестник знания. 1911.

40. Вестник литературы. 1920, 1921.

41. Вестник психологии, криминологии, антропологии и педагогики. 1917.

42. Всеобщий журнал. 1911-1912.

43. Дела и дни. Исторический журнал. Кн. 1. 1920. ,

44. Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1915, 1916, 1917.

45. Заветы. 1913.

46. Жизнь искусства. 1920.

47. Запросы жизни. 1912.

48. Звезда. 1998.

49. Книга и революция. 1922.

50. Летопись. 1915-1917. Еженедельный литературный, научный и политический журнал.

51. Летопись Дома литераторов. 1921.

52. Наука и ее работники. 1921 -1922.

53. Народная мысль. 1915,

54. Научный исторический журнал. 1914.

55. Партийные известия. Еженедельный журнал ЦК ПСР. 1917.

56. Право. Ежемесячный юридический журнал. 1913, 1914, 1917.

57. Республиканец. Еженедельник. 1917
58. Русская литература. Историко-литературный журнал. 1989-1992.
59. Северные записки. 1914.
60. Северный гусяр. 1914-1915.
61. Социо-библиологический вестник. 1919.
62. Утренники. 1922.

ПЕТРОЗАВОДСК

63. Север. 1990, 1991.

СЫКТЫВКАР

64. Записки общества изучения Коми края. Выпуск 1. 1928.
65. Коми Му (Зырянский край). 1924, 1926.
66. Рубеж. 1992.
67. Парма. 1992.

ТВЕРЬ

68. Тверской кооператор.

ФРАНКФУРТ НА МАЙНЕ

69. Грани. 1957, 1965.
70. Посев. 1970.

ХЕЛЬСИНКИ

71. Studia Slavica Finlandensia. 1985.

II. Газеты

АРМАВИР (КУБАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

1. Отклики Кавказа. (Ежедневная, политическая, литературная и общественно-экономическая газета). 1914.

АРХАНГЕЛЬСК

2. Архангельские губернские ведомости. 1910, 1911.
3. Волна. 1992.
4. Возрождение Севера. 1918, 1919, 1920.

5. Воля Севера. 1917.
6. Известия Архангельского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917.
7. Отечество. 1919.
8. Правда Севера. 1999.
9. Северное утро. 1916, 1919.

ВАЛГА (ЭСТОНИЯ)

10. Rajalanõ. (Приграничный житель). 1920.

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

11. Волна. 1917.
12. Известия Велико-Устюгского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917.
13. Крестьянские и рабочие думы. 1918.
14. Северо-Двинской край. 1917, 1918.
15. Советская мысль. 1990.

ВОЛОГДА

16. Вологодский комсомолец. 1990.
17. Вологодский листок. 1911.
18. Красный Север. 1919.
19. Вольный голос Севера. 1917.
20. Эхо. 1913, 1914.

ВЯТКА

21. Вятская речь. 1910. (ред.-изд. Н.А. Чарушин).

ПЕТЕРБУРГ - ПЕТРОГРАД

22. Биржевые ведомости. 1916.
23. Вестник Временного правительства. Главный редактор - князь С.П. Урусов. 1917.
24. Вечернее звено. 1914-1915.
25. Воля народа. 1917-1918.
26. Газета-протест Союза русских писателей. 1917, 26 ноября.

27. Дело народа. 1917-1919.
28. День. 1914, 1915. 1916, 1917.
29. Единство. Ежедневная рабочая газета под редакцией Г. В. Плеханова. 1917.
30. Знамя труда. Орган Петроградского комитета ПСР и фракции левых социалистов-революционеров Ц.И.К. 2-го Всероссийского съезда Советов. 1917.
31. Известия Петроградского совета. 1920. Май-июнь.
32. Колокол. 1920. 21 января. Однодневная газета памяти А.И. Герцена. Под редакцией М.К. Лемке.
33. Красная газета. 1922.
34. Народ. Орган Петроградской группы с-р оборонцев. Редактор — Э. А. Серебряков. Утренний и вечерний выпуски.
35. Петроградская правда. 1920, 1922.
36. Речь. 1916.
37. Русская молва. 1913.

КРАСНОЯРСК

38. Красноярский рабочий. 1921.

МОСКВА

39. Возрождение. 1918.
40. Голос Крестьянского Союза. 1917.
41. Известия. 1992.
42. Московские новости. 1990.
43. Литературная газета. 2005.
44. Правда. 1918.
45. Российская газета. 2006.
46. Русские ведомости. 1915.

НЬЮ-ЙОРК

47. Новое русское слово. 1980.

ПРАГА

48. Воля России. 1921.

РЕВЕЛЬ

49. Последние известия. 1921.

РИГА

50. Сегодня. 1927, 1931.

СЫКТЫВКАР

51. Молодежь Севера. 1990-1991.

ХАРЬКОВ

52. Утро. 1913.

ЯРЕНСК

53. Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. Редактор Епов. 1918.

АББРЕВИАТУРЫ

АГ – Архив Горького.
АН – Академия наук
АРА – (ARA – American Relief Administration) Американская администрация помощи
АСД – Архивно-следственное дело
АО – Автономный округ
АОИРС – Архангельское общество изучения Русского Севера
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВОИСК – Вологодское общество изучения Северного края
ВРК – Военно-революционный комитет
ВСКД – Всероссийский Совет Крестьянских депутатов
ВУЗ – Высшее учебное заведение
ВФА – Вольная философская ассоциация
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГЛАВЛИТ – Главное управление по делам литературы и издательств
ГИПЛ – Государственное издательство политической литературы
ГЖУ – Губернское жандармское управление
ГПУ – Государственное политическое управление
ИМКА – (YMCA – Young Men's Cristian Association) Христианская организация молодых людей
ИРИ – Институт российской истории
ИРЛИ – Институт русской литературы. (Пушкинский Дом)
Итспарт – Комиссия по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии
КГБ – Комитет государственной безопасности
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КР – «Крестьянская Россия» партия

КУБУ – Комиссия по улучшению быта ученых
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МВД – Министерство внутренних дел
НИОР – Научно-исследовательский отдел рукописей
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НРК – «Новая русская книга» журнал
НТС – Народно-трудовой союз
НЭП – Новая экономическая политика
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОСВАГ – Осведомительное агентство
ОЦЕКСОВ – Объединенный центральный исполнительный комитет Советов (в Великом Устюге)
ПСР – Партия социалистов-революционеров
ПФА РАН – петербургский филиал архива РАН
РАГ – Русская академическая группа (в США)
РАН – Российская академия наук
РГМСК – Русская группа международного союза криминалистов
РГИА – Российский государственный архив (Санкт-Петербург)
РНБ – Российская национальная библиотека
РСО – Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского (1916-1921).
РУ ФСБ – Региональное управление федеральной службы безопасности
СВР – «Союз возрождения России» (нелегальная организация)
СКД – Совет крестьянских депутатов
СМ – Совет министров
СМЕРШ – («Смерть шпионам») – советская контрразведка
СНК – Совет народных комиссаров
ТКП – «Трудовая крестьянская партия»
УИК – Уездный исполнительный комитет

УПСР – Украинская партия социалистов-революционеров
ФОН – Факультет общественных наук
ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦГАВО – Центральный государственный архив высших органов государственной власти и органов государственного управления Украины (Киев).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. «Если найдется жив человек» (1889-1916)	16
Глава 2. Гибель России (1917-1918)	137
Глава 3. «Не прекращал своей антисоветской деятельности» (1919-1922)	231
Примечания	352
Приложение	
1. Архивные материалы Питирима Сорокина	400
2. Книги из библиотеки Питирима Сорокина	405
3. Даты жизни Питирима Сорокина	407
4. Адреса профессоров факультета общественных наук Петроградского университета	413
Библиография (Архивы. Периодика)	417
Аббревиатуры	429